ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА
под общей редакцией Д. РЯЗАНОВА

К. Маркс и Ф. Энгельс

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ

С ВВЕДЕНИЕМ И ПРИМЕЧАНИЯМИ
Д. РЯЗАНОВА

ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

A126
K63

Главлит № 95003 И—1/Гиз № 22051 Тираж 15.000 экз.

Типография Госиздата „Красный пролетарий". Пименовская ул., д. 1/16.

Карл Маркс.

Фридрих Энгельс.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

На русском языке существует несколько переводов Манифеста — Бакунина, Плеханова, Поссе, Орловского и др. Лучшим из них является плехановский. Использовав вышедший еще в 1870 г. перевод Бакунина, основоположник русского марксизма исправил его неточности в области терминологии и в значительной степени освежил несколько старомодный стиль гегельянца сороковых годов. Все же и в перевод Плеханова, несмотря на все его крупные достоинства, вкралось не мало досадных пропусков и вольностей.

Поэтому, отказываясь от нового перевода Манифеста, мы в основу нашего издания положили перевод Плеханова, но подвергли его тщательному пересмотру, стараясь, по возможности, не нарушать требований литературности и в то же время дать вполне точный и полный перевод.

В начале 1923 г. истекает 75 лет со времени опубликования „Коммунистического манифеста". Несмотря на это, он почти нисколько не устарел во всех своих основных построениях. Но, как и всякий исторический документ, он носит отпечаток своего времени и поэтому может быть понят только в связи с той исторической эпохой, которая породила его. Целый ряд указанных в нем явлений отошли в область истории. В то же время он нуждается в многочисленных фактических дополнениях. Вот почему так настоятельно чувствуется нужда в подробном комментарии к Манифесту.

Такой комментарий должен удовлетворять следующим условиям. Во-первых, он должен дать историю того социально-революционного движения, которое вызвало к жизни Манифест, как программу первой международной коммунистической организации; во-вторых, он должен проследить генезис,

происхождение, всех основных идей Манифеста и определить таким образом его место в истории человеческой мысли, указав все действительно новое, что дано в нем Марксом и Энгельсом по сравнению с их предшественниками; в-третьих, он должен показать, в какой степени Манифест выдержал критику истории, в каких частях своих он нуждается в исправлениях и дополнениях.

В литературе существуют попытки удовлетворить эту потребность. Таков комментарий, принадлежащий итальянскому марксисту, покойному Антонио Лабриола: он дает введение в изучение Манифеста, но, в силу своей сжатости и отвлеченности, он местами труднее для понимания, чем самый Манифест. Имеется также комментарий, принадлежащий буржуазному социалисту, проф. Андлеру, поверхностный и местами совершенно плоский. Он издан в русском переводе и может пригодиться учителям наших партийных школ.

Товарищам, которые пожелают лучше усвоить Манифест, мы рекомендуем прочитать следующие брошюры Энгельса и Маркса:

1) Энгельс, „Принципы коммунизма". Это написанный одним из авторов Манифеста первоначальный его проект в форме вопросника. Изложение очень популярное.

2) Маркс, „Наемный труд и капитал". С предисловием Энгельса.

3) Энгельс, „Развитие социализма от утопии к науке". Написанная в конце семидесятых годов, она излагает уже результаты, добытые, главным образом, теоретической мыслью Маркса в течение тридцати лет, прошедших со времени опубликования Манифеста.

В приложении товарищи найдут ряд примечаний и краткий хронологический перечень главных событий в области истории социализма и социального движения до революции 1848 года. Надеемся, что они облегчат понимание Манифеста и пригодятся тем товарищам, которым приходится заниматься пропагандой и преподаванием в наших партшколах.

Д. Рязанов.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Во избежание недоразумений считаю необходимым подчеркнуть, что я пока даю не комментарий, задачи которого я выше формулировал, а только несколько примечаний. Семинарий по „Коммунистическому манифесту", который я вел в Свердловском университете в 1919—1920 г. и на Курсах по марксизму при Социалистической академии в 1921—1922 г., показал мне, что без целого ряда разъяснений и экскурсов в область истории социализма и рабочего движения ученики наших партшкол, даже хорошо подготовленные, не могут усвоить себе как следует богатое содержание Манифеста. Но одно дело — в живом общении с слушателями и учениками комментировать данное произведение теоретической мысли, и другое дело — фиксировать этот комментарий на бумаге. Последнее требует большой предварительной работы, очень кропотливой, без которой многие положения останутся недостаточно обоснованными или спорными, в особенности там, где традиционное толкование нуждается в тщательном пересмотре.

Научный коммунизм в том виде, в котором он впервые изложен в „Коммунистическом манифесте", не может быть понят, если не знать его исторических предпосылок — истории социалистической мысли и развития пролетарской классовой борьбы со времени Великой французской революции. Только основанная на изучении источников история рабочего движения и социализма в первой половине XIX столетия даст возможность точно установить то н о в о е, что авторы Манифеста внесли в эту историю, определить продукт их самостоятельной теоретической мысли. Ведь этот Манифест, давший программу всему м е ж д у н а р о д н о м у рабочему движению, сам является м е ж д у н а р о д н е й ш и м произведением в истории социализма. Писаный, правда, н е м ц а м и, он остается загадкой, если мы забываем, что авторы его были немцами, усвоившими и переработавшими все результаты а н г л и й с к о й и ф р а н ц у з с к о й истории, что Маркс и Энгельс еще с бóльшим правом, чем Лассаль, могли сказать о себе, что каждая написанная ими строка писана ими во всеоружии знания их эпохи, что Манифест не только этап

в истории социалистической мысли, но и этап в истории человеческой мысли и исходный пункт новой эры в истории человеческой культуры. И комментарий к Манифесту, который дал бы его историю и проследил бы генезис всех развитых в нем идей, представляет собой еще дело будущего, требующее целого ряда подготовительных работ.

Вот почему, получив предложение написать комментарий к Манифесту, я отказался и решил ограничиться только необходимыми примечаниями.

Второе издание отличается от первого следующими изменениями и дополнениями. Примечания, по совету и при помощи тов. С. Васильченко, снабжены заголовками, которые отчасти могут заменить предметный указатель. В качестве исторического введения дан теперь очерк истории Союза коммунистов, как она обычно излагается со слов Ф. Энгельса и как она представляется мне на основании моих собственных исследований [1]).

Историческим введением может служить и блестящая статья Ф. Энгельса, найденная мною в 1911 г. Напечатанная впервые 23 января 1848 года в „Немецко-Брюссельской Газете", т. е. как раз тогда, когда Маркс еще подвергал последней обработке Манифест, она в одно и то же время дает прекрасный очерк всех европейских революционных движений в 1847 году, т. е. накануне февральской и мартовской революции, и яркую иллюстрацию к четвертой главе Манифеста. В приложениях читатель найдет „Принципы коммунизма", первоначальный набросок Манифеста, сделанный Ф. Энгельсом. Вместе с его вышеназванной статьей он дает возможность определить степень участия Энгельса в окончательной редакции Манифеста.

Кроме того, мы даем еще два новых приложения. Во-первых, перевод „Коммунистического Журнала", вышедшего за несколько месяцев до Манифеста, и, во-вторых, „Устава Союза коммунистов". Впервые появляются также на русском языке предисловия Энгельса к польскому и итальянскому изданиям Манифеста.

---

[1]) Детальная критика взглядов Энгельса и др. (Меринга, Грюнберга Майера) на историю Союза коммунистов будет дана мною в особой работе.

Мы надеемся, что эти приложения, вместе с примечаниями восполнят хотя бы до некоторой степени потребность в ком ментарии к Манифесту и дадут новый материал для семинарских кружковых занятий в наших партшколах и коммунистических университетах.

Д. Рязанов.

Ноябрь 1922 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТОМУ ИЗДАНИЮ.

Новое издание выходит к восьмидесятилетию „Коммунистического манифеста". К сожалению, ряд других неотложных работ все еще лишает меня возможности не только превратить примечания в подробный комментарий, но и дополнить их или переделать.

Увеличено только число приложений. Согласно желанию товарищей, руководящих работой агитации и пропаганды, мы в пятом приложении перепечатываем два циркуляра, с которыми Центральный комитет обратился к местным организациям в марте и июне 1850 г., а в шестом—найденный мною проект соглашения между коммунистами и бланкистами, написанный в том же году. Эти документы дают крайне важные материалы по вопросу о перманентной революции и диктатуре пролетариата.

Более популярный комментарий к „Коммунистическому манифесту" дан мною в другой книжке, которая составляет первый выпуск издаваемой мною „Библиотеки марксиста".

Д. Рязанов.

Февраль 1928 г.

СОЮЗ КОММУНИСТОВ.

1847—1852.

Союз коммунистов, эта первая международная организация пролетариев с коммунистической программой, был основан при деятельном участии Маркса и Энгельса в 1847 году. Ему предшествовал ряд попыток немецких революционеров создать, при содействии англичан и французов, международную революционную организацию. Очерк истории немецкого революционного движения, приведшего к организации Союза коммунистов, был написан Энгельсом в 1885 году, почти сорок лет спустя после основания Союза. Так как это введение к брошюре Маркса о Кельнском процессе коммунистов до последнего времени являлось главным источником не только для Меринга, но и всех других авторов, писавших о Союзе коммунистов, то мы предоставляем слово самому Энгельсу:

„Из основанного в 1834 году германскими эмигрантами в Париже демократически-республиканского тайного „Союза гонимых" в 1836 году выделились самые крайние, главным образом пролетарские элементы и образовали новый тайный союз — „Союз справедливых". Материнский союз, в котором остались только наиболее сонные элементы вроде Якова Венедея, скоро совсем заснул: в 1840 году, когда полиция выследила несколько его секций в Германии, он влачил призрачное существование. Напротив, новый союз развивался сравнительно быстро. Первоначально он был германским отпрыском сложившегося к тому времени в Париже французского рабочего коммунизма, — течения, примыкавшего к бабувистским традициям: общность имуществ требовалась как необходимое следствие идеи „равенства". „Союз спра-

ведливых" преследовал те же цели, что и современные ему парижские тайные общества — наполовину пропагандистские, наполовину заговорщические; при этом, однако, всегда Париж считался центром революционного действия, хотя вместе с этим не исключалась подготовка, при удобном случае, революционных вспышек в Германии. Но так как Париж оставался ареной решающих битв, то Союз фактически был тогда лишь германской ветвью французских тайных обществ, именно руководимого Бланки и Барбесом „Société des Saisons" (Общество времен года), с которым он состоял в тесной связи. Французы выступили 12 мая 1839 г.; за ними последовали и секции Союза, которые вместе с ними потерпели общее поражение.

„Из немцев были арестованы Карл Шаппер и Генрих Бауэр. Правительство Луи-Филиппа удовлетворилось их высылкой после долгого тюремного заключения. Оба они отправились в Лондон. Будучи в 1832 году студентом-лесником в Гессене и участником заговора, организованного Георгом Бюхнером, Шаппер, происходивший из Вейльбурга в Нассау, 3 апреля 1833 года принял участие в нападении на франкфуртскую полицейскую стражу, бежал за границу и в феврале 1834 года принял участие в походе Мадзини в Савойю. Богатырь по сложению, решительный и энергичный, всегда готовый рисковать благами мирского существования и самою жизнью, он был великолепным образцом профессионального революционера, который так характерен для тридцатых годов. Как показывает его развитие из „демагога" в „коммуниста", ему, при известной тяжеловесности мысли, отнюдь не было недоступно теоретическое понимание; признав что-нибудь, он тем крепче на этом стоял. Именно поэтому его революционный пыл иногда шел вразрез с его разумом, но после он всегда замечал свои ошибки и открыто в них признавался. Он был цельным человеком, и то, что он сделал для германского рабочего движения, никогда не будет забыто.

„Генрих Бауэр из Франкена был сапожником; это был живой, бойкий и остроумный маленький человечек, в маленьком существе которого таилось много хитрости и решимости.

„Прибыв в Лондон, где Шаппер, работавший в Париже наборщиком, добывал средства к существованию в качестве

учителя языков, они оба снова связали оборвавшиеся нити Союза и сделали Лондон его центром. Здесь, а может быть еще раньше в Париже, к ним присоединился Иосиф Молль, часовщик из Кельна; это был геркулес среднего роста; — сколько раз они вдвоем с Шаппером победоносно отстаивали двери залы против сотни вламывавшихся противников! — человек, который, по энергии и решительности, во всяком случае не отставал от обоих своих товарищей, но по уму превосходил их обоих. Дело не только в том, что он был прирожденный дипломат, что доказывается результатами его многочисленных поездок в качестве делегата: он был более, чем они, способен к теоретическому развитию. Со всеми тремя я познакомился в Лондоне в 1843 году. Это были первые революционные пролетарии, которых я видел. И как бы ни расходились в частности наши тогдашние революционные взгляды, — я в то время их ограниченному „коммунизму равенства“ *) противопоставлял не малую толику столь же ограниченного философского высокомерия,— я все же никогда не забуду импонирующего впечатления, которое произвели на меня эти три настоящих человека, тогда как я только еще хотел сделаться человеком.

„В Лондоне и в менее значительной мере в Швейцарии свобода союзов и собраний пошла им впрок. Уже 7 февраля 1840 года было основано существующее еще до настоящего времени открытое просветительное общество немецких рабочих. Это общество служило Союзу местом вербовки новых членов, и так как коммунисты были, как всегда, наиболее деятельными и интеллигентными членами общества, то вполне понятно, что направление его работы всецело находилось в руках Союза. Скоро у Союза было в Лондоне уже несколько общин, или „лож“, как тогда их называли. Эта же тактика, диктовавшаяся условиями, применялась в Швейцарии и других местах. Где только можно было основывать рабочие общества, они использовались аналогичным образом. Там, где это воспрещалось законами, члены Союза шли в певческие, гимнастические и тому подобные

---

*) Под „коммунизмом равенства“ я понимаю, как уже сказано выше, коммунизм, который опирается исключительно или по преимуществу на требования равенства.

общества. Связи поддерживались по большей части постоянно приезжавшими и уезжавшими членами Союза, которые выступали также в качестве эмиссаров там, где это требовалось. В этом направлении Союзу оказывала живую помощь мудрость правительств, которые всякого неугодного им рабочего, — а среди таких девять из десяти были членами Союза, — посредством высылки превращали в эмиссара.

„Распространение восстановленного Союза было значительно. Вейтлинг, Август Беккер (голова в высшей степени замечательная, но, подобно многим другим немцам, он после опустился благодаря внутренней неустойчивости) и другие создали в Швейцарии сильную организацию, более или менее тянувшую к вейтлинговскому коммунизму. Здесь не место критиковать коммунизм Вейтлинга, но, что касается значения, которое он имел в качестве первого самостоятельного теоретического движения германского пролетариата, я еще теперь подписываюсь под следующими словами Маркса, напечатанными в парижском „Вперед“ в 1844 году: „Где могла бы (германская) буржуазия, включая сюда ее философов и литераторов, указать относительно эмансипации буржуазии — политической эмансипации — работу, которая была бы подобна вейтлинговским „Гарантиям гармонии и свободы“? Если сравнить сухую и трусливую посредственность германской политической литературы с этим беспримерным и блестящим дебютом германских рабочих, если сравнить эти гигантские детские башмаки пролетариата с карликовым размером стоптанных политических башмаков буржуазии, то замарашке придется предсказать в будущем фигуру атлета“. Эта фигура атлета в настоящее время стоит перед нами, хотя он далеко еще не вырос.

„Много секций было и в Германии. Эти секции носили, естественно, преходящий характер, но возникавшие, по количеству, далеко превосходили погибавшие. Полиция лишь через семь лет, в конце 1846 года, открыла в Берлине (Ментель) и в Магдебурге (Бекк) следы Союза, но ей не удалось проследить их дальше.

„Прежде чем отправиться в Швейцарию, Вейтлинг, который в 1840 году жил еще в Париже, собрал разбросанные здесь элементы.

„Ядром Союза были портные. Немецкие портные были повсюду: в Швейцарии, в Лондоне, в Париже. В последнем городе немецкий язык в такой мере был господствующим языком в портняжном промысле, что я знал там в 1846 году норвежского портного, который, приехав во Францию морем прямо из Дронтгейма, в продолжение 18 месяцев не усвоил почти ни одного французского слова, но превосходно изучил немецкий. Из парижских общин 1847 года две состояли главным образом из портных и одна из столяров-мебельщиков.

„С тех пор, как центр тяжести был перенесен из Парижа в Лондон, на передний план выступил новый момент: Союз из немецкого постепенно стал интернациональным. В рабочее общество, кроме немцев и швейцарцев, входили и члены из тех национальностей, которым немецкий язык служил средством взаимного общения. Это были скандинавы, голландцы, венгры, чехи, южные славяне, а также русские и эльзасцы. В 1847 году постоянным гостем был, между прочим, один английский гвардейский гренадер в форме. Общество скоро стало называться „Коммунистическим рабочим просветительным обществом", и на членских карточках было написано — хотя, правда, не без ошибок — по меньшей мере на двадцати языках: „все люди — братья".

„Как открытое общество, так и тайный союз скоро стали принимать все более интернациональный характер, впрочем, пока в ограниченном смысле этого слова; практически они становились интернациональными благодаря различию национальностей его членов, теоретически — благодаря взгляду что победоносной может быть только общеевропейская революция. Дальше этого еще не шли, но основа была заложена.

„При посредстве лондонских эмигрантов, участников борьбы 12 мая 1839 года, общество поддерживало тесную связь с французскими революционерами. Подобным же образом оно сносилось с более радикальными поляками. Официальная польская эмиграция, как и Мадзини, были, конечно, скорее противниками, чем друзьями Союза. Английские чартисты были, благодаря специфически английскому нереволюционному характеру их движения, оставлены в стороне. Лондонские руководители Союза вступили с ними в связь лишь впоследствии через меня.

„Характер Союза вообще изменялся с ходом событий. Хотя на Париж все еще смотрели — и в то время с полным правом — как на метрополию революций, тем не менее Союз вышел из зависимости от парижских заговорщиков. Распространение Союза возвышало его самосознание. Чувствовалось, что движение все больше пускает корни в рабочем классе Германии и что германские рабочие призваны историей понести знамя перед рабочими Севера и Востока Европы. В лице Вейтлинга имели теоретика коммунизма, которого можно было смело поставить рядом с его тогдашними французскими конкурентами. Наконец, опыт 12 мая показал, что из бунтарских попыток пока ничего не выйдет. И если всякое событие продолжало еще истолковываться, как предзнаменование наступающей бури, если старые полузаговорщические статуты соблюдались еще в полной мере, то причина лежала главным образом в старом революционном задоре, который начал уже вступать в коллизию с пробивавшими себе дорогу более правильными воззрениями.

„Социальная доктрина Союза, при всей своей неопределенности, отличалась одним крупным недостатком, который, однако, вытекал из самых условий. Члены Союза, поскольку они вообще были рабочими, собственно были почти исключительно ремесленниками. Люди, которые их эксплоатировали, сами были не более, как маленькие мастерки в больших городах мира. Эксплоатация портняжничества в крупном масштабе, так называемая конфекционная промышленность, возникающая путем превращения портняжного ремесла в домашнюю промышленность, которая работает за счет крупного капиталиста, была тогда в зародышевом состоянии даже в Лондоне. С одной стороны, эксплоататором этих ремесленников был мастерок, с другой стороны, они сами надеялись, в конце концов, стать мастерками. К тому же тогдашний немецкий ремесленник был еще опутан массой унаследованных цеховых представлений. Эти ремесленники сами еще не были настоящими пролетариями; они все еще представляли лишь переходную ступень к современному пролетариату, придаток мелкой буржуазии, который пока не стоял в прямом противоречии с буржуазией, т. е. с крупным капиталом. И величайшую честь им делает то обстоятельство, что они оказались в состоянии инстинктивно предвосхитить свое буду-

щее развитие и, хотя не вполне сознательно, все же конституироваться в качестве партии пролетариата. Но неизбежно было, что их старые ремесленные предрассудки подставляли им ногу каждый раз, когда дело шло о детальной критике существующего общества, т. е. об анализе экономических фактов. Я не думаю, чтобы в Союзе был тогда хоть один человек, который прочитал бы какую-нибудь книгу по политической экономии. Но это ничего не значило: „равенство", „братство", и „справедливость" помогали брать всякие теоретические препятствия.

„Между тем рядом с коммунизмом Союза и Вейтлинга создавался новый коммунизм, существенно отличный от первого. Живя в Манчестере, я воочию убедился, что экономические факты, которые совсем не играли роли или играли жалкую роль в исторических сочинениях, выходивших до того времени, представляют, по крайней мере для современного мира, решающую историческую силу; что экономические факты образуют основу, на которой возникают современные классовые противоположности, что эти классовые противоположности во всех странах, где они, благодаря крупной промышленности, развились в полной мере, следовательно, в особенности в Англии, являются в свою очередь основой для формирования политических партий, для партийной борьбы, а потому для всей политической истории. Маркс не только пришел к тому же воззрению, но уже в „Немецко-Французских Летописях" (1844 г.) обобщил его в том смысле, что вообще не государством обусловливается и определяется гражданское общество, а гражданским обществом обусловливается и регулируется государство, что, следовательно, политику и ее историю следует объяснять из экономических отношений и их развития, а не наоборот. Когда я, летом 1844 года, посетил Маркса в Париже, выяснилось наше полное согласие во всех теоретических областях. С того времени началась совместная работа. Когда мы весной 1845 года снова встретились в Брюсселе, Маркс, исходя из вышеуказанных основных положений, уже развил в главных чертах свою материалистическую теорию истории, и мы принялись за детальную разработку этого вновь открытого метода исследования в самых разнообразных направлениях.

„Но это, вызвавшее переворот в исторической науке открытие, которое, как мы видим, в существенном было делом Маркса и в котором я могу приписать себе лишь очень малую часть, представляло непосредственную важность для рабочего движения того времени. Коммунизм французов и немцев, чартизм англичан уже не являлись какой-то случайностью, которой вовсе могло и не быть. Эти движения представлялись теперь движением современного угнетенного класса, пролетариата, более или менее развитыми формами его исторически неизбежной борьбы против господствующего класса, буржуазии, — формами классовой борьбы, отличающимися, однако, от всякой прежней классовой борьбы тем, что современный угнетенный класс, пролетариат, не может добиться своего освобождения без одновременного освобождения всего общества от деления на классы и, следовательно, от классовой борьбы. Коммунизм отныне означал уже не фантастическое измышление возможно более совершенного общественного идеала, а уразумение природы, условий и вытекающих из них целей пролетарской борьбы.

„Мы вовсе не собирались сделать новые научные результаты достоянием исключительно „ученого" мира, изложивши их в толстых книгах. Напротив, мы глубоко ушли в политическое движение; мы обладали уже известным количеством последователей в образованном мире, особенно в западной Германии, и имели достаточное соприкосновение с организованным пролетариатом. Мы были обязаны научно обосновать свои взгляды, но не менее важно было для нас привлечь на сторону наших воззрений европейский и прежде всего германский пролетариат. Едва только мы столковались сами, мы приступили к работе. В Брюсселе мы основали германское рабочее общество и завладели „Немецкой Брюссельской Газетой", которая оставалась нашим органом до февральской революции. С революционной частью английских чартистов мы поддерживали сношения через Юлиана Гарни, редактора центрального органа этого движения, „Северной Звезды", сотрудником которого состоял и я. Мы находились также в своего рода коалиции с брюссельскими демократами (Маркс был вице-председателем „Демократического общества") и французскими социал-демократами из „Реформы", которой я посылал сообщения об английском

и германском движении. Коротко говоря, наши связи с радикальными организациями и органами печати вполне соответствовали нашим желаниям.

„С „Союзом справедливых" мы находились в таких отношениях. О существовании Союза мы были, понятно, осведомлены; в 1843 году Шаппер предложил мне вступить в Союз, но тогда я, само собой разумеется, отказался. Мы, однако, не только поддерживали постоянную переписку с лондонцами, но и находились в еще более тесных сношениях с д-ром Эвербеком, тогдашним руководителем парижских общин. Не входя ближайшим образом во внутренние дела Союза, мы все же узнавали о всех важных происшествиях. С другой стороны, мы устно, письменно и при посредстве печати воздействовали на теоретические воззрения наиболее влиятельных членов союза. Той же цели служили разные литографированные циркуляры, которые мы в особых случаях, когда речь шла о внутренних делах создававшейся коммунистической партии, рассылали своим друзьям и корреспондентам. В этих циркулярах затрагивался иногда и самый Союз. Так, напр., один молодой вестфальский студент Герман Криге, отправившись в Америку и выступая там в качестве союзного эмиссара, вошел в тесное соглашение с сумасшедшим Гарро Гаррингом и поставил себе целью, при посредстве Союза, вызвать переворот в Южной Америке: он основал газету, в которой от имени Союза проповедывал основанный на любви, истекающий любовью, экзальтированный коммунизм, преисполненный любвеобилия. Против него мы выступили в одном циркуляре, который не преминул оказать свое действие. Криге исчез со сцены Союза.

„Впоследствии Вейтлинг переселился в Брюссель. Но это был уже не тот наивный, молодой подмастерье-портной, который, изумленный своими собственными дарованиями, старался ясно представить себе, какой вид будет иметь коммунистическое общество. Это был преследуемый завистниками за превосходство его сил великий человек, которому всюду грезились соперники, тайные враги и козни; гонимый из страны в страну пророк, он носил в кармане готовый рецепт осуществления царства небесного на земле и воображал, что каждый только и делает, что старается выкрасть у него этот рецепт. Вейтлинг уже в Лондоне перессорился

с членами Союза и даже в Брюсселе, где Маркс и его жена с сверхчеловеческим терпением в особенности шли ему навстречу, он ни с кем не мог ладить. Поэтому он вскоре отправился в Америку, чтобы там попытаться выступить в роли пророка.

„Все эти обстоятельства способствовали тому перевороту, который незаметно совершался в Союзе и особенно среди лондонских руководителей. Несостоятельность существовавших до того времени коммунистических воззрений, как французского незамысловатого „коммунизма равенства", так и вейтлинговского, становилась им все более и более ясной. Начатое Вейтлингом выведение коммунизма из первоначального христианства, как бы гениальны ни были отдельные детали в „Евангелии бедного грешника", привело в Швейцарии к тому, что движение большей частью попадало в руки таких дураков, как Альбрехт, а затем в руки сумасбродных эксплоататоров-пророков, как Кульман. Исповедуемый несколькими беллетристами „истинный социализм"—он представлял перевод французских социалистических устремлений на испорченный гегельянско-немецкий язык и истекающий любовью сентиментализм (см. отдел о немецком или истинном социализме в „Коммунистическом манифесте"), — этот социализм, который был введен в Союз Германом Криге и питался чтением соответствующих сочинений, должен был уже по своему слюнявому бессилию вызвать отвращение в старых революционерах Союза. Ввиду несостоятельности теоретических представлений, ввиду вытекавших из них практических блужданий, в Лондоне все более убеждались в правильности нашей, Маркса и моей, новой теории. Распространению этого взгляда несомненно содействовало то обстоятельство, что среди лондонских вождей нашлись два человека, которые по своим способностям к теоретическому познанию значительно превосходили названных выше вождей; это были живописец-миниатюрист Карл Пфендер из Гейльбронна и портной Георг Эккариус из Тюрингена" *).

*) Пфендер приблизительно 8 лет тому назад умер в Лондоне. Это был человек с тонким оригинальным умом, остроумный ироник-диалектик. Эккариус впоследствии был, как известно, много лет главным секретарем Интернационала, в генеральном совете которого состояли, между прочим, следующие старые члены Союза коммунистов: Экка-

„Коротко говоря, весной 1847 года Молль явился в Брюссель к Марксу и сейчас же после этого ко мне в Париж, чтобы от имени своих товарищей пригласить нас вступить в Союз. Он заявил, что они убеждены как в общей правильности наших воззрений, так и в необходимости освободить Союз от старых конспиративных традиций и форм. Если бы мы пожелали вступить в Союз, они обещали дать нам возможность изложить на съезде Союза наш критический коммунизм в форме манифеста, который после этого будет опубликован, как Манифест Союза; они заявили также, что мы сумеем посодействовать тому, чтобы заменить устарелую организацию Союза новой организацией, более целесообразной и соответствующей условиям времени.

„Что для германского рабочего класса организация была необходима уже ради пропаганды и что эта организация, поскольку она имеет не исключительно местный характер, может быть даже вне Германии только тайной организацией, на этот счет у нас не было сомнений. Но такая организация уже существовала как раз в виде Союза. То, в чем мы видели недостатки Союза, теперь признали недостатком и представители Союза; мы сами были приглашены содействовать его реорганизации. Могли ли мы ответить отказом? Разумеется, нет. Итак, мы вступили в Союз. Маркс организовал в Брюсселе общину Союза из наших ближайших друзей, в то время как я посещал три парижских общины.

„Летом 1847 года в Лондоне состоялся первый съезд Союза, на котором В. Вольф представлял брюссельские, а я парижские общины. Здесь была прежде всего проведена реорганизация Союза. Все, что оставалось от его мистического имени из конспиративной эпохи, было уничтожено; Союз организовался в общины, в округи, в руководящие коллективы, в центральный комитет и в съезд и с этого времени стал называться Союзом коммунистов. „Целью Союза является свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества без классов и частной собственности", — так гласит первый параграф.

риус, Пфендер, Лесснер, Лохнер, Маркс и я. Позже Эккариус посвятил себя исключительно английскому профессиональному движению.

Сама организация была безусловно демократична, с выборными и в любое время сменяемыми комитетами; уже одно это закрывало путь ко всяким соблазнам конспирации, к требованиям диктатуры, и Союз превратился—по крайней мере для обыкновенного мирного времени — в чисто пропагандистское общество. Новые статуты были переданы — с таким демократизмом теперь действовали — на обсуждение общинам, после этого они еще раз были рассмотрены и окончательно приняты вторым съездом 8 декабря 1847 года. Статуты воспроизведены у Вермута и Штибера, I, стр. 239, прил. VIII.

„Второй съезд состоялся в конце ноября и в начале декабря того же года. На конгрессе присутствовал и Маркс, который в продолжительных дебатах — конгресс продолжался по меньшей мере десять дней — защищал новую теорию. Всякие разногласия и сомнения были, наконец, устранены, и новые основные положения приняты единогласно. Марксу и мне было поручено выработать Манифест. Поручение это было исполнено в ближайшее время, и Манифест, за несколько недель до февральской революции, был отослан в Лондон для печати. С того времени он обошел весь мир, был переведен почти на все языки и до сих пор продолжает служить руководящей нитью пролетарского движения самых разнообразных стран. Место старого девиза Союза: „Все люди — братья“ занял новый лозунг: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“, который открыто возвестил международный характер борьбы. Через семнадцать лет этот лозунг, как боевой клич Международного товарищества рабочих, прогремел по всему миру, и в настоящее время борющийся пролетариат всех стран написал его на своем знамени“.

Новые данные и документы, бывшие в распоряжении других исследователей (Меринга, Майера, Грюнберга), внесли некоторые новые штрихи в картину, нарисованную Энгельсом, но в главных чертах этот очерк принимается, как вполне точное изображение того, что было.

А между тем уже лет десять назад детальный критический анализ этого введения и сопоставление воспоминаний Энгельса с более ранними данными, приведенными Марксом в его книге „Господин Фохт“, привели нас к заключению, что вся история Союза коммунистов до 1848 года, как она

повторяется со слов Энгельса, представляет скорее дидактический рассказ, написанный в поучение немецким социал-демократам, которые попали в восьмидесятых годах в положение, сходное с положением немецких коммунистов в 1846—1848 годах, т.-е. вынуждены были уйти в подполье. Под влиянием той же дидактической тенденции Энгельс совершенно неверно изображает позицию, которую занимали тогда он и Маркс *).

Если верить Энгельсу, то он и Маркс, чуть не до 1847 г., стояли совершенно в стороне от рабочего движения и играли по отношению к „Союзу справедливых" роль каких-то „посторонних зрителей", пока, наконец, лидеры этого Союза, убедившись в превосходстве взглядов Маркса и Энгельса, не обратились к ним с предложением вступить в Союз и внести теоретическую ясность и стройность туда, где прежде царили путаница и эклектизм.

В действительности, Маркс и Энгельс очень рано выступили в качестве „практиков", но до 1846 года их деятельность проходила главным образом в среде „буржуазной интеллигенции". Самостоятельная организационная работа в среде рабочего класса была им еще почти совершенно чужда, и они ограничивались только знакомством с наиболее выдающимися одиночками из рабочей интеллигенции.

Так же неверно изображается в рассказе Энгельса история „Союза справедливых". Если верить ему, то после краха восстания 12 мая 1839 года в Париже, вместе с переселением Шаппера и его товарищей в Лондон, центральная организация „Союза справедливых" была перенесена в Лондон. В действительности же после 1840 года мы не находим никаких следов существования этой организации: никаких заявлений, никаких прокламаций, которые были бы выпущены от имени „Союза справедливых". Верно только то, что бывшие члены Союза, разъехавшиеся из Парижа, продолжали как в Англии, так и в Швейцарии свою революционную пропаганду.

Основанное Шаппером и его друзьями общество самообразования для рабочих послужило прикрытием „Союза спра-

*) Выводы, к которым я пришел, изложены были мною в ряде статей, напечатанных в „Современном Мире" за 1914 г. и посвященных переписке Маркса и Энгельса.

ведливых", но скоро стало центром, привлекавшим разных иностранцев, для которых немецкий язык был более доступен, чем английский. В августе 1844 г. в Лондон приехал, после долгих мытарств по швейцарским и прусским тюрьмам и этапам, Вильгельм Вейтлинг. В честь его было устроено торжество, в организации которого, вместе с оуэнистами и чартистами, деятельное участие принял Шаппер, выступивший от имени немцев. Это было первое большое международное собрание в Лондоне. Вскоре за этим, уже в октябре 1844 г., по инициативе Шаппера было организовано Интернациональное общество под названием „Демократические друзья всех народов" (Democratic Friends of all Nations), ставившее себе целью сближение между революционерами всех национальностей, укрепление братства между различными народами и завоевание политических и социальных прав.

Летом 1845 года Маркс и Энгельс совершили вдвоем поездку в Англию, где они пробыли—главным образом в Манчестере—шесть недель. Маркс собирал материалы для своей истории экономических и политических учений, Энгельс—для истории социального движения в Англии. Весьма вероятно, что именно во время этой поездки Маркс и Энгельс,—который уже и прежде, в 1842—1844 гг., имел случай встречаться с немецкими и английскими революционерами,—завязали более тесные сношения не только с бывшими членами „Союза справедливых" и руководителями немецкого общества самообразования, Шаппером и его товарищами, но и с теми чартистами, которые, как Гарни,—тогда уже один из редакторов центрального органа чартистов „Северной Звезды",—и Джонс, склонялись к коммунизму. К этому же времени относится, должно быть, и знакомство с Вейтлингом, который жил тогда в Лондоне и принимал деятельное участие в дискуссиях, устраиваемых в лондонском рабочем клубе.

Годы 1845—1846 были временем горячих дебатов, повод к которым, между прочим, давали и многочисленные сборники, издававшиеся представителями различных течений немецкого социализма и коммунизма. Из писем Энгельса к Марксу мы знаем, как в разных городах возникали коммунистические группы. Между ними не было, однако, никаких регулярных сношений, как и не было никакого общего

органа. Не в лучшем положении находились и коммунистические одиночки или кружки из среды „буржуазной интеллигенции", рассеянные в Германии (главным образом в Вестфалии, Рейнской провинции, Силезии и Берлине). Правда, эти „литераторы", „интеллигенты", в противоположность рабочим, имели в своем распоряжении ряд литературных органов, в которых велась коммунистическая пропаганда. Но пока последняя сводилась к различным философским упражнениям на социалистические темы, пока она обращалась исключительно к „образованным классам" и чуралась всякой политической деятельности, не чувствовалось никакой потребности ни в общей организации, ни в устройстве тесных сношений с уже существовавшими в разных местах рабочими группами.

Иначе сложились обстоятельства, когда Маркс и Энгельс нашли, наконец, синтез между „политикой" и социализмом, и вместе с тем и ответ на вопрос, как слить рабочее движение и социализм, до того времени шедшие разными дорогами. Оказалось, что социализм или коммунизм есть высшая форма рабочего движения, что коммунизм предполагает самую совершенную демократию, что коммунизм может быть осуществлен только рабочим движением, что единственный класс, который может и должен, по своему положению, взять на себя осуществление коммунизма, — это пролетариат. Отсюда сама собой вытекала задача — внесение в классовую борьбу пролетариата света сознания ее целей и организация пролетариата в особую политическую партию. Не отчуждение от задач современности, не стремление уйти в сектантскую келью, а вмешательство во все явления общественной жизни, внимательное изучение действительности и активное участие во всех сферах современной жизни!

Понятно, что всякая попытка соединить „интеллигентские" и „рабочие" коммунистические группы не могла не натолкнуться на ряд препятствий. С одной стороны, приходилось вступить в борьбу с староверами „истинного социализма", с другой — пришлось считаться с предрассудками рабочих и их недоверием к „литераторам".

Необходимо было поэтому создать организационный центр, который, преследуя сначала чисто пропагандистские задачи,

постепенно подготовлял бы условия для более сплоченной боевой организации. Более легкой и выполнимой казалась задача объединения немецких коммунистических групп, находившихся тогда в положении, очень сходном — в организационном отношении — с положением русских социал-демократических групп до 1898 года.

Созыв такого съезда представителей всех коммунистических групп обсуждался уже в конце 1845 и начале 1846 года.

Мне удалось найти циркуляр, в котором мотивируется необходимость этого съезда и, как наиболее удобный пункт для делегатов из Германии, указывается Вервье, где жил тогда Гесс и наиболее подходящий для Маркса и Вейтлинга, присутствие которых считалось безусловно необходимым.

К сожалению, нет пока никакой возможности точно установить, происходил ли этот съезд, предполагавшийся летом 1846 г. По всей вероятности, план этот расстроился, так как попытка соглашения между Марксом и Вейтлингом кончилась неудачей. Еще более резко выступили Маркс и его друзья в мае 1846 г. против Криге, одного из влиятельнейших представителей немецкого истинного социализма, который, вместе с Вейтлингом, вел усиленную пропаганду среди лондонцев.

К этому времени относится план Маркса и Энгельса организовать особые группы из тех коммунистов, которые разделяли их взгляды. В Брюсселе вокруг них сгруппировалась значительная община, в которую входили Вильгельм Вольф, — ему Маркс посвятил первый том „Капитала", — Себастиан Зейлер, Иосиф Вейдемейер, Филипп Жиго, бельгиец, позже Тедеско, тоже бельгиец, несколько рабочих. Гесс, после некоторых колебаний, присоединился к Марксу.

Брюссельская группа должна была служить главным ядром новой коммунистической организации, которая с самого начала должна была быть интернациональной. Маркс и Энгельс надеялись привлечь на свою сторону Прудона и выдающихся английских чартистов. Исходя из убеждения, что Европа стоит накануне новой революции, которая доставит всюду власть буржуазии, но в то же время подготовит условия для организации политической партии пролетариата, они приглашали Прудона присоединиться

к ним, чтобы подготовиться к тому времени, когда наступит „момент действия", т. е. революция.

Прудон ответил отказом. Напечатанное в его корреспонденции письмо к Марксу, толковавшееся вкривь и вкось, приобретает совершенно другой смысл, если перестать считать его ответом на предложение Маркса принимать участие в каком-то чисто литературном предприятии или, как думает Меринг, обычном корреспондентском бюро.

Гарни, который в 1845 г. вместе с другими чартистами и лондонскими эмигрантами организовал международное революционное общество под названием „Братских Демократов", отнесся к новому плану скептически, но изъявил согласие, если в организацию будут посвящены его лондонские друзья из немецкой эмиграции, главным образом Шаппер.

Трудно сказать, почему Маркс и Энгельс для своей новой организации приняли название „Kommunistisches Korrespondenzkomitee", т. е. Коммунистический комитет сношений. Быть может, тут играли роль воспоминания из истории французской революции (Comités des Correspondances при якобинских клубах, как главные органы сношений между якобинскими клубами в разных городах) или из истории старых английских раволюционных обществ, игравших большую роль в конце XVIII столетия (Corresponding Societies). Но во всяком случае это были не просто литературно-издательские бюро.

На-ряду с Брюссельским очень скоро возник такой же комитет в Лондоне, в который вошли наиболее выдающиеся члены немецкого рабочего клуба и Гарни. А осенью 1846 г. Энгельс переезжает из Брюсселя в Париж, чтобы и там организовать такой же комитет, что ему и удается при помощи Юнге, наборщика, жившего прежде в Брюсселе. Ему пришлось при этом встретиться с сильной оппозицией, часть которой находилась под сильным влиянием учений Прудона, в той их форме, в которой их „германизировал" Карл Грюн, другая же под влиянием Кабэ.

К лету 1847 года новые организации настолько уже окрепли, что явилось возможным созвать предварительный съезд всех этих комитетов в Лондоне. На этом съезде решено было объединиться в Союз коммунистов. Принят был предварительно организационный устав, который решено

было предложить на обсуждение отдельным комитетам с тем, чтобы на следующем съезде принять его с необходимыми поправками в окончательной форме. Этому же съезду должен был быть представлен проект коммунистического „Исповедания веры".

Что борьба внутри комитетов продолжалась и после первого конгресса, видно особенно ясно из тогдашних писем Энгельса к Марксу. И не только в Парижской общине, в которой сильны были старые традиции. Лондонцам тоже пришлось бороться не только с приверженцами Кабэ, отстаивавшими план эмиграции в Америку, но и с приверженцами Гейнцена, который, в качестве буржуазного демократа, вел жестокую войну с коммунистами.

Некоторый свет на эту внутреннюю борьбу проливает изданный лондонскими членами Союза коммунистов пробный номер первого рабочего марксистского журнала. Он назывался „Коммунистический Журнал" и вышел в свет в сентябре 1847 года *). Под заголовком—за шесть месяцев до появления „Коммунистического манифеста"— мы впервые читаем предложенный Марксом в противоположность девизу „Братских демократов" — „все люди — братья" — новый классовый девиз: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Все статьи анонимны. Программная статья, написанная, вероятно, коллективно лондонцами—Шаппером и др.,—кончается призывом к „пролетариям всех стран объединиться"—„открыто там, где это разрешается законом, ибо наши действия не боятся света, тайно там, где произвол тиранов принуждает нас к этому".

Вторая статья подробно разбирает и отвергает эмиграционный план Кабэ. Третья статья, написанная, по всей вероятности, Энгельсом, дает характеристику политического положения Пруссии. Журнал заканчивается „политическим и социальным обозрением", в котором не трудно узнать манеру Вильгельма Вольфа.

Второй съезд состоялся в ноябре—декабре 1847 г. После

*) Недавно он был опубликован проф. Грюнбергом. Экземпляр этого журнала, принадлежавший Ф. Лесснеру, члену Союза коммунистов и близ ому приятелю Маркса и Энгельса, найден был мною еще в 1912 г. и теперь принадлежит Институ К. Маркса и Ф. Энгельса. См. приложение первое, а также фотографическое факсимиле первой страницы,

долгих дебатов был принят новый устав *) и решено было вместо предполагавшегося „Исповедания веры", по предложению Энгельса, опубликовать от имени союза: „Манифест коммунистической партии". Составление этой программы поручено было конгрессом Марксу, хотя съезду были представлены и другие проекты „Исповедания веры", в том числе один—Энгельсом. Само собою разумеется, что Маркс, при составлении Манифеста, пользовался помощью своего друга, но сравнение этого документа с тем проектом, который принадлежит Энгельсу и опубликован Бернштейном **), показывает нам, почему Энгельс, в предисловии к вышедшему после смерти Маркса изданию Манифеста, категорически и вполне справедливо утверждает, что главные идеи этого Манифеста принадлежат исключительно Марксу. Во всяком случае перед съездом политическую ответственность нес только Маркс. Лучше всего это видно из письма Центрального комитета Областному комитету в Брюсселе (Лондон, 26 января 1848 г.), в котором сообщается резолюция, принятая 26 января 1848 г. Она вызвана была тем, что Маркс, по свойственной ему привычке, чересчур долго обрабатывал свое произведение.

„Центральный комитет поручает сим Областному комитету в Брюсселе сообщить гражданину Марксу, что если Манифест коммунистической партии, составление которого он взял на себя на последнем конгрессе, не будет доставлен в Лондон до вторника 1 февраля сего года, то против него будут приняты дальнейшие меры. В случае, ежели гражданин Маркс не исполнит работы, Центральный комитет требует немедленной отсылки предоставленных в распоряжение Маркса документов.

От имени и по поручению Центрального комитета
Шаппер, Бауэр, Молль" ***).

Это сердитое напоминание имело вполне достаточное основание. Уже ясно были слышны раскаты приближавшейся исторической грозы. В начале января вспыхнули волнения в Северной Италии. 12 января произошел переворот

*) См. приложение третье.

**) Энгельс, Принципы коммунизма. См. приложение второе.

***) Письмо это было найдено мною и предоставлено для опубликования т. Мерингу.

в Сицилии и в Палермо, провозглашено было Временное правительство. Во Франции можно было со дня на день ожидать взрыва. И, действительно, Манифест еще брошюровался, когда в Париже началась февральская революция. В Германию первые экземпляры его попали только через несколько недель после мартовской революции. Ему предшествовали „Требования коммунистической партии" *), формулированные новым Центральным комитетом. Как только началась революция, Лондонская община, которая по уставу выполняла функции Центрального комитета, передала свои полномочия Брюссельской. Но главные члены последней были изгнаны из Брюсселя и вынуждены были переехать вместе с Марксом в Париж, чтобы оттуда, после крупного конфликта с немецкой демократической эмиграцией, замышлявшей вооруженное вторжение в Германию, направиться домой.

Как целое, Союз коммунистов, едва организовавшийся, во время революции 1848 г. не играл почти никакой роли, меньше всего во Франции, где стоявшие к нему близко элементы слились с бланкистами и разделили с ними общее поражение уже в мае 1848 г. В Англии, где среди чартистов работали Гарни и Джонс, член Центрального комитета Союза коммунистов, неудача лондонской демонстрации 10 апреля и поражение парижского пролетариата в июне 1848 г. сплотили все буржуазные элементы и оторвали от чартистов почти всех „попутчиков" из рядов мелкой буржуазии и ремесленников. В Германии более или менее крупную роль играли только отдельные члены Союза коммунистов, но не как представители организации, а лично.

Поражение германской и австрийской революций в мае и июне 1849 г. выбросило старых членов Союза сначала в Щвейцарию и Францию, а после поражения партии Ледрю-Роллена в Париже—в Англию. В Лондоне сделана была попытка возобновить старую организацию, но фракционные разногласия по вопросу о тактике привели к расколу. Во главе стояли старый Шаппер и Виллих, мечтавшие о новой революции во что бы то ни стало и непременно сейчас же. Попытки связаться с Германией, предпринятые большинством, во главе которого стояли Маркс и Энгельс, окончились неудачей.

---

*) См. приложение четвертое.

10 мая 1851 г. был арестован в Лейпциге эмиссар Союза Нотъюнг, а вскоре затем прослежен был Центральный комитет, местопребыванием которого был Кельн. Арестованные коммунисты (среди них и Фридрих Лесснер), после полуторагодичного заключения, преданы были суду, который заседал от 4 октября до 12 ноября 1852 года. Обвиняемые были присуждены к тюремному заключению от трех до шести лет. После этого приговора Союз объявил себя распущенным.

Прошло двенадцать лет, пока европейское рабочее движение окрепло настолько, чтобы создать новую международную организацию. Инициатива на этот раз принадлежала английским и французским рабочим; но задача составления статутов и программы Международного товарищества рабочих, основанного 28 сентября 1864 г. в Лондоне, выпала на долю Маркса. В течение девяти лет новый Интернационал—его обыкновенно называют Первым Интернационалом—руководил всем европейским и американским движением. На конгрессах Женевском (1866), Лозаннском (1867), Брюссельском (1868) и Базельском (1869) формулированы были в борьбе между французскими прудонистами, английскими тред-юнионистами, немецкими марксистами основные пункты минимальной программы рабочего класса. Борьба между бакунистами (приверженцами Бакунина, русского бунтаря-анархиста) и марксистами, начавшаяся уже в 1868 г., после поражения Коммуны настолько обострилась, что привела на Гаагском конгрессе (1872) к исключению Бакунина и расколу. Через четыре года Первый Интернационал, генеральный совет которого был перенесен в Нью-Йорк, прекратил официально свое существование.

Прошло опять двенадцать лет, пока создавшиеся и укрепившиеся в отдельных странах рабочие партии, большинство из которых усвоило себе основные принципы „Коммунистического манифеста", почувствовали потребность в новом международном объединении. Таким образом, в июле 1889 г. был основан в Париже Второй Интернационал, который, после 25 лет огромной организационной работы, так позорно капитулировал пред буржуазным миром в августе 1914 г.

Д. Рязанов.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ 1847 г.

1847 год был, несомненно, самым богатым событиями среди целого ряда последних лет. Он принес с собою в Пруссии — конституцию и Соединенный ландтаг, в Италии — неожиданно резкое возбуждение политической жизни и всеобщее выступление против Австрии, в Швейцарии—гражданскую войну, в Англии новый парламент определенно радикальной окраски, во Франции—ряд скандалов и банкетов в честь реформы, в Америке—завоевание Мексики Соединенными Штатами. Иными словами, мы видим целый ряд изменений и движений, подобных которому мы не найдем ни за один из последних годов.

Последний поворотный пункт в истории имел место в 1830 г. Июльская революция во Франции и билль о реформе (Reform bill) в Англии закрепили окончательную победу буржуазии: причем в Англии это была победа промышленной буржуазии, фабрикантов, над непромышленной — рантьерами. За названными странами последовали Бельгия и отчасти Швейцария, в которых также одержала победу буржуазия. В Польше произошло восстание, Италия отвечала судорогами на гнет Меттерниха, в Германии шло всеобщее брожение. Все страны готовились к великим битвам.

Но после 1830 г. волна пошла на убыль. Польша пала, восставшие романьолы были рассеяны, движение в Германии подавлено. Французская буржуазия разбила республиканцев в собственной стране и предала либералов в других странах, где она сама подстрекнула их к восстанию. Либеральное министерство в Англии не в состоянии было провести в жизнь ни одного пункта из своей программы. Таким образом к 1840 г. мы видим полный расцвет реакции. Польша, Италия, Герма-

ния политически мертвы; в Пруссии на престоле восседает „Берлинский Политический Еженедельник"; в Ганновере — разлетелась в прах премудрая конституция господина Дальмана; постановления Венской конференции 1834 года торжествует по всей линии. В Швейцарии преуспевают консерваторы и иезуиты: в Бельгии у кормила правления находятся католики; во Франции побеждает Гизо; в Англии правительство вигов находится при последнем издыхании под ударами растущего могущества Пиля; чартисты предпринимают тщетные попытки организоваться вновь после большого поражения 1839 г. Повсюду торжествует реакционная партия, прогрессивные же партии находятся в полном разложении и совершенно разгромлены. Итак, конечным результатом великих битв 1830 года, казалось, была полная приостановка исторического движения вперед.

Но точно так же, как 1830 г. был кульминационным пунктом революционного движения буржуазия, 1840 г. оказался кульминационным пунктом реакции. С 1840 года снова начинают возникать движения, направленные против существующих порядков. Они терпят неоднократно поражения, но постепенно все больше и больше завоевывают почву. Так, в Англии чартистам удалось снова организоваться и укрепиться больше, чем когда-либо, в то время как Пиль совершает одну измену своей партии за другой, наносит ей смертельный удар уничтожением хлебных законов, и, наконец, сам вынужден подать в отставку. В Швейцарии радикалы одерживают успехи, в Германии, и особенно в Пруссии, требования либералов звучат из года в год громче. В Бельгии либералы также побеждают при выборах 1847 года. Лишь Франция в избирательной кампании 1846 года дает неслыханное большинство своему реакционному министерству; да еще Италия пребывает в состоянии летаргии вплоть до восшествия на святейший престол Пия IX, который предпринял некоторые попытки реформ, еще весьма сомнительных к концу 1846 г.

Таково было положение к началу прошедшего года, принесшего целый ряд побед для прогрессивных партий во всех почти странах. Даже там, где они терпели поражения, последние приносили им больше пользы, чем могла дать немедленная победа.

1847 г. не принес никаких окончательных решений, но он повсюду противопоставил друг другу партии в резких и ясных позициях; он не разрешил ни одного вопроса в окончательной форме, но все вопросы оказались поставленными так, что разрешение их сделалось неизбежным.

Самые значительные из движений и перемен 1847 г. имели место в Пруссии, Италии и Швейцарии.

В Пруссии Фридрих-Вильгельм IV был, наконец, вынужден дать конституцию. Бесплодный Дон-Кихот из Сан-Суси, после долгой борьбы и долгих мук, разрешился от бремени конституцией, которая, по его мысли, должна была обеспечить на веки веков победу феодально-патриархально-самодержавно-бюрократически-поповской реакции. Но он ошибся в своих расчетах. Буржуазия уже достаточно окрепла для того, чтобы использовать даже эту конституцию в качестве оружия против него самого и всех реакционных классов общества. Как и повсюду, она и в Пруссии начала с отказа в средствах монарху. Король был в отчаянии. Можно сказать, что в первые дни после отказа в кредитах в Пруссии вовсе не было короля: страна находилась в состоянии полнейшей революции, сама этого не зная. Но тут, к счастью, явились 15 миллионов из России: Фридрих-Вильгельм снова стал королем, буржуазия во всей стране в испуге пала на колени, и грозовые тучи революции рассеялись. Прусская буржуазия была на время разбита, но все же она сделала громадный шаг вперед, завоевав себе поле для борьбы, дав королю доказательство своей силы и приведя в возбуждение всю страну. Вопрос о том, кому должно принадлежать господство в Пруссии: союзу ли дворянства, бюрократии и попов с королем во главе, или же буржуазии — поставлен теперь так остро, что он должен быть определенно разрешен в пользу одной или другой стороны. В Соединенном ландтаге была еще возможность соглашения между обеими партиями, теперь же она исчезла. Между ними предстоит борьба на жизнь и на смерть. К этому следует еще прибавить, что в момент, когда пишутся эти строки, должны собраться комиссии — эта злосчастная выдумка берлинских конституционных дел мастеров. Комиссии, несомненно, еще больше запутают и без того запутанные правовые вопросы, так, что ни один человек уже окончательно не сможет в них разобраться. Эти вопросы

сплетутся в гордиев узел, который сможет быть разрублен только мечом. Таким образом, комиссиям предстоит сделать последние приготовления к взрыву буржуазной революции в Пруссии.

Мы можем поэтому с полным спокойствием ожидать ее начала. В 1849 г. придется снова созвать Соединенный ландтаг, захочет ли того король или нет. Мы можем дать его величеству срок до этого момента, но не дальше. Тут уже ему придется уступить свой скипетр и свою знаменитую „неослабленную" *) корону христианским и еврейским буржуа своего королевства.

Итак, 1847 г. был весьма благоприятен для политических дел прусских буржуа, несмотря на их поражение в данный момент. Буржуа и мещане остальных германских государств прекрасно поняли это и проявили живейшую симпатию к своим прусским собратиям. Ибо они знают, что победа последних есть их собственная победа.

Италия показала нам необычайное зрелище того, как человек, занимающий самый реакционный пост во всей Европе, представляющий собою окаменевшую идеологию средневековья,—как римский папа стал во главе либерального движения. Движение это в мгновение ока приобрело могучий размах: оно увлекло за собою австрийского эрцгерцога в Тоскане и предателя Карла-Альберта Сардинского; оно расшатало устои трона Фердинанда в Неаполе; его волны перекатываются через Ломбардию до Тирольских и Штирийских Альп.

Современное движение в Италии вполне соответствует тому, которое происходило в Пруссии в 1807—1812 гг. Сейчас в Италии, как в то время в Пруссии, оно имеет две цели: внешнюю независимость и внутренние реформы. Пока что не выставляется требование конституции, а добиваются лишь административных реформ; пока что избегают серьезных конфликтов с правительством для того, чтобы сохранить наибольшее единство перед лицом иноземного засилия. Но

---

*) Намек на тронную речь, произнесенную прусским королем Фридрихом-Вильгельмом IV при открытии Соединенного ландтага: „Унаследовав неослабленную корону, которую я должен и желаю передать своим преемникам также неослабленною"—*Д. Р.*

каково свойство требуемых реформ и кому они должны пойти на пользу? Прежде всего буржуазии. Печать ставится в более благоприятное положение, бюрократия приспособляется к интересам буржуазии (напр., сардинские реформы, римская консульта и реорганизация министерств; в местном самоуправлении буржуа получают широкое влияние, а дискреционная власть дворянства и бюрократии подвергается ограничению; буржуазия получает в свои руки оружие под видом гражданской гвардии (guardia civica). До настоящего момента все реформы производятся исключительно в интересах буржуазии, и иначе оно не могло быть. Интересно сравнить с этим прусские реформы наполеоновского периода. Последние носят тот же самый характер, хотя идут значительно дальше во многих отношениях: администрация подчиняется интересам буржуазии, произволу дворянства и бюрократии ставится предел, вводится городское самоуправление, ландвер (народное ополчение), отменяются крепостные повинности. Как в Пруссии указанного периода, так и сейчас в Италии буржуазия становится, благодаря росту своего богатства, а особенно благодаря возросшему значению промышленности и торговли для жизни всего народа, тем классом, от которого главным образом зависит освобождение страны от чужеземного господства.

Движение в Италии является, таким образом, совершенно определенным буржуазным движением. Все сочувствующие реформам классы, начиная от князей и дворянства и кончая пифферари и лаццарони *), выступают сейчас, как буржуа, а папа в данный момент играет роль первого буржуа Италии. Но все эти классы испытают жесточайшее разочарование, как только удастся свергнуть австрийское иго. Как только буржуазия справится с внешним врагом, она произведет у себя дома отделение овец от козлищ. И тогда князьям и графам снова придется обращаться с воплями о помощи к Австрии, но уже будет поздно; рабочие же Милана, Флоренции и Неаполя увидят, что их каторжный труд еще только начинается.

Наконец, Швейцария. Впервые за все время своего существования Швейцария заняла определенную позицию

*) Дудочники и нищие. — *Д. Р.*

в системе европейских государств; впервые она отважилась на решительное действие и обрела смелость выступить не как агломерат из двадцати двух совершенно чуждых друг другу кантонов, а в качестве федеральной республики. Подавив весьма решительными мерами гражданскую войну, Швейцария обеспечила супрематию центральной власти, иными словами, она централизовалась. Централизация, существующая уже de facto, должна получить свое легальное выражение в предстоящей реформе союзной конституции.

И опять-таки спрашивается, кому на пользу пойдут результаты войны, реформа союза, реорганизация кантонов Зондербунда? Очевидно — победившей партии, той партии, которая одержала верх в отдельных кантонах между 1830 и 1834 гг.—либералам и радикалам, т. е. буржуа и крестьянству. Патрицианская власть прежних имперских городов была свергнута уже в результате июльской революции. Там, где она фактически была впоследствии восстановлена, как, напр., в Берне и в Женеве, произошли революции в 1846 г. Там, где она оставалась неприкосновенной, как в кантоне Базель-город, она была сильно поколеблена в том же году. Феодальное дворянство имелось в Швейцарии в незначительном количестве; там, где оно существовало, главная его сила покоилась на союзе с пастухами альпийских высот. Эта группа представляла собой последних упорнейших и заклятейших врагов буржуазии. На нее опирались реакционные элементы в либеральных кантонах. Она оплела всю Швейцарию сетью реакционного заговора при помощи иезуитов и пиетистов (напр., кантон Ваад). Она опрокинула все планы буржуазии на Союзном совете (Tagsatzung), она же воспрепятствовала окончательному поражению мещанского патрициата бывших имперских городов.

Но эти последние противники швейцарской буржуазии были окончательно разгромлены в 1846 г.

Швейцарские буржуа имели уже ранее почти во всех кантонах довольно значительную свободу действий в области торговли и промышленности. Хотя кое-где еще и сохранились цехи, они весьма мало мешали развитию буржуазии. Внутренних таможен, можно сказать, не существовало. Где буржуазия успела достигнуть известного уровня развития, политическая власть находилась в ее руках. Но в то время,

как она преуспевала в отдельных кантонах, служивших ей точкой опоры, ей недоставало самого главного — централизации. Если феодализм, патриархальные порядки и мещанский строй городов успешно развиваются в изолированных провинциях и в отдельных городах, то буржуазия требует для своего развития возможно более широкой территории. Вместо 22 маленьких кантонов ей необходима была большая Швейцария. Суверенность кантонов, бывшая наиболее подходящей политической формой для старой Швейцарии, сковывала несносными путами буржуазию. Последняя нуждалась в центральной власти, которая была бы достаточно сильной, чтобы направлять по определенному общему пути законодательство отдельных кантонов и чтобы сглаживать своим влиянием разницу в государственном устройстве и в законах последних. Она же должна была устранить остатки феодального, патриархального и мещанского законодательства и энергично отстаивать интересы швейцарской буржуазии во внешних сношениях.

Такую центральную власть буржуазии и удалось себе завоевать.

Но спрашивается, разве не принимало участия в свержении Зондербунда также и крестьянство? Несомненно, принимало. Что касается крестьян, то они на ближайшее время будут играть ту же служебную роль по отношению к буржуазии, которую они так долго исполняли на пользу мелкого мещанства. Крестьяне будут продолжать служить той физической силой, которую эксплоатирует буржуазия. Их руками последняя будет выигрывать свои битвы. Эти руки будут ткать для буржуазии ситец и ленты; из рядов крестьянства будет рекрутироваться пролетариат. Да и какую другую линию оно могло бы вести? Будучи собственниками, наравне с буржуазией, крестьяне имеют с нею покуда во всех отношениях общие интересы. Все политические мероприятия, которые они способны осуществить, принесут буржуазии еще бо̀льшую пользу, чем им самим. Но, по сравнению с буржуазией, крестьянство слабо, ибо первая значительно богаче и держит в своих руках рычаг всякой политической власти в наш век — промышленность. Вместе с буржуазией крестьянство может добиться многого, против буржуазии — ничего.

Правда, придет некогда время, когда обедневшая часть крестьянства, из которой будут высосаны все соки, присоединится к пролетариату,—а последний к тому времени успеет сильно развиться, — и они вместе объявят войну буржуазии; но не об этом идет теперь речь.

Сейчас нам достаточно констатировать факт, что изгнание иезуитов и их приверженцев, этих организованных врагов буржуазии, повсеместное введение гражданского воспитания вместо религиозного, конфискация государством большинства церковных имуществ, — что все эти реформы прежде всего идут на пользу буржуазии.

Итак, три наиболее выдающихся движения 1847 года имеют между собою то общее, что все они произошли прежде всего и в большей своей части в интересах буржуазии. Прогрессивная партия была повсюду партией буржуазии.

И, действительно, характерным признаком всех этих движений является тот факт, что именно те страны, которые отстали в 1830 г., сделали в прошедшем году первые решительные шаги к достижению уровня, завоеванного другими в 1830 г., иными словами, в них закрепила свою победу буржуазия.

Итак, мы видели из всего предыдущего, что 1847 г. был для буржуазии годом блестящих успехов.

Теперь пойдем далее.

В Англии мы имеем новый парламент, который, по словам квакера Джона Брайта, является наиболее определенным буржуазным парламентом из всех когда-либо существовавших. Сам же Джон Брайт — типичнейший буржуа во всей Англии и, следовательно, наилучший авторитет в этом вопросе, какого только можно пожелать. Но буржуа Джон Брайт — это не тот буржуа, который правит Францией или который разражается патетическими бравадами против Фридриха-Вильгельма IV. В устах Джона Брайта слово буржуа означает фабриканта. В Англии отдельные фракции буржуазии стоят у власти уже с 1688 г.; но для того, чтобы облегчить себе завоевание господствующего положения, они оставили у кормила правления вполне зависимых от них должников— аристократов.

Таким образом, политическая борьба в Англии является, в действительности, борьбой между отдельными группами

самой буржуазии—между рантье и фабрикантами. Но фабриканты имеют, благодаря указанной особенности, возможность выдавать ее за борьбу между аристократией и буржуазией, а когда это удобно, даже между аристократией и народом. Фабриканты отнюдь не заинтересованы в том, чтобы сохранить видимость господства за аристократией: им-то лорды, баронеты и сквайры не должны ни копейки. Наоборот, они весьма заинтересованы в том, чтобы уничтожить даже эту видимость, ибо с нею вместе падает последняя точка опоры для рантье. Эту задачу и выполнит нынешний буржуазный или фабрикантский парламент. Он превратит старую Англию, с ее феодальными формами, в более или менее современную страну, организованную по-буржуазному. Он приблизит английскую конституцию к французскому или бельгийскому типу и завершит, таким образом, торжество английской промышленной буржуазии.

И в данном случае мы видим, следовательно, успех буржуазии, ибо победа более передовой группы в ее среде ведет к расширению и усилению владычества буржуазии в целом.

Повидимому, исключение составляет одна Франция. Власть, доставшаяся в 1830 г. всей совокупности крупной буржуазии, из года в год все больше и больше сводится к власти богатейшей группы этой крупной буржуазии-рантье и спекулянтов-биржевиков. Последние сумели подчинить себе бо́льшую часть крупной буржуазии; меньшинство же, во главе которого стоит часть фабрикантов и судовладельцев, становится все малочисленнее. Это меньшинство теперь объединилось с лишенными избирательного права средними и мелкими буржуа и закрепляет этот союз на банкетах в пользу реформы. Оно окончательно изверилось в возможности добиться участия во власти на-ряду и с помощью нынешних полноправных избирателей. Поэтому, после долгих колебаний, эта группа решилась обещать долю участия в политической власти тому слою буржуазии, который стоит непосредственно на следующей ступени и, в частности, буржуазным идеологам, адвокатам, врачам и т. п., как представляющим наименьшую опасность. Правда, она еще очень далека от реальной возможности выполнить свои обещания.

Таким образом, во Франции приближается момент начала той борьбы внутри буржуазного класса, которая в Англии

почти уже закончилась. Разница лишь в том, что во Франции, как всегда, положение имеет гораздо более резко очерченный революционный характер. Но такое решительное разделение на два лагеря является тоже прогрессом буржуазного порядка.

В Бельгии буржуазия одержала решительную победу при выборах 1847 г.: католическое министерство вынуждено было уйти, и здесь у власти пока также находится либеральная буржуазия.

В Америке на наших глазах произошло завоевание Мексики, чему можно только радоваться. Если страна, до того времени исключительно занятая своими внутренними делами, раздираемая на части вечными гражданскими войнами, препятствующими всякому движению вперед,—страна, которой в лучшем случае предстояло стать промышленным вассалом Англии, — если такая страна насильственно втягивается в общий исторический поток, то в этом также следует видеть прогресс. В интересах развития самой Мексики выгодно, чтобы она в будущем находилась под опекой Соединенных Штатов. В интересах развития всей Америки в целом выгодно, что Соединенные Штаты, благодаря присоединению Калифорнии, получают господство на Тихом океане. Но опять-таки спрашиваем мы, кто извлечет наибольшую пользу из войны? — Никто как буржуазия. Северо-американцы получают в Калифорнии и Новой Мексике новые области, в которых они смогут производить новый капитал, т. е. создавать новых буржуа и обогащать уже имеющихся. Ибо весь капитал, какой производится в наше время, попадает в руки буржуазии. А кому принесет пользу предполагаемое прорытие Техуантепекского перешейка, как не американским судовладельцам? И кто извлечет выгоду из господства на Тихом океане, как не те же судовладельцы?

Наконец, кто будет снабжать товарами новых потребителей продуктов промышленности, которые появятся в завоеванных странах, если не американские фабриканты?

Таким образом, в Америке буржуазия также сделала крупные успехи; и если ее представители в парламенте стоят в оппозиции к войне, то это доказывает лишь, что они опасаются, как бы эти успехи в некоторых отношениях не обошлись слишком дорого.

Даже в совершенно варварских странах буржуазия делает завоевания. В России промышленность развивается колоссальными шагами и превращает даже русских бояр все более и более в буржуа. Крепостная зависимость подвергается ограничениям в России и в Польше, что означает ослабление дворянства в интересах буржуазии и создание свободного крестьянского класса, в котором буржуазия всюду нуждается. Евреи подвергаются преследованиям, но это делается в интересах оседлых буржуа-христиан, которым странствующие торговцы составляют нежелательную конкуренцию.

В Венгрии феодальные землевладельцы все больше и больше превращаются в оптовых торговцев зерном, шерстью и скотом, и их выступления в сейме носят последовательно буржуазный характер.

А все эти блестящие успехи „цивилизации" в Турции, Египте, Тунисе, Персии и др. варварских странах — в чем ином заключаются они, как не в подготовке условий к расцвету будущей буржуазии? В этих странах исполняется ныне слово пророка: „Готовьте пути Господу... Широко раскройте врата и распахните двери мира, чтобы вошел Царь Славы!" Кто же этот Царь Славы? Это—буржуа.

Куда мы ни посмотрим, буржуазия делает колоссальные успехи. Она высоко держит голову и уверенно бросает вызов врагам. Она ждет решительных побед, и ее надежды не будут обмануты. Она собирается перекроить весь мир по своей мерке, и на значительной части земной поверхности это ей удастся.

Всем известно, что мы не являемся друзьями буржуазии. Но на этот раз мы ей охотно предоставляем торжествовать. Мы можем отнестись со спокойной улыбкой к высокомерному взгляду, который она бросает сверху вниз — особенно в Германии—на столь ничтожную, повидимому, кучку демократов и коммунистов. Повторяем, мы ничего не имеем против того, чтобы ей удалось повсюду осуществить свои намерения.

Более того. Мы не можем удержаться от иронической усмешки при виде той страшной серьезности, того патетического вдохновения, с которым буржуа почти всюду добиваются осуществления своих задач. Эти господа серьезно

думают, что они работают для самих себя. Они достаточно ограниченны, чтобы считать, что их победа даст миру его окончательные очертания. А между тем, яснее ясного, что буржуазия повсюду прокладывает путь для нас — демократов и коммунистов; что она добьется лишь максимум нескольких лет торжества, и то неспокойного, чтобы после этого быть свергнутой в свою очередь. Всюду за спиной буржуазии стоит пролетариат. В одних местах он принимает участие в ее борьбе и отчасти разделяет ее иллюзии, как, например, в Италии и в Швейцарии. В других странах он держится молча в стороне, но под рукою подготовляет свержение буржуазии, напр., во Франции и Германии. Наконец, в третьих странах, в Англии и Америке, пролетариат находится в открытом восстании против буржуазного господства.

Но мы можем пойти еще дальше. Мы можем все это говорить буржуазии, не таясь, можем раскрыть свои карты. Пусть буржуазия знает наперед, что она работает лишь нам на пользу. И все же она, несмотря на это, не сможет прекратить свою борьбу против абсолютной монархии, дворянства и попов. Ей предстоит победить в этой борьбе или погибнуть уже сейчас.

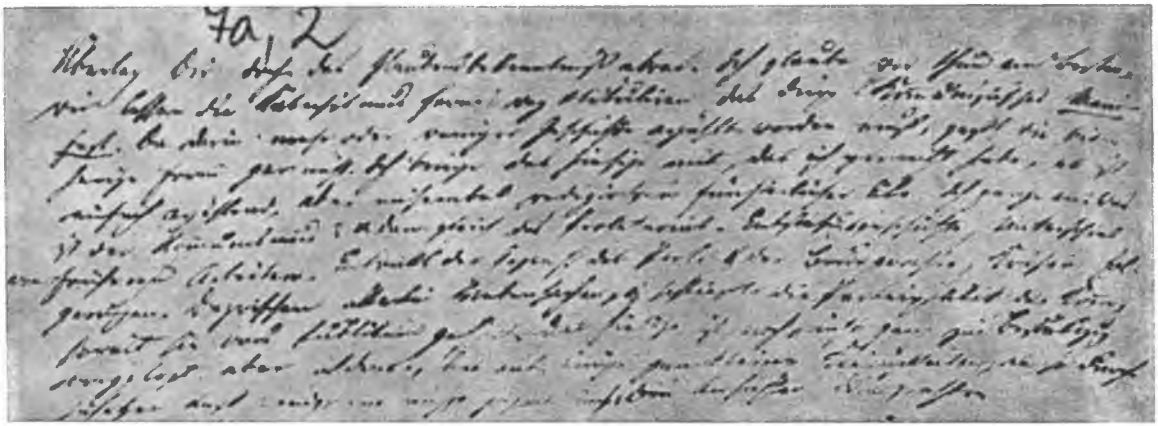
Более того, уже в ближайшее время ей придется обратиться в Германии за помощью именно к нам.

Итак, продолжайте смело вашу борьбу, милостивые государи от капитала! Пока вы нам нужны; кое-где мы нуждаемся даже в вашем господстве. На вашу долю выпадает задача убрать с нашего пути остатки средневековья и абсолютную монархию. Вы должны уничтожить патриархальный строй, должны осуществить централизацию, должны превратить все более или менее неимущие классы в настоящих пролетариев—наших будущих сторонников. При помощи ваших фабрик и торговых связей вы должны создать основу тех материальных средств, в которых пролетариат нуждается для своего освобождения.

В награду за все это вы получите короткий период власти. Вам предоставляется диктовать законы, нежиться в лучах созданной вами славы. Вы можете пировать в королевском зале и взять в жены прекрасную королевскую дочь, но не забывайте одного—

Палач стоит у порога.

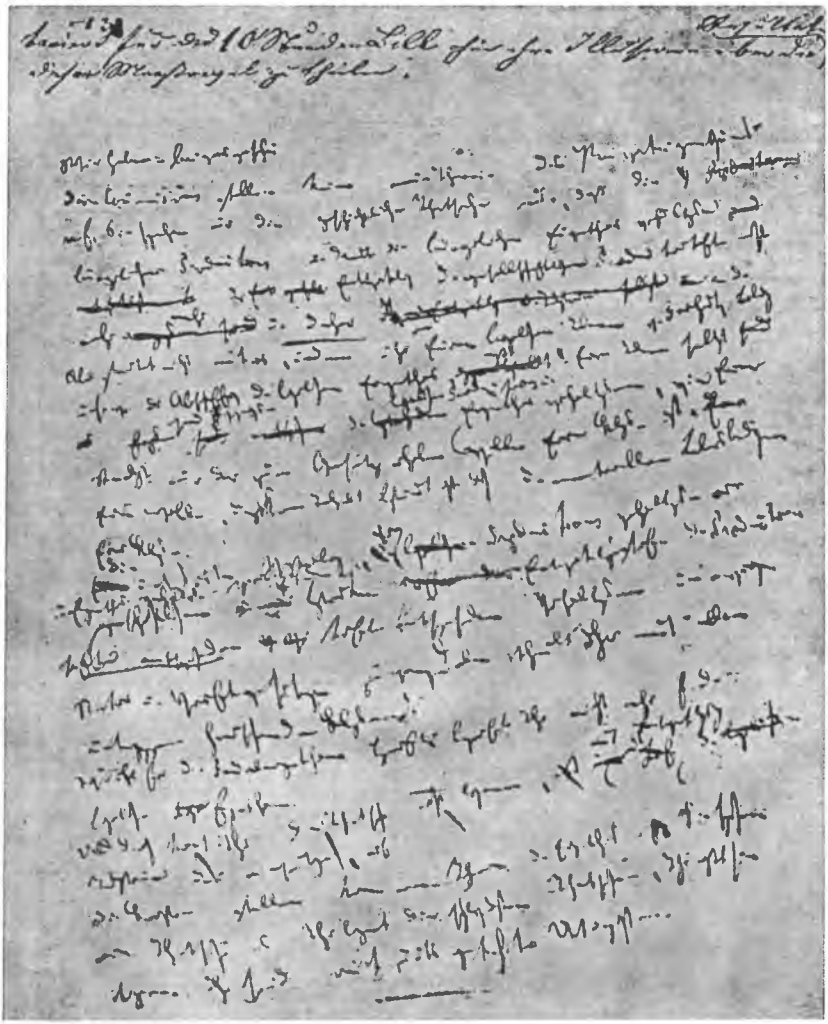
Ф. Энгельс.



Отрывок из письма Энгельса к Марксу в ноябре 1847 г.

„Обдумай немного „Исповедание веры". Мне кажется, что было бы лучше отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь: Коммунистический Манифест. Так как в нем придется, более или менее, коснуться истории, то теперешняя форма мало годится. Я привезу то, что написал тут. Форма повествовательная, но скверно редактировано, так как наспех написано. Я начинаю: Что такое коммунизм? Затем следует пролетариат — история его возникновения, отличие от прежних рабочих, развитие антагонизма между пролетариатом и буржуазией, кризисы, следствия. Кроме того, всякие второстепенные вещи, и в заключение—партийная политика коммунистов, поскольку о ней можно говорить публично. Моя работа еще не подвергалась обсуждению, но я надеюсь провести ее хотя бы с маленькими изменениями, но так, чтобы там не было ничего, противоречащего нашим взглядам".

Из письма Энгельса к Марксу, 24 ноября 1847 г.



Отрывок из первой главы „Манифеста", собственноручно написанной К. Марксом. (Перевод см. на следующей странице).

„Мы впрочем видели.

Коммунисты не выставляют никакой новой теории частной собственности. Они констатируют только исторический факт, что буржуазные производственные, а вместе с тем и буржуазные имущественные отношения у нас не (зачеркнуто: не соответствуют) и поэтому (зачеркнуто: развитию самой промышленности).

Но не спорьте же с нами, оценивая уничтожение буржуазной собственности с точки зрения ваших буржуазных понятий о свободе, образовании и т. п. Ваши идеи сами суть порождения буржуазных производственных и имущественных отношений, точно так же, как ваше право есть только возведенная в закон воля вашего класса,— воля, содержание которой определяется материальными условиями существования вашего класса.

Эгоистическое пристрастие, благодаря которому вы превращаете ваши производственные, имущественные отношения из исторических, соответствующих определенной ступени развития производственных сил, отношений в вечные законы природы и разума, а это пристрастие свойственно вам так же, как и всем прежде вас господствовавшим классам.

То, что кажется вам понятным по отношению к феодальной собственности, вы не хотите понять по отношению к буржуазной собственности.

И все же вы не можете отрицать факта, что с развитием промышленности односторонний, на...

Коммунисты не выставляют никакой новой теории собственности. Они констатируют факт. Вы же отрицаете несомненнейшие факты, вы вынуждены их отрицать. Вы назад обращенные утописты".

(Факсимиле страницы Манифеста из первого наброска, написанного Карлом Марксом.

В разрядку набраны строки, которые в окончательной редакции выпущены.)

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ

Manifest

der

Kommunistischen Partei.

Veröffentlicht im Februar 1848.

Proletarier aller Länder vereinigt Euch!

London.
Gedruckt in der Office der „Bildungs-Gesellschaft für Arbeiter"
von J. E. Burghard
46, Tavistock Street, Covent-Garden.

ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРОВ.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 1872 ГОДА.

Союз коммунистов, международная рабочая организация, которая при тогдашних обстоятельствах, разумеется, могла быть только тайною, поручила нижеподписавшимся на Лондонском конгрессе в ноябре 1847 г. написать подробную, предназначенную для обнародования, теоретическую и практическую программу партии. Таким образом появился следующий ниже Манифест, рукопись которого была отправлена в Лондон для напечатания за несколько недель до февральской революции. Появившийся сначала по-немецки, он выдержал на этом языке, по меньшей мере, двенадцать различных изданий в Германии, Англии и Америке. На английском языке он напечатан был сначала в 1850 г. в лондонском журнале „Красный Республиканец“ в переводе мисс Елены Макферлен и затем, в 1871 г., по меньшей мере, в трех различных переводах в Америке. На французском языке он появился в первый раз в Париже, незадолго до июньского восстания 1848 г., потом в нью-йоркском издании „Социалист“. Теперь готовится новый перевод. По-польски он был напечатан вскоре после первого немецкого издания. По-русски — в шестидесятых годах в Женеве. Датский перевод вышел в свет тоже вскоре после его появления.

Как ни сильно изменились условия в течение последнего 25-летия, но развитые в этом Манифесте общие положения в целом сохранили все свое значение и по настоящее время.

Некоторые же частности нуждались бы в поправке. Практическое применение этих общих положений, как гласит сам Манифест, должно всегда и везде находиться в зави-

симости от исторически сложившихся обстоятельств. Поэтому не нужно придавать исключительного значения предлагаемым в конце второй главы революционным мерам. Это место следовало бы в настоящее время изменить во многих отношениях. Ввиду громадного развития крупной промышленности в последнее двадцатипятилетие и связанных с ним успехов партийной организации рабочего класса, ввиду практического опыта, во-первых, февральской революции и еще более Парижской коммуны, где в первый раз политическая власть находилась в продолжение двух месяцев в руках пролетариата, упомянутая практическая программа местами уже устарела *). Именно, Парижская коммуна доказала, что „рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и воспользоваться ею для своих собственных целей". (См. „Гражданскую войну во Франции", отчет Генерального совета Международного товарищества рабочих, стр. 19 немецкого издания, где это развито подробнее.) Далее, само собой разумеется, что критика социалистической литературы не полна для настоящего времени, так как она доходит лишь до 1847 года.

Точно так же и замечания об отношении коммунистов к различным оппозиционным партиям (глава IV), и теперь еще верные в общем, уже потому оказываются устаревшими в подробностях своих, что политические отношения теперь совершенно изменились, и бо́льшая часть перечисленных там партий самим ходом исторического развития устранена с общественной арены.

Но Манифест представляет собой исторический документ, изменять который мы не считаем уже себя в праве. Быть может, к следующему изданию его будет прибавлено введение, обнимающее промежуток от 1847 года до настоящего времени. На этот раз его издание было предпринято слишком неожиданно для нас, чтобы мы могли иметь необходимое для этого время.

Карл Маркс. Фридрих Энгельс.

Лондон, 24 июня 1872 г.

---

*) Критику некоторых положений практической программы Манифеста товарищи найдут в указанной Энгельсом брошюре Маркса „Гражданская война во Франции" (перевод с немецкого под редакцией Н. Ленина, стр. 37—46).—*Д. Р.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 1883 ГОДА.

Предисловие к настоящему изданию мне приходится, к сожалению, подписать одному. Маркс — человек, которому рабочее движение Европы и Америки обязано более, чем кому бы то ни было, покоится на Хайгэтском кладбище, и его могила уже поросла первою травою *). Со времени его смерти совсем уже не может быть и речи о переделке или о дополнении Манифеста. Но зато я считаю тем более необходимым еще раз решительно высказать здесь следующее.

Основная мысль Манифеста, что экономическое производство и неизбежно обусловливаемое им строение общества составляет основу политической и умственной истории данной исторической эпохи, что, соответственно этому, вся история с тех пор, как разложилось первобытное общинное землевладение, была историей классовой борьбы, т. е. борьбы между эксплоатируемым и эксплоатирующими, подчиненными и господствующими классами на различных ступенях общественного развития; что эта борьба достигла теперь той ступени, на которой эксплоатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может освободить себя от эксплоатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освободив в то же время и навсегда всего общества от эксплоатации, угнетения и классовой борьбы, — эта основная мысль принадлежит единственно и исключительно Марксу **)

Я уже не однажды высказывал это; но именно теперь необходимо предпослать это заявление самому Манифесту.

Лондон, 28 июня 1883 г. *Фридрих Энгельс.*

---

*) Маркс умер в Лондоне 14 марта 1883 г.—*Д. Р.*

**) К этой мысли, — говорю я в предисловии к английскому переводу, — которая, по моему мнению, призвана заложить для дальнейшего развития исторической науки такую же основу, какую Дарвин заложил для развития естествознания, — к этой мысли мы оба приближались уже в течение нескольких лет до 1845 г. Насколько я самостоятельно подвинулся вперед в этом направлении, показывает мое „Положение рабочего класса в Англии". Когда же весной 1845 г. я снова встретился в Брюсселе с Марксом, он уже вполне разработал эту мысль и изложил мне ее почти в такой же ясной формулировке, в какой я передал ее выше.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 1890 ГОДА.

С того времени, как было написано предыдущее предисловие, понадобилось новое немецкое издание Манифеста, да и в истории последнего произошли факты, о которых стоит здесь упомянуть.

В 1882 году в Женеве появился второй русский перевод, сделанный Верой Засулич; предисловие к нему было написано Марксом и мною *). К сожалению, рукопись немецкого подлинника затерялась, и мне приходится переводить обратно с русского, от чего, конечно, дело мало выигрывает. Оно гласит **):

„Первое русское издание „Манифеста коммунистической партии", в переводе Бакунина, появилось в начале шестидесятых годов, в типографии „Колокола". В то время русское издание Манифеста могло казаться на Западе не более, как литературным курьезом. В настоящее время такой взгляд был бы уже невозможен. До какой степени ограниченную область распространения имело, в период первого появления Манифеста (январь 1848 года), движение пролетариата, лучше всего показывает последняя его глава: „Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям в различных странах". В ней недостает, именно, России и Соединенных Штатов. Это было время, когда Россия являлась последним большим резервом всей европейской реакции. Эмиграция в Соединенные Штаты поглощала излишек сил европейского пролетариата. Обе эти страны снабжали Европу сырьем и

---

*) Энгельс ошибается: русский перевод сделан был не В. Засулич, а Плехановым. Перевод Бакунина появился в 1870 г. Предисловие к русскому изданию было написано через несколько месяцев после убийства Александра II.

„Народная Воля" находилась тогда в апогее своей популярности. Александр III отсиживался в Гатчине и продолжал откладывать „торжество коронования". Только в 1883—1884 гг. окончательно выяснилось что самая крупная победа „Народной Воли" была в то же время ее поражением, что передовой отряд революционного движения в Европе оказался в собственной стране авангардом без революционной армии и изнемог в героической, но непосильной борьбе с русским царизмом.—*Д. Р.*

**) Мы даем первоначальный русский текст.—*Д. Р.*

служили в то же время рынком для сбыта ее промышленных произведений. Обе они являлись, следовательно, так или иначе, оплотом общественного строя Европы.

„Как все это изменилось теперь! Именно, европейская эмиграция способствовала колоссальному развитию земледелия в Северной Америке, которое своей конкуренцией колеблет крупное и мелкое европейское земледелие в самых его основаниях. Она дала, кроме того, Соединенным Штатам возможность взяться за эксплоатацию их богатых источников промышленного развития в таких размерах и с такой энергией, которые в короткое время должны положить конец промышленной монополии Западной Европы. Оба эти обстоятельства воздействуют, в революционном смысле, и на Америку. Мелкая и средняя поземельная собственность фермеров, основа всего ее политического строя, побеждается мало-по-малу конкуренцией громадных ферм; в то же время в промышленных округах впервые развивается многочисленный пролетариат и баснословная концентрация капиталов.

„Перейдем к России. В период революции 1848—1849 гг. не только европейские монархи, но и европейские буржуа находили в русском вмешательстве единственное спасение против только что собравшегося с силами пролетариата. Царя провозгласили главою европейской реакции. Теперь он — содержащийся в Гатчине военнопленный революции, и Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе.

„Задачей „Коммунистического манифеста" б· ·о провозгласить неизбежно предстоящее разложение современной буржуазной собственности. Но, рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной поземельной собственностью, мы находим в России бо́льшую половину земли в общинном владении крестьян.

„Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного коллективного владения землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму землевладения? Или, напротив, она должна пройти сначала тот же процесс разложения, который определяет собой историческое развитие Запада?

„Единственный, возможный в настоящее время, ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская рево-

люция послужит сигналом рабочей революции на Западе, так, что обе они пополнят друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом коммунистического развития".

Лондон, 21 января 1882 г.

Около того же времени в Женеве появился новый польский перевод.

Затем появился новый датский перевод в „Социал-демократической библиотеке", Копенгаген 1885. К сожалению, он не полон; некоторые существенные места, с которыми переводчик, повидимому, не мог справиться, выпущены им, да и в других местах заметны следы торопливости, тем более досадные, что вся работа показывает, что переводчик, при более внимательном отношении, мог бы дать прекрасный перевод.

В 1886 году вышел новый французский перевод в парижской газете „Le Socialiste"; он лучше всех прежних *).

После него в том же году напечатан был сначала в мадридской газете „El Socialista", а потом отдельной брошюрой испанский перевод.

Ради курьеза упомяну еще, что в 1887 году одному константинопольскому издателю предложена была рукопись армянского перевода Манифеста, но этот добряк не решился напечатать произведение, носившее имя Маркса, и посоветовал переводчику назвать лучше автором самого себя, на что последний, однако, не согласился.

После того как в Англии неоднократно переиздавались то один, то другой из более или менее неточных американских переводов, в 1888 году, наконец, появился авторизованный перевод. Он выполнен моим другом, Самуилом Муром, и перед напечатанием был еще раз просмотрен нами обоими. В настоящее издание вошли некоторые из сделанных мною там примечаний.

Манифест имел свою судьбу. При своем появлении он был с восторгом встречен передовым отрядом сторонников научного социализма (как это доказывают упомянутые в пер-

---

*) Сделан Лаурой и Полем Лафаргами.— *Д. Р.*

вом предисловии переводы его на другие языки), но вскоре затем он был оттеснен реакцией, начавшейся вслед за поражением парижских работников в июне 1848 года, и объявлен вне закона после осуждения кельнских коммунистов в ноябре 1852 года. Когда исчезло с общественной арены рабочее движение, начавшееся вместе с февральской революцией, Манифест также отошел на задний план.

Когда европейский рабочий класс опять достаточно окреп для нового похода против господствующих классов, возникло „Международное товарищество рабочих". Его целью было объединение в одно большое войско всех боеспособных сил рабочего класса Европы и Америки. Поэтому оно не могло взять за точку исхода принципы, изложенные в Манифесте. Оно должно было иметь такую программу, которая не затворила бы двери перед английскими трэд-юнионами, французскими, бельгийскими, итальянскими и испанскими прудонистами и немецкими лассальянцами *). Такая программа — введение к уставу Интернационала—была написана Марксом с мастерством, которому отдавали справедливость даже Бакунин и анархисты. Для Маркса единственной гарантией окончательной победы выставленных в Манифесте положений являлось умственное развитие рабочего класса как необходимый результат совместной деятельности и обсуждения. События и перипетии борьбы с капиталом, победы, а еще более поражения непременно должны были раскрыть перед борющимися полную недостаточность тех панацей, которых они придерживались, и сделать их головы более доступными для основательного понимания истинных условий освобождения рабочих. И Маркс был прав. В 1874 году, во время разложения Интернационала, рабочий класс был совсем не тот, каким он был в 1864 г. при основании этого общества. Прудонизм в романских странах и специфическое лассальянство в Германии находились при последнем издыхании, и даже тогдашние, косневшие в консерватизме тред-

*) В сношениях с нами Лассаль признавал себя „учеником" Маркса и в качестве такового стоял, разумеется, на почве Манифеста. Иначе обстояло дело с теми из его последователей, которые не шли дальше его требования производительных товариществ с государственным кредитом и которые подразделяли весь рабочий класс на сторонников государственной помощи и сторонников самопомощи.

юнионы постепенно приближались к тому моменту в 1887 году, когда председатель их конгресса в Суонси мог сказать от их имени: „Континентальный социализм перестал быть страшным для нас". Но в 1887 году „континентальным социализмом" была исключительно теория, изложенная в Манифесте. Таким образом на истории Манифеста до известной степени отражается история рабочего движения после 1848 г. В настоящее время он, несомненно, представляет собою наиболее распространенное, наиболее международное произведение во всей социалистической литературе, общую программу многих миллионов рабочих всех стран от Сибири до Калифорнии.

И, однако, во время его появления, мы не могли его назвать социалистическим манифестом. В 1848 году социалистами назывались два разряда людей. С одной стороны, приверженцы различных утопических систем и, особенно, оуэнисты в Англии и фурьеристы во Франции, причем и те, и другие выродились тогда в простые, постепенно вымиравшие секты. С другой стороны, к социалистам принадлежали тогда всякие социальные прожектеры, которые различными панацеями и всевозможными заплатами стремились устранить общественные бедствия, не причиняя ни малейшего неудобства ни капиталу, ни прибыли. В обоих случаях это были люди, стоявшие вне рабочего движения и искавшие поддержки скорее у „образованных классов". Напротив, та часть рабочего класса, которая, убедившись в недостаточности простых политических переворотов, требовала коренного переустройства общества, называла себя тогда коммунистической. Это был еще мало обработанный, лишь инстинктивный, подчас грубоватый коммунизм; но он был достаточно силен для того, чтобы породить две системы утопического коммунизма: во Франции „икарийский" коммунизм Кабэ, в Германии коммунизм Вейтлинга. Социализм означал в 1847 г. буржуазное движение, коммунизм — движение рабочих. Для социализма, по крайней мере, на континенте были отперты двери салонов, перед коммунизмом они были крепко заперты. А так как мы уже тогда твердо держались того убеждения, что „Освобождение рабочих должно быть делом самого рабочего класса", то мы не могли ни на минуту колебаться, какое из этих двух названий нам следует выбрать,

впоследствии нам тоже никогда не приходило в голову отказаться от него.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

Только немногие голоса откликнулись, когда мы сорок два года тому назад кинули в мир этот клич накануне первой парижской революции, в которой пролетариат выступил с самостоятельными требованиями. Но 28 сентября 1864 года пролетарии большинства западно-европейских стран соединились в славной памяти Международное товарищество рабочих. Само это „Товарищество" прожило, правда, лишь десять лет. Но, что созданный им вечный союз пролетариев всех стран живет до сих пор и теперь, имеет больше сил, чем когда-либо, это лучше всего доказывается нынешним днем. Сегодня, когда я пишу эти строки, европейский и американский пролетариат делает смотр своим боевым силам, впервые мобилизованным в единое войско, под единым знаменем и ради единой ближайшей цели: ради установления законом восьмичасового рабочего дня, требование которого было выставлено уже на женевском съезде Международного товарищества рабочих и затем повторено Международным рабочим конгрессом в 1889 году в Париже. И зрелище нынешнего дня покажет капиталистам и землевладельцам всех стран, что пролетарии всех стран действительно соединились.

О, если бы Маркс был теперь со мною, чтобы видеть это собственными глазами!

Ф. Энгельс.

Лондон, 1 мая 1890 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОЛЬСКОМУ ИЗДАНИЮ 1892 ГОДА.

То обстоятельство, что явилась необходимость в новом издании „Коммунистического манифеста", наводит на разные размышления.

Прежде всего следует отметить, что Манифест в последнее время стал до известной степени критерием развития крупной промышленности в Европе. По мере того, как в данной стране развивается крупная промышленность, среди ее рабочих усиливается стремление уяснить себе свое положение, как класса рабочих по отношению к классу собственников, разрастается социалистическое движение среди рабочих

и усиливается спрос на Манифест. Таким образом количеством экземпляров Манифеста, распространенных на данном национальном языке, можно с достаточной точностью определить не только состояние рабочего движения, но и степень развития крупной промышленности в каждой стране.

Так и новое польское издание Манифеста указывает на постоянный рост польской промышленности. А что такой рост имел действительно место в течение десяти лет со времени выхода последнего издания, не подлежит никакому сомнению. Царство Польское превратилось в крупную промышленную область Российского государства.

В то время, как русская крупная промышленность рассеяна спорадически — часть около Финского залива, часть в центральных губерниях (Москва и Владимир), а часть на побережьи Черного и Азовского морей — польская промышленность сосредоточилась на относительно малом пространстве и пользуется как выгодами, так и невыгодами такой концентрации. Выгоды эти хорошо известны российским фабрикантам, требующим охранительных пошлин против Польши, несмотря на свое горячее желание обрусить всех поляков. Невыгоды—для польских фабрикантов и российского правительства—сказываются в быстром распространении социалистических идей среди польских рабочих и в непрерывном росте спроса на Манифест.

Но быстрое развитие польской промышленности, перерастающей на целую голову промышленность российскую, представляет, в свою очередь, новое доказательство неиссякаемой, жизненной энергии польского народа и новую гарантию будущего национального возрождения. А возрождение независимой, крепкой Польши есть дело, которое важно не только для поляков, но и для всех нас. Тесное международное сотрудничество европейских народов возможно только тогда, когда каждый из этих народов будет у себя дома полным хозяином. Революция 1848 г., которая, под знаменем пролетариата, привела бойцов пролетариата к тому, что они таскали из огня каштаны только для буржуазии, в то же время руками своих душеприказчиков — Наполеона и Бисмарка — создала независимость Италии, Германии и Венгрии, а Польша, которая с 1791 г. больше поработала для революционного дела, чем все эти три народа, вместе взятые, была пре-

доставлена самой себе, когда она в 1863 г. была сокрушена в десятки раз сильнейшей Российской державой.

Шляхта не сумела ни удержать, ни завоевать независимость; для буржуазии она с каждым днем представляет все меньше интереса. Она может быть завоевана только молодым польским пролетариатом, а в его руках судьба ее надежна. Поэтому западно-европейский рабочий заинтересован в освобождении Польши не меньше, чем польский.

Лондон, 10 февраля 1892 г. *Ф. Энгельс.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИТАЛЬЯНСКОМУ ИЗДАНИЮ 1893 ГОДА.

Опубликование „Манифеста коммунистической партии" совпало, если можно так сказать, с днем 18 марта, с революциями в Милане и Берлине, которые были восстаниями двух народов, расположенных в центре: один—европейского континента, другой—Средиземья, двух народов, которые до тех пор раздирались внутренними междоусобицами и раздорами, а поэтому подпали под чужеземное господство. Если Италия подчинена была императору австрийскому, то Германия подвергалась не менее действительному, хотя и более косвенному игу всероссийского царя. Революция 18 марта освободила Италию и Германию от этого позора, и если от 1848 до 1871 года эти две великие нации были восстановлены и до известной степени „вернулись к себе", то это случилось, как говорил Карл Маркс, потому, что те самые люди, которые подавили революцию 1848 года, явились, против своей воли, ее душеприказчиками.

Всюду эта революция была делом рабочего класса, именно он строил баррикады и жертвовал своей жизнью. Только парижские рабочие, свергнув правительство, имели твердое определенное намерение свергнуть и весь буржуазный режим. Но хотя они уже сознавали тот фатальный антагонизм, который существовал между их собственным классом и буржуазией, ни экономический прогресс страны, ни интеллектуальное развитие французских рабочих масс не достигли еще той ступени, на которой был бы возможен социальный переворот. Поэтому плоды революции, в конечном счете, достались классу капиталистов. А в других странах, в Италии, в Австрии, в Германии, рабочие, с самого начала, только по-

могли буржуазии захватить власть. Но в каждой стране царство буржуазии возможно только при условии национальной независимости. Таким образом революция 1848 г. должна была повлечь за собой объединение и независимость наций, которые тогда еще не обладали ими: Италия, Германия, Венгрия. Польша за ними последует в свое время.

Если, следовательно, революция 1848 г. не была социалистической революцией, то она выровняла для нее дорогу, приготовила для нее почву. В силу могучего толчка, данного ею во всех странах развитию крупной промышленности, буржуазное общество в течение последних 45 лет создало многочисленный, сплоченный и крепкий пролетариат и породило таким образом, употребляя выражение Манифеста, своих собственных могильщиков. Без независимости и объединения каждой нации в отдельности не могут совершаться ни международное объединение пролетариата, ни спокойное и сознательное сотрудничество этих наций ввиду общих целей. Представьте себе, если вы это только можете, общее международное действие рабочих итальянских, венгерских, немецких, польских, русских при политических условиях, господствовавших до 1848 г.!

Таким образом битвы 1848 года были даны не напрасно, и точно так же не напрасно прошли 45 лет, отделяющие нас от этой революционной эпохи. Плоды ее начинают созревать, и все, чего я желаю, это, чтобы опубликование этого итальянского перевода служило хорошим предзнаменованием победы итальянского пролетариата, как опубликование оригинала явилось провозвестником международной революции.

Манифест воздает полную справедливость революционным заслугам, которые капитализм имел в прошлом. Первой капиталистической нацией была Италия. Закат феодального средневековья, заря современной капиталистической эры, отмечены колоссальной фигурой. Это итальянец, это — Данте, в одно и то же время последний поэт средневековья и первый поэт нового времени. Теперь, как и в 1300 году, начинает вырисовываться новая историческая эра. Даст ли Италия нового Данте, который запечатлеет час рождения этой новой пролетарской эры?

Ф. Энгельс.

Лондон, 1 февраля 1893 г.

МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма. Для священной травли этого призрака соединились все силы старой Европы — папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские [1].

Назовите такую оппозиционную партию, которую не шельмовали бы коммунистической ее противники, стоящие у власти, назовите такую оппозиционную партию, которая не посылала бы обратно клеймящего упрека в коммунизме более передовым представителям оппозиции или своим реакционным противникам?

Из этого факта следуют два вывода:

Коммунизм признается уже силою всеми европейскими державами.

Пора уже коммунистам открыто изложить перед целым светом свое мировоззрение, свои цели, свои стремления, и сказке о призраке коммунизма противопоставить Манифест самой партии.

С этой целью коммунисты различных национальностей собрались в Лондон и составили следующий Манифест для обнародования его на английском, французском, итальянском, фламандском и датском языках.

I. БУРЖУА И ПРОЛЕТАРИЙ.

История всего предшествующего общества есть история борьбы классов *).

Свободный и раб, патриций и плебей, барон и крепостной, цеховой мастер и подмастерье, короче, угнетатели и угнетаемые находились в постоянной вражде друг с другом, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, которая каждый раз кончалась революционным переустройством всего общества или совместной гибелью борющихся классов.

В предшествовавшие эпохи истории мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, многообразную лестницу различных общественных положений. В древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев и рабов; в средние века феодалов, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев и крепостных, и почти в каждом из этих классов еще особые подразделения.

---

*) Говоря точно,—та история, о которой существуют письменные свидетельства. В 1847 году была еще почти совершенно неизвестна история первобытного общества, общественная организация, предшествующая всякой писаной истории. С тех пор Гакстгаузен открыл общинное землепользование в России, а Маурер показал, что оно было общественной основой, от которой отправлялись в своем историческом развитии все германские племена. Постепенно оказалось также, что сельская община с общинным землепользованием была первоначальной формой общества от Индии до Ирландии. Наконец, внутренняя организация этого первобытного общества, в его типичной форме, раскрыта была Морганом, выяснившим истинный характер рода (генс) и место, занимаемое родом в племени. Со времени разложения первобытной общины начинается разделение общества на различные; а затем противоположные классы. (Примечание Энгельса к последнему изданию Манифеста [2]).

Выросшее на развалинах феодализма современное буржуазное общество не уничтожило различия классов. Оно только поставило новые классы на место старых, выработало новые способы угнетения и новые виды борьбы.

Наша эпоха,—эпоха буржуазии,—отличается, однако, тем, что она упростила классовое противоречие. Общество все более и более разделяется на два больших враждебных лагеря, на два больших, стоящих друг против друга класса: буржуазию и пролетариат.

Из средневековых крепостных образовалось мещанское население первых городов; из этого мещанства развились первые элементы буржуазии.

Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало новое поприще для растущей буржуазии. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества орудий обращения и вообще товаров дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем значительно ускорили развитие революционного элемента в разлагавшемся феодальном обществе [3].

Прежний феодальный цеховый способ производства не в состоянии был удовлетворить спрос, развившийся вместе с открытием новых рынков. Место это заняла мануфактура. Цеховые мастера вытеснены были промышленным средним сословием; разделение труда между различными корпорациями исчезло перед разделением труда внутри мастерской [4].

Но рынок все более расширялся, спрос постоянно увеличивался. Мануфактурный способ производства, в свою очередь, оказался недостаточным. Тогда пар и машина произвели революцию в промышленности. Место мануфактуры заняла нынешняя крупная промышленность; место промышленного среднего сословия — миллионеры-промышленники, предводители целых промышленных армий, современные буржуа.

Крупная промышленность создала всемирный рынок, подготовленный открытием Америки. Всемирный рынок вызвал колоссальное развитие торговли, мореплавания и средств

сухопутного сообщения. Это снова повлияло на развитие промышленности, и в той же степени, в какой росли промышленность, торговля, мореплавание, железные дороги, развивалась буржуазия, увеличивались ее капиталы, и она отодвигала на задний план все классы, унаследованные от средневекового общества [5].

Мы видим таким образом, что буржуазия является продуктом длинного хода развития, целого ряда переворотов в способах производства и сообщения.

Каждая из этих ступеней развития буржуазии сопровождалась соответствующими ей политическими завоеваниями. То угнетенное под игом феодалов сословие, то вооруженная и самоуправляющаяся ассоциация в городской коммуне *) — здесь независимая городская республика, там третье податное сословие монархического государства, затем в эпоху мануфактуры противовес дворянству в монархии абсолютной или сословной, буржуазия, вообще послужившая главной основой больших монархий,—завоевала себе, наконец, с появлением крупной промышленности и всемирного рынка, исключительную политическую власть в новейшем конституционном государстве. Современная государственная власть есть не что иное, как комитет, заведующий общественными делами буржуазии [6].

Буржуазия играла в истории в высшей степени революционную роль.

Всюду, где она достигла господства, буржуазия разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные нити, связывавшие человека с его наследственными повелителями, и не оставила между людьми никакой связи, кроме голого интереса, бессердечного чистогана. В холодной воде эгоистического расчета потопила она священный порыв набожной мечтательности, рыцарского воодушевления и мещанской сентиментальности. Она превратила в меновую стоимость лич-

*) Так называли горожане Италии и Франции свою городскую общину, после того, как им удалось или откупить, или отвоевать у своих феодальных господ первые права самоуправления.

ное достоинство человека и на место бесчисленного множества видов благоприобретенной и патентованной свободы поставила одну беззастенчивую свободу торговли. Словом, эксплоатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплоатацией открытой, прямой, бесстыдной и сухой [7].

Буржуазия лишила обаяния все те почетные роды деятельности, на которые до сих пор смотрели с благоговейным трепетом. Врача и юриста, священника и поэта, человека науки она превратила в своих наемных работников.

Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и превратила их в дело простого денежного расчета.

Буржуазия разоблачила, что проявление грубой силы, которой реакция так восхищается в средних веках, имело свое естественное дополнение в самом праздном тунеядстве. Только она показала, что может создать деятельность человека Она сотворила совершенно иные чудеса, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы; она совершила совсем иные походы, чем переселение народов и крестовые походы.

Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянных переворотов в орудиях производства, а следовательно, и в отношениях производства, а следовательно, и во всех общественных отношениях. Неизменное сохранение старого способа производства было, напротив, первым условием существования всех предшествовавших ей промышленных классов. Постоянные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечное движение и вечная неуверенность отличают буржуазную эпоху от всех предшествовавших. Все прочные заржавелые отношения, с соответствующими им, исстари установившимися воззрениями и представлениями, разрушаются, все вновь образовавшиеся оказываются устарелыми прежде, чем успевают окостенеть. Все сословное и неподвижное испаряется, все священное оскверняется, и люди вынуждаются, наконец, взглянуть трез-

выми глазами на свои взаимные отношения и свое жизненное положение [8].

Потребность в постоянно возрастающем сбыте для ее продуктов заставляет буржуазию обегать весь земной шар. Всюду она должна проникнуть, всюду она старается внедриться, всюду она завязывает сношения [9].

Своей эксплоатацией всемирного рынка буржуазия преобразовала в космополитическом духе производство и потребление всех стран. К великому огорчению реакционеров, она лишила промышленность национальной почвы. Исконные, национальные отрасли промышленности уничтожены или уничтожаются с каждым днем. Они вытесняются новыми отраслями промышленности, введение которых является вопросом жизни для всех цивилизованных наций, теми отраслями промышленности, которые обрабатывают не только местные сырые продукты, но и произведения самых отдаленных стран, и фабричные продукты которых потребляются не только внутри страны, но и во всех частях света. Прежние потребности, удовлетворявшиеся с помощью местных продуктов, заменились новыми, для удовлетворения которых необходимы произведения отдаленнейших стран и разнообразнейших климатов. Прежняя местная и национальная замкнутость и самодовление уступают место всестороннему обмену и всесторонней взаимной зависимости народов. И как в области материального, так и в области духовного производства. Плоды умственной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся теперь все более и более невозможными, и из многих национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература [10].

Быстрым усовершенствованием орудий производства и бесконечно облегченными средствами сообщения буржуазия толкает на путь цивилизации все, даже самые варварские народы. Низкие цены товаров являются в ее руках тяжелой артиллерией, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Она заставляет все нации

принять буржуазные способы производства, под угрозой полного их разорения; она заставляет их усвоить так называемую цивилизацию, т. е. сделаться буржуа. Словом, она творит новый мир по своему образу и подобию [11].

Буржуазия подчинила деревню господству города. Она вызвала к жизни огромные города, в высокой степени увеличила городское население, сравнительно с сельским, и освободила таким образом значительную часть населения от идиотизма деревенской жизни. И рядом с этим подчинением деревни городу она поставила варварские и полуварварские страны в зависимость от цивилизованных, крестьянские народы — от буржуазных, восток — от запада [12].

Буржуазия все более и более уничтожает раздробление имущества, населения и средств производства. Она сгустила население, централизовала средства производства и концентрировала собственность в немногих руках. Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями, провинции, с различными интересами, законами, управлением и таможенным тарифом, сплотились в одну нацию, с единым правительством, единым законодательством, единым национальным классовым интересом и единой таможенной линией [13].

Менее, чем во сто лет своего господства, буржуазия создала более могущественные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения, вместе взятые. Подчинение сил природы, машины, применение химии к земледелию и промышленности, пароходы, железные дороги, электрические телеграфы, распашка целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые как бы из земли выросшие населения... В каком из предшествующих столетий можно было предполагать, что подобные производительные силы дремлют в недрах общественного труда [14]?

Итак, мы видели: средства производства и сообщения, которые послужили основанием для развития буржуазии, зародились еще в феодальном обществе. На известной ступени развития этих средств производства и сообщения, условия,

среди которых совершались производство и обмен в феодальном обществе, феодальная организация земледелия и промышленности, словом, феодальные имущественные отношения оказались не соответствующими вызванным к жизни производительным силам. Они мешали производству, а не способствовали ему. Они превратились в столь же многочисленные оковы. Они должны были быть разорваны, и они были разорваны.

Место их заняла свободная конкуренция с соответствующим ей общественным и политическим строем, с экономическим и политическим господством буржуазии.

На наших глазах совершается подобное же движение. Буржуазные условия производства и сообщения, буржуазные имущественные отношения, современное буржуазное общество, как бы волшебством создавшее такие могущественные средства производства и сообщения, походит на волшебника, который не в состоянии справиться с вызванными его заклинаниями подземными силами. Вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собой историю возмущения современных производительных сил против современной организации производства, против имущественных отношений, этих условий жизни для буржуазии и ее господства. Достаточно назвать торговые кризисы, которые, возвращаясь периодически, все более и более угрожают существованию всего буржуазного общества. Во время кризисов постоянно уничтожается значительная часть не только готовых уже продуктов, но и находящихся в распоряжении общества производительных сил. Во время кризисов появляется эпидемия, которая во все предшествовавшие эпохи показалась бы нелепостью, эпидемия излишнего производства. Общество вдруг возвращается на некоторое время в варварское состояние; можно подумать, что голод или всеобщая истребительная война лишили его всех жизненных средств; промышленность и торговля как бы уничтожаются — и почему? Потому, что общество слишком цивилизовано, потому, что оно имеет слишком много жизненных средств, потому, что торговля и промышленность его развиты слиш-

ком высоко. Находящиеся в его распоряжении производительные силы не способствуют уже развитию буржуазной цивилизации и буржуазных имущественных отношений; напротив, они стали слишком велики для этих отношений; они встречают в них препятствия, а когда им удается одолеть эти последние, они приводят в расстройство все буржуазное общество, угрожают существованию буржуазной собственности. Буржуазные отношения оказываются слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство. Каким образом буржуазия устраняет кризисы? С одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил; с другой стороны, посредством завоевания новых и более широкой эксплоатации старых рынков. Следовательно, не чем другим, как подготовлением более широких и сильных кризисов и уменьшением средств противодействия им [15].

Оружие, которым буржуазия на-смерть поразила феодализм, направляется теперь против самой буржуазии.

Но она не только выковала оружие, которое нанесет ей смертельный удар, она также породила и людей, которые направят это оружие — современных рабочих, пролетариев.

В той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т. е. капитал, развивается пролетариат, класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят ее только до тех пор, пока труд их увеличивает капитал. Эти рабочие, вынужденные продавать себя в розницу, представляют собой такой же товар, как и всякий другой предмет торговли, а потому находятся в зависимости от всех случайностей конкуренции, от всех колебаний рынка [16].

Работа этих пролетариев, благодаря машинам и разделению труда, совершенно лишилась самостоятельного характера и потеряла поэтому всякую привлекательность для рабочих [17].

Рабочий сделался простым придатком к машине, от которого требуется лишь ряд самых простых, самых однообразных, легче всего изучаемых движений. Издержки на ра-

бочих ограничиваются поэтому почти одними только средствами существования, в которых он нуждается для своего содержания и поддержания своей расы. А цена всякого товара, следовательно и труда, равняется издержкам его производства. Поэтому, чем более труд теряет свою привлекательность, тем более падает и заработная плата. Даже более: в той же степени, в которой возрастает применение машин и разделение труда, возрастает и тяжесть труда. Это достигается либо при помощи удлинения рабочего дня, или путем увеличения напряжения, требуемого от рабочего в данное время, посредством ускорения движения машин и так далее [18].

Современная промышленность превратила маленькую мастерскую патриархального ремесленника в большую фабрику капиталиста. Скученные на фабриках массы рабочих организуются по-солдатски. Как рядовые промышленной армии, становятся они под надзор целой иерархии унтер-офицеров и офицеров. Они рабы не только целого класса буржуазии, буржуазного государства; ежедневно и ежечасно порабощаются они машиной, надсмотрщиками, а, прежде всего, разумеется, самим буржуа-предпринимателем. И тем мелочнее, тем ненавистнее становится этот деспотизм, тем более оставляет он горечи, чем откровеннее провозглашается нажива его последней целью [19].

Чем менее ловкости и силы требует ручной труд, т. е. чем более развивается современная промышленность, тем более труд мужской вытесняется трудом женским. По отношению к рабочему классу различие пола и возраста утрачивает всякое общественное значение. Существуют только рабочие инструменты, цена которых изменяется сообразно с возрастом и полом [20].

Когда фабриканты выжимают все, что можно из рабочих, и последние получают, наконец, свою заработную плату, на них набрасываются другие части буржуазии: домовладельцы, лавочники, ростовщики и т. д. [21].

Прежние низшие слои среднего сословия, мелкие промышленники, купцы и рантье, ремесленники и крестьяне, все эти классы все более и более опускаются в ряды про-

летариата, частью потому, что их незначительный капитал недостаточен для крупного производства и не выдерживает конкуренции больших капиталов, частью потому, что их техническая ловкость теряет свое значение при новых способах производства. Так рекрутируется пролетариат из всех классов населения [22].

Пролетариат проходит через различные ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается с самым его существованием.

Сначала рабочие борются по одиночке, потом сплачиваются рабочие одной фабрики, далее—одной отрасли промышленности в известной местности против отдельных, непосредственно их эксплоатирующих буржуа. Они нападают не только на буржуазные условия производства, но и на самые средства производства: они разбивают машины, уничтожают иностранные конкурирующие товары, поджигают фабрики, они стараются восстановить разрушенное положение средневекового рабочего [23].

На этой ступени развития рабочие представляют собой рассеянную по всей стране и разъединенную конкуренцией массу. Массовые движения рабочих не являются тогда следствием самостоятельного их сплочения, но вызываются буржуазией, которая, для достижения своих политических целей, должна и пока еще может приводить в движение весь рабочий класс. На этой ступени рабочие борются, следовательно, не с своим собственным неприятелем, они побивают врагов своих врагов — остатки абсолютной монархии, поземельных собственников, непромышленную буржуазию, мелкую буржуазию. Все историческое движение концентрируется, таким образом, в руках буржуазии. Каждая победа, которую удается одержать этим путем, есть победа буржуазии [24].

Но с развитием промышленности увеличивается не только численный состав пролетариата; он группируется в большие массы, сила его растет, и он все более сознает ее. Интересы и жизненное положение рабочих все более и более приводятся к одному уровню, так как машинное производство все более и более стирает различие между всеми отраслями

труда и почти повсюду низводит рабочую плату до одинаково низкого уровня. Усиливающаяся конкуренция предпринимателей и вызываемые ею торговые кризисы обусловливают более сильные колебания заработной платы; непрестанное совершенствование машин, развивающееся с возрастающей быстротой, делает жизненное положение рабочих все менее и менее обеспеченным; столкновения между отдельными работниками и предпринимателями все более и более принимают характер столкновений двух классов общества. Рабочие начинают устраивать коалиции для совместной борьбы против буржуа; совокупными силами отстаивают они свою заработную плату. Они устраивают даже постоянные ассоциации, которые могли бы поддерживать их в минуты активной борьбы. Местами борьба эта переходит в открытые восстания [25].

Иногда рабочие остаются победителями, но не надолго. Существенным результатом их борьбы является не непосредственный успех, но все более возрастающее сплачивание их между собой. Ему способствует вызываемое развитием крупной промышленности улучшение средств сообщения, которое приводит в соприкосновение рабочих различных местностей. Только это соприкосновение и нужно, чтобы борьбу рабочих отдельных местностей, повсюду носящую один и тот же характер, превратить в национальную классовую борьбу. Но всякая классовая борьба есть борьба политическая. И объединение, для которого средневековым гражданам, с их проселочными дорогами, нужны были столетия, совершается современными рабочими, благодаря железным дорогам, в немногие годы [26].

Эта организация пролетариев в отдельный класс, а вместе с тем и в политическую партию, ежеминутно разбивается конкуренцией рабочих между собою. Но она возникает снова и снова, каждый раз крепче, сильнее, могущественнее. Пользуясь взаимными несогласиями различных слоев буржуазии, она добивается признания некоторых интересов рабочих в форме закона. Так было с десятичасовым биллем в Англии.

Несогласия внутри старого общества всегда способствуют,

так или иначе, развитию пролетариата. Буржуазия ведет постоянную борьбу: сначала — против аристократии, потом против тех слоев своего класса, интересам которых противоречит развитие крупной промышленности, и постоянно против буржуазии других государств. В каждом из этих случаев буржуазия вынуждена обращаться к пролетариату, просить его помощи и вовлекать его таким образом в политическое движение. Она сама передает, следовательно, пролетариату элементы своего собственного образования, т. е. вручает ему оружие против себя самой.

К тому же, как мы видели, прогресс промышленности толкает целые слои господствующего класса в ряды пролетариата, или, по крайней мере, угрожает их условиям существования. Они также являются воспитательным элементом в среде пролетариата.

Наконец, в те периоды, когда борьба классов близится к развязке, процесс разложения в среде господствующего класса, внутри всего старого общества, принимает такой сильный, такой резкий характер, что некоторая часть господствующего класса отделяется от него и примыкает к революционному классу, несущему знамя будущего. Как часть дворянства соединилась некогда с буржуазией, так переходит теперь к пролетариату часть буржуазии, именно буржуа-идеологи, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения [27].

Из всех классов, противостоящих теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности; пролетариат же именно ею и создается.

Средние слои, мелкие промышленники, мелкие купцы, ремесленники, крестьяне, все они борются против буржуазии, чтобы отстоять свое существование, как средних слоев. Следовательно, они не революционны, а консервативны. Более того, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, по-

сколько они защищают не современные, но будущие свои интересы, поскольку они покидают свою точку зрения и становятся на точку зрения пролетариата.

Пролетариат оборванцев (люмпен-пролетариат), этот пассивный продукт разложения самых низших слоев старого общества, местами вовлекается в движение пролетарской революцией, но, по всей своей жизненной обстановке, он гораздо более склонен продавать себя для реакционных козней [28].

Жизненные условия старого общества уже уничтожены в жизненных условиях пролетариата. Пролетарий не имеет собственности; его отношения к жене и детям не имеют более ничего общего с буржуазными семейными отношениями; современный промышленный труд, современное иго капитала, одинаковое как в Англии, так и во Франции, как в Америке, так и в Германии, стерло с него всякий национальный характер. Законы, мораль, религия являются для него не более, как буржуазными предрассудками, под которыми скрываются те или другие буржуазные интересы [29].

Все предшествующие пролетариату классы, достигая господства, старались упрочить уже приобретенное ими общественное положение, ставя все общество в условия, наиболее благоприятные для их обогащения. Пролетарии же могут овладеть общественными производительными силами только тогда, когда уничтожат свой собственный, а вместе с тем и все современные способы приобретения имущества. Пролетариям нечего упрочивать, они должны, напротив, разрушать все упрочившиеся способы частного обогащения и частного обеспечения.

Все возникавшие до сих пор движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Движение пролетариата есть самостоятельное движение подавляющего большинства в интересах подавляющего большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться, не уничтожая в прах всю возвышающуюся над ним надстройку из слоев, образующих официальное общество.

Если не по сущности, то по форме борьба пролетариата против буржуазии есть прежде всего борьба национальная. Пролетариат каждой страны, естественно, должен прежде всего покончить с своей собственной буржуазией.

Таким образом, очерчивая самые общие фазы развития пролетариата, мы проследили более или менее скрытую гражданскую войну, происходящую в недрах современного общества, вплоть до того пункта, когда эта война превращается в открытую революцию, и пролетариат, путем насильственного низвержения буржуазии, кладет основание своему господству [30].

Все доныне существовавшие виды общественного устройства основывались, как мы видели, на противоположности угнетенных и угнетающих классов. Но, чтобы угнетать известный класс, нужно создать условия, среди которых он мог бы, по крайней мере, поддержать свое подневольное существование. Под гнетом лежащего на нем ига, крепостной возвысился, однако, до степени члена коммуны, подобно тому, как горожанин, несмотря на гнет феодального абсолютизма, вырос до буржуа. Напротив, современный рабочий, вместо того, чтобы возвышаться с прогрессом промышленности, все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится нищим, и нищета развивается еще быстрее, чем население и богатство. Все более делается очевидным, что буржуазия неспособна оставаться господствующим классом и возводить условия своего существования в норму, регулирующую весь общественный строй. Она неспособна к господству, потому что она не может обеспечить своему рабу даже его рабское существование, потому что она вынуждена довести его до такого состояния, в котором она должна кормить его, вместо того, чтобы существовать на его счет. Общество не может более жить под ее властью; другими словами, жизнь буржуазии несовместима с жизнью общества.

Самое важное условие существования и господства буржуазного класса есть накопление богатства в руках частных лиц, образование и умножение капитала. Условие существо-

вания капитала есть наемный труд. Наемный труд основывается исключительно на конкуренции рабочих между собою. Прогресс промышленности, безвольным и пассивным носителем которого является буржуазия, ставит на место разъединения рабочих посредством конкуренции революционное объединение посредством ассоциации. С развитием крупной промышленности вырывается, следовательно, из-под ног буржуазии то самое основание, на котором она производит и присваивает себе продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее поражение и победа пролетариата одинаково неизбежны [31].

II. ПРОЛЕТАРИИ И КОММУНИСТЫ.

В каком отношении стоят коммунисты к пролетариям вообще?

Коммунисты не составляют какой-либо особой партии, противостоящей другим рабочим партиям.

У них нет таких интересов, которые не совпадали бы с интересами всего пролетариата.

Они не выставляют никаких особых принципов, сообразно которым они хотели бы формовать движение пролетариев.

Коммунисты отличаются от других рабочих партий только тем, что: с одной стороны, в движении пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависимые от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны—тем, что на различных стадиях развития, через которые проходит борьба пролетариев против буржуазии, они всегда защищают общие интересы движения в его целом.

Таким образом, коммунисты на практике представляют собою самую решительную, всегда толкающую вперед часть рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении они имеют перед остальной массой пролетариата то преимущество, что понимают условия, ход и общие результаты рабочего движения. Ближайшая цель коммунистов—та же, что и других рабочих партий: организация рабочего класса, свержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти [32].

Теоретические положения коммунистов ни в каком случае не основываются на идеях и принципах, открытых и установленных тем или другим обновителем мира.

Они представляют собою лишь общее выражение действительных условий существующей ныне борьбы классов, совершающегося на наших глазах исторического движения. Уничтожение старых форм имущественных отношений не является целью, свойственной исключительно коммунистам.

Имущественные отношения всегда подлежали постоянной исторической смене, постоянным историческим изменениям.

Так, например, французская революция уничтожила феодальную форму собственности в пользу собственности буржуазной.

Характерною особенностью коммунизма является не уничтожение собственности вообще, а уничтожение собственности буржуазной.

Но современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение способа производства и присвоения продуктов, основанного на антагонизме классов, на эксплоатации одних другими.

В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности.

Нас, коммунистов, упрекали в том, что мы хотим будто бы уничтожить собственность, приобретенную личным трудом, собственность, служащую основанием личной свободы, самодеятельности и самостоятельности.

Заработанная, нажитая, благоприобретенная собственность! Говорите ли вы о мелко-мещанской и о крестьянской собственности, которая предшествовала собственности буржуазной? Нам нечего уничтожать ее: развитие крупной промышленности уничтожило или уничтожает ее ежедневно [33].

Или вы говорите о современной, буржуазной частной собственности?

Но разве наемный труд, труд пролетария, создает ему собственность? Никогда. Его труд создает капитал, т. е. собственность, эксплоатирующую наемный труд, собственность, которая может умножаться только тогда, когда она создает но-

вый наемный труд, чтобы вновь его эксплоатировать. В ее теперешнем виде собственность основывается на противоположности между капиталом и наемным трудом. Рассмотрим же обе стороны этой противоположности.

Быть капиталистом значит: занимать в производстве не только личное, но и известное общественное положение. Капитал есть продукт общего труда и может быть приведен в движение лишь совместной деятельностью многих членов, в последнем счете — всех членов общества.

Следовательно, капитал есть не личная, а общественная сила.

Если поэтому капитал будет обращен в общую, всем членам общества принадлежащую, собственность, то это не будет превращением личной собственности в общественную. Изменится только общественный характер собственности, она потеряет свой классовый характер [34].

Перейдем к наемному труду.

Средняя цена наемного труда есть минимум заработной платы, т.-е. сумма жизненных средств, необходимых для поддержания жизни рабочих. Таким образом того, что приобретает рабочий своею деятельностью, только хватает для поддержания его существования. Мы вовсе не хотим уничтожить это личное присвоение продуктов труда, необходимых для непосредственного поддержания жизни, это присвоение, которое не оставляет никакого чистого дохода, дающего власть над чужим трудом. Мы хотим только уничтожить нищенский характер этого присвоения, благодаря которому рабочий живет лишь для того, чтобы увеличивать капитал, и живет только до тех пор, пока того требуют интересы господствующего класса [35].

В буржуазном обществе живой труд есть только средство увеличения накопленного труда. В коммунистическом обществе накопленный труд есть только средство расширить, обогатить, повысить уровень жизни рабочего.

Таким образом, в буржуазном обществе прошедшее господствует над настоящим, в коммунистическом — настоящее над прошедшим. В буржуазном обществе капитал самостоя-

телен и личен, трудящийся же индивидуум несамостоятелен безличен.

И уничтожение этих-то отношений буржуазия называет уничтожением личности и свободы! И она права. Речь идет, действительно, об уничтожении буржуазной личности, буржуазной самостоятельности, буржуазной свободы [36].

При современных буржуазных условиях производства под свободой понимают свободу торговли, свободу купли и продажи.

С падением барышничества падает, конечно, и свободное барышничество. Защита свободного барышничества, как и все буржуазные доводы в защиту свободы, имеет смысл лишь по отношению к несвободному барышничеству, к подневольному горожанину средних веков, но не по отношению к коммунистическому уничтожению барышничества, буржуазных условий производства и самой буржуазии.

Вы возмущаетесь тем, что мы хотим уничтожить частную собственность. Но в вашем теперешнем обществе она уничтожена уже для девяти десятых населения. Она существует именно потому, что не существует для этих девяти десятых. Вы упрекаете нас, следовательно, в том, что мы хотим уничтожить такую собственность, необходимой предпосылкой которой является отсутствие ее у огромного большинства членов общества.

Словом, вы упрекаете нас в том, что мы хотим уничтожить вашу собственность. И, действительно, мы хотим этого.

С той минуты, когда работа не будет более превращаться в капитал, деньги, поземельную ренту, короче — в общественную силу, которая может быть монополизованной, т. е. с той минуты, когда личная собственность не будет превращаться в собственность буржуазную, с этой минуты, заявляете вы, человеческая личность будет уничтожена.

Вы сами сознаетесь, таким образом, что под человеческою личностью вы понимаете только буржуа, обладателя буржуазной собственностью. Такая личность, действительно, должна быть уничтожена [37].

Коммунизм никому не помешает присваивать себе обще-

ственные продукты, он устранит только возможность пользоваться этим присвоением для подчинения чужого труда.

Возражают также, что с уничтожением частной собственности прекратится всякая деятельность и воцарится всеобщая лень.

Если бы это опасение было основательно, то буржуазное общество давно уже должно было бы разрушиться благодаря всеобщей неохоте к труду; ведь трудящиеся его члены ничего не приобретают, а приобретающие не трудятся. Все эти опасения сводятся к простой тавтологии, что не будет наемного труда там, где не будет более капитала [38].

Все возражения против коммунистического способа производства и присвоения материальных продуктов распространялись также и на производство и присвоение продуктов умственного труда. Подобно тому, как уничтожение классовой собственности представляется буржуазии уничтожением самого производства, так и уничтожение классового характера современного образования кажется ей равносильным уничтожению образования вообще.

Образование, гибель которого она оплакивает, для огромного большинства является не более, как преобразованием в машину [39].

Но не спорьте же с нами, оценивая уничтожение буржуазной собственности с точки зрения ваших буржуазных понятий о свободе, образовании, праве и т. д. Ваши идеи сами порождены буржуазными условиями производства и собственности, точно так же, как ваше право есть только возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями существования вашего класса.

Эгоистическое представление, при помощи которого вы превращаете ваши производственные и имущественные отношения из отношений, исторически сложившихся и изменяющихся в ходе развития того же производства, в вечные законы природы и разума, это представление вы разделяете со всеми, прежде вас господствовавшими классами. Когда заходит речь о буржуазной собственности, вы не хотите по-

нять то, что кажется вам понятным, когда говорят о собственности античной или феодальной [40].

Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов.

На чем держится современная буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии, но она находит своё дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в открытой проституции.

Буржуазная семья, естественно, должна будет пасть вместе с падением этого ее дополнения, и обе они вместе исчезнут с исчезновением капитала.

Упрекнете ли вы нас в том, что мы хотим прекратить эксплоатацию детей родителями? Мы заранее сознаемся в этом преступлении.

Но вы утверждаете, что, заменяя домашнее воспитание общественным, мы уничтожаем самые задушевные отношения.

А разве ваше воспитание не определяется также обществом? Разве не определяется оно общественными отношениями, внутри которых вы воспитываете, прямым и косвенным вмешательством общества, организацией школ и т. д.? Не коммунисты выдумали влияние общества на воспитание; они только меняют характер воспитания, устраняют влияние на него господствующего класса.

Буржуазные разглагольствования о семье и о воспитании, о задушевных отношениях родителей к детям, внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата, благодаря крупной промышленности, и чем более дети рабочих превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты.

Но вы, коммунисты, хотите ввести общность жен! — кричит нам хором вся буржуазия.

Буржуа смотрит на свою жену, как на простое орудие производства. Он слышит, что орудия производства должны быть предоставлены в общее пользование, и, естественно, приходит к тому заключению, что и женщины подвергнутся той же участи.

Он и не подозревает, что речь идет об устранении того положения женщины, в котором она является простым орудием производства.

Впрочем, нет ничего смешнее высоконравственного ужаса наших буржуа по поводу воображаемой официальной общности жен коммунистов. Коммунистам не нужно вводить общность жен, она почти всегда существовала.

Не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери пролетариев, не говоря уже об официальной проституции, наши буржуа находят особенное наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга.

В действительности буржуазный брак является общностью жен. Коммунистов можно было бы упрекнуть разве лишь в том, что они хотят поставить официальную, открытую общность жен на место лицемерно скрываемой. Но само собою разумеется, что с уничтожением современных условий производства исчезнет и создаваемая ими общность жен, т. е. официальная и неофициальная проституция [41].

Коммунистов упрекают, далее, в том, что они хотят будто бы уничтожить отечество, национальность.

Рабочие не имеют отечества. Нельзя лишить их того, чего у них нет. Стремясь прежде всего завоевать политическое господство, организоваться в один национальный класс, конституироваться, как нация, пролетариат еще остается национальным, хотя совершенно не в том смысле, как понимает это слово буржуазия.

Национальная обособленность и противоположность интересов различных народов уже теперь все более и более исчезает, благодаря развитию буржуазии, свободе торговли, всемирному рынку, однообразию способов производства и соответствующих им жизненных отношений.

Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение. Соединение усилий, по крайней мере, цивилизованных стран есть одно из первых условий освобождения пролетариата.

В той же степени, в какой уничтожена будет эксплоатация одного индивидуума другим, уничтожается и эксплоатация одной нации другою.

Вместе с антагонизмом классов внутри нации падут и враждебные отношения наций между собою [42].

Обвинения, возводимые на коммунистов с точек зрения религиозной, философской и вообще идеологической, не заслуживают более подробного рассмотрения.

Трудно ли понять, что с образом жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытом меняются также и их представления, их воззрения, их понятия, словом, все их сознание?

Что же доказывает история идей, если не то, что умственная деятельность преобразуется вместе с материальной? Господствующими идеями данного времени всегда были только идеи господствующего класса.

Говорят об идеях, которые революционизируют все общество; этим выражается только тот факт, что внутри старого общества образовались элементы нового строя, что рядом с разрушением старых условий жизни идет разложение старых идей.

Когда древний мир пришел в упадок, древние религии были побеждены христианством. Когда христианские идеи уступали место просветительным идеям XVIII века, феодальное общество вело борьбу на жизнь и на смерть с революционной тогда буржуазией. Идеи свободы совести и религии выражали собою лишь господство свободной конкуренции в области знания [43].

„Но, — скажут нам, — религиозные, нравственные, философские, политические, правовые и т. п. идеи менялись, конечно, в ходе исторического развития; однако религия, нравственность, философия, политика, право всегда сохранялись в этом беспрерывном изменении.

„Существуют, кроме того, вечные истины: свобода, справедливость и т. п., которые одинаково принадлежат всем фазам общественного развития. Коммунизм же уничтожает общие истины, он уничтожает религию и нравственность вместо того, чтобы преобразить их; он противоречит, следовательно, всему ходу исторического развития".

К чему сводится это обвинение? История всех доныне

существовавших обществ основывалась на противоположности классов, принимавшей в различные эпохи различные виды.

Но какую бы форму она ни принимала, эксплоатация одной части общества другою является фактом, общим всем прошлым столетиям. Неудивительно поэтому, что общественное сознание всех веков, несмотря на все различия и на все разнообразие, вращалось до сих пор в известных общих формах, формах сознания, которые исчезнут совершенно лишь с полным уничтожением противоположности классов.

Коммунистическая революция есть самый радикальный разрыв с существующими имущественными отношениями; неудивительно, что она самым радикальным образом разрывает с традиционными идеями [44].

Оставим, однако, возражения буржуазии против коммунистов.

Мы уже видели выше, что первым шагом рабочей революции должно быть возвышение пролетариата на степень господствующего класса, завоевание демократии.

Пролетариат воспользуется своим политическим господством, чтобы постепенно отнять у буржуазии весь капитал, чтобы централизовать все орудия труда в руках государства, т. е. организованного в качестве господствующего класса пролетариата и, по возможности, скорее увеличить массу производительных сил [45].

Конечно, сначала это может совершиться только путем деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные условия производства, следовательно путем мероприятий, которые, с экономической точки зрения, кажутся недостаточными и ненадежными, но которые в ходе движения перерастут самих себя и неизбежны как средство для преобразования всего способа производства.

Эти мероприятия будут, конечно, различны в различных странах.

Однако в наиболее цивилизованных странах могли бы почти повсюду быть приняты следующие общие меры:

1. Экспроприация поземельной собственности и обращение поземельной ренты на покрытие государственных расходов.

2. Высокий прогрессивно-подоходный налог.

3. Уничтожение права наследства.

4. Конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков.

5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и исключительной монополией.

6. Централизация транспорта в руках государства.

7. Увеличение числа государственных фабрик и орудий производства, возделывание и улучшение полей по общему плану.

8. Одинаковая трудовая повинность для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.

9. Соединение земледельческого труда с фабричным, постепенное уничтожение различия между городом и деревней.

10. Общественное и даровое воспитание всех детей. Устранение фабричной работы детей в современной ее форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.[46].

Когда в процессе развития будут уничтожены различия классов и все производство сосредоточится в руках ассоциированных индивидуумов, общественная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть, в собственном смысле этого слова, есть организованная сила одного класса, имеющая целью подчинение другого класса. Если пролетариат в борьбе против буржуазии необходимо объединяется как класс, путем революции становится господствующим классом и, как господствующий класс, насильственно уничтожает старые условия производства, то вместе с последними он уничтожает также и условия существования антагонизма классов, классы вообще, а тем самым и собственное классовое господство.

Место старого буржуазного общества, с его классами и антагонизмом классов, займет ассоциация, в которой свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех [47].

III. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1) *Реакционный социализм.*

а) Феодальный социализм.

Английская и французская аристократия, по самому историческому ее положению, была призвана писать памфлеты против современного буржуазного общества. Во французской июльской революции 1830 года и в английском движении в пользу парламентской реформы она еще раз была побеждена ненавистным ей выскочкой. О серьезной политической борьбе не могло быть более и речи. Оставалась только литературная борьба [48]. Но и в литературе говорить языком времен реставрации было уже невозможно *). Чтобы приобрести сочувствие, аристократия должна была сделать вид, что заботится уже не о своих собственных интересах, а составляет свой обвинительный акт против буржуазии только в интересах эксплоатируемого рабочего класса. Она доставляла себе таким образом удовольствие сочинять пасквили на своего нового господина и шептать ему на ухо более или менее грозные пророчества.

Так возник феодальный социализм, частью жалоба, частью пасквиль, частью отголосок прошлого, частью угроза будущего, по временам метко поражающий буржуазию горьким, остроумным и едким суждением, но всегда производящий коми-

*) Речь идет не об английской реставрации (1660—1689), а о французской (1814—1830). — *Примечание Энгельса к английскому изданию.*

ческое впечатление полною неспособностью понять ход новейшей истории.

Аристократия потрясала нищенской сумой пролетариев, как знаменем, чтобы собрать вокруг себя народ. Но, последовав за нею, он тотчас же замечал на ее спине старые феодальные гербы и разбегался с громким и непочтительным смехом.

Часть французских легитимистов и „молодая Англия" разыграли эту комедию наилучшим образом.

Когда феодалы доказывают, что их способ эксплоатации имел другой вид, чем современная буржуазная эксплоатация, они забывают при этом, что они эксплоатировали при совершенно других, ныне уже вполне отживших, условиях и обстоятельствах. Когда они указывают, что во время их господства не существовало современного пролетариата, то они забывают, что именно современная буржуазия была необходимым отпрыском их общественного строя.

Впрочем, они так мало скрывают реакционный характер своей критики, что главное обвинение их против буржуазии как раз и состоит в том, что при ее господстве развивается класс, который взорвет на воздух весь старый общественный порядок.

Они упрекают буржуазию гораздо более в том, что она порождает революционный пролетариат, чем в том, что она создала пролетариат вообще.

В политической практике они принимают поэтому участие во всех насильственных мерах против рабочего класса, а в обыденной жизни, вопреки своим напыщенным словоизвержениям, любят подбирать золотые яблоки и не без выгоды обменивают свою „преданность", „любовь", „честь" на шерсть, свекловицу и водку *) [49].

*) Это относится, главным образом, к Германии, где поземельная аристократия и юнкеры при помощи управляющих обрабатывают бо́льшую часть своих имений за собственный счет и являются к тому же крупными производителями свекловицы и водки. Более богатая британская аристократия выше этого, но и она прекрасно умеет вознаграждать себя за падение ренты, отдавая свое имя, чтобы покрыть делишки более или менее сомнительных акционерных компаний (*Энгельс*).

Как поп шел всегда рядом с феодалами, так и поповский социализм не отстает от феодального.

Нет ничего легче, как придать христианскому аскетизму социалистический оттенок. Разве христианство не ратовало также против частной собственности, против семьи и государства? Разве не проповедывало оно благотворительности и нищенства, безбрачия и умерщвления плоти, затворничества и церкви? Христианский социализм есть святая вода, которою поп кропит озлобление аристократа [30].

б) Мелко-буржуазный социализм.

Феодальная аристократия — не единственный класс, который был низвергнут буржуазией, условия жизни которого засохли и зачахли в современном и буржуазном обществе. Средневековое мещанство и мелкое крестьянство были предшественниками современной буржуазии. В странах, менее развитых в промышленном и торговом отношениях, класс этот и до сих пор прозябает рядом с развивающейся буржуазией.

В тех странах, где развилась современная цивилизация, образовался и, как дополнительная часть буржуазного общества, постоянно вновь образуется — новый слой мелкой буржуазии, колеблющийся между пролетариатом и буржуазией. Но конкуренция постоянно сталкивает принадлежащих к этому классу лиц в ряды пролетариата, и они уже начинают предвидеть приближение того момента, когда, с развитием крупной промышленности, они совершенно исчезнут, как самостоятельная часть современного общества, и в торговле, мануфактуре и земледелии будут замещаться надзирателями и прислугой.

В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно, что писатели, выступившие в защиту пролетариата против буржуазии, прикладывали к буржуазному режиму мелко-буржуазную и мелко-крестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелко-буржуазной точки зрения. Так возник мелко-буржуазный социализм. Сисмонди стоит во главе этого рода литературы не только во Франции, но также и в Англии.

Этот социализм прекрасно умел подметить противоречия современных условий производства. Он разоблачил мишурные прикрасы экономистов. Он неопровержимо доказал разрушительное действие машин и разделение труда, концентрацию капиталов и землевладения, перепроизводство, кризисы, неизбежную гибель мелкой буржуазии и крестьянства, нищету пролетариата, анархию в производстве, вопиющие неправильности в распределении богатства, разорительную промышленную войну наций между собой, разложение старых нравов, старых семейных отношений, старых национальностей.

По своему положительному содержанию этот социализм стремится или восстановить старые средства производства и сношения, а вместе с ними и старые имущественные отношения и старое общество; или же он старается насильно удержать новейшие средства производства и сношения в рамке старых имущественных отношений, которые они уже разбили и необходимо должны были разбить. В обоих случаях он является одновременно реакционным и утопическим.

Цеховая организация промышленности и патриархальное сельское хозяйство являются последним его словом.

В дальнейшем своем развитии направление это выродилось в трусливое нытье [51].

в) Немецкий или „истинный" социализм.

Социалистическая и коммунистическая литература Франции, возникшая под давлением господства буржуазии и служившая литературным выражением борьбы против этого господства, проникла в Германию в то время, когда тамошняя буржуазия только что начала свою борьбу против феодального абсолютизма.

Немецкие философы, полуфилософы и беллетристы с жадностью набросились на эту литературу. Они забыли только, что французские условия жизни не были перенесены в Германию вместе с французской литературой: в общественных условиях тогдашней Германии эта французская литература лишилась всякого непосредственного практического значения

и приняла характер простого литературного течения. Она по необходимости явилась там праздным умозрением о воплощении в жизни человеческой сущности. Так, для немецких философов XVIII века требования первой французской революции имели смысл лишь как требования „практического разума", волеизъявления революционной французской буржуазии представлялись им законами „чистой воли", как она должна быть, истинно человеческой воли.

Все дело немецких литераторов состояло в том, чтобы согласовать со своей старой философской совестью новые французские идеи, или, вернее, в том, чтобы усвоить себе французские идеи, оставаясь на своей старой философской точке зрения.

Это усвоение совершалось таким же путем, каким происходит усвоение иностранного языка, т. е. посредством перевода.

Известно, что на манускриптах, содержащих в себе классические произведения древнего языческого мира, монахи записывали нелепые жизнеописания католических святых. Немецкие писатели поступили со светской французской литературой как раз наоборот. Под французский оригинал они вписали свои философские бессмыслицы. Так, например, из-под французской критики денежного хозяйства у них проглядывало „отчуждение человеческой сущности", из-под французской критики буржуазного государства проступало „уничтожение господства абстрактно-всеобщего" и т. д.

Эту подмену французских рассуждений философскими словопрениями они окрестили „философией дела", „истинным социализмом", „немецкой наукой социализма", „философским обоснованием социализма" и т. д.

Французская социалистическая и коммунистическая литература была таким образом совершенно выхолощена. И так как в руках немцев она перестала выражать борьбу одного класса против другого, то немцы вообразили, что они преодолели „французскую односторонность", и стали отстаивать вместо истинных потребностей потребность в истине, вместо интересов пролетариата — интересы сущности человека, че-

ловека, не принадлежащего ни к какому классу и существующего поэтому не в действительности, а в небесных туманностях философской фантазии.

Этот немецкий социализм, так серьезно и так торжественно занимавшийся своими тяжеловесными школьными упражнениями, так громко трубивший о них по всему свету, лишился, однако, мало-по-малу своей педантической невинности.

Борьба немецкой и особенно прусской буржуазии против феодалов и королевского абсолютизма, — словом, либеральное движение приняло более серьезный характер.

„Истинному" социализму представлялся таким образом желанный случай противопоставить политическому движению социалистические требования, расточать традиционные проклятия либерализму, представительному правлению, буржуазной конкуренции, буржуазной свободе слова, буржуазному праву, буржуазной свободе и равенству и пропагандировать народной массе, что в этом буржуазном движении она ничего не может выиграть, но скорее рискует потерять все. Немецкий социализм весьма кстати забывал о том, что французская критика, неразумным отголоском которой он явился, предполагает современное буржуазное общуство с соответствующими ему материальными условиями существования и подходящей политической конституцией, т. е. именно те предпосылки, о завоевании которых только еще шла речь в Германии.

Немецким абсолютным правительствам, со всей их свитою попов, школьных учителей, юнкеров и бюрократов, он служил очень удобным пугалом против угрожающе наступавшей буржуазии. Он составил слащавое дополнение к горьким расправам посредством ударов кнута и ружейных пуль, которыми эти самые правительства отвечали на восстания рабочих.

Если „истинный" социализм стал таким образом в руках правительства оружием против немецкой буржуазии, то он и непосредственно представлял реакционные интересы, интересы немецкой мелкой буржуазии.

В Германии мелкая буржуазия, унаследованная еще от XVI столетия и с тех пор постоянно возникающая вновь

в той или иной форме, является настоящей общественной основой существующего порядка вещей.

Сохранение мелкой буржуазии, это—сохранение существующего в Германии порядка вещей. Со страхом ждет она от промышленного и политического господства буржуазии своей верной гибели в силу концентрации капитала, с одной стороны, и вследствие развития революционного пролетариата, с другой — „истинный" социализм, казалось ей, убивал двух зайцев одним выстрелом. И он распространялся, подобно эпидемии.

Сотканный из умозрительной паутины, расшитый причудливыми цветами краснословия, смоченный слезами чувствительного умиления, покров, в который немецкие социалисты облекали свои две-три костлявые „вечные истины", только содействовал сбыту их товаров среди этой публики.

С своей стороны, немецкий социализм все более сознавал, что его призвание быть высокопарным защитником этого мещанства.

Немецкую нацию он провозгласил нормальной нацией, а немецкого филистера нормальным человеком. В каждую его низость он вкладывал скрытый, высший социалистический смысл, обращавший ее в прямую ее противоположность. Он сделал лишь последний вывод, когда он выступил непосредственно против „грубо-разрушительного" направления коммунизма и провозгласил, что в своем партийном беспристрастии он витает выше всякой борьбы классов. За весьма немногими исключениями, все циркулирующие в Германии так называемые социалистические и коммунистические писания принадлежат к этой грязной расслабляющей литературе *) [52].

2) Консервативный или буржуазный социализм.

Известная часть буржуазии желает устранить социальные бедствия, чтобы упрочить существование буржуазного общества.

---

1) Революционная буря 1848 г. унесла все это жалкое направление и отбила у его представителей всякую охоту и впредь заниматься социализмом. Главным представителем и классическим типом этого направления является г. Карл Грюн.

К ней принадлежат экономисты, филантропы, гуманные люди, реформаторы, стремящиеся улучшить положение рабочего класса, организаторы благотворительности, покровители животных, учредители обществ трезвости, крохотные реформаторы всевозможных сортов. Этот буржуазный социализм создал даже целые системы.

Для примера укажем на „Философию нищеты" Прудона [53].

Буржуазные социалисты хотят сохранить основные условия современного общества, устранив борьбу и опасности, составляющие необходимое их следствие. Они хотят иметь современное общество без революционизирующих и разлагающих его элементов. Они хотят буржуазию без пролетариата. Буржуазии естественно кажется лучшим из миров тот мир, в котором она господствует. Буржуазный социализм возводит это радужное представление в более или менее полную систему. Предлагая пролетариату осуществить его системы и вступить таким образом в новый Иерусалим, этот социализм, в сущности, требует только, чтобы рабочий продолжал жить в буржуазном обществе, но перестал его ненавидеть.

Другая, менее систематическая и более практическая форма этого социализма старается отвратить рабочих от всякого революционного движения, утверждая, что не те или другие политические изменения, а лишь преобразование материальных условий жизни, экономических отношений может принести пользу рабочему классу. Но под преобразованием материальных условий жизни этот социализм понимает вовсе не уничтожение буржуазных условий производства, возможное только путем революции, а административные улучшения, совершающиеся на почве этой же самой организации производства, следовательно, ничего не изменяющие в отношениях капитала к наемному труду и, в лучшем случае, только уменьшающие для буржуазии издержки ее господства и упрощающие государственное хозяйство.

Наиболее подходящее для себя выражение буржуазный социализм находит лишь тогда, когда превращается в простую риторическую фигуру.

Свободная торговля в интересах рабочего класса! Покро-

вительственный тариф в интересах рабочего класса! Одиночное тюремное заключение в интересах рабочего класса! Это — единственное искреннее слово буржуазного социализма.

Весь буржуазный социализм заключается в повторении того, что буржуа сделались буржуа единственно в интересах рабочего класса [54].

3) Критически-утопический социализм и коммунизм.

Мы не говорим здесь о литературе, которая во всех великих революциях нового времени выражала требования пролетариата (сочинения Бабефа и т. д.) [55].

Первые попытки пролетариата доставить непосредственное торжество своим классовым интересам, имевшие место во время всеобщего возбуждения умов, в период низвержения феодального строя, необходимо должны были разбиться вследствие неразвитого состояния самого пролетариата и недостатка материальных условий его освобождения, которые сами являются продуктом лишь буржуазной эпохи. Революционная литература, сопутствовавшая этим первым движениям пролетариата, по своему содержанию необходимо является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнительность.

Собственно коммунистические и социалистические системы Сен-Симона, Фурье, Оуэна и т. д. возникают в первый, неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией, о котором мы говорили выше. (См. главу „Буржуазия и пролетариат“) [56].

Творцы этих систем видят уже противоречия классов, равно как и влияние разрушительных элементов внутри самого господствующего общества. Но они не видят в пролетариате никакой исторической самодеятельности, никакого свойственного ему политического движения.

Так как развитие классовых противоречий идет рука об руку с развитием промышленности, то они, не находя в действительности материальные условия освобождения пролетариата, стараются найти социальную науку, социальные законы, чтобы создать эти условия.

Место общественной самодеятельности должна занять их личная творческая деятельность, место исторических условий освобождения должны занять условия фантастические, место постепенно подвигающейся вперед организации пролетариата в класс—общественная организация их собственного изобретения. Дальнейшая история всего мира сводится для них к пропаганде и практическому осуществлению их социальных планов.

При этом они понимают, правда, что со своими планами они являются выразителями интересов, главным образом, рабочего класса, как более других страдающего класса. Но только в этом качестве более других страдающего класса и существует для них пролетариат.

Неразвитая форма борьбы классов, равно как и собственное их общественное положение приводят к тому, что они считают себя стоящими выше этого антагонизма классов. Они хотят улучшить положение всех членов общества, не исключая и лучше поставленных. Поэтому они обращаются всегда безразлично ко всему обществу и даже преимущественно к господствующему классу. Ведь достаточно понять их систему, чтобы немедленно признать ее наилучшим планом наилучшего общественного устройства.

Они отвергают поэтому всякую политическую и особенно всякую революционную деятельность; они стремятся достигнуть своей цели мирным путем и посредством маленьких, естественно обреченных на неудачи, экспериментов, они хотят, силою примера, проложить путь новому общественному евангелию.

Фантастическое описание будущего общества является в свет в то время, когда пролетариат находится еще в очень неразвитом состоянии и представляет себе свое положение еще совершенно фантастически, оно возникает из его первого, полного предчувствия, порыва к всеобщему преобразованию общества.

Но в этих социалистических и коммунистических произведениях заключаются также и критические элементы. Они затрогивают все основания существующего общества. Они

поэтому доставили драгоценный материал для просвещения рабочих. Положительная сторона их учений о будущем обществе, например, уничтожение противоположности между городом и деревней, уничтожение семьи, частной собственности, наемного труда, провозглашение общественной гармонии, превращение государства в простое управление производством, — все эти положения их выражают лишь необходимость устранения того антагонизма классов, который только что начинает тогда развиваться и известен им лишь в его первичной, бесформенной неопределенности. Потому и положения эти имеют еще совершенно утопический характер.

Значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. В той же самой степени, в какой развивается и принимает более определенный характер борьба классов, лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания это фантастическое стремление возвыситься над нею, это фантастически-отрицательное к ней отношение. Поэтому, если основатели этих систем были во многих отношениях революционерами, то их ученики образуют всегда реакционные секты. Они неизменно держатся образа мысли своих учителей, игнорируя весь дальнейший ход развития пролетариата. Вследствие этого, они постоянно стараются притупить борьбу классов и смягчить противоречия. Они все еще мечтают об осуществлении своих социалистических утопий на опыте, об учреждении отдельных фаланстеров, об основании коммунистических колоний *), маленькой Икарии — этого карманного издания нового Иерусалима — и для постройки всех этих выдуманных замков волей-неволей взывают к человеколюбию буржуазных сердец и кошельков. Мало-по-малу они переходят в категорию описанных выше реак-

*) Home colonies (колонии-коммуны)—так называет Оуэн свои коммунистические образцовые общества. Фаланстерами назывались задуманные Фурье общественные дворцы. Икарией называлась утопическо-фантастическая страна, коммунистические учреждения которой изображал Кабэ.

ционных и консервативных социалистов, отличаясь от них только более систематическим педантизмом и фанатическою верою в чудесные свойства своей социальной науки.

Вот почему с таким ожесточением выступают они против всякого политического движения рабочих, вызываемого, по их мнению, лишь слепым неверием в новое евангелие [57].

Оуэнисты выступают в Англии против чартистов, фурьеристы — во Франции против реформистов [58].

IV. ОТНОШЕНИЕ КОММУНИСТОВ К РАЗЛИЧНЫМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПАРТИЯМ.

После того, что сказано было во второй главе, отношение коммунистов к уже сложившимся рабочим партиям разумеется само собою, а, следовательно, и отношение их к чартистам в Англии и аграрным реформистам в Северной Америке [59].

Они борются во имя достижения непосредственно данных целей и интересов рабочего класса, но в современном движении они в то же время представляют и будущность этого движения. Во Франции они примыкают к социалистическо-демократической партии *) против консервативной и радикальной буржуазии, не отказываясь, однако, от права относиться критически к фразам и иллюзиям, переданным революционной традицией.

В Швейцарии они поддерживают радикалов, ничуть не забывая, что эта партия состоит из противоречивых элементов: частью из демократических социалистов во французском смысле, частью из радикальных буржуа [60].

Среди поляков коммунисты поддерживают партию, которая ставит аграрную революцию необходимым условием национального освобождения, ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 г. [61].

В Германии коммунистическая партия борется совместно с буржуазией, — как только она выступает революционно, —

*) Партию, называвшуюся тогда во Франции социалистическо-демократической, представлял в политике Ледрю-Роллен, а в литературе — Луи Блан; она была, следовательно, как небо от земли, далека от современной немецкой социал-демократии.

против абсолютной монархии, против феодального землевладения и мелкой буржуазии.

Но ни на минуту не перестает она вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата, чтобы немецкие рабочие могли сейчас же использовать общественные и политические условия, которые должны принести с собою господство буржуазии, как оружие против нее же самой, чтобы, сейчас же после крушения реакционных классов в Германии, началась борьба против самой буржуазии.

На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции [62].

Одним словом, коммунисты поддерживают повсюду всякое революционное движение, направленное против существующих общественных и политических отношений.

Во всех этих движениях они выдвигают на первый план, как основной вопрос всего движения, вопрос о собственности, независимо от того, приобретает ли он более или менее развитую форму.

Наконец, коммунисты повсюду стремятся к соединению и соглашению демократических партий всех стран [63].

Коммунисты считают излишним скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего современного общественного строя.

Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией. Пролетарии могут потерять в ней только свои цепи. Приобретут же они целый мир.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ.

1. Травля коммунистов в 1847 г.

Папа Пий IX, избранный на папский престол в 1846 г., считался тогда „либералом", но относился к социализму не менее враждебно, чем русский царь Николай I, уже до революции 1848 года игравший роль европейского жандарма. Меттерних, канцлер австрийской империи и признанный вождь всей европейской реакции, как раз в это время особенно сблизился с Гизо, выдающимся историком и французским министром, который являлся идеологом крупной финансовой и промышленной буржуазии и непримиримым врагом пролетариата. По требованию прусского правительства, Гизо выслал Маркса из Парижа. Немецкие полицейские не оставляли в покое коммунистов не только в Германии, но и во Франции, Бельгии и даже в Швейцарии, стараясь всеми силами и всякими средствами помешать их пропаганде и вгоняя их в подполье. Французские радикалы — Марраст, Карно, Мари — полемизировали не только с социалистами и коммунистами, но и с тогдашней социально-демократической партией, во главе которой стояли Ледрю-Роллен и Флокон.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

2. Гакстгаузен, Маурер и Морган.

Гакстгаузен (1792—1866), прусский барон, получил от Николая I разрешение приехать в Россию с целью исследовать ее аграрный строй и быт русских крестьян (1843—1844). Первые два тома его работы (о внутреннем положении, на-

родной жизни и земельных отношениях в России) вышли в 1847 году, а третий, в котором он рассматривает, главным образом, вопрос об общине, был опубликован уже после появления Манифеста, в 1852 г. Гакстгаузен, видевшийся в России с Герценом, придавал большое значение русской общине и видел в ней средство избавить Россию от „язвы" пролетариата. Маурер (1790—1872), крупный немецкий историк и юрист, автор целого ряда работ, выходивших в пятидесятых и шестидесятых годах. В них прослежена история сельской и городской общины. В противоположность старому взгляду, следы которого сохранились в Манифесте, он показывает, что городское население первых средневековых городов образовалось не из средневековых крепостных, а что, наоборот, город развился из свободной сельской общины (средневековой марки). Морган (1818—1881), знаменитый американский исследователь первобытного строя, посвятил свою жизнь изучению обычаев и нравов индейцев. Основным фактором исторического развития, по его мнению, являются открытия и изобретения в области техники, развитие материальных отношений. Взгляды его на развитие семьи и в особенности родового устройства были восприняты Энгельсом, который в своей книжке „Происхождение семьи, частной собственности и государства" (вышла в 1884 году, имеется в русском переводе) сделал попытку проследить процесс развития доисторического общества и превращение его в классовое.

3. Крушение средневекового хозяйства и развитие мировой торговли.

Во второй половине XV века средневековое общество, с характерным для него мелким производством, находилось уже в процессе полного разложения. Расцвет денежного хозяйства, результат быстрого развития внутреннего и международного обмена, создает благоприятные условия для развития денежного и торгового капитала. В деревне происходит замена натуральных повинностей денежным оброком, положение свободного или крепостного мелкого производителя резко ухудшается, феодальный землевладелец превращается в сельского хозяина, выгоняющего всякими средствами

деньгу. Многочисленные свиты и дворня феодальных сеньоров распускаются и, вместе с экспроприированными крестьянами, которых сгоняют с их насиженных участков, увеличивают ряды бродячего люда, переполняющего дороги и города. Независимое цеховое ремесло, внутри которого уже разгорается борьба между мастерами и подмастерьями, подпадает под власть торгового капитала.

Ряд технических усовершенствований в области горного дела, текстильной промышленности, мореплавания, в военном деле, производства часов, астрономических инструментов, изобретение книгопечатания, успехи наук, в том числе астрономии, — все это дает сильный толчок развитию производительных сил и инициативе предприимчивых людей. Соперничество между торгово-промышленными центрами, расположенными в западной части Средиземного моря или у берегов Атлантического океана (Лиссабон и Генуя) с Венецией, монополизовавшей всю торговлю с Азией и господствовавшей в восточной части Средиземного моря, заставляет португальцев, генуэзцев, испанцев настойчиво искать морского пути в Индию. Генрих Мореплаватель (1394—1460) уже в первой половине XV века организует ряд путешествий, в результате которых португальцы продвигаются вдоль Африки на юг, открывают Азорские и Канарские острова, Мадейру и все более приближаются к экватору. В 1486 г. Варфоломей Диац достигает Мыса Доброй Надежды. Прежде чем португальцы успевают сорганизовать новую экспедицию, чтобы попасть в Индию, генуэзец Колумб делает свою попытку попасть в эту обетованную землю, направляясь на запад, и в 1492 году открывает Америку, в 1497 году Джон Кабот достигает берегов Северной Америки и только в 1498 г. Васко де-Гама заканчивает дело Диаца и открывает морской путь в Индию. В 1500 г. португалец Кабраль высаживается в Бразилии, а в 1519—1521 гг. Магеллан совершает первое кругосветное путешествие.

Так создаютоя новые более широкие рамки развития мирового рынка и мировой торговли в XVI столетии, с которого приходится начинать эру современного капитализма.

Только со второй половины XVI века беззастенчивый грабеж, истребление туземцев, которым занимались первые кон-

квистадоры (Кортез в Мексике, Пизарро в Перу,) уступает место систематической эксплоатации новых земель при помощи рабов. Африка превращается на несколько столетий в место охоты на негров, которых десятками тысяч отправляют в Америку. С 1508 по 1860 г. таким образом переправлено было больше 15 миллионов негров и не меньшее число погибло во время транспорта жертвой „человеколюбивых" португальских, испанских, французских и в особенности английских работорговцев. „Ливерпуль развился и получил значение благодаря торговле невольниками. Для этого правоверного города торговля человеческим мясом составляла способ первоначального накопления. И до наших дней ливерпульские „именитые" граждане продолжали воспевать прелести торговли невольниками, которая возбуждает до страсти дух коммерческой предприимчивости, создает знаменитых моряков и приносит огромные деньги" (Маркс, Капитал). Правда, только в XIX столетии, после того, как развитие хлопчато-бумажной промышленности в Англии дало толчок развитию хлопководства в южных штатах Северной Америки, рабство стало там национальным учреждением и разведение рабов — коммерческим предприятием.

Открытие и разработка золотых и в особенности серебряных рудников — с 1545 г. в Боливии и с 1548 г. в Мексике — приводит к колоссальному увеличению европейских запасов золота и серебра. Если от 1501 г. до 1544 г. добыто было серебра на 460 миллионов, то от 1546 г. до 1600 г. — на 2 880 миллионов марок. Соответственно растет и количество выпускаемых в обращение серебряных денег.

Систематическая колонизация Северной Америки англичанами начинается с 1620 г., за ними следуют французы. В Ост-Индии сначала орудуют португальцы, но уже в 1600 г. англичане почти одновременно с голландцами (в 1602 г.) основывают специальную компанию, которая шаг за шагом, в борьбе с своими европейскими конкурентами — португальцами, голландцами, а после и французами — отвоевывают Ост-Индию. С Китаем впервые вступили в сношения португальцы, занявшие в 1557 г. Макао; англичане основались в Китае только в 1684 г.

4. Мануфактура.

Речь идет о мануфактуре, как особой фазе развития промышленного капитализма. Исторически она развивается в противоположность независимому ремеслу. Как только торговый капитал подчиняет себе последнее, он соединяет, в лице купца-предпринимателя, под одной крышей значительное число прежде самостоятельных ремесленников, выполняющих одну и ту же работу, как, напр., портных, или выполняющих каждый разнообразную работу, но совокупность которых, как, например, в каретном производстве, дает единый продукт. Выгоды такой мастерской на первых порах заключались в том, что производство велось в бо́льших размерах, сберегалось много лишних расходов. После развивается на этой основе более детальное разделение труда, пока мануфактура не превращается в сложный механизм, отдельными частями которого является рабочий, занятый только ничтожной частью своей прежней работы и его в неменьшей степени специализованный инструмент. В Англии, Голландии и Франции (для последней несколько позже) мануфактурный период капиталистической промышленности начинается со второй половины XVI столетия, но расцвета своего он достигает в первой половине XVIII.

5. Промышленная революция и развитие машинного производства.

Промышленная революция, в результате которой капиталистическая мануфактура уступила свое преобладание крупной промышленности, основанной на машинном производстве, началась в последней трети XVIII века в Англии и в общих чертах закончилась только в первой половине XIX века. Она началась рядом изобретений и открытий, коренным образом изменивших технику в области скотоводства и земледелия, горного дела, текстильной промышленности и транспорта. Исходной точкой ее является преобразование так называемой рабочей машины, заменяющей прежний инструмент ремесленного или мануфактурного рабочего. В 1773 г. Кэй изобретает челнок-самолет, а в 1738 г. Поль

и Уатт — первую прядильную машину, чтобы „прясть без помощи пальцев". В 1764 г. Гаргривс устраивает прядильную машину, которая работает сначала при помощи 16, а затем при помощи 120 веретен. В 1769 г. Аркрайт создает свой прядильный станок (ватерную машину), а 1775—1779 гг. Кромптон комбинирует изобретения Гаргривса и Аркрайта и получает новую мюль-машину, которая послужила образцом для современного самодействующего мюля (сельфактор), впервые устроенного Робертсом только в 1825 г. Первый механический ткацкий станок был изобретен Картрайтом еще в 1785 г., но только после усовершенствования его Горроксом в 1813 г. он вытеснил уже в тридцатых и сороковых годах XIX века старые ручные станки.

Развитие горного дела в XVIII в. (добыча каменного угля в 1700 г. — 214 800 тонн, в 1770 г. — 7 205 400 тонн) вызвало потребность в усовершенствовании водоподъемных машин. Именно в горном деле впервые применяется для этого сила пара. Первая машина Уатта представляла только усовершенствование уже применявшихся в горном деле машин Ньюкомена. Только вторая машина, машина двойного действия, патент на которую Уатт взял в 1784 г., превратилась из прежней специальной машины, приспособленной для нужд горного дела, во всеобщий двигатель крупной промышленности, освободивший ее от зависимости от естественной водной силы. Только в первой четверти XIX века начинается в широких размерах применение силы пара в качестве двигателя в области текстильной промышленности, а затем и в области транспорта. Фультон изобретает в 1807 г. пароход, а Стефенсон коренным образом преобразует уже применявшиеся паровозы. Первый пароход, совершивший путешествие из Америки в Европу в 1819 г. (Саванна), употребил на это 26 дней. Первая железная дорога открыта для общего пользования в 1825 г. в Англии, железнодорожная сеть которой составляла в 1830 г. — 92, в 1840 — 1 349, в 1850 — 10 650 километров.

В области сельского хозяйства происходит окончательное вытеснение старого трехполья плодосменом. В области скотоводства Бекуэлль превращает разведение овец в фабричное предприятие, создавая по произволу самые причудливые разновидности в зависимости от требований рынка. Старые земельные отношения окончательно подчиняются буржуаз-

ным условиям производства. Между старым землевладельцем и безземельным крестьянином, батраком вдвигается крупный фермер, промышленный капиталист, извлекающий из земли, посредством труда наемных рабочих, прибыль для себя и ренту для лэндлорда. Но еще более крупные успехи можно отметить в эволюции сельского хозяйства во второй четверти XIX века.

6. Политическая эволюция буржуазии.

В основу этой схемы положена, главным образом, политическая эволюция французской буржуазии. „В истории буржуазии, — говорит Маркс в „Нищете философии", — мы должны различать два фазиса: в первом — она складывалась в класс под господством феодального порядка и абсолютной монархии; во втором же, образовавши из себя класс, она низвергла феодализм и монархию, чтобы из старого общества сделать буржуазное. Первый из этих фазисов был длиннее второго и потребовал наибольших усилий". Французские коммуны ведут в XII и XIII веках борьбу с феодалами и используют в своих интересах борьбу феодалов между собой, зачастую помогая королевской власти. В начале XIV в. они добиваются представительства в Генеральных штатах. Парижская буржуазия, во главе с Этьеном Марселем, купеческим старшиной города Парижа, делает в 1556—1558 гг. попытку превратить Генеральные штаты в представительное учреждение, собирающееся периодически без особого королевского приглашения. Но абсолютизм, пользуясь раздорами между сословиями, справляется с буржуазной оппозицией. Буржуазия превращается в третье, податное, сословие централизованного монархического государства и направляет все свои усилия на использование государственного аппарата в интересах развития торговли и промышленности. Во главе ее идет финансовая буржуазия, которая, вместе с находящейся у нее на содержании придворной аристократией, фактически превращает королевскую власть в свое орудие. Банкротство этой политики, основанной на безжалостной эксплоатации народных масс, на пренебрежении к интересам мелкой буржуазии, приводит в конце XVIII в. к Великой французской революции (1789—1799), которая достигает своего высшего

пункта в период господства якобинцев (1792—1794 гг.). После кратковременного периода наполеоновской империи (до 1815) и бурбонской реставрации революция 1830 г. приводит к созданию июльской монархии, классической формы парламентского господства цензовой буржуазии.

В Нидерландах (Голландия) горожане ведут упорную борьбу с феодалами, принимающую временами характер ожесточенной гражданской войны (восстание фландрских городов во главе с Ипром и Брюгге в 1324—1328 гг.). Во второй половине XVI столетия нидерландская буржуазия в союзе с средним и низшим дворянством, становится во главе национального восстания против Габсбургов и после продолжительной войны добивается полной независимости. Нидерланды превращаются в XVII столетии в первое буржуазное государство, служащее идеалом для развивающейся в западно-европейских странах буржуазии. Итальянские независимые городские республики, после того, как им удается справиться со своей старой поземельной аристократией, превращаются в торгово-промышленные олигархии. Но вместе с уничтожением торгового преобладания Северной Италии, где капитализм развился раньше, чем в других европейских странах, происходит задержка в их развитии, они теряют свое прежнее значение, и только в XIX в. начинается вновь процесс политической консолидации итальянской буржуазии. В Англии городские общины очень рано добиваются представительства в парламенте, но только с конца столетия, когда начинается развитие промышленного капитализма, английская буржуазия перестает довольствоваться ролью советчика и челобитчика и все упорнее и упорнее ставит вопрос о завоевании политической власти. В 1641—1649 гг. разражается великий бунт, который кончается казнью короля Карла Стюарта и учреждением республики во главе с протектором Кромвелем. После кратковременной реставрации новая, так называемая „Славная революция", в 1688—1689 гг. окончательно устанавливает господство конституционной монархии, в которой буржуазия находит себе верного союзника в обуржуазившемся землевладении. Как и во Франции, государственная власть в области экономической политики выполняет задания наиболее влиятельной буржуазии. Только в XIX столетии, в результате промышленной революции,

после „великой" избирательной реформы 1832 г. и отмены хлебных законов в 1846 г., государство превращается в акционерное общество всей буржуазии для эксплоатации всего мира, а правительство — в комитет, заведующий общественными делами этой буржуазии.

Процесс политической централизации, сплотивший в одну нацию едва связанные между собою провинции, лучше всего может быть прослежен в XIX веке на примере Германии и Италии. Для Франции, где он протекал особенно ярко и выпукло, он закончился еще в 1789—1815 гг.

7. Развитие обмена и господство чистогана.

„Обмен имеет свою особую историю, он прошел различные фазы развития. Было время, как, например, средние века, когда обменивался только избыток, излишек производства над потреблением. Было еще другое время, когда не только излишек, но все продукты целиком, все произведения промышленности перешли в область торговли, когда производство стало в полную зависимость от обмена... Наконец, пришло время, когда все, на что люди привыкли смотреть, как на неотчуждаемое, делается предметом обмена и торга, становится отчуждаемым. В это время даже те вещи, которые до того были передаваемы другим, но не обмениваемы, были даруемы, но не продаваемы, были приобретаемы, но не покупаемы, — добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть, — все стало, наконец, продажным. Это—время всеобщей порчи, время всеобщей продажности, или, выражаясь языком политической экономии, время, когда всякая вещь, материальная или нравственная, сделавшись продажной стоимостью, выносится на рынок, чтобы найти там свою собственную цену" (Маркс, Нищета философии, стр. 41 русск. перевода).

„Вместе с возможностью удерживать товар, как меновую стоимость, или меновую стоимость, как товар, пробуждается жажда денег. С расширением товарного обращения растет власть денег, этой абсолютной общественной формы богатства, всегда находящейся в состоянии боевой готовности. „Золото — удивительная вещь: кто обладает им, тот господин всего, чего захочет. Золото может даже душам открыть до-

рогу в рай" (Колумб, в письме с Ямайки 1503 г.). Так как по внешности денег нельзя узнать, что именно превратилось в них, то в деньги превращается все: как товары, так и не товары. Все делается предметом купли-продажи. Обращение становится колоссальной общественной ретортой, в которую все втягивается для того, чтобы выйти оттуда в виде денежного кристалла. Этой алхимии не могут противостоять даже люди святые, не говоря уже о менее материальных священных предметах. Подобно тому, как в золоте стираются все качественные различия товаров, оно, в свою очередь, как радикальный уравнитель, стирает всякие экономические различия" (Маркс, Капитал, стр. 103—104).

Патриархально-идиллические отношения, господствовавшие в Англии еще накануне промышленной революции, прекрасно изображены Энгельсом в его книге „Положение рабочего класса в Англии", в которой он дает картину положения ткачей, имевших еще свой клочок земли.

„Каков был моральный и духовный уровень этого класса, догадаться не трудно. Отрезанные от городов, куда они никогда не попадали, так как пряжа и ткани доставлялись разъезжим агентом, плативший им заработную плату — до того отрезанные, что даже старики, жившие вблизи городов, все же никогда там не бывали, вплоть до того момента, когда, лишенные машиной своего занятия, они отправились туда за работой, они в нравственном и умственном отношении стояли на ступени развития местных крестьян, с которыми они большей частью были и непосредственно связаны благодаря своей небольшой аренде. В своем сквайре — самом крупном землевладельце местности — они видели своего собственного начальника, советовались с ним о своих делах, представляя на его суд свои мелкие ссоры и воздавали ему весь тот почет, который связан был с такими патриархальными отношениями. Они были „почтенными" людьми и хорошими отцами семейства, вели нравственную жизнь, потому что по близости не было ни кабаков, ни домов терпимости,— они не имели повода быть безнравственными и потому, что трактирщик, у которого они временами утоляли свою жажду, сам был почтенным человеком и большей частью крупным арендатором, любившим хорошее пиво, строгий порядок и ранний покой. Весь день дети оставались дома при роди-

телях и воспитывались в повиновении к ним и страхе божием. Патриархальные семейные отношения не нарушались до самой свадьбы детей; молодые люди росли в идиллической невинности и близости с своими товарищами по играм до самой свадьбы, и если половые сношения между ними и происходили почти всегда до свадьбы, то это происходило лишь тогда, когда обе стороны уже признавали моральные обязанности вступить в брак, и последующий брак снова приводил все в порядок. Одним словом, тогдашние английские промышленные рабочие жили, мыслили и чувствовали таким же образом, как это бывает и теперь еще в Германии (т. е. в начале сороковых годов XIX столетия), в полной замкнутости и обособленности, без духовной деятельности и без значительных колебаний в условиях своей жизни. Они редко умели читать и еще реже писать, посещали регулярно церковь, не занимались политикой, не конспирировали, не рассуждали, забавлялись физическими упражнениями, с благоговением, привитым с детства, слушали чтение Библии и, при своем непритязательном смирении, прекрасно уживались с другими классами общества, стоявшими выше их на общественной лестнице. Но зато они были мертвы в духовном отношении, жили только ради своих мелких частных интересов, ради своего ткацкого станка и садика, и не знали ничего о том мощном движении, которое охватило за пределами их деревень все человечество. Они чувствовали себя превосходно в своей тихой растительной жизни и, не будь промышленной революции, они никогда не оставили бы этого образа жизни, правда, весьма романтического и приятного, но все же недостойного человека. Они были не людьми, а рабочими машинами, на службе у немногнх аристократов, до этих пор делавших историю".

Господство „чистогана" в буржуазном обществе, определяющую роль, которую он играет, как главный стимул всей психической жизни буржуазии, знающей только лозунг „гони монету", Энгельс рисует в следующих строках: „Для английского буржуа совершенно безразлично, умирают ли его рабочие с голода или нет, лишь бы он заработал много денег. Все измеряется деньгами, и все, что не приносит денег, — глупости, непрактично, идеалистическая затея... Он видит в рабочих не людей, а только „руки", как он постоянно на-

зывает их в лицо, он не признает, как выражается Карлейль, никакой другой связи между людьми, кроме одной — чистогана. Даже связь между ним и его женой в девяносто девяти случаев из ста может быть выражена словом „чистоган". Это позорное рабство, в котором деньги держат буржуа, положило свой отпечаток, ввиду господства буржуазии, даже на язык, когда хотят сказать о человеке, что он имеет 10 000 ф. ст., говорят, что он стоит 10 000 ф. ст. Кто имеет деньги, тот „респектабельный", уважаемый человек, принадлежит к „лучшему сорту людей", тот „влиятельный" человек, и все, что он делает, составляет эпоху в кругу ему подобных. Дух человечества проникает весь язык. Все отношения выражаются в торговых терминах, в экономических категориях. Требование и снабжение, спрос и предложение — таковы формулы, в которых логика англичанина укладывает всю человеческую жизнь. Отсюда свобода конкуренции во всех областях жизни, отсюда режим невмешательства в администрации, медицине, воспитании и, пожалуй, скоро и в религии, ибо господство государственной церкви все более и более рушится".

8. Революционный характер капитала.

„Пока ремесло и мануфактура образуют общий базис всего общественного производства, подчинение производителя исключительно одной отрасли производства, разрушение первоначального многообразия его занятий являются необходимым моментом развития. На этом базисе каждая отдельная отрасль производства опытным путем находит соответствующий ей технический строй, — медленно совершенствует его и быстро закрепляет его, как только достигнута известная степень зрелости. Время от времени происходят изменения, которые вызываются кроме нового материала труда, доставляемого торговлей, постепенным изменением орудия труда. Но раз соответственная форма инструмента эмпирически найдена, застывает и рабочий инструмент, как это показывает переход его в течение иногда тысячелетия из рук одного поколения в руки другого. Современная промышленность никогда не рассматривает и не практикует существующую форму известного производственного процесса, как окончатель-

ную. Поэтому ее технический базис революционный, между тем как у всех прежних способов производства базис был по существу консервативен. Посредством машин, химических процессов и других методов она постоянно производит переворот в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных сочетаниях процесса труда. Таким образом она столь же постоянно и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую" (Маркс, Капитал, том I стр. 486—488. По вопросу об исторической роли капитализма ср. Плеханов, Наши разногласия, Соч., том I, стр. 230—237).

9. Географическое распространение капитализма.

Если расширение мирового рынка явилось в XVI столетии исходным пунктом развития современного капитализма, то только со времени промышленной революции XVIII столетия буржуазия действительно обегает земной шар во всех направлениях, используя как миссионеров, так и ученых, чтобы проникнуть в самые отдаленные уголки земного шара. С 1770 г. до 1848 г. англичане завладевают Австралией и Новой Зеландией, Южной Африкой, всем Индостаном, а французы, потерявшие во время наполеоновских войн часть своих колоний в пользу Англии, вознаграждают себя в Северной Африке.

10. Количественный и качественный рост мирового рынка.

„До изобретения машин промышленность каждой страны направлялась, главным образом, на обработку сырых материалов, производимых ее собственной почвой. Так, Англия обрабатывала шерсть, Германия — лен, Франция — шелк и лен, Восточная Индия и Левант — хлопок и т. д. Благодаря применению машин и пара, разделение труда приняло такие размеры, что крупная промышленность, оторванная от национальной почвы, зависит уже единственно от всемирного рынка, от международного разделения труда" (Маркс, Ни-

щета философии, стр. 112). Без хлопка, джута, нефти, каучука европейская промышленность осуждена была бы на гибель. Вся итальянская машиностроительная и автомобильная промышленность работает на ввозном угле и металле. Каких размеров достигает всемирная торговля, показывают следующие цифры. Все товары, которые когда-то перевозились в год через Готард в эпоху расцета средневековой торговли, можно было бы легко поместить в двух товарных поездах. Еще в 1800 году обороты всемирной торговли составляли 6 050 миллионов, в 1820 г. — 6 820, в 1840 г. — 11 500, в 1850 г. — 16 650 миллионов марок. К 1900 г. они увеличились больше чем в пять раз, превысили 88 500, а в 1912 г. — 169 000 миллионов марок. Число различных товаров, обращающихся на мировом рынке, увеличилось в десятки раз. Еще до конца XVIII столетия во всемирном обороте преобладали „аристократические" товары, предметы потребления зажиточных классов. Только между Балтийским морем и северо-западными берегами Европы обращались хлебные и лесные грузы. В Лондон, крупнейший центр мировой торговли, привезено было в 1790 г. на кораблях всего 580 000 тонн (в 1890 г. — 7 709 000!). Развитие хлопчато-бумажной промышленности, вызвавшее колоссальный рост хлопководства в Северной Америке (урожай 1790 г. — 2, в 1820 г. — 180 миллионов фунтов), привело к такому же росту ввоза хлопка в Англию (1751 г. — 5, в 1820 г. — 142 миллиона фунтов).

В течение XIX столетия совершенно меняется состав грузов, обращающихся на всемирном рынке. Пшеница, хлопок, нефть, медь из Северной Америки, кофе, гуано, чилийская силитра, мясо из Южной Америки, пшеница, джут, хлопок, рис, чай из Азии, пшеница, мясо, шерсть из Австралии — все эти массовые грузы заполняют в мировом обороте десятки тысяч пароходов.

11. Развитие средств сношения и транспорта при капитализме.

„Революция в способе производства промышленности и земледелия сделала необходимой революцию в общих условиях общественно-производственного процесса, т. е. средств сношения и транспорта. Средства сношения и транспорта та-

кого общества, средоточием которого, употребляя выражение Фурье, были мелкое земледелие, с его подсобной домашней промышленностью, и городское ремесло, далеко уже не удовлетворяли потребностей производства в мануфактурный период, с его расширенным разделением общественного труда, с его концентрацией средств труда и рабочих, с его колониальными рынками, а потому и на самом деле претерпели переворот. Точно так же и средства транспорта и сношения, завещанные мануфактурным периодом, скоро превратились в невыносимые путы для крупной промышленности, с ее лихорадочным темпом производства, ее массовыми размерами, с ее постоянным перебрасыванием масс капитала и рабочих из одной сферы производства в другую, с созданными ею новыми связями, расширяющимися в мировой рынок. Не говоря уже о парусном судостроении, претерпевшем полный переворот, в деле сношений и транспорта свершилось поэтому при помощи системы речных пароходов, железных дорог, океанских пароходов и телеграфов постоянное приспособление к крупно-промышленному способу производства" (Маркс, Капитал, I). Еще во второй половине XVIII столетия корабли, шедшие из Англии в Индию, употребляли на переезд туда и обратно 18—20 месяцев. Обычный размер таких кораблей не превышал 300 — 500 тонн вместимости. Этот парусный флот к концу XVIII столетия имел 1 725 000 тонн. Только изобретение пароходов, сначала колесных, а потом винтовых, привело к колоссальному увеличению вместимости и быстроходности торгового флота. Теперь обычное явление—фрахтовые пароходы вместимостью в 10—12 тысяч тонн, а скорость пассажирских, среди которых имеются такие гиганты, как 40 000 и 45 000-тонные, достигает 47 километров в час. По расчетам норвежского статистика Киэра, вместимость мирового флота в 1821 г. составляла 5 250 000 тонн, из которых только 0,2% падало на паровой флот. В 1914 г. он уже составлял 31 500 000 тонн. Длина железных дорог всего земного шара составляла в 1840 г.—7 700, в 1850 г.—38 600, в 1870 г.—221 859, в 1913 г.—1 104 212 километров. Средняя скорость товарных поездов равняется 30—40 километрам, пассажирских—60 километрам в час. В 1812 г. на путешествие из Берлина в Вену требовалось 5 дней, в 1912 г.—12 часов, в Париж—9 дней в

1812 г. и всего 17 час.—в 1912 г. Вместо 48 дней, которые нужно было потратить на путешествие из Гамбурга в Нью-Йорк в 1812 г., достаточно было 7 дней в 1912 г. Почта только с 1840 г., после реформ Роуленда Гилля в Англии, приспособилась к требованиям крупной промышленности. К концу XIX века она уже охватила почти весь земной шар, доставляя регулярно письма на север до Шпицбергена, на юг—до Пунта Аренас (Огненная Земля). Согласно устава Всемирного почтового союза, вся земля представляет „единую почтовую территорию".

Первый оптический телеграф (сохранился до сих пор в виде семафоров на железных дорогах) был устроен братьями Шапп во время французской революции. Он оказал неоценимые услуги армиям Конвента в борьбе с монархическими коалициями. Но только электрический телеграф, изобретенный в 30-х годах XIX столетия — особенно после введения пишущего телеграфного прибора Морзе — превращается с 1844 г. в средство сообщения, удовлетворяющее требованиям, которые предъявлял темп обращения мирового рынка. Только благодаря ему мог с такой быстротой происходить процесс установления и выравнивания цен на продукты в мировом хозяйстве. Только при помощи телеграфа — с 1865 г. развивается сеть подводных кабелей—можно было установить тесную связь, которая соединяет метрополии с колониями, центральное промышленное предприятие с его отделениями и разветвлениями. К концу XIX столетия телеграфная сеть насчитывала около 8 миллионов километров. С конца 70-х годов XIX столетия начинает распространяться телефон, который с тех пор уже успел превратиться не только в междугородный, но и международный аппарат сношений. Считают, что в настоящее время длина телеграфной и телефонной сети составляет 64 миллиона километров, что ею можно было бы обмотать земной шар 1 600 раз. Со времени изобретения беспроволочного телеграфа и телефона началась новая эра в истории развития средств сношения.

Низкими ценами своих товаров, главным образом хлопчатобумажных изделий, англичане разорили Ост-Индию и уничтожили ее старую хлопчатобумажную промышленность. К этим „экономическим" средствам они без всякого зазре-

ния совести прибавляли „политические". Так, Китай они заставляли пушками покупать опиум. Таким же принудительным путем американцы заставили японцев открыть свои границы для внешней торговли в 1854 г.

12. Отделение города от деревни.

В „Нищете философии" Маркс пишет: „Целых три столетия понадобилось Германии для того, чтобы установить первое крупное разделение труда, отделить город от деревни. По мере того, как видоизменялось только одно это отношение города к деревне, видоизменялось и все общество. Обращая внимание лишь на одну эту сторону разделения труда, мы находим, с одной стороны, древние республики, с другой—христианский феодализм: там—старую Англию, с ее землевладельцами-баронами, здесь современную Англию, с ее хлопчато-бумажными баронами. В XIV и XV столетиях, когда не было никаких колоний, когда Америки еще не существовало для Европы и с Азией сношения велись через Константинополь, когда Средиземное море было центром торговой деятельности,—в то время разделение труда имело совсем другой вид и характер, чем в XVII столетии, когда Испания, Португалия, Голландия, Англия и Франция приобрели колонии во всех частях света". В „Капитале" Маркс опять возвращается к этой мысли и прибавляет: „Основой всякого товарного разделения труда, осуществляющегося путем товарного обмена, является отделение города от деревни. Можно сказать что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности".

Крупная промышленность наносит окончательный удар старомодному сельскому хозяйству. Она самым радикальным образом вырывает крестьянина из отупляющей обстановки деревенской жизни. „В сфере земледелия,—говорит Маркс,—крупная промышленность действует с величайшей революционностью в том смысле, что она уничтожает оплот старого общества, „возделывателя"-крестьянина, и выдвигает на его место наемного рабочего. Таким образом потребность социального переворота и антагонизм становятся в деревне одинаковыми с городом... Капиталистический способ производства довершает разрыв того первоначального семейного союза

земледелия и промышленности, который сочетал друг с другом младенческие неразвитые формы обоих".

Насколько быстро совершался рост городского населения за счет сельского уже в первой половине XIX столетия, видно из следующих данных. В 1800 г. население Лондона составляло 959 000, в 1850 г. — 2 363 000, население Парижа с 1800 г. до 1850 г. увеличилось с 547 000 до 1 053 000, Нью-Йорка за тот же период—с 64 000 до 612 000. Несравненно быстрее росло население новых промышленных центров—Манчестера, Бирмингама, Шеффильда, Бредфорда. Но и этот рост представляется медленным, если мы сравним его с ростом городского населения после 1850 г.

	1850 г.	1900 г.
Вена	444 000	1 675 000
Петербург	485 000	1 133 000
Берлин	419 000	1 889 000
Мюнхен	110 000	500 000
Эссен	9 000	119 000
Лейпциг	63 000	456 000
Чикаго	30 000	1 699 000
Нью-Йорк	612 000	3 437 000

Уже в 1851 г. городское население Англии составляло 8 991 000 или 50% всего населения, в 1901 г. — 28 169 000 или 78%. Как быстро росло население Англии, видно из следующих цифр. В 1690 г. оно составляло 5 000 000, в 1801 г.—9 000 000, в 1851 г.—17,9 м., в 1901 г.—32,5 м. Плотность населения, равнявшаяся в 1800 г.—58 на один квадратный километр, составляла в 1840 г.—105,3 и в 1901 г.—215.

13. Накопление капитала.

Скопление капитала в руках отдельных капиталистов совершается двояким путем: он растет, накопляется путем автоматического увеличения за счет выжимаемой из рабочих прибыли (концентрация капитала) или путем соединения капитала единичных капиталистов в форме акционерных обществ, а затем трестов, синдикатов, картелей (централизация капиталов).

Общая сумма доходов, подлежавших подоходному налогу, достигала в Соединенном Королевстве в 1856 г.—307 068 898 ф. ст.,

в 1865 г. — 385 530 020, в 1882 г. — 601 450 977, а в 1912 г.— 1 111 456 413 ф. ст. Если прибавить к этой цифре весь необложенный доход, то мы получим сумму в 2 200 000 000 ф. ст. Половина этого дохода принадлежит одной восьмой части населения. Число акционерных обществ в Англии, составлявшее в 1884 г.—8 192, увеличилось до 29 730 в 1900 г. и 66 094 в 1916 г. Капитал этих обществ соответственно вырос с 12 миллиардов до 41 в 1900 г. и 68 миллиардов франков— в 1916 г.

По расчетам, относящимся к 1909—1913 гг., национальное богатство Франции составляло 225 миллиардов франков и распределялось между 11 634 000 собственниками. Из них 98 243, имеющих более 250 000 ф., владеют 106 миллиардами, т. е. почти половиной всего национального богатства. Если взять только миллионеров, то 18 586 человек, сосредоточивающих в своих руках 60 с половиной миллиардов, имеют немногим менее, чем 9 500 000 чел. владельцев имуществ до 10 000 ф.—66 миллиардов!

В Пруссии 8 570 418 лиц с доходом ниже 900 марок все вместе имеют меньше, чем 146 000 чел. с доходом высших категорий. В 1913 г. лиц, имеющих доход свыше 100 000 марок, было 4 747, в 1914—5215, в 1917—13 327.

Национальное богатство Соединенных Штатов, составлявшее в 1850 г. 7,1 миллиарда долларов, в 1870 г. равнялось уже 30, в 1900 г.—88,5. Оно удвоилось к 1912 г., достигнув 187,7 миллиардов долларов и, по расчетам некоторых экономистов, в 1920 г. составляло уже 500 миллиардов. В 1917 г. насчитывалось 19 103 лица, имеющих ежегодный доход свыше 50 000 долларов, и из них 141, имевших доход свыше 1 000 000. В обрабатывающую промышленность вложен был капитал: в 1899 г.—8,9, а в 1914 г.—22,7 миллиарда, а капитал, вложенный в железные дороги, составлял в 1899 г.—11, а в 1914 г.—20,2 миллиарда доллара.

Известный банк, находящийся в руках представителей крупнейших трестов—National City Bank,—еще в 1879 г. имел капитал в 16,7 миллионов, а в 1899 г.—128, а теперь 1 миллиард долларов.

В то время, как население Соединенных Штатов составляет 6% населения, а территория—7% территории земного шара, эта капиталистическая республика производит 20%

всего золота, 25% всей пшеницы, 40% всей стали и железа, 40% всего свинца, 40% всего серебра, 50% всего цинка, 52% всего угля, 60% всей меди, 60% всего хлопка, 60% всей нефти, 75% всего хлеба, 85% всех автомобилей. Все эти производства сосредоточены в руках немногих трестов, во главе которых стоят 20 миллиардеров—Рокфеллеры, Морганы, Форды, Мак-Кормики, Арморы.

14. Капитализм и подчинение сил природы человеку.

До 1848 г. подчинение сил природы человеку совершалось сравнительно медленно. На-ряду с лучшей утилизацией сил воздуха и воды идет, в особенности со времени изобретения усовершенствованной паровой машины Уатта, использование силы пара. Но если уже с 1820 г. следует одно открытие за другим в области исследования явлений электричества (Эрстед, Зеебек, Фарадей), то промышленное использование этой силы, за исключением электрического телеграфа и гальванопастики, относится уже к последней трети XIX века, когда создается совершенно новая отрасль промышленности—электротехника.

Применение химии к земледелию или агрономическая химия своими успехами, кроме английского химика Гэмфри Деви (1778—1829), больше всего обязана немецкому ученому Юстусу Либиху (1803—1873). Его главный труд „Химия в ее приложении к земледелию и физиологии" вышел первым изданием в 1840 г. Маркс пишет в „Капитале", что развитие отрицательной стороны современного земледелия с точки зрения естественных наук есть одна из бессмертных заслуг Либиха. „С постоянно возрастающим перевесом городского населения, которое капиталистическое производство собирает в крупных центрах, оно накопляет, с одной стороны, историческую прогрессивную силу общества, а с другой—не только разрушает физическое здоровье городских рабочих и духовную жизнь сельских, но, вместе с тем, нарушает обмен веществ между человеком и землею, т. е. возвращение человеком составных частей почвы, потребленных им в виде одежды и пищи, обратно почве, нарушает, следовательно, вечные естественные условия постоянства плодородия почвы".

Либих первый показал, что причиной истощения почвы является это нарушение обмена веществ между человеком и землей, извлечение из почвы без возврата необходимых для растения минеральных веществ. Характерная черта капиталистического хозяйства с его отделением города от села заключается в том, что взятое из почвы не возвращается ей обратно в виде удобрения. При натуральном хозяйстве, когда растительные продукты потребляются почти целиком на месте производства, естественного удобрения хватает для восстановления почвы. Другое дело, когда развиваются большие города, потребляющие огромное количество продуктов сельского хозяйства. За недостатком естественного удобрения является необходимость в искусственном, чтобы вернуть почве взятые у нее минеральные вещества. На этом положении построено учение Либиха о рациональном удобрении, которое должно обеспечить растения фосфорной кислотой, калием и азотом. Поэтому с 40-х годов распространяется употребление различных удобрений—фосфоритов и суперфосфатов, костяной муки, калийных солей, чилийской селитры, а после изобретения в 1878 г. нового способа производства стали,—томасования, из фосфористого чугуна—и отбросов этого производства, томасовых шлаков.

Приложение химии к промышленности—химическая промышленность—начинает развиваться с конца XVIII века. Леблан получает соду, которая становится одним из важнейших материалов в самых разнообразных отраслях промышленности. Путем сухой перегонки каменного угля создается газовое производство, развивается новая индустрия жиров, дающая толчок к развитию мыловаренного и стеаринового производства. Но только после опубликования Манифеста уже в 50-х годах начинается новая эра развития химической промышленности. Точно так же после 1848 г. промышленная революция, преобразовавшая в области текстильной промышленности ткачество и пряденье, захватывает, наконец, ее заключительные стадии, красильное и аппретурное дело. Из каменноугольного дегтя одна за другой извлекаются все новые и все более разнообразные искусственные органические краски.

Распашка целых частей света, о которой говорят Маркс и Энгельс, представляет процесс, который до 1848 г. еще

пробегал свои начальные стадии. В первую голову идут Соединенные Штаты, которые только с 1815 г. превращаются в хлопкоразводящую страну: в 1800 г. произведено было 73 000, а в 1840 г. уже 1 348 000 кип. Несравненно быстрее развивается этот процесс после 1850 г., когда Соединенные Штаты развивают в колоссальных размерах свое хлебное производство. Еще в 1840 г. производство пшеницы равнялось 84,8 миллионов бушелей, а в пятилетие 1901—1905 гг. в среднем за год — 662, всех хлебов 1848 г.—377, в 1901—1905 гг. в среднем — 2 100 миллионов бушелей. Распашка Новороссии, Канады, Южной Америки, Австралии, Сибири, Африки началась уже после 1850 г.

Приспособление рек к судоходству до последней трети XVIII столетия совершалось при помощи старомодных средств. В Англии устройство каналов начинается только с 1755 г. Развивается, как и во Франции, целая сеть соединительных или обходных каналов, но техника все еще не в состоянии справиться с задачей непосредственного улучшения русла. Канализация самих рек начала развиваться только с конца 30-х г. XIX столетия, когда были изобретены разборчатые плотины, которые дают возможность легко и быстро пропускать высокие воды и ледоход. Спрямление крупных извилин и речного фарватера посредством прокопов, выправление рек посредством водостеснительных сооружений, борьба с засорением русла или устья при помощи паровых землечерпательных машин настолько улучшила судоходное состояние рек, что позволила им опять успешно конкурировать с железными дорогами.

15. К теории и истории кризисов.

Подробное описание кризисов Энгельс дает уже в своей книге „Положение рабочего класса в Англии". Он указывает, что они вытекают из самой сущности капиталистической промышленности и конкуренции. „При современной беспорядочной системе производства и распределения продуктов, при производстве не ради непосредственного удовлетворения потребностей, а ради наживы, при системе, при которой каждый работает и обогащается на свой собственный риск и страх, не может не грозить каждый момент застой...

В начале промышленного развития застои эти ограничивались одной какой-нибудь отраслью или одним рынком, но так как, при централизующем действии конкуренции, рабочие, лишившись работы в одной отрасли, бросаются на другие, выбирая из них наиболее легко изучаемые, так как товары, не проданные на одном рынке, перебрасываются на остальные, то единичные мелкие кризисы постепенно сближаются, соединяясь в общий ряд периодических возвращающихся крупных кризисов. Такой кризис наступает обыкновенно каждые пять лет, после короткого периода процветания и общего благосостояния".

В другом месте он говорил о пяти-шестилетних циклах, а в „Принципах коммунизма"—о пяти-или семилетних. „Так, с начала последнего столетия состояние промышленности непрерывно колебалось между эпохами процветания и эпохами кризиса, и почти равномерно каждые пять-семь лет наступал кризис, который каждый раз был сопряжен с величайшей нищетой рабочих, с общим революционным возбуждением и величайшей опасностью для всего существующего порядка".

Только после 1848 года Маркс, работая над своим „Капиталом", пришел к выводу, что такие циклы, в течение которых промышленность переживает фазы среднего хода, процветания и кризиса, охватывают не пять-семь, а десять-одиннадцать лет. „Только с того времени, когда механическая промышленность пустила столь глубокие корни, что она стала оказывать преобладающее влияние на национальную промышленность; когда, благодаря ей, внешняя торговля начала брать перевес над внутренней торговлей; когда мировой рынок открыл для себя колоссальные области в Америке, Азии, Австралии; когда, наконец, промышленные нации, вступившие в конкуренцию друг с другом, сделались достаточно многочисленными,—только с того времени выступили те все снова и снова повторявшиеся циклы, последовательные фазы которых охватывают годы и которые каждый раз ведут к всеобщему кризису, завершающему один цикл и начинающему новый. До сих пор такой цикл обыкновенно охватывал от десяти до одиннадцати лет. Но у нас нет никаких причин считать это число неизменным". Первый кризис, вышедший за пределы национального, раз-

разился в 1825—1826 г.г. Ему предшествовала спекулятивная горячка, главный толчок которой дало открытие южно-американских рынков. Следующий общий кризис произошел в 1836—1837 гг.; ему предшествовал колоссальный расцвет английской промышленности и рост экспорта, особенно в Северную Америку. Третий кризис разразился в 1847 г. На этот раз капитал с особенной горячностью взялся за постройку железных дорог.

Вследствие сокращения постройки железных дорог, лишились работы более 50 000 железнодорожных рабочих. Кроме того, жестоко пострадали хлопчатобумажная, железная и каменноугольная промышленность. Как раз в разгар этого кризиса, охватившего Англию, Америку и весь европейский континент, за исключением России, и подготовившего революционный взрыв 1848 г., Маркс писал по поручению Союза коммунистов Манифест.

16. Историческое развитие пролетариата.

Пролетарий — бобыль, захребетник, от латинского слова proletarius, что значит имеющий, плодящий только потомство, детей. Сначала пролетарии были, как беднейший класс римского населения, освобождены от военной службы и податей. После были допущены в войска и получали военное снаряжение от государства. В эпоху гражданских войн, когда римское крестьянство было уже разорено, а затем в эпоху установления римской империи, составляли ядро армии. В мирное время содержались за счет государства и получали хлебный паек. Между римским пролетарием и европейским пролетарием-бездомником, бесприютным бобылем—нет ничего общего, кроме названия. Не надо забывать, как говорит Маркс, что „в древнем Риме классовая борьба разыгрывалась лишь в пределах привилегированного меньшинства, между свободными богачами (оптиматами, патрициями) и свободными бедняками (плебеями, пролетариями), в то время как огромная производительная масса населения, рабы, составляла только пассивный пьедестал для борцов. Забывают меткое замечание Сисмонди: „Римский пролетариат жил за счет общества, в то время как современное общество живет за счет пролетариата".

Слово „пролетариат" для обозначения класса наемных рабочих входит в употребление только в первой половине XIX столетия. В предисловии к своей книге „Положение рабочего класса в Англии", в которой впервые дана исчерпывающая картина развития английского пролетариата до 40-х годов XIX столетия, Энгельс говорит, что он употребляет слова: „Рабочий, пролетарий, рабочий класс, неимущий класс и пролетариат", как равнозначащие. „Пролетариат,— говорит он в другом месте, —есть тот класс общества, который извлекает средства к существованию исключительно из продажи своего труда (рабочей силы), а не из дохода с какого-либо капитала; пролетариат есть тот класс, благополучие и разорение, жизнь и смерть, все существование которого зависит от спроса на труд (рабочую силу), т. е. от смены застоя и оживления в делах, от колебаний беспорядочной конкуренции. Это есть рабочий класс XIX столетия". Класс наемных рабочих или пролетариев возник в Англии еще в последнюю половину XIV столетия. В продолжение почти 150 лет он составлял ничтожную часть населения и только очень медленно отцеживался от ремесленников и крестьян, постепенно освобождавшихся от крепостной зависимости.

Вначале пролетариат, по своему социальному положению, очень мало отличается от них, но чем более развивается капитализм, тем более обособляется пролетариат. Его отличие от свободного крестьянина и ремесленника состоит в том, что он лишен средств производства, а потому работает с помощью чужих средств производства, не за свой счет, как крестьянин или ремесленник, а за чужой счет, за счет капиталиста. Он продает себя, свою рабочую силу, как товар, и получает заработную плату.

Пока капитализм находился еще в младенческом возрасте, пока превращению денежного, торгового капитала в промышленный препятствовали феодальные порядки в деревне, цеховой строй в городе, пока новая мануфактура вынуждена была ютиться в таких городских поселениях, которые были свободны от цехового контроля, наемные рабочие, пролетарии, несмотря на враждебное им законодательство, умели использовать всякое увеличение спроса на них, следовавшее за накоплением капитала. Только с XVI столетия, когда рас-

хищение церковных имений, раздача государственных угодий, экспроприация общинных земель оторвали от средств существования и выбросили на большие дороги десятки и сотни тысяч людей, положение наемных рабочих сразу ухудшилось. Развитие мануфактуры, увеличение капитала, необходимого для устройства самостоятельного дела, лишило их всякой надежды на переход в положение самостоятельного хозяйчика, ибо само ремесло теперь все больше уступает место капиталистическому предприятию. Правда, и мануфактура только постепенно—со второй половины XVII и до второй половины XVIII столетия—овладевает городской и сельской промышленностью, а пролетариат все еще по своей численности уступает ремесленникам и кустарным рабочим, хотя все больше превращается в определенный обособленный класс. Только крупная машинная промышленность наносит окончательный удар городскому ремеслу и сельской домашней промышленности, только она бросает в ряды пролетариата многочисленные кадры ремесленников и кустарных рабочих, отрезывая им всякую возможность вернуться „в первобытное состояние", только оно создает настоящий класс людей, выносящих на товарный рынок свою собственную шкуру, брошенных в водоворот конкуренции.

„Конкуренция,—говорит Энгельс,— есть наиболее полное выражение существующей в современном буржуазном обществе войны всех против всех. Эта война, война за жизнь, за существование, за все, а следовательно, в случае необходимости, и война на жизнь и на смерть, происходит не только между различными классами общества, но и между различными членами внутри одного и того же класса; один стоит у другого на пути, и каждый старается поэтому всех стоящих ему на пути вытеснить и занять их место. Конкурируют между собою и буржуа, и рабочие. Ткач, работающий на механическом ткацком станке, конкурирует с ручным ткачом, тот, если у него нет работы или он получает низкую плату, конкурирует с другим, имеющим работу или получающим бо́льшую плату, и стремится его вытеснить. Эта конкуренция рабочих между собою есть самое худшее явление в современном положении рабочих и лучшее орудие против пролетариата в руках буржуазии".

17. Разделение труда в эпоху мануфактуры и крупной промышленности.

Ремесленник совершает одну за другой различные частичные операции, из которых складывается производство отдельного продукта. Даже в период полного расцвета цехового ремесла, число подразделений в области промышленности все еще представляет небольшую величину. Только с развитием мануфактуры развивается техническое разделение труда, при котором рабочий осужден выполнять только одну частичную операцию. Но даже в период господства мануфактуры разделение труда, дробление профессий развивается только в немногих отраслях промышленности. Кроме того, основой всего производства остается ручной труд, искусство и ловкость самого рабочего.

„В мануфактуре и ремесле рабочий заставляет орудие служить себе, на фабрике он служит машине. Там движение орудия труда исходит от него, здесь он должен следовать за его движением. В мануфактуре рабочие образуют члены одного живого механизма. На фабрике мертвый механизм существует независимо от них, и они присоединены к нему, как живые придатки". Унылое однообразие бесконечной муки труда, постоянно все снова и снова выполняющего один и тот же процесс, похоже на работу Сизифа; тяжесть труда, подобно скале, все снова и снова падает на истомленных рабочих. „Машинный труд, до крайности захватывая нервную систему, подавляет многостороннюю игру мускулов и отнимает у человека всякую возможность свободной физической и духовной деятельности. Даже облегчение труда становится источником пытки, потому что машина не рабочего освобождает от труда, а его труд от всякого содержания" (Маркс, Капитал, стр. 418 — 419).

Машинное производство увеличивает массу сырых материалов, полуфабрикатов, рабочих инструментов, приводит к увеличению разнообразия отраслей промышленности. Обработка этих сырых материалов и полуфабрикатов распределяется между многочисленными новыми видами и подвидами, и, соответственно этому, растет число профессий. В то время как в немецкой статистике профессий в 1882 г. на-

считывалось 6000, в той же самой статистике в 1895 г. охвачены были около 10000 профессий.

В своей капиталистической форме крупная промышленность, таким образом, не только воспроизводит старое разделение труда с его закостеневшими специальностями, но и увеличивает число их. Она ставит частичного рабочего еще в худшее положение, ставя его в зависимость от всех случайностей той или иной конъюнктуры, уничтожая всякую обеспеченность и устойчивость его материального положения.

18. Труд и рабочая сила.

Маркс и Энгельс пользуются в Манифесте терминологией, от которой после отказались. Труд, как товар, отличается от труда, поскольку количеством его определяется стоимость товара. Вместо термина: товар-труд Маркс ввел после для обозначения способности рабочего к труду, способности производить продукты, термин: рабочая сила. Рабочий, лишенный средств производства, не имеет поэтому возможности применить к делу свою способность, вынужден итти на товарный рынок и продавать там, как товар, свою рабочую силу. Маркс и Энгельс изменили также свои взгляды и по вопросу о том, чем определяется цена труда-товара или рабочей силы. Как в своих „Очерках критики политической экономии", так и в „Положении рабочего класса в Англии" Энгельс исходил из того, что цена „труда" определяется теми же законами, что и цена любого товара, т. е. издержками его производства, а таковыми для „труда" являются средства существования, необходимые для того, чтобы рабочий оставался трудоспособным. Таким образом, цена „труда", рабочей силы или заработная плата есть минимум того, что необходимо для поддержания существования. На той же точке зрения стоял и Маркс. В „Нищете философии" и в „Наемном труде и капитале", он так определяет заработную плату: „Издержки производства простого труда (простой рабочей силы) сводятся к издержкам на поддержание жизни и на размножение рабочего. Цена этих издержек на поддержание жизни и размножение составляет заработную плату. Заработная плата, определенная этими издержками, называется минимумом заработной платы. Этот минимум, — как

вообще определение товарных цен издержками производства, — применим не к отдельной особи, а ко всему виду. Отдельные рабочие, миллионы рабочих получают меньше, чем нужно для поддержания жизни и для размножения, но заработная плата всего рабочего класса в пределах своих колебаний сводится в общем счете к этому минимуму".

Эту формулировку усвоил себе затем Лассаль. Последнему принадлежит только агитационное название этого закона, который он окрестил „железным" законом заработной платы.

В „Капитале" Маркс показал, что стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для его производства, а рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, сводится к рабочему времени, необходимому для производства средств существования, при помощи которых он удовлетворяет свои потребности в пище, одежде, топливе, жилище и т. п. Но размер этих необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют продукт истории и зависят, по большей части, от культурного уровня страны, между прочим, и от того, при каких условиях, а, следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих. Таким образом, в противоположность другим товарам, определение стоимости рабочей силы заключает в себе исторический и моральный элемент. Низшую или минимальную границу стоимости рабочей силы образует стоимость физически необходимых средств к существованию. Если цена рабочей силы или заработная плата падает до этого минимума, то она падает ниже стоимости, так как при таких условиях рабочая сила может поддерживаться лишь в недостаточной степени. Маркс показал дальше, что в капиталистическом обществе рабочий получает разрешение работать для собственного пропитания, если соглашается работать известную часть дня даром, в течение которой он создает прибавочную стоимость для капиталиста. Он выяснил условия, которые позволяли капиталистам увеличивать этот даровой труд путем увеличения рабочего дня или напряженности труда, или роста его производительности и, таким образом, позволяли все более и более опускать цену рабочей силы, заработную плату, ниже ее действительной стоимости.

19. Фабричное самодержавие.

„Техническое подчинение рабочего однообразному ходу орудий труда и своеобразное сочетание трудового организма из лиц обоего пола и самых различных возрастов создают казарменную дисциплину, которая вырабатывается в совершенный фабричный режим и доводит до полного развития труд надзора, а вместе с тем и разделение рабочих на рабочих ручного труда и надсмотрщиков за трудом, на промышленных рядовых и промышленных унтер-офицеров. Фабричный кодекс, в котором капитал в частно-правовом порядке и самовластно, без разделения властей, вообще столь дорогого буржуазии, и без представительной системы, еще более дорогой для нее, формулирует свое самодержавие над рабочим,—этот кодекс есть просто капиталистическая карикатура того общественного регулирования процесса труда, который становится необходимым при кооперации в крупном масштабе и при совместном применении средств труда, особенно машин. Кнут надсмотрщика за рабами заменяется штрафной книгой надзирателя. Все наказания, естественно, сводятся к денежным штрафам и вычетам из заработной платы, и, благодаря законодательному остроумию фабричных Ликургов, нарушение их законов, пожалуй, еще прибыльнее для них, чем соблюдение“ (Маркс, Капитал, стр. 419).

Маркс ссылается в этом месте на Энгельса, который за 20 лет перед этим дал яркую характеристику фабричного деспотизма.

„Рабство, которым буржуазия сковала пролетариат, ни в чем не сказывается с такой ясностью, как в фабричной системе. Здесь и юридически, и фактически конец всякой свободе. В половине 6 утра рабочий должен быть на фабрике: опаздывает он на несколько минут, его штрафуют; если он опаздывает на 10 мин., его не пропускают до конца перерыва на завтрак, и он теряет плату за четверть дня (хотя он не работал только два с половиной часа из двенадцати часов рабочего дня). По команде должен он есть, пить и спать... Деспотический гудок вырывает его из постели, зовет от завтрака, от обеда. А что делается на самой фабрике? Здесь фабрикант—неограниченный владыка, он издает

фабричные правила, какие ему заблагорассудится, он изменяет и дополняет свой устав, как ему вздумается, и хотя бы он внес в устав полную нелепицу, суд говорит рабочему: „Вы сами себе хозяин, если бы вы не хотели, вы не заключали бы такой договор, а раз вы его добровольно заключили, то извольте выполнять".

В какие отвратительнюе формы выливался этот фабричный деспотизм в старой дореволюционной России, с каким утонченным искусством разрабатывали систему штрафов наши самобытные русские фабриканты, руководившиеся хозяйственным расчетом, лучше всего показывает прекрасная брошюра тов. Ленина „Объяснение закона о штрафах", вышедшая в 1897 г.

20. Женский и детский труд.

„Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством для того, чтобы применять рабочих без мускульной силы или с недостаточным физическим развитием, но более гибкими членами. Поэтому женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин. Таким образом мощное средство замещения труда и рабочих немедленно превратилось в средство увеличивать число наемных рабочих, подчиняя непосредственному господству капитала всех членов рабочей семьи, без различия пола и возраста. Принудительный труд на капиталиста не только захватил время детских игр, но овладел и временем свободного труда в домашнем кругу, в установленных нравами пределах, для нужд самой семьи" (Маркс, Капитал).

Вместо одного взрослого рабочего, кормившего всю семью, теперь на капиталиста работают все члены семьи. Зачастую мужчина совершенно лишается заработка и вынужден искать себе работу вне привычной отрасли промышленности или поступить на содержание к детям. В английской текстильной промышленности уже в 1861 г. приходилось на тысячу занятых рабочих: в хлопчатобумажной—567 женщин (1901—628), в шерстяной—461 (в 1901 г.—582), в шелковой—642 (в 1901 г.—702). В десяти отраслях промышленности (керамическая, химическая, деревообделочная, текстильная, пищевая и т. д.) приходилось в 1841 г. на 1 030 600 мужчин 463 000 женщин;

в 1891 г. на 1 576 100 мужчин—1 447 500 женщин. В Германии на сто рабочих приходилось женщин в текстильной промышленности в 1882 г.—38, в 1895 г.—45, в 1907 г.—50, а в производстве одежды в 1882 г.—40, в 1895 г.—45, в 1907 г.—51.

21. Рабочий кредитует капиталиста.

„Во всех странах с капиталистическим способом производства рабочая сила оплачивается лишь после того, как она уже функционировала в течение срока, установленного договором об ее купле, например в конце каждой недели. Таким образом, везде рабочий ссужает капиталисту потребительную стоимость своей рабочей силы: он предоставляет покупателю потреблять свою рабочую силу раньше, чем последний уплатил ее цену, одним словом, везде рабочий кредитует капиталиста. Что этот кредит не пустая выдумка, показывает не только потеря кредитором заработной платы в случае банкротства капиталиста, но целый ряд фактов, оказывающих более продолжительное влияние".

В примечании к этому месту Маркс приводит данные, показывающие, как умеют лавочники использовать затруднительное положение рабочего и каким ростовщическим образом его заставляют платить за оказываемый ему кредит.

Еще хуже приходится рабочему, когда он получает заработную плату раз в две недели и даже раз в месяц. Ему приходится платить повышенные цены, и он фактически привязан к данному лавочнику, который высасывает у него, как паук, все соки. Продукты, которые он получает, всегде низшего качества или просто фальсифицированы. Поэтому, именно с развитием техники в XIX веке, такие огромные размеры приняла фальсификация товаров всеобщего потребления. Та же самая причина ставит рабочих в крайне тяжелую зависимость от домовладельца. Чем хуже жилище, тем больше дохода оно приносит, и самыми дорогими квартирами являются квартиры бедняков. „Эти рудники нищеты,— говорит Маркс,— эксплоатируются строителями-спекулянтами с большей прибылью и меньшими издержками, чем эксплоатировались когда бы то ни было серебряные рудники Потози".

22. Пролетаризация мелкой и средней буржуазии.

„Рабочий класс рекрутируется также и из имущих слоев общества. В ряды пролетариата переходит масса мелких промышленников и мелких рантье, которые принуждены немедленно же вынести на рынок свои руки рядом с руками рабочих. Таким образом лес протянутых и ищущих работы рук становится все гуще, и сами руки — все более тощими. Само собою понятно, что мелкий промышленник не может выдержать борьбу, одним из первых условий которой является постоянное расширение размеров производства, другими словами — обладание средствами крупного, а не мелкого промышленника. Не нуждается, полагаем, ни в каких дальнейших пояснениях и то обстоятельство, что проценты с капитала уменьшаются в той же степени, в какой возрастает капитал, в какой увеличиваются его размеры и его общая сумма; что мелкий рантье потому лишается возможности существовать на свою ренту и должен взяться за какую-нибудь промышленную деятельность, т. е. пополнить собою ряды мелких промышленников и вместе с тем увеличить число кандидатов на звание пролетария“ (Маркс, Наемный труд и капитал).

23. Формы протеста рабочих против капитализма.

Капиталистическое общество низводит рабочего на степень вещи. Только оппозиция против этого положения, только борьба против капитализма и его носителей, капиталистов возмущение и ненависть против буржуазии помогают рабочему сохранить свое человеческое достоинство. „Первой, наиболее грубой и наименее плодотворной формой этого возмущения,—говорит Энгельс,—было преступление. Рабочий жил в нужде и нищете и видел, что другим людям живется лучше, чем ему, он не мог понять, почему имено о н, который делает все же для общества больше, чем богатый лентяй, должен жить в таких скверных условиях. Нужда к тому же победила его врожденное уважение к собственности,

и он стал воровать. Таким образом, по мере развития промышленности, число преступлений возросло: число арестов, производимых в год, находится в известном отношении к числу перерабатываемых тюков хлопка. Но рабочие скоро заметили, что воровство не помогает. Преступники могут протестовать при помощи воровства против существующего общественного строя только как отдельные лица: вся мощь общества наваливалась на каждого в отдельности, подавляя его чрезмерным превосходством своих сил. К тому же кража была самой некультурной, самой бессознательной формой протеста и уже по одному тому не могла стать всеобщим выражением общественного мнения рабочих, хотя бы они в душе одобряли ее. Почти то же самое можно сказать и о другой форме единичного протеста, который встречается в первый период развития капитализма, — об убийстве фабрикантов, надсмотрщиков и т. п.

Первой формой коллективного протеста явились фабричные бунты, сопровождавшиеся уничтожением имущества и в особенности машин. Такая борьба рабочего против машин начинается вместе с их изобретением. Но в массовую борьбу она превращается только с начала XIX столетия. Под названием движения луддитов в 1811 г. начинается в Ноттингаме, Иоркшире и Ланкашире организованное разрушение машин. В Ноттингаме оно направлено было против новых чулочных станков. Именем „генерала Лудда", мифического лица, совершались акты насилия над фабрикантами, уничтожалось фабричное имущество, разбивались в дребезги дорогие машины. Против „луддитов" полиция оказалась бессильной, правительство пустило в ход войско, и, чтобы окончательно приучить рабочих к машине, проведен был закон, грозивший смертною казнью за разрушение машин. Против этого закона протестовал в Палате лордов знаменитый английский поэт Байрон, давший в своей речи яркую картину нужды ноттингамских рабочих. Движение, однако, разрасталось и в 1812 г. В январе 1813 г. повешены были трое луддитов, а через неделю за нападение на фабрику Картрайта, изобретателя ткацкого станка, повешено было 14 человек. При помощи провокаторов правительству удалось напасть на след организации. Оживление промышленности, агитация Коббета, разъяснявшего рабочим бессмысленность разруше-

ния машин, рост сознания среди рабочих скоро положили конец движению луддитов. Правда, этот способ протеста в более стихийной форме продолжает применяться и после, в особенности в каждой новой отрасли промышленности, в которой вновь вводились машины. Так, в начале тридцатых годов сельские рабочие именем Джека Свинга,—такое же мифическое лицо, как генерал Лудд, — систематически пускали „красного петуха" и сжигали амбары и сеновалы своих хозяев.

В Германии особенно сильное впечатление произвели аналогичные волнения силезских ткачей в 1844 г., описанные другом Маркса, Вильгельмом Вольфом, и послужившие после темой для известной драмы Гауптмана — „Ткачи". У нас, в России, фабричные бунты, сопровождавшиеся разрушением фабричного имущества, происходили в 80—90-х годах XIX столетия. „Требуется известное время и опыт для того, чтобы рабочий научился отличать машину от ее капиталистического применения и вместе с тем переносить свои нападения с материальных средств производства на общественную форму их эксплоатации" (Маркс, Капитал).

24. Духовная эксплоатация пролетариата.

Роль руководителя рабочих, использующего их против своих врагов, английская и французская буржуазия играли в двадцатых и тридцатых годах XIX столетия. „С одной стороны, самая крупная промышленность в рассматриваемый период едва вышла из пеленок, как это видно уже из того обстоятельства, что только кризисом 1825 года начинаются периодические кругообороты ее современной жизни. С другой стороны, классовая борьба между капиталом и трудом была отодвинута на задний план; в политической области ее заслоняла борьба между феодалами и правительствами, сплотившимися вокруг Священного союза, и между руководимыми буржуазией массами; в экономической области ее заслоняла распря между промышленным капиталом и аристократическим землевладением, которая во Франции скрывалась за противоречием мелкого и крупного землевладения, а в Англии, со времен хлебных законов, прорывалась открыто".

В Англии рабочий помогает буржуазии в ее борьбе за осуществление принципов свободной торговли, за отмену хлебных законов, за реформу уголовного и гражданского права, за расширение избирательного права.

Такие экономисты, как Рикардо, юристы, как Бентам, политики, как Джозеф Юм, пользовались громадным авторитетом и среди рабочих. Только после 1830 года, когда радикальная буржуазия так легко согласилась на компромисс, давший избирательные права и политическую власть промышленному капиталу, произошел глубокий раскол между передовой частью рабочего класса и буржуазией.

Аналогичную пору расцвета переживала французская либеральная буржуазия в годы реставрации (1815 — 1830 г.г.). Она руководила народными массами в борьбе со старой аристократией и королевской властью Бурбонов, она являлась учительницей и воспитательницей всех эксплоатируемых, она самым искусным образом замаскировала в общей противоположности интересов промышленной буржуазии и интересов аристократического землевладения противоположность своих интересов и интересов рабочего класса. Только измена ее в эпоху июльской революции, только лионские восстания рабочих (1831—1834 г.г.) дали толчок самостоятельной политической мысли рабочего класса, до того времени игравшего роль радикального крыла буржуазных партий.

25. Генезис и развитие профессионального движения.

Первая попытка теоретически объяснить процесс развития профессиональной организации рабочего класса принадлежит Энгельсу. Уже в 1845 году он, в отличие от тогдашних экономистов и социалистов, показал, что тред-юнионы или профсоюзы являются неизбежным результатом борьбы между рабочим и предпринимателями, что они являются первичной формой классовой организации рабочего класса. Вначале это были только временные соединения, возникавшие в процессе стачечного движения. Так как закон запрещал всякие соединения, всякие общества рабочих, особенно под влиянием событий Великой французской революции, когда были изданы акты 1799—1800 г.г., то рабочие устраивали тайные

коалиции. Только в результате упорной борьбы за право ассоциации, которую рабочие вели вместе с радикально-демократической буржуазией, после ряда революционных выступлений в 1816, 1817 и 1819 г.г., вызвавших реакционные „шесть актов" министра Сидмута, английским рабочим удалось добиться в 1824 г. права коалиции. Хотя в следующем году оно подверглось некоторым ограничениям, все же рабочие немедленно использовали его.

„Во всех отраслях труда образовались тред-юнионы, открыто стремившиеся к защите отдельного рабочего от тирании и несправедливости буржуазии. Цели их были: определение заработной платы, переговоры с работодателями как сила от имени всех членов союза, регулирование заработной платы сообразно с прибылью работодателя, повышение заработной платы при удобном случае, удержание ее в каждой отрасли труда во всех фабриках на одном и том же уровне. Поэтому они вели обыкновенно переговоры с капиталистами об установлении обязательной для всех нормы заработной платы, а если кто отказывался принять эту норму, они объявляли у него стачку. Далее, путем ограничения приема учеников, они старались поддерживать спрос на рабочих и тем удерживать заработную плату на известной высоте, старались противодействовать фабрикантам, когда те пытались, введением новых машин и инструментов, понизить заработную плату и, наконец поддерживали денежной помощью безработных рабочих".

Энгельсу известны уже попытки английских рабочих устраивать союзы в областном и национальном масштабе. „Когда это было и возможно, и оказывалось выгодным, ассоциации отдельных округов объединялись в федеративный союз и устраивали через определенные промежутки времени собрания делегатов. Кое-где делались попытки объединить всех рабочих одной профессии в один большой союз, а несколько раз, впервые в 1830 г., пытались создать общую ассоциацию рабочих всей Англии с тем, чтобы каждая профессия сохранила свою собственную организацию".

Энгельс дальше описывает методы борьбы профсоюзов. На первом месте стоит забастовка, затем борьба с „паршивцами", или штрейкбрехерами, и меры принуждения против тех, которые отказываются вступить в союз.

Но, признавая профсоюзы необходимой формой организации рабочего класса, Энгельс в то же время устанавливает пределы их значения в капиталистическом обществе. „История этих союзов есть повествование о длинном ряде поражений рабочих, прерываемых иногда отдельными победами. Само собой понятно, что все эти усилия союзов не в состоянии изменить того экономического закона, согласно которому заработная плата определяется соотношением спроса и предложения на рабочем рынке".

Но даже тогда, когда бесполезность стачки, казалось бы, ясна для всякого, рабочие должны протестовать против понижения заработной платы, ибо при отсутствии такого протеста предприниматели не знали бы меры своей алчности. „Важны же эти союзы и вызываемые ими стачки, главным образом, тем, что они представляют собою первую попытку рабочих уничтожить конкуренцию. Существование их предполагает уже понимание того, что господство буржуазии основывается на конкуренции рабочих между собой, т. е. на отсутствии солидарности между ними, на противоположении интересов одних рабочих с интересами других".

Социалистам и экономистам, одинаково осуждавшим стачки, Энгельс указывает на их воспитательное значение. „Эти стачки представляют собой только передовые стычки, иногда лишь более значительные сражения; они не имеют решающего значения, но они с несомненной ясностью доказывают, что решительная битва между пролетариатом и буржуазией приближается. Они являются высшей школой для рабочих, в которой последние подготовляются к великой борьбе, ставшей уже неизбежной; они представляют собой пронунциаменто, восстания отдельных отраслей труда, в которых последние заявляют о своем присоединении к великому рабочему движению. И, как такая военная школа, стачки незаменимы".

В своей полемике против Прудона, который тоже относился очень отрицательно к стачкам и считал их „противозаконными", Маркс опирается на работу Энгельса и только дает более отчетливую формулировку, ставя развитие профессиональной организации рабочего класса в тесную связь с развитием его классовой организации.

„Первые попытки рабочих к с о е д и н е н и ю между собой

всегда принимают форму коалиции. Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция разъединяет их интересы. Но охрана заработной платы от падения, — этот общий им всем и противоположный хозяйскому интерес, — соединяет рабочих на одной и той же мысли сопротивления: коалиции. Таким образом, коалиция все же имеет двойную цель: прекратить конкуренцию между рабочими, чтобы быть в состоянии общими силами конкурировать с капиталистом. Если первой целью сопротивления являлось лишь поддержание заработной платы, то потом, по мере объединения самих капиталистов на идее обуздания рабочих, отдельные коалиции этих последних формируются в группы и, ввиду всегда объединенного капитала, сохранение союза становится для них необходимее самой охраны заработной платы от падения. До какой степени это верно, показывает тот факт, что рабочие, к крайнему удивлению английских экономистов, жертвуют значительной частью своей заработной платы в пользу союзов, основанных, по мнению этих экономистов, лишь ради заработной платы. В этой борьбе, настоящей междоусобной войне, соединяются и развиваются все необходимые элементы будущих битв. Дойдя до этой ступени, коалиция принимает политический характер" (Маркс, Нищета философии).

26. Политическая организация рабочего класса. Чартизм.

Устройство стачек, организация профсоюзов, объединение последних в областные, попытки связать их в национальном масштабе, пока ограничивающиеся только случайным соединением нескольких союзов, шли рука об руку с политической борьбой рабочих, принявшей опять серьезные размеры после кризиса 1836—1837 гг. Это — эпоха организации первой политической партии рабочих, партии чартистов. Энгельс нам расскажет, как свершилось это превращение частичной борьбы отдельных профсоюзов и их федераций в классовую борьбу в национальном масштабе и тем самым политическую.

„Так как рабочие не уважают закона, а только подчиняются ему в тех случаях, когда у них нет возможности

изменить его, то вполне естественно, что они делают предложение об изменении законов и стремятся поставить на место буржуазного закона закон пролетарский. Этим законом, который был предложен пролетариатом, является народная хартия (по-английски чартер, отсюда чартизм), чисто политическая по своей форме и требующая организации Нижней палаты на демократических началах. Чартизм есть компактная форма оппозиции против буржуазии. В профсоюзах и стачках оппозиция всегда проявлялась в разрозненной форме; отдельные рабочие или секции рабочих боролись с отдельными буржуа. Если борьба принимала общий характер, то это редко происходило со стороны рабочих намеренно. Когда же это случалось, то в основе такого общего движения лежал чартизм. В образе чартизма против буржуазии восстает весь рабочий класс, и нападает он, главным образом, на ее политическую власть, на ту стену из законов, которой она себя окружила.

Хартия выработана была основанным в 1836 г. „Обществом рабочих" в Лондоне. Она заключала в себе шесть пунктов: 1) Всеобщее избирательное право для всех совершеннолетних мужчин. 2) Ежегодно переизбираемый парламент. 3) Вознаграждение членам парламента, чтобы и неимущие могли быть депутатами. 4) Выборы путем тайного голосования. 5) Равные избирательные округа, чтобы обеспечить равномерность представительства. 6) Отмена имущественного ценза для депутатов.

В „Нищете философии" Маркс описывает процесс превращения рабочего класса в класс для себя, процесс развития классового сознания пролетариата, следующим образом:

„Экономические отношения превратили сначала массу населения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы общее положение, общие интересы. Таким образом эта масса, по отношению к капиталу, является уже классом, но она еще не есть класс для себя. В борьбе, намеченной нами лишь в нескольких ее фазисах, эта масса сплачивается, организуется в класс для себя, защищаемые ею интересы

становятся классовыми интересами. А борьба класса против класса есть борьба политическая".

Пролетариат, как класс в себе, как особенная общественная категория, как группа людей, играющих особую роль в общественном процессе производства, сложился уже в первой четверти XIX столетия. Он становится в то время предметом исследования общественной науки. Он настолько уже определился, что Рикардо, величайший теоретик-экономист английской буржуазии, считает главной задачей политической экономии выяснение законов, которыми в буржуазном обществе регулируется распределение продуктов между тремя классами общества: землевладельцами, капиталистами и рабочими. Но проходит еще много лет, прежде чем этот рабочий класс превращается в класс для себя, начинает сознавать себя, как особый класс с особыми интересами, с особыми историческими задачами, как класс для самого себя.

27. Антагонизмы внутри буржуазного общества. Использование их пролетариатом.

Несогласие внутри буржуазии, борьба между различными ее подразделениями, борьба между крупной и мелкой буржуазией, борьба между капиталистическим землевладением и торгово-промышленной буржуазией, борьба между денежным и промышленным капиталом — все эти конфликты вызываются самым строением капиталистического общества.

„В течение своего исторического развития буржуазия необходимо развивает свойственный ей характер антагонизма, который первоначально очень неясен и существует лишь в скрытом состоянии. По мере развития буржуазии, в недрах ее развивается новый пролетариат, пролетариат нового времени; между пролетариатом и буржуазией завязывается борьба, которая, прежде чем быть прочувствованной, замеченной, оцененной, понятой, признанной и громко провозглашенной обеими сторонами, проявляется лишь в преходящих фактах, лишь в единичных разрушительных столкновениях. С другой стороны, если все члены современной буржуазии имеют один и тот же интерес, поскольку они образуют особый класс, противостоящий другому классу, то в их

собственных взаимных отношениях интересы их враждебны и противоположны. Эта противоположность вытекает из экономических условий их буржуазной жизни" (Маркс, Нищета философии). История английского буржуазного общества в первой половине XIX столетия служит прекрасной иллюстрацией этого положения.

В 1815 г., сейчас же после окончательной победы над Наполеоном, английские землевладельцы провели новый хлебный закон, по которому свободный ввоз хлеба в Англию допускался лишь в том случае, когда цена на пшеницу стояла не ниже 80 шиллингов за квартер. Против нового закона, при котором английским землевладельцам, избавленным от конкуренции континентального хлеба, гарантировались экстраординарные доходы, протестовали особенно энергично средние классы — мелкие торговцы, ремесленники, вообще мелкая буржуазия, а также и промышленная буржуазия, боровшаяся за повышение своей прибыли. Сначала агитация велась мирными средствами. Но это не помогло. На всякие доводы землевладельцы отвечали категорическим отказом.

Не помогла сначала и избирательная реформа 1832 г. В борьбе за сохранение своей ренты объединились все части землевладельческой аристократии. Тогда промышленная буржуазия решила начать политическую борьбу и поднять против землевладельцев весь „народ". В 1838 г. основана была в Манчестере двумя текстильными фабрикантами, Кобденом и Брайтом, „Лига против хлебных законов". Борьба сразу приняла ожесточенный характер. Обе стороны апеллировали „к низшим классам" и обличали друг друга. Буржуазия указывала на ужасное положение сельскохозяйственного пролетариата. Поземельная аристократия выступала в защиту промышленных рабочих и ратовала за фабричное законодательство.

„С одной стороны, было в интересе буржуазных агитаторов показать, как мало охранительные пошлины защищают действительных производителей хлеба. С другой стороны, промышленная буржуазия кипела негодованием на разоблачения земельными аристократами состояния фабрик, на деланную симпатию этих испорченных до мозга костей, бессердечных и знатных бездельников к страданиям фабричного рабочего, на их дипломатическую рьяность по отношению

к фабричному законодательству. Существует старинная английская поговорка, что если два вора вцепятся друг другу в волосы, из этого всегда получится что-нибудь полезное".

Хлебные законы были отменены 20 июня 1846 г. Лига против хлебных законов победила по всей линии. И в этой борьбе ее поддерживали и рабочие. „Английские рабочие дали почувствовать сторонникам свободной торговли, что их не могут сбить с толку все увертки и вся ложь этих последних; если рабочие тем не менее присоединились к ним в борьбе против землевладельцев, то они решились на то с целью разрушить последние остатки феодализма, чтобы иметь затем дело лишь с одним врагом. Они не ошиблись в своих расчетах: землевладельцы перешли на сторону рабочего класса в борьбе за десятичасовой билль, которого тщетно требовали рабочие в течение тридцати лет и который был проведен немедленно после отмены хлебного закона" (Маркс, Речь о свободной торговле).

О том, как был проведен десятичасовой билль, Маркс рассказывает в „Капитале":

„Отмена хлебных законов, отмена ввозных пошлин на хлопок и другие сырые материалы, провозглашение свободы торговли путеводной звездой законодательства! Словом, наступало тысячелетнее царство. С другой стороны, чартистское движение и агитация за 10-часовой рабочий день достигли в эти же годы своего высшего пункта, они нашли союзников в дышавших местью ториях. Несмотря на фанатическое сопротивление вероломной армии свободной торговли, с Брайтом и Кобденом во главе, билль о 10-часовом рабочем дне, которого добивались так долго, был принят парламентом".

„Лига против хлебных законов" была учительницей английских рабочих в деле агитации. Имея колоссальные средства, она затрачивала огромные суммы на издание газет, книг, памфлетов, плакатов, прокламаций. Только до 1843 г. издано было 10 000 000 экземпляров брошюр. Во главе лиги стоял исполнительный совет, члены которого руководили различными отделами. В связи с этими отделами стояли рабочие и даже женские организации. Ораторы Лиги не останавливались в своих речах пред призывом к насилию и клеймили в самых резких выражениях все гнусности поземельной ари-

стократии, осуждающей на голод производительные классы страны.

Буржуа-идеологи, возвысившиеся до теоретического понимания всего хода исторического развития и ставшие на точку зрения пролетариата, оказались гораздо более редким явлением, чем дворяне-идеологи, перешедшие на сторону буржуазии. Главная причина заключается в том, что пропасть между буржуа и пролетарием несравненно глубже, чем между дворянством, в особенности обуржуазившимся, и буржуазией. В истории русского революционного движения мы видим, как такие идеологи, — у нас так называемая революционная интеллигенция, наполнявшая демократические партии, — несравненно в меньшей степени оказались способны вступить в ряды борющегося пролетариата.

28. Пролетариат, народ и крестьянство. Значение *формы* эксплоатации.

Пролетариат отличается от других угнетенных и эксплоатируемых классов не степенью эксплоатации, а, в несравненно большей мере, ее формой. При товарном производстве, а стало быть и при капитализме, т. е. такой форме товарного производства, при которой на рынке является специфический товар — рабочая сила человека, — только пролетариат борется против самых основ эксплоатации, потому что товарное производство никого не бьет так сильно, как именно пролетариат. Ведь он принужден жить продажей самого себя, своей рабочей силы, в то время как другие угнетенные классы — мелкая буржуазия во всех ее видах, крестьянство, ремесленники — ничего не имеют против самого товарного производства и, как классы, желали бы только устранить условия, ставящие их товары в неблагоприятное положение в сфере конкуренции.

Важен, таким образом, не только факт порабощения, — порабощены и другие классы, — несравненно важнее его форма, потому что с изменением этой формы меняются и мнения, которые рождаются и могут зарождаться в голове порабощаемого. В то время как „мнения" мелкой буржуазии и крестьянства делают их бессознательными (в лучшем случае) союзниками господствующих классов, вопреки, казалось

бы, их интересам — частная собственность и для тех и других есть высшее достижение человеческой свободы и индивидуальной независимости, — „мнения" пролетариата все больше приходят в согласие с его интересами. Именно поэтому „из всех классов, противостоящих теперь буржуазии, только пролетариат представляет собою действительно революционный класс. Все прежние классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же именно ею и создается".

Но важен не только количественный рост его. Массовые движения были и раньше. Гораздо важнее его „качественный рост". В то время как с развитием капитализма значение других трудящихся классов с каждым днем падает, пролетариат, наоборот, становится все более и более важным фактором в общественной организации производства. В то время как энергия сопротивления других угнетенных классов рассеивается по бесчисленным точкам „общественного организма", энергия пролетариата концентрируется в немногих, наиболее чувствительных его пунктах. Тут он сбрасывает с себя все „особенности", — профессиональные, религиозные, национальные и т. д., — и превращается в одну великую солидарную и сплоченную армию борцов за лучшее будущее.

Так называемый „народ" — термин, который так охотно выдвигают народники, социалисты-революционеры в противоположность „узкому" термину марксистов, — с развитием экономических отношений раскалывается на части с различными интересами. Пролетариат, напротив, вступая в этот процесс, вследствие различных условий своего зарождения разъединенным, с развитием тех же самых экономических отношений превращается в одно целое с однообразными интересами. Конечно, и другие эксплоатируемые классы имеют революционное значение, но они имеют его „лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не современные, но будущие свои интересы, поскольку они покидают свою точку зрения (т. е. отказываются от взглядов, порождаемых в их головах теперешними интересами) и становятся на точку зрения пролетариата". Классовая идеология пролетариата, таким образом, все более и более становится идеологией всех „обремененных и нуждающихся", и во главе всего освободительного движения

человечества становится уже не маленькая кучка идеологов, а могучий, проникнутый сознанием своей исторической миссии, пролетариат.

Достаточно посмотреть на всякие националистические, антисемитские и клерикальные партии, вроде немецкого центра или итальянской народной партии, чтобы увидеть, с каким трудом ремесленники, крестьяне и вообще мелкая буржуазия отказываются от надежды улучшить свое положение путем сохранения и укрепления своей частной собственности, какой высокой степени развития должно достигнуть их развитие, чтобы они перешли на точку зрения пролетариата.

Мы уже видели, каким путем конституируется рабочий класс, как развитие крупной промышленности создает условия, ускоряющие его превращение в класс для самого себя. Господство капитала создает для рабочих общее положение, общие интересы. В других условиях живут крестьяне-собственники. Маркс показывает нам это на примере французского мужика. „Мелкие крестьяне образуют огромную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные взаимные отношения. Способ производства изолирует их друг от друга, а не связывает путем взаимных отношений. Этому изолированию содействуют плохие французские пути сообщения и бедность крестьян. Обрабатываемый ими клочок земли исключает всякую возможность разделения труда, применения науки, а, следовательно, исключает и многостороннее развитие, разнообразие талантов и общественных отношений. Каждая отдельная крестьянская семья почти не нуждается ни в ком другом; она сама непосредственно производит наибольшую часть предметов своего потребления, добывая таким образом жизненные средства больше в сношениях с природой, чем в сношениях с обществом. Клочок земли, крестьянин и его семья; рядом другой клочок земли — другой крестьянин и другая семья. Несколько дюжин всего этого составляют деревню, несколько дюжин деревень составляют департамент. Так, большая масса французской нации образуется от простого сложения одноименных величин, вроде того, как мешок картофеля составляется из сложенных в мешок картофелин. Поскольку мелкое крестьянство живет в экономической обстановке, которая накладывает общую

печать на его образ жизни, интересы и умственное развитие и ставит его тем самым во враждебное отношение к другим классам, — оно образует класс. Поскольку между мелкими крестьянами существует лишь локальная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними общей национальной связи, общей политической организации, — они не образуют класса. Они поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем явиться их господином, стоящим над ними авторитетом, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им дождь и ведро. Политическое влияние мелкого крестьянства в последнем счете выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество" (Маркс, 18 Брюмера).

По самым условиям своего существования крестьянство является элементом, неспособным к общеполитическому действию. Так называемые крестьянские войны (в 1381 г. в Англии под предводительством Уота-Тайлера, жакерия во Франции в 1358 г., великая крестьянская война в Германии в 1525 г., разиновщина и пугачевщина у нас) приобретали значение политического фактора только там, где крестьянское движение сливалось временно с городским движением. Представляя такой слой населения, в котором одинаковость интересов далеко не идет рука об руку с их общностью, оно, как один человек, восстает только тогда, когда его на протяжении всей страны поражает общий удар вроде целого ряда стихийных бедствий, подготовляемых данным общественным строем и служащих в то же время последней каплей в чаше бед, испытываемых крестьянством. Местные интересы продолжают преобладать, и поэтому, как ни сильна иногда его способность сопротивления, крестьянство легко поддается на удочку разных подачек. Первый порыв скоро исчезает, и одна деревня за другой покидают „общее дело", удовлетворяясь маленькими уступочками. Политическая активность, проявляющаяся в умении настойчиво преследовать отдаленные общие цели движения, очень не велика была и в то время, когда крестьянство еще слабо дифференцировалось.

Еще меньше она, когда крестьянство подвергалось сильному воздействию денежного хозяйства. Оно дифференцируется не только внутри общины, деревни, оно распадается на различные территориальные группы с особыми одинаковыми интересами.

Во время так называемых буржуазных революций, крестьянские бунты, спорадически предшествующие им, вспыхивают с особенной силой там, где крестьяне сдерживались центральной властью, охотно приходившей на помощь всяким „диким помещикам". Но в такие эпохи крестьянство не играет активной роли в самой революции. Крестьянские волнения начинаются только после того, как революция уже разразилась в городе, и служат ее продолжением. Так было во время Великой французской революции, то же самое повторилось в Германии и Австрии.

Буржуазные мыслители, особенно на континенте, склонны были отождествлять весь пролетариат с той его частью, которую Маркс называет люмпен-пролетариатом. Пролетарий для них тот же паупер, нищий, босяк и „бывший человек". Уже в своей полемике с Максом Штирнером, одним из учителей Бакунина, Маркс указывает, что „пауперизм — это состояние, в котором находится лишь разоренный пролетарий, последняя ступень, на которую опускается потерявший силу сопротивления пролетарий, и только лишенный всякой энергии пролетарий становится паупером".

В „Капитале", где Маркс анализирует различные формы относительного перенаселения при капиталистическом производстве, он отделяет люмпен-пролетариат, к которому он относит бродяг, преступников и живущих проституцией, даже от низшего слоя резервной армии рабочих, который обитает в сфере нищенства, пауперизма, этого инвалидного дома активной рабочей армии и балласта рабочей резервной армии. Эти отбросы пролетариата, скопляющиеся в больших городах, — апаши, хулиганы, золоторотцы — не играют никакой роли в производственном процессе и по своему настроению всегда готовы продаться реакции, увеличить собой ряды черносотенцев или фашистов.

В „18 Брюмера", этом гениальном историческом анализе условий, помогших Наполеону III совершить свой государственный переворот, Маркс указывает на предательскую

роль, которую играл парижский люмпен-пролетариат на службе у буржуазии и Наполеона. „Общество десятого декабря", возникшее в 1849 г. и служившее главным орудием для произведения государственного переворота, представляло тайную организацию люмпен-пролетариата.

„Рядом с прогоревшими кутилами с двусмысленным происхождением и с двусмысленными средствами существования, рядом с оголтелыми авантюристами и буржуазией в этом обществе встречались бродяги, отставные солдаты, бывшие обитатели смирительного дома, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, шарманщики, тряпичники, точильщики, бродяги, нищие, — словом, вся неопределенная, разношерстная, неустойчивая масса, которую французы называют богемой; из этих родственных ему элементов Бонапарт образовал ядро „Общества десятого декабря".

29. Пролетариат и уважение к закону.

Частная собственность является основой всего буржуазного общества, его главным жизненным условием. Во имя справедливости и равенства, буржуазия освободила ее от феодальных оков, от монополий и привилегий. Правда, в силу законов капиталистического развития, эта частная собственность превращается в капиталистическую частную собственность, т. е. собственность, основанную как раз на том, что все более многочисленные слои населения лишаются своей частной собственности. Чем больше кричит и хлопочет буржуа о святости и неприкосновенности частной собственности, тем усерднее отнимает он ее у мелких торговцев, ремесленников, крестьян, превращая их в людей, лишенных частной собственности, т. е. пролетариев. Требуя уничтожения частной собственности, пролетариат требует только уничтожения того, что уже уничтожено для него, отсутствие чего определяет его „род жизни на пропитание". Пролетариат — это масса, возникшая из острого разложения старого общества, из разложения среднего сословия, главным образом низших его слоев. В первой статье, в которой Маркс формулировал свое новое понимание исторической роли пролетариата, он пишет:

„Возвещая разложение прежнего миропорядка, пролетариат тем самым разоблачает тайну своего собственного существования, ибо он представляет фактическое разложение именно этого миропорядка. Когда он требует отрицания частной собственности, пролетариат возводит только в принцип всего общества то самое, что общество возвело в принцип существования его самого, что уже осуществлено в пролетариате, помимо его содействия, как отрицательный результат общества" (Маркс, К критике гегелевской философии права).

Законы, защищающие частную собственность, выросли из буржуазного строя. С развитием капитализма становится все яснее и яснее, что эти законы бессильны даже защищать собственность, своим трудом выработанную. Для рабочих эти законы существуют только как законы, карающие то или другое преступление против частной собственности. Только путем упорной, стоящей огромных жертв, борьбы пролетариату удается добиться законов, ограждающих его „собственность", его рабочую силу от хищнической эксплоатации со стороны капиталистов. Каким образом буржуазные законы становятся для рабочих буржуазными предрассудками, как теряют рабочие уважение к буржуазным законам, прекрасно показывает на примере английских рабочих Энгельс.

„Буржуа, разумеется, свято чтит закон, потому что он создал его, потому что он издан с его согласия для защиты его самого и его интересов. Он знает, что если даже отдельный закон может оказаться специально для него вредным, то все законодательство в целом служит для охраны его интересов. Он знает, и это важнее всего, что святость закона, неприкосновенность порядка, установленного активною волею одной части общества и пассивною волею другой его части, являются самой твердой опорой социального положения буржуазии. Английский буржуа почитает закон святым потому, что он в нем, как и в своем божестве, находит самого себя. Потому же и палка полицейского, которая в сущности является его собственной палкой, имеет для него такую удивительную умиротворяющую силу. Но для рабочего это, поистине, не так. Рабочий прекрасно знает и очень часто уже испытывал, что для него закон — плеть, сплетенная буржуазией, и рабочий, когда не-

обходимость не заставляет его подчиняться закону, игнорирует последний.

Какие есть основания у пролетария не воровать? Очень красиво звучит и очень приятно для слуха буржуазии, когда говорят о „святости собственности". Но для того, кто ее не имеет, само собой не существует и святости собственности. Богом этого мира являются деньги. Буржуа отнимает у пролетария деньги и превращает его, таким образом, в атеиста-практика. Неудивительно, что пролетарий обнаруживает свой атеизм, что он не признает святости и могущества земного бога. Когда бедность пролетария достигает степени настоящей нужды в самых необходимых средствах к жизни, степени нищеты и голода, уважение к общественному порядку еще более падает".

Вся психика рабочего резко меняется под влиянием условий, создаваемых развитием крупной промышленности, централизацией населения в крупных городах. Объединенные между собою, хотя бы только чисто внешним образом, рабочие начинают чувствовать себя классом, начинают замечать, что, будучи слабым каждый в отдельности, они представляют все-таки все вместе силу; резко обозначается их обособленность от буржуазии; развиваются своеобразные воззрения и идеи, свойственные рабочим и их положению; является сознание угнетенности, и рабочие приобретают политическое и социальное значение... При патриархальных отношениях, лицемерно скрывавших рабство рабочего, этот последний должен был оставаться духовно мертвым, совершенно не сознающим своих интересов, лишенным всякого общественного значения. Лишь когда хозяин сделался ему чуждым, когда стало очевидным, что он связан с ним только благодаря личным интересам, благодаря стремлению к наживе, когда исчезла личная симпатия, не выдержавшая ни малейшего испытания, тогда лишь рабочий начал сознавать свое положение и свои интересы, начал развиваться духовно, и лишь тогда он перестал быть рабом буржуазии в своих идеях, чувствах и стремлениях...

Буржуазия имеет больше общего со всеми остальными нациями в мире, чем с рабочими, которые живут рядом с нею. Рабочие говорят на другом наречии, у них другие идеи и представления, другие обычаи и нравственные прин-

ципы, другая религия и политика, чем у буржуазии. Буржуазия и рабочие представляют из себя два народа, отличающихся друг от друга в такой степени, в какой вообще могут различаться между собой две расы.

30. Мирная эволюция и социальная революция. Международный характер пролетарского движения.

„Существование угнетенного класса составляет жизненное условие каждого общества, основанного на антагонизме классов. Освобождение угнетенного класса необходимо подразумевает, следовательно, создание нового общества. Возможность этого освобождения является лишь на той ступени развития, когда приобретенные уже производительные силы и существующие общественные учреждения не могут более уживаться рядом. Из всех орудий производства наибольшую производительную силу представляет сам революционный класс. Организация революционных элементов в класс уже заранее предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества. Значит ли это, что с падением старого общества наступит господство нового класса, выражающееся в новой политической власти? Нет, условие освобождения трудящегося класса есть уничтожение всяких классов точно так же, как условием освобождения третьего, буржуазного, сословия было уничтожение всех сословий" (Маркс, Нищета философии).

К вопросу о международном характере пролетарского движения мы вернемся еще ниже (см. примечание 40). Здесь необходимо только напомнить, что авторы Манифеста употребляют слово национальный в государственно-территориальном смысле. Борьба национальная означает только, что она ведется в рамках данного национального государства — английского, французского, бельгийского. Чтобы покончить с интернациональной буржуазией, — а по своей сущности борьба пролетариата есть борьба интернациональная, предполагающая союз пролетариата нескольких наций, — пролетариат каждой страны должен покончить прежде всего с своей собственной буржуазией. II Интернационал кончил таким позорным крахом именно потому, что его главные участники, увлеченные „защитой отечества", взялись, в первую

очередь, уничтожать чужую буржуазию, а вместе с ней не только своих братьев пролетариев в чужой стране, но и твоих „единокровных" пролетариев в собственной стране. Никогда, в период самой ожесточенной гражданской войны, в период революции, в периоды самой фанатической борьбы между разными нациями, никогда еще в истории не было пролито столько крови, уничтожено столько человеческих жизней, как именно тогда, когда всемирная война происходила с благословения как раз тех, которые боялись насильственного низвержения буржуазии, потому что это сопряжено с пролитием человеческой крови.

„Идя по пути своего развития, трудящийся класс заместит старое гражданское общество ассоциацией, исключающей как классы с их антагонизмом, так и политическую власть в собственном смысле, так как политическая власть есть именно официальное выражение антагонизма классов в гражданском обществе. А до тех пор антагонизм между пролетариатом и буржуазией остается классовой борьбой, являющейся на крайней ступени своего напряжения всесторонней революцией. Да и удивительно ли, что общество, основанное на противоположности классов, приходит, в конце концов, к грубому противоречию, к физическому столкновению людей. Не говорите, что социальное движение исключает политическое. Никогда не существовало политического движения, которое не было бы в то же время и социальным. Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, социальные эволюции перестанут быть политическими революциями. До тех же пор, накануне каждого полного переустройства общества, последним словом социальной науки будет: — война или смерть, кровавая борьба или уничтожение. Такова неотразимая постановка вопроса" (Маркс, Нищета философии).

31. Капиталистическое накопление — нищета и вырождение рабочего класса. Экспроприация экспроприаторов.

Даже в том случае, если пролетарию удается продать свою рабочую силу при наиболее благоприятных условиях, если ему удается получить максимум заработной платы, он все

же остается в зависимости от колебаний промышленного цикла. Необеспеченность существования, постоянные колебания заработной платы зачастую сменяются полной безработицей, — все это резко отличает положение пролетария от положения раба или крепостного. „Пролетарий, у которого ничего нет, кроме своих рук, продающий сегодня то, что заработал вчера, зависящий от всевозможных случайностей, — каждый кризис, каждый каприз мастера может лишить его заработка, — пролетарий поставлен в самое ужасное, самое нечеловеческое положение, какое только можно себе представить. Существование раба обеспечено корыстолюбием его владельцев, у крепостного есть клочок земли, которым он живет, по крайней мере жизнь того и другого обеспечена; пролетарий же предоставлен своим собственным силам и в то же время лишен возможности применять свои силы так, чтобы они обеспечивали его жизнь. Все, что пролетарий может сам сделать для улучшения своего положения, — только капля в море по сравнению с тем потоком случайностей, которым он постоянно подвергается и над которыми у него нет ни малейшей власти" (Энгельс, Положение рабочего класса в Англии).

Развитие крупной промышленности все больше обостряет эту необеспеченность, создавая по мере ускорения накопления капитала промышленную резервную армию рабочих, оказывающую непрерывное давление на активную армию, не позволяющую занятым на фабриках рабочим чересчур повышать свои требования. Характерный жизненный путь современной промышленности, представляющий форму кругооборота, в котором непрерывно сменяются периоды среднего оживления, производства под высоким давлением, кризиса и застоя, сопровождается ростом перенаселения и колебания размеров промышленной резервной армии. Чем больше эта резервная армия, тем большее число рабочих подвергается риску перейти в ряды пауперов, нищих, дойти до такого состояния, что общество должно кормить их в рабочих домах или вне их, выдавая нищенское пособие.

Таким образом, по мере того, как капитал накопляется, положение рабочего должно ухудшаться, как бы ни была высока или низка его заработная плата. Наконец, тот закон, что относительное перенаселение, или промышленная

резервная армия, постоянно поддерживается в состоянии равновесия с размерами и энергией накопления, приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковывал Прометея к скале. Он обусловливает накопление нищеты, соответственно накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, мук труда, рабства, невежества, одичания и морального вырождения на противоположном полюсе, т. е. на стороне рабочего класса, класса, который производит свой собственный продукт, как капитал".

Заключительный абзац первой главы Манифеста с его прогнозом судеб капиталистического общества, повторяется, как заключительный вывод первого тома, но уже на основе нового двадцатилетнего опыта, на основе еще более глубокого анализа тенденций капиталистического накопления.

„Когда процесс превращения частной собственности, добываемой личным трудом, в капиталистическую частную собственность, которая основана на эксплоатации чужого, хотя формально и свободного труда, достаточно разложил старое общество в глубину и ширину, когда рабочие уже превращены в пролетариев, а условия их труда — в капитал, когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, — тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно-эксплоатируемые и, следовательно, общие средства производства, и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму.

„Экспроприации подлежит теперь не самостоятельный хозяйствующий рабочий, а эксплоатирующий многих рабочих капиталист.

„Эта экспроприация осуществляется действием законов, присущих самому капиталистическому производству, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих; рука об руку с этой централизацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается все в более широком масштабе кооперативная форма процесса труда, сознательное техническое применение науки, планомерная эксплоатация земли, выработка таких орудий труда, которые допускают лишь совместное применение, экономизация

всех средств производства путем использования их, как средства производства комбинированного, общественного труда, вовлечение всех народов в сеть мирового рынка, и, следовательно, международный характер капиталистического порядка. На-ряду с постоянным уменьшением числа магнатов капитала, которые захватывают и монополизируют все выгоды этого переворота, растет масса нищеты, гнета, порабощения, вырождения и эксплоатации, но, вместе с тем, растет и возмущение рабочего класса, который непрерывно увеличивается, дисциплинируется, объединяется и организуется самим механизмом капиталистического процесса производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вместе с нею и благодаря ей достиг расцвета. Централизация средств производства и обобществление труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Последняя разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности, экспроприаторов экспроприируют!"

ГЛАВА ВТОРАЯ.

32. Коммунисты и рабочие партии.

Слова — „коммунисты не составляют какой-либо особой партии, противостоящей другим рабочим партиям" — могут вызвать теперь ряд недоразумений. Может казаться, — на что указал уже Плеханов, — что Маркс и Энгельс были против создания особой коммунистической партии. „Когда они говорят, что коммунисты не составляют особой партии, то эпитет: особая надо понимать, — как это видно из окончания той же фразы, — в смысле противоположности другим рабочим партиям".

Такой противоположности не было и не могло быть, потому что другие рабочие партии тоже представляли более или менее широко, более или менее полно, интересы рабочего класса, а у коммунистов „нет таких интересов, которые не совпадали бы с интересами всего пролетариата".

Объяснение Плеханова не считается с теми историческими условиями, при которых образовался Союз коммунистов.

Поскольку речь может итти о национальных рабочих партиях, то тогда существовала только одна рабочая партия. Это — чартизм в Англии. Во Франции, кроме партии социалистов-демократов, руководимой Ледрю-Ролленом и Флоконом, существовали только группы, связанные с старой организацией Барбеса и Бланки, потерпевшей разгром после неудачной попытки к восстанию в мае 1839 г., а также кружки „материалистов-коммунистов" и „рабочих-равенственников". Если последние группы, в отличие от мелкобуржуазной партии социалистов-демократов, состояли почти исключительно из пролетариев, то они все еще не вышли до 1848 г. из состояния кружковщины и не имели никакой общенациональной организации. Не лучше обстояло дело в Швейцарии, Бельгии и Германии.

Всего вероятнее, что Союз коммунистов, с самого начала конституировавшийся как международная организация, вынужден был определить свои отношения к соответствующим национальным организациям таким образом, чтобы избежать ненужного параллелизма между своими национальными секциями и национальными партиями. Это было особенно необходимо в Англии, тде чартизм представлял собою, главным образом, политическую организацию рабочего класса. Не создавая новой партии, английские коммунисты — среди них были такие чартисты, как Джордж-Юлиан Гарни и Эрнст Джонс, — старались только слить чартизм с коммунизмом, играть роль авангарда, толкающего вперед и выдвигающего на первый план вопрос о собственности.

Формулировка задач коммунистов, данная в Манифесте, остается и до сих пор верною, поскольку речь идет об отношениях между коммунистической партией и рабочим классом. Согласно с нею, наша программа говорит:

„Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнять свою великую историческую миссию, международная коммунистическая партия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплоататоров интересам эксплоатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции".

33. Феодальная и буржуазная собственность.

„В каждую историческую эпоху собственность развивалась различно и при совершенно различном складе общественных отношений. Поэтому определить буржуазную собственность — значит сделать не что иное, как описание всех общественных отношений буржуазного производства. Стремиться определить собственность, как независимое отношение, как особую категорию, как абстрактную и вечную идею — значит становиться жертвой метафизической или юридической иллюзии“ (Маркс, Нищета философии).

Вопрос о собственности принимает самые различные формы в связи с различной фазой развития промышленности вообще и особенностями ее развития в различных странах.

„В эпоху английской, а также в эпоху французской революции вопрос о собственности означал создание условий свободной конкуренции и отмену всех таких феодальных имущественных отношений, как феодальные привилегии, цехи, монополии и т. п., которые превратились в оковы для развивающейся от XVI до XVIII столетия промышленности. В связи с различной ступенью развития промышленности, вопрос о собственности всегда является вопросом жизни для определенного класса. В XVII и XVIII столетии, когда речь шла об уничтожении феодальных имущественных отношений, вопрос о собственности был вопросом жизни для буржуазии. В XIX столетии, когда речь идет об уничтожении буржуазных имущественных отношений, вопрос о собственности стал вопросом жизни для пролетариата“.

Буржуазия разбила все старые экономические формы, все соответственные им имущественные отношения, а вместе с последними и политический порядок, служивший их официальным выражением. На место феодальной, крепостной формы собственности она поставила свою собственную, буржуазную. Справедливость и равенство — вот те основы, на которых хотела буржуазия воздвигнуть свое общественное здание из обломков феодальных имущественных отношений. Всякий — свободный и равный — член буржуазного общества является собственником, производящим в обмен

на другие товары, принадлежащие таким же равным и свободным собственникам, свои особенные товары, за которые он старается получить только то, что ему следует. И все же в результате получается общество, основанное на привилегиях, неравенстве, несправедливости, общество, в основе которого лежит антагонизм еще более резкий, чем в эпоху феодализма.

„С каждым днем становится все более и более очевидно, что характер тех отношений производства, в пределах которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью, а вовсе не единообразием и простотой; что при тех же самых отношениях, при которых производится богатство, производится также и нищета; что при тех же самых отношениях, при которых совершается развитие производительных сил, развивается также и сила угнетения; что эти отношения создают буржуазное богатство, т. е. богатство буржуазного класса, лишь при условии постоянного уничтожения богатства отдельных членов этого класса и образования постоянно растущего пролетариата".

В „Капитале" Маркс показал, каким образом закон присвоения или закон частной собственности, при условиях товарного производства и обращения, превращается путем собственной, внутренней, неустранимой диалектики в свою прямую противоположность. Раз на товарном рынке появляется, в силу каких-либо исторических причин, такой товар, как рабочая сила, то создается возможность вполне законно, без нарушения права собственности, систематически, — не только для капиталистов, владельцев средств производства, — лишать других таких же товаровладельцев, наемных рабочих, части произведенных ими продуктов. „Меновое отношение между капиталистом и рабочим становится, таким образом, простой видимостью процесса обращения, простой формой, которая чужда своему собственному содержанию или же затемняет его действительный смысл. Постоянная купля и продажа рабочей силы есть форма. Содержание же заключается в том, что капиталист часть уже общественного чужого труда, постоянно присвояемого им без эквивалента, снова и снова обменивает на большое количество живого чужого труда. Первоначально право собственности казалось нам основанным на собственном труде... Теперь же оказы-

вается, что собственность для капиталиста есть право присваивать чужой неоплаченный труд или его продукт, для рабочего — невозможность присвоить себе свой собственный продукт. Отделение собственности от труда становится необходимым последствием того закона, исходным пунктом которого послужило, повидимому, их тождество".

Или другими словами, — „первоначальное превращение денег в капитал совершается в самом точном согласии с экономическими законами товарного производства и вытекающим из них правом собственности. Несмотря на это, в результате его оказывается: 1) что продукт принадлежит капиталисту, а не рабочему; 2) что стоимость этого продукта, кроме стоимости авансированного капитала, заключает в себе еще прибавочную стоимость, которая рабочему стоила труда, а капиталисту не стоила, и тем не менее составляет правомерную собственность последнего; 3) что рабочий сохранил свою рабочую силу и может снова продать ее, если найдет покупателя... Одно и то же право собственности действует и вначале, когда продукт принадлежит производителю, а этот последний, обменивая эквивалент на эквивалент, может обогащаться лишь на счет собственного труда, и в капиталистический период, когда общественное богатство все более и более становится собственностью тех, кто в состоянии постоянно присваивать новые порции неоплаченного чужого труда".

Пока не уничтожена частная собственность, остаются в силе все ее последствия — эксплоатация рабочего класса классом капиталистов. Поэтому вся теория коммунистов сводится к уничтожению частной собственности, замене ее общественной собственностью на все средства производства. Из этого, однако, еще не следует, что коммунисты одинаково являются врагами всех частных собственников, что они одинаково хотят уничтожить всякую частную собственность. Есть частная собственность и частная собственность.

„Частная собственность, как противоположение общественной собственности, существует только там, где орудия труда и внешние условия труда принадлежат частным лицам. Но частная собственность принимает тот или иной вид в зависимости от того, работники ли эти частные лица, или не работники. Бесчисленные оттенки, которые она представляет собою на первый взгляд, соответствуют лишь промежуточ-

ным фазам между этими двумя крайностями. Право частной собственности работника на орудия его производства есть основание мелкого производства, все равно, земледельческого ли, или промышленного, или того и другого; мелкое же производство есть необходимое условие развития общественного производства и свободной индивидуальности самого рабочего. Конечно, этот способ производства существует также при рабстве, крепостничестве и при других формах личной зависимости. Но он процветает, выявляет всю свою энергию, приобретает вполне классическую форму только там, где работник есть свободный владелец им самим употребляемых орудий труда, земледелец — собственник обрабатываемой им земли, ремесленник — собственник инструмента, которым он владеет, как виртуоз". Это — частная собственность, приобретенная собственным трудом. Но на известной ступени развития общества она вытесняется капиталистической частной собственностью, основанной на эксплоатации чужого, но, по форме, свободного труда.

Вот почему коммунисты, хотя и ставят себе целью уничтожение частной собственности на средства производства, совершенно различно относятся к этим двум формам частной собственности. Представителям частной собственности, основанной на собственном труде, они стараются показать, что положение мелких собственников безнадежно, покуда существует товарное производство, и что частная собственность стала теперь средством их экспроприации. Против представителей частной капиталистической собственности они ведут беспощадную войну, стараясь ускорить наступление их смертного часа как класса. Главный акт социальной революции — экспроприация не экспроприируемых, а экспроприация экспроприаторов, не экспроприация частной собственности, основанной на собственном труде, а экспроприация капиталистической частной собственности.

34. Исторический характер капитала.

Буржуазные экономисты рассматривают капитал как вечное условие общественного производства, такое же вечное условие, каким является производительный труд. Они забывают, что только при известных исторических условиях сред-

ства производства — орудия труда и предмет труда — превращаются в капитал, а человек трудящийся — в наемного рабочего, пролетария.

„Капитал предполагает наемный труд, а наемный труд предполагает капитал. Они обусловливают и создают друг друга. Производит ли рабочий на хлопчатобумажной фабрике только хлопчатобумажную материю? Нет, он производит капитал. Он производит стоимости, которые снова служат для того, чтобы господствовать над его трудом и при помощи его труда создавать новые стоимости. Капитал может увеличиваться лишь путем обмена на рабочую силу, лишь вызывая к жизни наемный труд. Рабочая сила наемного рабочего может обмениваться на капитал, лишь увеличивая капитал, лишь усиливая власть, которая ее порабощает. Поэтому увеличение капитала равносильно численному увеличению пролетариата, т. е. рабочего класса".

Вне определенных общественных отношений, вне общества, находящегося на определенной ступени исторического развития, средства производства никогда не могут стать капиталом. Это сила не личная, а общественная.

„Негр есть негр. Лишь в определенных условиях становится он рабом. Хлопчатобумажная прядильная машина есть машина для прядения хлопчатой бумаги. Лишь в определенных условиях становится она капиталом. Вне этих условий она столь же мало капитал, как золото само по себе — деньги или сахар — цена сахара... Капитал есть также общественное отношение производства, а именно буржуазное отношение производства, отношение производства в буржуазном обществе. Разве составные части капитала — жизненные припасы, орудия труда, сырые материалы — произведены и накоплены вне данных общественных условий, вне определенных общественных отношений? Разве не при тех же данных общественных условиях, не при тех же определенных общественных отношениях употребляются они на новое производство? И разве не этот именно определенный общественный характер превращает в капитал продукты, служащие для нового производства?".

Но эта общественная сила становится частной силой, собственностью частного лица, олицетворяется в капиталисте, получающем право бесконтрольно распоряжаться ею. И чем

быстрее развивается капиталистический способ производства, чем полнее он развивает различные отрасли промышленности, чем больше он вытесняет мелкое производство, тем резче проявляется противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением. Остается только совлечь с общественных средств производства их капиталистический характер, чтобы они стали общественною собственностью. „Пролетариат овладевает общественною властью и обращает, с помощью этой власти, отнятые у буржуазии общественные средства производства в общественную собственность. Этим он освобождает производительные силы от их современного капиталистического свойства и дает полную свободу развития их общественному характеру. Таким образом становится возможным общественное производство по заранее обдуманному плану. Развитие производства делает анахронизмом существование различных классов".

35. Частная и индивидуальная собственность. Принцип распределения в коммунистическом обществе.

Мы видели уже, как капиталистический способ завладения создает частную капиталистическую собственность, представляющую полное отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Мы видели также, что коммунисты ставят себе целью экспроприацию только частной капиталистической собственности. Но, оставляя в руках мелких производителей их собственность, поскольку она не является средством эксплоатации чужого труда, коммунизм устанавливает индивидуальную собственность всех членов общества: он не уничтожает личное присвоение продуктов, необходимых для непосредственного поддержания жизни. Но, чтобы уничтожить нищенский характер этого присвоения, коммунизм основывает эту индивидуальную собственность на приобретениях капиталистической эры, т. е. на кооперации свободных работников и на владении ими сообща средствами производства, в том числе и землею.

В какой форме будет установлено это личное присвоение, эта индивидуальная собственность, на каких принципах будет основываться распределение общественного продукта

между отдельными работниками, это зависит от исторических условий, от степени развития производительных сил общества в момент, когда произойдет захват политической власти пролетариатом. После ряда вычетов из общественного продукта, необходимых для поддержания нормального хода общественного процесса производства,—на возмещение средств производства, на создание резервного фонда, на общие издержки управления, на удовлетворение социальных и культурных потребностей, на содержание инвалидов,—все остальные предметы потребления делятся между отдельными производителями. В переходное время, когда новое общество еще во многих отношениях носит сильный отпечаток старого, всякий производитель получает долю продуктов, прямо пропорциональную доставленному им труду, а так как, даже при отсутствии классовых различий, сохраняются еще естественные привилегии неравенства индивидуальных способностей, то вознаграждение за труд будет соизмеряться с его количеством, интенсивностью или качеством.

Только „на высшей ступени развития коммунистического общества, когда исчезнет порабощающее подчинение людей закону разделения труда, а вместе с ним и противоположность умственного и физического труда, когда труд перестанет быть только средством для жизни, превратится в самую насущную потребность, когда вместе со всесторонним развитием индивидуумов разовьются также производительные силы, когда все источники обмирщенного богатства будут бить полным ключом,—только тогда впервые можно будет переступить через узкую границу буржуазного права, и общество напишет на своем знамени: „Всякий по своим способностям,—всякому по его потребностям!“

36. Господство капитала над трудом.

Капитал, по определению буржуазных экономистов, есть накопленный труд, служащий средством для нового производства. К этому определению они приходят, поскольку они рассматривают капитал, как совокупность сырых материалов, орудий труда и жизненных припасов, необходимых для процесса производства новых продуктов. Но все эти составные части капитала являются товарами, т. е. продуктами,

имеющими уже определенную общественную оболочку, которая наслаивается на них только на определенной ступени развития экономических отношений. Капитал есть, таким образом, не только сумма материальных продуктов, но и сумма товаров, меновых стоимостей, общественных величин. Но такой же суммой меновых стоимостей является всякая сумма других товаров. Каким же образом превращается она в капитал?

„Известное количество товаров, меновых стоимостей, превращается в капитал, выступая в качестве самостоятельной общественной силы, т. е. силы одной части общества, сохраняясь и умножаясь при этом путем обмена на непосредственную, живую рабочую силу. Существование класса, не имеющего ничего, кроме способности к труду, есть необходимое предварительное условие существования капитала.

„Только господство накопленного прошедшего общественного труда над непосредственным живым трудом превращает накопленный труд в капитал. Отличительный признак капитала заключается не в том, что накопленный труд служит живому труду средством для нового производства,— а в том, что живой труд служит накопленному труду средством для сохранения и увеличения его меновой стоимости. Господство накопленного мертвого труда над живым, прошедшего над настоящим, еще ярче выражено Марксом в „Капитале".

„Всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но и процесс увеличения стоимости капитала,— свойственно то, что не рабочий применяет орудия труда, а, наоборот, орудия труда применяют рабочего, но только с применением машин перестановка эта впервые получает технически осязательную реальность. Благодаря своему превращению в автомат, орудия труда во время самого процесса трудно выступают против рабочего, как капитал, как мертвый труд, который властвует над живой рабочей силой и высасывает ее".

Режим, при котором огромное большинство населения вынуждено продавать себя за жалкую заработную плату, буржуазные экономисты называют режимом свободы.

„Не позволяйте обманывать себя абстрактным словом: сво-

бода. Чья свобода? Это слово не означает свободы одной личности по отношению к другой. Оно означает свободу, которой капитал пользуется для угнетения рабочего. Зачем освящать свободную конкуренцию этой идеей свободы? Ведь эта идея свободы сама есть только продукт того порядка вещей, который основывается на свободной конкуренции" (Маркс, Речь о свободе торговли).

37. Буржуазная и человеческая личность.

В полемике Маркса против Макса Штирнера мы находим несколько интересных указаний по вопросу о соотношении между буржуазной и человеческой личностью. Буржуазные мыслители, как, например, Дестют-де-Траси, рассматривают собственность, как нечто неотделимое от человеческой личности, естественно связанное с ней. Для них собственность, индивидуальность и личность — одно и то же. В понятие „я" входит, по их мнению, и понятие „мое".

„Природа одарила человека неизбежной и неотчуждаемой собственностью—индивидуальностью... Собственность существует, если не всюду, где существует чувствующий индивидуум, то, во всяком случае, всюду, где существует индивидуум с волей". Недалеко ушел от этого взгляда и Штирнер.

„Если,— пишет Маркс,— ограниченный буржуа, обращаясь к коммунисту, говорит: уничтожая собственность, т. е. мое существование, как капиталиста, земельного собственника, фабриканта, а ваше существование, как рабочих, вы уничтожаете мою и вашу индивидуальность; прекращая для меня возможность эксплоатировать вас, рабочих, загребать прибыль, проценты или ренту, вы лишаете меня возможности существовать как индивидуума; если, значит, буржуа объявляет коммунистам: уничтожая мое существование, как буржуа, вы уничтожаете мое существование, как индивидуума, мою личность,— если он таким образом отождествляет свою буржуазность со своей индивидуальностью, то, по крайней мере, нельзя отказать ему в откровенности и бесстыдстве. По отношению к буржуа это действительно совершенно применимо: он думает, что он лишь постольку личность, поскольку он буржуа. Но как только являются на смену теоретики бур-

жуазии и дают этому утверждению обобщенное выражение, отождествляют также и теоретически собственность буржуа с индивидуальностью и хотят оправдать это отождествление логикой, то тогда только нелепость становится торжественной и святой.

„Для буржуа,— прибавляет Маркс,— тем легче доказывать посредством своего языка тождество торгашеских и индивидуальных или общечеловеческих отношений, что сам этот язык — продукт буржуазии, и потому в языке, как и в действительности, отношения торгашества сделались основанием всех других отношений".

В то время как коммунисты хотят уничтожить только частную собственность, потерявшую всякий характер лично приобретаемой собственности, буржуазные мыслители, и в том числе такие идеологи мелкой буржуазии, весьма радикальные, как Прудон и Штирнер, им все время подсовывают намерение уничтожить собственность вообще. Штирнер „обосновывает невозможность уничтожения частной собственности, превратив ее в понятие собственности, пользуясь этимологической связью между словами „собственность" и „собственный", и провозглашая слово „собственный" вечной истиной, ибо все же и в коммунистическом обществе может получиться, что он будет иметь свои „собственные" боли в желудке. Вся эта теоретическая нелепость, имеющая убежище в этимологии, была бы невозможна, если бы действительная частная собственность, к уничтожению которой стремятся коммунисты, не была бы превращена в абстрактное понятие „собственность".

Только частная собственность, которую надо отличать от индивидуальной, личной собственности — моя рубашка, мой сюртук,— не дающий возможности распоряжаться хотя бы самым ничтожным количеством чужого труда, только она дает возможность монополизировать общественную силу, отчудить в свою пользу естественные и индивидуальные свойства не только людей, но и вещей.

„Для землевладельца земля имеет значение только своей земельной рентой. Но это как раз такое свойство почвы, которое она может потерять, не теряя при этом ни одного из своих неотъемлемых свойств, не теряя ни одной доли своего плодородия, т. е. свойства, степень, даже существование ко-

торого зависит от общественных отношений, создаваемых и уничтожаемых без всякого содействия отдельного землевладельца. То же самоѐ можно сказать о машине. Как мало деньги, эта самая общая форма собственности, имеют общего с личным своеобразием, как они, просто-напросто, противоречат ему, Шекспир знал лучше, чем все наши теоретизирующие милые буржуа:

Немного золота довольно для того,
Чтоб сделать все чернейшее белейшим,
Все гнусное — прекрасным, всякий грех —
Святою правдою, все низкое — высоким,
Трусливого — отважным храбрецом,
Все старое — и молодым, и свежим.
Да, этот красный раб проказу
В прелестное созданье превратит!

Одним словом, земельная рента, прибыль и т. п. экономические формы существования частной собственности суть общественные отношения, соответствующие определенной ступени производства, а „индивидуальными" они являются лишь до тех пор, пока не превратились в оковы для существующих производительных сил.

38. Буржуазное трудолюбие и пролетарская лень.

Было время, когда доказывали, что с уничтожением рабства или крепостного права бывшие рабы или бывшие крепостные будут очень неохотно работать, а то и совсем предадутся лености. Без кнута или палки нельзя справиться с „леностью грубого простонародья". Практика показала несостоятельность этих взглядов. Свободный труд оказался более производительным. Но и этот „свободный" труд есть труд рабочего, правда свободного, как птица небесная, но в то же время свободного и от всяких средств производства, а потому вынужденного продавать себя, свою рабочую силу. Место палки или кнута заняла горькая нужда, загоняющая рабочего на капиталистические фабрики. Труд остается подневольным: вместо старого надсмотрщика, за спиной рабочего — мастер с штрафным кодексом. Но в силу разделения

труда, вредные последствия которого не только не ослабляются с развитием машинного производства, а, наоборот, еще усиливаются, труд рабочего зачастую лишается всякого содержания. На требование коммунистов создать такие условия, при которых труд рабочего был бы действительно „свободной деятельностью", свободной игрой духовных и физических сил рабочего, а не нудным, однообразным трудничеством, буржуазные мыслители отвечают новыми вариациями на тему о „лености грубого простонародья".

Овладевший государственной властью пролетариат действительно стоит перед сложной задачей. Сама революция вносит беспорядок в непрерывность процесса производства. Требуется известное время, пока создаются условия „гражданского мира". Падение выработки в эту переходную эпоху,— даже при самых благоприятных условиях, когда пролетариату достаются в наследство благоустроенные предприятия,— совершенно неизбежно. Еще хуже обстоит дело, когда нет возможности снабжать регулярно ни фабрики средствами производства, ни рабочих средствами продовольствия, когда орудия труда изношены, когда рабочие силы истощены, когда запасы сырья на исходе.

Проводя всеобщую трудовую повинность, пролетариат должен избегать всего, что напоминает каторжную или военную регламентацию. Чтобы укрепить и развить сознательную дисциплину труда, поскольку она требуется общественным характером орудий труда, приходится в обществе, которое только что вылупилось из капиталистической скорлупы и поэтому носит еще во всех отношениях резкий отпечаток капитализма, приходится в таком раннем коммунистическом обществе прибегать к ряду мер, стимулирующих, повышающих побуждение к труду. К ним, кроме мер, относящихся к улучшению условий и поднятию привлекательности труда, относятся и меры, поощряющие выработку при посредстве повышенных норм вознаграждения. Но все такие меры с самого начала должны ставить себе целью не выделение отдельного рабочего и противопоставление его остальным рабочим, а, наоборот, увеличение дохода индивидуального рабочего путем поднятия общего дохода того коллектива, к которому принадлежит этот рабочий.

39. Материальное и умственное производство.

Производство и распределение продуктов умственного труда тесно связано с измерением и развитием материальных средств производства, со степенью развития производительных сил. На различных ступенях исторического развития человеческого общества формы духовного интеллектуального производства принимают совершенно различный характер. „Чтобы исследовать связь между духовным и материальным производством, прежде всего необходимо рассматривать это последнее не как общую категорию, а в его определенной исторической форме. Так, например, капитализму соответствует другая форма духовного производства, чем средневековому способу производства. Если само материальное производство берется не в его специфической исторической форме, то нет возможности понять и специфические черты соответствующего ему духовного производства, а также их взаимодействие".

Данной формой материального производства определяется то или иное общественное разделение труда, а последнее лежит в основе духовного разделения труда. Со времени разложения первобытного общества мы констатируем уже выделение целого ряда духовных и организаторских функций в особые виды и подвиды общественного разделения труда.

„Во всяком обществе, в котором производство развивается на подобие естественного процесса — современное общество является таковым — не производители господствуют над средствами производства, а средства производства господствуют над производителями. В таком обществе каждый новый рычаг производства необходимо преобразуется в новое средство порабощения производителей средствами производства. Это относится, прежде всего, к тому рычагу производства, который, вплоть до возникновения крупной промышленности, был самым могущественным,— к разделению труда. Уже первое большое разделение труда, отделение города от деревни, осудило сельское население на тысячелетия долгого отупения, а горожан — на порабощение каждого его особен-

ной работой. Оно уничтожило основу духовного развития первого и физического — вторых. Если крестьянин владеет землей, а ремесленник — ремеслом, то и земля не в меньшей степени господствует над крестьянином, а ремесло — над ремесленником. С разделением труда был разделен и сам человек. Развитию одной какой-нибудь деятельности и приносятся в жертву все другие — физические и духовные способности. Это калечение человека растет в такой же степени, как и разделение труда, которое достигает своей высшей ступени в мануфактуре. Последняя разлагает ремесло на его отдельные частичные операции и каждую из них отводит особому рабочему, как жизненное призвание, приковывая его, таким образом, на всю жизнь к определенной частичной функции и определенному орудию труда... И не только рабочие, но также эксплотирующие их прямо или косвенно классы, благодаря разделению труда, порабощаются орудиями своей деятельности: пошлый буржуа — своим собственным капиталом и своей жаждой прибыли, адвокат — своими закостеневшими юридическими представлениями, которые господствуют над ним, как самостоятельная сила; „образованные классы"—вообще своей спецовской ограниченностью и односторонностью, своей физической недостаточностью и духовною близорукостью; они искалечены воспитанием, приноровленным к такой специальности, хотя бы она состояла в ничегонеделании" (Энгельс, Анти-Дюринг).

Обособление различных специальностей—технических, ученых, военных, административных — приводит к концентрации знания и опыта на стороне господствующих классов и к духовному обездоливанию трудящихся масс. К тому духовному и физическому искалечению, которое связано, как мы только что видели, даже с общественным разделением труда, прибавляется еще более глубокое влияние технического разделения труда. Мануфактурный период укрепляет и усиливает общественное разделение труда и в то же время создает и развивает мануфактурное разделение труда, проводя еще более резкую грань между физическим и умственным трудом.

„Все те познания, понимание и воля, которые развивают в себе самостоятельный крестьянин или ремесленник, хотя бы и в малом масштабе,— подобно тому, как дикарь все военное искусство воплощает в приемах своей личной хитрости,—все

это в мануфактуре требуется лишь от мастерской в целом. Духовные силы производства на одной стороне расширяют свой масштаб именно потому, что на многих других сторонах они исчезают совершенно. То, что теряют частичные рабочие, сосредоточивается в противовес им в капитале. Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные силы материального процесса производства противостоят рабочим, как чужая собственность и порабощающая их сила. Этот процесс отделения начинается с простой кооперации, где капиталист, по отношению к отдельному рабочему, представляет собою единство и волю общественно-трудового тела. Он развивается далее в мануфактуре, низводящей рабочего до степени частичного рабочего. Он завершается в крупной промышленности, которая отделяет от рабочего науку, как самостоятельную силу производства, и заставляет ее служить капиталу".

Всей организацией народного образования капиталистическое общество заботится о том, чтобы увековечить это духовное ограбление народных масс. Только рост рабочего движения вынуждает господствующие классы вводить — довольно жалкие, впрочем — реформы в деле народного образования, нисколько не ослабляя классовой характер современного образования, его полное подчинение интересам буржуазии.

Точно так же, как идеологи современной буржуазии, в свое время идеологи крепостничества, феодализма, доказывали не менее рьяно, что уничтожение феодального производства, а вместе с ним и соответствующего духовного производства, равносильно гибели общества. Буржуазия тогда отвечала беспощадной критикой сословного характера всей старой системы образования, язвительным осмеянием всех родов духовной деятельности, на которые привыкли смотреть с почтением. Классики-экономисты, как, например, Смит и Рикардо, в свою очередь, доказывают непроизводительность труда целого ряда профессий, поскольку они связаны со старыми феодальными отношениями производства, ими порождены и им же служат.

„Труд некоторых, пользующихся наибольшим уважением, общественных классов,— говорит Смит,— так же непроизводителен в смысле создания стоимости, как и труд прислуги,

он не фиксируется и не реализируется в каком-нибудь долговечном предмете или в продажном товаре. Так, например, государь со всеми своими судейскими чиновниками и офицерами, весь состав армии и флота — непроизводительные рабочие. Они — слуги публики и содержатся на часть годового продукта, созданного прилежанием других людей. К этому классу принадлежат: духовные, юристы, врачи, всякого рода ученые, актеры, скоморохи, музыканты, оперные певцы, танцовщицы и т. д.".

Весьма интересны замечания, которые делает по этому поводу Маркс.

„Это — язык все еще революционной буржуазии, не успевшей подчинить себе все общество, государство и т. д. Эти трансцендентальные профессии, издавна пользовавшиеся почетом, государь, судья, офицеры, попы и т. д., вся эта совокупность порождаемых ими старых идеологических сословий, ею созданных, — ее ученые, магистры и попы, — экономически приравниваются к толпе ее собственных лакеев и увеселителей, так как они содержатся ею и праздными богачами (поземельным дворянством и праздными капиталистами). Они только слуги публики, подобно всем другим ее слугам. Они живут, потребляя продукт, созданный прилежанием других людей, стало быть, их надо свести к необходимому минимуму. Государство, церковь и т. п. имеют право на существование лишь постольку, поскольку они являются комитетами для управления или заведывания общими интересами производительных буржуа; поэтому издержки на них, так как сами по себе они принадлежат к ненужным издержкам производства, должны быть сведены к необходимому минимуму. Этот взгляд представляет исторический интерес по своей резкой противоположности как со взглядом античной древности, — где материальный производительный труд носит на себе клеймо рабства и где на этот труд смотрят как на пьедестал для праздных граждан, — так и со взглядом абсолютной или аристократической монархии, возникшей из разложения средневековья, со взглядом, который так наивно выразил, сам еще зараженный им, Монтескье, говоря: „Если богачи не расходуют много, беднякам приходится умирать с голоду".

Напротив, с того времени, как буржуазия почувствовала под собой твердую почву, частью сама взявши в руки госу-

дарство, частью вступив в компромисс с его прежними владельцами, она признала идеологические сословия плотью от плоти своей и везде превратила их в своих служителей, преобразовав их сообразно своей собственной природе; с того времени, как она сама уже не противостоит непроизводительному классу в качестве представителя производительного труда, а, наоборот, против нее самой поднимаются настоящие производительные рабочие и в свою очередь говорят ей, что она живет трудом других людей; с того времени, как она достаточно просветилась для того, чтобы не отдаваться всецело производству, а стремиться к „просвещенному" потреблению; с того времени, как даже духовный труд стал все более и более совершаться для ее пользы, поступил на службу к капиталистическому производству, — с этого времени дело изменяется, и она старается „экономически" со своей точки зрения оправдать то, с чем она прежде боролась оружием критики".

Буржуазия и ее прихвостни — ученые, специалисты, философы — так основательно забыли все это, что во всяком нападении на буржуазное образование видят нападение на образование вообще. Вся система высшего и среднего просвещения направлена на производство служителей и апологетов буржуазного строя. Использовав опыт своих бывших врагов, она еще в большей степени, чем феодализм, сумела втянуть в ряды своих верных слуг способных членов низших сословий, обеспечивая им привилегированное положение и отводя им место за своим столом, как это делала аристократия по отношению к буржуазным выскочкам.

А между тем, капиталистическое производство само подготовляет материальные условия для новой формы духовного производства, позволяющие втянуть в него колоссальные массы рабочего населения. Фабрика требует грамотного рабочего, в еще большей степени требуют его развивающиеся на почве крупной промышленности новые средства транспорта и сношений, фабричное законодательство превращает начальное обучение в обязательное условие труда. Из „фабричной системы, как можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания будущего, которое для всех детей с известного возраста соединит производственный труд с обучением и гимнастикой, причем это будет не

только методом повышения общественного производства, но и единственным методом создания всесторонне развитых людей... Если перемена труда теперь пролагает себе путь только, как непреодолимый закон природы и с слепой разрушительной силой закона природы, который повсюду наталкивается на препятствия, то, с другой стороны, сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены экономические отношения. Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которая держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплоатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде, частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности.

„Одним из моментов этого процесса переворота, стихийно развившимся на основе крупной промышленности, являются политехнические и сельскохозяйственные школы для продолжения образования, в которых дети рабочих получают некоторое знакомство с технологическим и практическим применением различных орудий производства. Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет надлежащее место в школе рабочих и технологическому обучению, как теоретическому, так и практическому. Но точно так же не подлежит никакому сомнению, что капиталистическая форма производства и соответствующие ей экономические отношения рабочих стоят в полном противоречии с такими ферментами переворота и с их целью, с уничтожением старого разделения труда“ (Маркс, Капитал).

Только уничтожение классового характера современного общества, освобождение пролетариата от проклятья исключи-

тельно физического, автоматического труда создает материальные условия для коммунистического интеллектуального производства. Только освобождение науки от подчинения классовому господству эксплоататоров, освобождение ее от такого унижения, как подачки Рокфеллеров, которые „жертвуют" на научные цели миллионы долларов, чтобы затем по „последнему слову науки" выжимать из пролетариата миллиарды долларов, только превращение как научного, так и художественного творчества в действительно свободное превратит все человеческое общество в свободную ассоциацию всесторонне развитых людей, в полном всеоружии науки продолжающих всеобщую борьбу с природой, но освобожденную от всех препятствий, которые ей ставились эксплоатацией человека человеком.

40. Вечность правовых норм.

На обычай идеологов буржуазии рассматривать буржуазные отношения, как вечные, Маркс уже указал в „Нищете философии".

„Экономисты употребляют очень странный прием в своих рассуждениях. Для них существует только два рода учреждений: одни — естественные, другие — искусственные. Феодальные учреждения искусственны, буржуазные — естественны. В этом случае экономисты похожи на теологов, которые также имеют два сорта религии. Всякая чужая религия есть, по их мнению, дело людей; тогда как их собственная религия есть творение бога. Говоря, что существующие отношения, — т. е. отношения буржуазного производства, — естественны, экономисты хотят этим сказать, что при этих отношениях производство богатства и развитие производительных сил совершается сообразно законам природы. Поэтому и сами названные отношения оказываются естественными законами, независимыми от влияния времени. Общество всегда должно находиться под влиянием этих вечных законов. Таким образом, прежде была история, но теперь ее уже нет. История была, — потому что были феодальные учреждения и потому что в этих феодальных учреждениях мы находим такие отношения производства, которые совершенно непохожи на буржуазные, выдаваемые экономистами за естественные и, потому, вечные".

Для буржуазии в высшей степени важно превратить

законы современного общества в вечные правовые нормы, нарушение которых является квалифицированным преступлением. Отсюда стремление стоять на законной почве, отсюда и стремление даже в том случае, если буржуазии приходится выступать революционно, сохранять правовую преемственность.

Маркс, когда его в феврале 1849 г. судили за призыв к вооруженному сопротивлению сборщикам налогов, в своей защитительной речи формулировал свои взгляды на законность следующим образом:

„Что понимаете вы, господа, под сохранением законной почвы? Сохранение законов, которые принадлежат отжившей общественной эпохе, которые были изданы представителями исчезнувших или исчезающих общественных интересов, а, следовательно, обеспечивают только эти противоречащие общественным потребностям интересы. Но общество основывается не на законе; это выдумка.

„Скорее закон должен основываться на обществе, он должен служить выражением и обеспечением против произвола отдельных личностей, тех общественных интересов, которые вытекают из материального способа производства данного времени.

„У меня в руках Кодекс (свод законов) Наполеона.

„Не этот кодекс породил современное буржуазное общество. Возникшее в XVIII и продолжавшее развиваться в XIX веке, буржуазное общество нашло в нем лишь свое юридическое выражение. Как скоро этот Кодекс перестанет соответствовать общественным отношениям, он будет представлять собою не более, как сверток бумаги. Нельзя положить старые законы в основу нового общественного развития, точно так же, как эти старые законы не могли создать старого выраженного в них строя.

„Эти законы выросли из старого общества, с ним должны они исчезнуть. Они необходимо должны изменяться вместе с изменяющимися жизненными отношениями. Сохранение старых законов в ущерб новым нуждам и потребностям общественного развития есть, в сущности, не что иное, как защита отживших частичных интересов в ущерб сообразному времени общественному интересу.

„Это сохранение законной почвы означает стремление сделать эти частные интересы господствующими в то

время, как они уже перестали господствовать; оно означает стремление навязать обществу законы, осужденные жизненными отношениямя этого общества, материальными условиями, его обменом и производством; оно означает стремление удержать законодателя в области защиты этих частных интересов; оно означает стремление злоупотреблять государственной властью для насильственного подчинения интересов большинства интересам меньшинства. Оно ежеминутно приходит, следовательно, в противоречие с существующими потребностями, оно стесняет обмен, промышленность, оно подготовляет те общественные кризисы, которые обнаруживаются в политических революциях".

41. Семья в буржуазном обществе.

Маркс и Энгельс еще до Манифеста не раз высказывались по вопросу о семье.

Первый более подробно останавливается на семье буржуазии, второй — на семье пролетариата.

Буржуазия много говорит о святости семейных отношений. Чтобы прикрыть неприглядную картину действительности, пускается в ход лицемерная фразеология. Буржуазный брак давно уже превратился в торговую сделку, семейные отношения давно уже утратили тот характер интимности и задушевности, о которых так любит говорить официальная буржуазная идеология.

„Буржуа относится к учреждениям своего общества, как еврей к закону: он обходит их, насколько возможно, в каждом отдельном случае, но хочет, чтобы все остальные повиновались им. Если бы все буржуа в массе сразу обошли все законы буржуазии, то они перестали бы быть буржуа — что, конечно, не приходит им в голову и нисколько не зависит от их желания. Развратный буржуа обходит брак и тайно занимается прелюбодеянием; купец обходит институт собственности других при помощи спекуляции, банкротств и т. д.; молодой буржуа добивается независимости от собственной семьи, практически разлагает семью в свою пользу; но брак, частная собственность, семья остаются теоретически неприкосновенными, ибо они представляют практическую основу, на которой буржуазия воздвигла свое господ-

ство, ибо в своей буржуазной форме они — условия, которые делают буржуа буржуем, точно так же, как всегда обойденный закон делает религиозного еврея религиозным евреем. Это отношение буржуа к своим условиям существования находит общее выражение в буржуазной нравственности. Вообще нельзя говорить о „семье", как таковой. Буржуа исторически придает семье характер буржуазной семьи, в которой связывающим элементом являются скука и деньги и с которой также связано буржуазное разложение семьи, при котором сама семья продолжает существовать. Ее грязному существованию соответствует ее священное понятие в официальной фразеологии и в всеобщем лицемерии. Там, где семья действительно разложена, как это мы видим у пролетариата, понятие семьи не существует вовсе, в то время как все же встречаются наклонности к семейной жизни, опирающиеся на очень реальные отношения. В XVIII веке философы разложили понятие семьи, потому что действительная семья на высших ступенях цивилизации начала разлагаться. Разрушена была внутренняя связь семьи, отдельные части, составляющие понятие семьи, как-то: повиновение, благочестие, супружеская верность и т. д. Но действительное тело семьи, имущественные отношения, исключительное отношение к другим семьям, принудительное сожительство, отношения, данные уже существованием детей, устройством современных городов, накоплением капитала и т. д., — все это осталось, потому что существование семьи сделалось неизбежным благодаря ее связи с независимым от воли буржуазного общества способом производства. Характерным образом эта необходимость проявляется во время французской революции, когда семья, повидимому, была уничтожена законом. Семья продолжает существовать даже в XIX веке с той только разницей, что разложение ее стало всеобщим в силу более развитой промышленности и конкуренции".

Разложение буржуазной семьи наиболее ярко изображено было в сочинениях великих утопистов, особенно Фурье. На его „мастерскую характеристику брака" ссылается Маркс в „Святом семействе", и в приводимых им цитатах мы найдем те же мысли, которые мы встречаем в Манифесте.

„Нарушение супружеской верности, обольщение девушки приносят соблазнителю честь, считаются хорошим тоном.

Но бедная девушка! Детоубийство, какое преступление! Если она дорожит своей честью, она должна уничтожить следы своего бесчестия, а если она жертвует своим ребенком во имя предрассудков этого мира, то она подвергается еще большему позору и делается жертвой предрассудков закона. Вот порочный круг, который описывается механизмом цивилизации... Молодая дочь, не предлагается ли она, как товар, для продажи первому встречному, который хочет получить ее в свою исключительную собственность? Точно так же, как в грамматике два отрицания составляют утверждение, так и в брачной сделке две проституции составляют добродетель... Развитие данной исторической эпохи лучше всего определяется отношением между прогрессом женщины и свободой, так как в отношениях между женщиной и мужчиной, слабым и сильным, наиболее отчетливо выявляется победа человеческой природы над зверством. Степень женской эмансипации представляет естественное мерило всеобщей эмансипации... Унижение женского пола есть существенная отличительная черта как цивилизации, так и варварства, с тем только различием, что цивилизация порок, который практикуется варварством без всяких прикрас, поднимает на степень сложного, двусмысленного, непристойного, лицемерного бытия... Никого не унижает более глубоко такое преступление, как содержание женщины в рабстве, чем самого мужчину".

Проституция, сводничество, торговля живым товаром (белыми рабынями), превратившаяся в XIX веке в особую отрасль торговли с разветвленной по всему миру организацией, эпидемическое распространение венерических болезней — вот следствия буржуазной семьи и брака.

Энгельс в „Положении рабочего класса" с своей стороны дает картину рабочей семьи. Он указывает на половую распущенность, как на один из главных пороков там, где рабочий еще не стал сознательным членом армии труда и пребывает в покорности буржуазному общественному порядку.

„Когда люди бывают поставлены в положение, могущее удовлетворять только животное, им остается лишь возмущаться или самим превращаться в животных. И буржуазия меньше, чем кто-либо другой, имеет право упрекать рабочих

за половую распущенность, потому что она сама содействует росту проституции. Сколько из сорока тысяч проституток (в современном Лондоне их не только абсолютно, но и относительно не меньше), наводняющих каждый вечер улицы Лондона, существуют на средства буржуазии? Сколько из них принуждены, для того чтобы жить, продавать свое тело прохожим, потому что их соблазнил буржуа?"

Если буржуа имеет в своем распоряжении средства, чтобы создать необходимые условия семейной жизни и только сам отравляет ее духом торгашества, то рабочий уже в силу нужды не в состоянии устроить себе семейный очаг. „Общественный порядок делает для рабочего почти невозможной семейную жизнь; грязное, неуютное жилище, мало пригодное даже для ночлега, плохо меблированное, часто с протекающей крышею и неотапливаемое, душная атмосфера переполненных людьми комнат делают невозможной нормальную семейную жизнь. Муж работает целый день, жена и старшие дети тоже нередко заняты, притом в разных местах и встречаются только утром и вечером. К этому присоединяется еще соблазн пьянства. Мыслима ли при таких условиях семейная жизнь?

Сильным разлагающим фактором является распространение женского фабричного труда, который разрушает семью. Если женщина каждый день в течение многих часов работает на фабрике, а муж ее работает там же или в другом месте, то дети остаются без всякого призора. Они растут, как сорная трава при дороге или их отдают в приюты.

Влияние женского фабричного труда на нравственность еще гораздо хуже. Совместное пребывание обоих полов всякого возраста в тесной мастерской, скученность людей, стоящих на низком уровне умственного и нравственного развития влечет за собой на фабрике те же последствия, что и скученность населения в рабочих кварталах, где на одну комнату приходится в несколько раз больше жильцов, чем в богатых кварталах. К этому прибавляется власть фабриканта и его главных агентов над женщинами и девушками, которою они, по признанию всех буржуазных исследователей, пользуются самым беспардонным образом.

Крупная промышленность, развивая применение женского и детского труда на фабрике, разрушает старые се-

мейные отношения еще и тем, что совершенно переворачивает отношения между родителями и детьми, мужем и женой. Из „кормильца семьи“ отец превращается в эксплоататора и продавца собственных детей, пока фабричное законодательство не проводит ограничение детского труда; жена из „хранительницы семейного очага“, которая на заработок мужа обслуживает всю семью, превращается в главную добытчицу. В свою очередь дети и подростки превращаются в самостоятельных, независимых от родителей работников, плохо мирящихся со старыми „патриархальными“ отношениями. Пока главной основой семьи являются имущественные отношения, пока она связывается только господством частного интереса, пока тот или другой член семьи может основывать свои притязания на том, сколько он вносит в общий котел, такая перестановка ролей кормильцев семьи и главных добытчиков приводит к разложению и пролетарской семьи.

Но крупная промышленность сама создает элементы для развития новой семьи. „Как бы ужасно и отвратительно ни казалось разрушение старых семейных отношений при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность силою той положительной роли, какую она дает женщинам, несовершеннолетним и детям обоего пола в общественно организованных процессах производства, вне домашней сферы создает новое экономическое основание для высших форм семьи и отношений обоих полов. Разумеется, столь же нелепо считать христианско-германскую форму семейства абсолютною, как и древне-римскую, древнегреческую или восточную, которые, впрочем, все вместе взятые образуют собою ряд поступательных форм развития. Настолько же ясно, что состав коллективного рабочего персонала из лиц обоего пола и самых различных возрастов, при соответственных обстоятельствах, должен обратиться в источник человеческого развития, — хотя его грубая капиталистическая форма, где рабочий служит для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, есть источник нравственной порчи и рабства“ (Маркс, Капитал).

В совершенно развитой форме взгляды основателей научного социализма на брак и семью нашли себе выражение в книге Энгельса „Происхождение семьи, частной собствен-

ности и государства". Хотя изображение исторической последовательности различных форм брака во многих частностях устарело, но картина семейных отношений в эпоху буржуазной цивилизации, под влиянием господства частных интересов, чистогана, остается еще и до сих пор непревзойденной. Она соединяет беспощадную критику Фурье с гениальным экономическим анализом „Капитала".

Мы не можем останавливаться здесь на истории взглядов на брак и семью различных социалистов и коммунистов до Маркса и Энгельса, особенно сен-симонистов и материалистов-коммунистов, которые выставляли требование уничтожения буржуазной семьи и брака.

42. Рабочие и отечество.

Рабочие не имеют отечества. Это положение встречается во всей коммунистической литературе до Манифеста — у французских и у немецких коммунистов. Оно констатирует только факт, что у рабочих нет того отечества, о котором постоянно говорят буржуазные идеологи. Отечество буржуазии для рабочих не существует.

Превращаясь из класса в себе в класс для самого себя, пролетариат обобщает разрозненную борьбу отдельных своих частей в национальную классовую борьбу. Почва, на которой он ведет эту борьбу, представляет собой национальное государство, где власть находится в руках буржуазии. Вот почему, если не по сущности, то по форме, борьба пролетариата есть прежде всего национальная, т. е. совершается внутри определенной нации. Только часть этой нации — буржуазия — создала себе внутри этих национальных рамок отечество. Пока рабочий класс остается классом в себе, пока он не проникся классовым самосознанием, это классовое национальное государство является и для него отечеством. Но и становясь классом для себя, стремясь овладеть политической властью, он все еще остается национальным, желает устроиться в качестве господствующего класса в пределах нации. Именно в этом смысле он остается еще национальным. По мере ослабления национальной обособленности происходит все большее сближение между различными нациями, все более исчезают их особенности, но национальные

государства остаются. Борьба пролетариата в различных странах становится все более однородной, ее программные задачи становятся все более тождественными, но борьба продолжает оставаться интернациональной, международной. Только мировая социальная революция, мировое господство пролетариата создает условия, при которых начавшийся уже в капиталистическом обществе процесс интернационализации пойдет несравненно быстрее, при которых исчезнет, вместе с антагонизмом классов внутри наций, антагонизм между нациями. Без соединений усилий пролетариата, по крайней мере наиболее крупных, цивилизованных стран, освобождение пролетариата одной страны, одной нации натыкается на колоссальные затруднения.

Буржуазное „отечество" предполагает непрерывную, то скрытую, то явную борьбу между различными нациями, национальную исключительность, угнетение одной нации другой. В отношениях между нациями повторяются отношения между различными капиталистами внутри нации. Как один капиталист в области национальной конкуренции побеждает другого капиталиста и аннексирует его капитал, или ставит его в зависимость от себя, так в области интернациональной конкуренции, одно национальное государство побеждает другое и присоединяет его к себе или ставит его в зависимость от себя. И если империалистическая война показала, что среди пролетариата различных европейских стран имеется еще значительная часть, находящаяся в духовном подчинении у буржуазии, то это объясняется тем, что пролетариат, даже в пределах отдельных наций, еще недостаточно однороден, разбит на различные группы, не стал еще единым национальным классом, знающим только одну цель: организацию в качестве господствующего класса, т. е. создание пролетарского государства. Чем более связаны активно рабочие партии различных стран, чем больше борьба их против буржуазии превращается из отдельной в общую, из национальной в интернациональную, чем больше она превращается в действительное братство пролетариата различных стран, тем скорее и тем лучше подготовляются необходимые предпосылки для успеха социальной революции. Маркс и Энгельс, с самого начала своей активной революционной деятельности, ставят во главу угла ин-

тернационализм. Собственная страна для них только ближайшее поле сражения, и все усилия их направлены на то, чтобы укрепить международные связи, создать международную организацию коммунистов. Еще до организации Союза коммунистов они принимают участие во всех крупных попытках того времени создать международную демократическую организацию как в Англии, так и в Бельгии. Уже с 1846 г. оба подчеркивают необходимость на место лозунга: „братство народов" поставить „братство пролетариев" всех стран. По поводу одного из международных собраний, состоявшегося в Лондоне, Энгельс писал:

„В настоящее время братство народов имеет более, чем когда бы то ни было, еще и чисто социальное значение. Мечтания об европейской республике, о вечном мире, при современной политической организации стали так же смешны, как фразы об объединении народов под эгидой всеобщей свободы торговли; и в то время, как все сантиментальные химеры подобного рода совершенно теряют свой престиж, пролетарии всех стран, без всяких громких фраз, начинают действительно брататься под знаменем коммунистической демократии. И пролетарии одни только в состоянии сделать это; ибо буржуазия имеет в каждой стране свои особые интересы, и так как эти интересы для нее выше всего, она никогда не может подняться выше национальностей: ничего не сделают и ее теоретики со всеми своими прекрасными „принципами", ибо они спокойно оставляют существовать эти противоречивые интересы, как вообще все существующее, и ограничиваются одними фразами. Пролетарии же во всех странах имеют одни и те же интересы, одного и того же врага, им предстоит одна и та же борьба; пролетарии в массе своей, уже в силу хода вещей, лишены национальных предрассудков, и все их развитие и движение по существу гуманитарно и антинационально. Только пролетарии могут уничтожить национальность, только пробуждающийся пролетариат может установить братство между различными нациями".

43. Борьба классов и исторический процесс.

Манифест представляет, в сущности, философию истории нового времени, он дает картину исторического процесса,

в результате которого возникла и развивается классовая борьба между пролетариатом и буржуазией. Он выдвигает на первый план драматический элемент, борьбу классов, как она обусловливается той или иной структурой общественно-экономических отношений. Его задача показать, что борьба пролетариата за свое освобождение — такое же исторически необходимое явление, как и борьба буржуазии за свое освобождение, что развитие крупной промышленности создает все необходимые элементы нового экономического порядка. Маркс и Энгельс никогда не претендовали на то, что они „открыли" классовую борьбу в истории. Наоборот, они сами указывали, что уже буржуазные историки эпохи реставрации, задолго до них, изобразили историческое развитие этой классовой борьбы, а экономисты дали экономическую анатомию этих классов. Маркс только обобщил это положение и окончательно изгнал из области истории представление о героях, о вождях, творящих эту историю. Он показал, что существование классов связано с определенной исторической ступенью развития производства, что борьба классов в ее новой фазе неизбежно приведет к захвату пролетариатом политической власти. Борьба классов, как движущая сила истории, генезис этих классов, превращение группы людей с одинаковыми интересами из класса в себе в класс для себя, развитие классового самосознания, создание классовой идеологии, миросозерцания из материальных условий существования этого класса — все это ближе и ближе подводило его к определенной формулировке материалистического понимания истории. Прежде всего надо было покончить с внеобщественным происхождением религиозной идеи. Уже Фейербах доказал, что в области религии сознание определяется бытием, что не религия творит человека, а человек творит религию. Маркс делает шаг вперед. Оказывается, что не особь, не индивидуум противостоит природе, а обобществленный человек, что сознание определяется не индивидуальным, а общественным бытием, что изменения сознания вызываются социальными изменениями, происходящими с индивидуумом.

„В религии люди превращают свой эмпирический мир в мыслимое, воображаемое существо, противостоящее им, как нечто чуждое. Это объясняется не „самосознанием" и подоб-

ными пустяками, а господствующим способом производства и обращения, который так же независим от чистого понятия, как изобретение механического прядильного станка и применение железных дорог от философии Гегеля" (Маркс).

То же самое приходится сказать и о других формах идеологии.

„Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свои способы производства, способы обеспечения своей жизни, — они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — промышленное капиталистическое общество. Те же самые люди, которые строят социальные отношения соответственно своему способу материального производства, производят также принципы, идеи и категории, соответственно своим общественным отношениям. Таким образом, эти идеи и категории столь же мало вечны, как и выражаемые ими отношения. Они представляют собою исторические и преходящие продукты" (Маркс).

Тем, кто утверждал, что идеи, принципы создают историю, Маркс отвечал следующим определением задач исторического исследования.

„Если, — чтобы спасти как принцип, так и историю, — мы спросим себя, наконец, почему же данный принцип проявлялся в XI или XVIII, а не в каком-нибудь другом столетии, то мы будем вынуждены тщательно исследовать, каковы были люди в XI веке, каковы были они в XVIII, каковы были в каждом из этих столетий их нужды, их производительные силы, способы и сырые материалы их производства, каковы, наконец, были те отношения человека к человеку, которые вытекали из всех этих условий существования. Разве исследовать все эти вопросы не значит написать действительную обыкновенную историю людей каждого столетия, изобразить этих людей, в одно и то же время, как авторов и актеров их собственной драмы?"

А революционные идеи, направленные против существующего строя? Разве все более распространяющееся убеждение, что эксплоатация человека человеком должна быть осуждена, уничтожена, что она безнравственна, не доказывает, что именно идеи создают революционное настроение?

„Нравственное сознание массы, объявляющее несправедливым тот или другой экономический факт, как это было когда-то с рабством или с крепостным трудом, доказывает, что данный факт уже отжил свое время, что появились новые экономические факты, в силу которых он становится невыносимым и должен рушиться" (Энгельс). Это только симптом того, что внутри старого общества образовались элементы нового строя.

Классовый характер общества обусловливает и классовый характер его идеологии. „На различных формах собственности, на социальных условиях существования поднимается целая настройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, понятий и миросозерцаний. Весь класс творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответственных общественных отношений. Отдельный индивидуум, получая свои чувства и взгляды путем традиции и воспитания, может вообразить себе, что они-то и образуют действительные мотивы и исходную точку его деятельности".

Поскольку различные классы, связанные одной и той же исторической судьбой, заключены в одну и ту же общественную систему, в их идеологии имеются общие черты, но последние отступают на второй план в сравнении с специфическими чертами отдельных классовых психологий. Борьбе классов соответствует борьба их идеологий. Психология господствующего класса накладывает свой отпечаток на всю историческую эпоху, в которую он развертывает все свои способности. Она является господствующей психологией или, как говорит Манифест, перефразируя слова Гете, „господствующими идеями данного времени всегда были только идеи господствующего класса".

44. Диалектика в обществознании и естествознании.

Как мало нравственность сохранялась неизменной в общем процессе исторических изменений, показывает беспрерывная перестановка понятий о том, что есть добро и что есть зло. Нравственное в одну эпоху становится безнравственным в другую.

„Какая нравственность проповедуется нам в наши дни? Прежде всего традиционно-феодальная, унаследованная от старой верующей эпохи, которая, в свою очередь, принципиально делится на католическую и протестантскую, причем опять-таки нет недостатка в дальнейших подразделениях, от иезуитско-католической и ортодоксально-протестантской до слегка просвещенной морали. Рядом с последней фигурирует современно-буржуазная, а рядом с этой—пролетарская мораль будущего, так что прошедшее, настоящее и будущее только в наиболее передовых странах Европы составляют три большие группы одновременно и параллельно существующих теорий нравственности. Какая же из них верна? Ни одна, если иметь в виду их абсолютно окончательное значение; но, конечно, та мораль обладает наибольшим количеством элементов, обещающих ей продолжительное значение, которая в данную эпоху выражает точку зрения будущего, т. е. в данный момент мораль пролетарская. Если же мы видим, что из трех классов современного общества (феодальная аристократия, буржуазия и пролетариат) каждый имеет свою особую мораль, то мы из этого можем сделать вывод, что люди, сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения, в последнем счете, из практических условий, в которых коренится их классовое положение, — из тех экономических условий, в которых они производят и обмениваются продуктами".

„Но ведь в трех указанных нравственных теориях есть нечто общее всем трем: разве это общее не представляет, по крайней мере, известную долю раз-навсегда данной вечной нравственности? Эти три нравственные теории выражают собою три различные ступени одного и того же исторического процесса, следовательно, имеют некую общую историческую подкладку, а потому уже в них необходимо имеется много общего. Более того. Для одинаковых или приблизительно одинаковых стадий экономического развития нравственные теории должны необходимо более или менее совпадать. С того момента, как развилась частная собственность на предметы движимости, для всех обществ, в которых существовала эта частная собственность, должна была стать общей нравственная заповедь: „не укради"- Станет ли от этого эта заповедь вечно нравственной истиной? Отнюдь нет. В обществе, в ко-

тором устранены поводы к краже, где, следовательно, со временем кражу сможет совершить разве только душевнобольной, — как осмеяли бы того проповедника морали, который вздумал бы торжественно провозглашать вечную истину: „не укради“ (Энгельс, Анти-Дюринг).

В эпоху, когда появился Манифест, идея эволюции, изменения, еще только пробивала себе дорогу в науке. В конце тридцатых годов Шлейденом и Шваном установлено было учение о клеточке, как элементарном органе всего живого. История развития организмов в их последовательных стадиях развития получила сильный толчок в трудах Карла-Эрнста Бэра.

В геологии старое учение о катастрофах, главным представителем которого был Кювье, уступало место новому учению Гюттона и Ляйэлля, показавшему, что большие изменения, которые проявляются в виде катастроф, переворотов, являются результатом суммирования мелких действий в течение значительных промежутков времени, переходом количественных изменений в качественные.

Уже был переброшен мост между неорганической и органической материей. Химикам, — в том числе Либиху, труды которого высоко ценились Марксом и Энгельсом уже в сороковых годах, — удалось доказать, что самый важный элемент свой, — углерод — растения черпают из воздуха, что растения превращают неорганическое вещество в органическое. Таким образом, закон сохранения вещества, открытый Лавуазье, распространен был и на организмы. В 1828 г. Веллеру удалось лабораторным путем воспроизвести, осуществить синтез мочевины, вещества, вырабатываемого животными организмами. Только в сороковых годах положено было начало учению о сохранении энергии Робертом Майером и Гельмгольцем, работа которого появилась почти одновременно с Манифестом (в 1847 г.). Учение о сохранении энергии изгнало из области изучения организмов таинственную жизненную силу и поставило на очередь исследование законов превращения одной формы энергии в другую.

Только через одиннадцать лет после появления Манифеста, когда Маркс уже открыл законы развития капиталистического общества, которое он изображает, как особую фазу исторического процесса образования общественных форма-

ций, почти одновременно с выходом „К критике политической экономии", появился труд Дарвина, который установил законы исторического процесса развития организмов. Развитие антропологии, этнологии, истории учреждений, применение исторического метода к изучению всех явлений общественной жизни — религии, нравственности, литературы, искусства, права, политики — началось настоящим образом только с шестидесятых годов, под влиянием Дарвина и Маркса. Колоссальный материал, собранный за это время, еще недостаточно переработанный, не сведенный еще в стройную картину исторического процесса развития человеческого общества, все же в достаточной степени подтверждает верность взгляда Маркса, что „определенный способ производства и соответствующие ему производственные отношения", одним словом, „экономическая структура общества составляет реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройки и которому соответствуют определенные формы общественного сознания", что „способ" производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процесс жизни".

45. Диктатура пролетариата.

В Манифесте Маркс и Энгельс говорят каждый раз о „завоевании пролетариатом политической власти, о господстве пролетариата". В рассматриваемом месте о „возвышении пролетариата на степень господствующего класса" выражение „диктатура пролетариата" отсутствует, хотя все основные элементы его содержания налицо. В особой работе мы покажем, что это выражение явилось только в результате опыта февральской революции, что Маркс и Энгельс начинают употреблять его только после июньского поражения французского пролетариата, когда для них начало выясняться, что пролетариат не может ограничиться только захватом политической власти, что он должен разрушить старый государственный аппарат и создать новый, что необходима, как переходная ступень, классовая диктатура пролетариата, которая одна только в состоянии сломить сопротивление эксплоататоров. Только таким образом он сможет превратить буржуазное государство в пролетарское, свергнуть организованную в ка-

честве господствующего класса буржуазию и поставить на ее место себя, пролетариат, в свою очередь организованный в качестве господствующего класса. Этот революционный социализм, коммунизм, для которого сама буржуазия изобрела название бланкизма, Маркс противопоставляет „доктринерскому социализму, который устраняет в своей фантазии революционную борьбу классов с ее необходимыми проявлениями посредством мелких кунстштюков или крупного сантиментальничания".

„Революционный социализм — это перманентная революция, классовая диктатура пролетариата, необходимая как переходная ступень к отмене всяких классовых различий, отмене производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к отмене всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту всех идей, вытекающих из этих общественных отношений".

В „Критике готской программы" Маркс говорит, что „между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного переустройства одного в другое. Этому соответствует и в политике переходный период, во время которого не может быть иного государства, кроме революционной диктатуры пролетариата".

И он прибавляет, что программе-минимум, рассчитанной на то, чтобы служить для целей пропаганды в „современном" прусском государстве, незачем заниматься этим переходным периодом.

Другое дело в Манифесте, где выставляется программа, рассчитанная как раз на такой период, когда пролетариат уже стал господствующим классом.

Прежде чем перейти к рассмотрению этой программы, необходимо сказать еще несколько слов о другом пункте. Говоря, что первым шагом рабочей революции должно быть возвышение пролетариата на степень господствующего класса, Манифест прибавляет: „завоевание демократии". Это значит завоевание пролетарской демократии в противоположность буржуазной демократии, завоевание таких политических условий, которые обеспечили бы полную свободу политической самодеятельности рабочего класса. Пролетарская демократия так же резко отличается от бур-

жуазной, как пролетарское государство от буржуазного. Демократизм рабочего класса — демократизм людей, лишенных собственности. Демократизм буржуазии — демократизм собственников. Если буржуазный либерализм в эпоху Великой французской революции разделил нацию на активных и пассивных граждан, то буржуазная демократия распространила избирательное право на все категории граждан (включая прислугу и поденщиков) только под давлением парижского пролетариата. Основным признаком демократии является самодержавие и самоуправление народа. Полная демократия возможна только там, где положен конец существованию бюрократии. Поэтому рабочая демократия отрицает безусловно бюрократию, она проводит во всех общественных и государственных функциях принцип выборности и сменяемости. Эти основные характерные черты проведены в идеальной советской системе, органе классового господства пролетариата.

„Буржуазная республика, даже самая демократическая, освещаемая лозунгами всенародной, общенациональной или внеклассовой воли, неизбежно оставалась на деле — в силу того, что существовала частная собственность на землю и другие средства производства, — диктатурой буржуазии, машиной для эксплоатации и подавления громадного большинства трудящихся горсткой капиталистов. В противоположность этому, пролетарская или советская демократия превратила массовые организации именно угнетенных капитализмом классов, пролетариев и беднейших крестьян — полупролетариев, т. е. громадного большинства населения, в постоянную единственную основу всего государственного аппарата, местного и центрального, снизу и доверху. Тем самым советское государство осуществило, между прочим, в несравненно более широком виде, чем где бы то ни было, местное и областное самоуправление, без каких бы то ни было сверху назначаемых властей“ (Программа РКП).

46. Программа коммунистов в переходную эпоху.

Чтобы понять эту программу, необходимо иметь в виду, что речь идет об эпохе социальной революции, что „деспотические вторжения в право собственности“ может совер-

шать только пролетариат, ставший уже господствующим классом. Не надо забывать и того, что перечисленные мероприятия предназначаются для всех наиболее цивилизованных стран, хотя и тут делается оговорка: могли бы быть приняты почти повсюду — что эта программа, следовательно, носит международный характер и в общем предназначена как для Англии, так и для Франции, как для Бельгии, так и для Германии. Это не исключает выставления коммунистами различных стран особых требований, соответственно специфическим условиям данной страны.

В том виде, как эти требования формулированы в Манифесте, они, уже в силу указанных выше причин, не являются исключительно принадлежащими Марксу и Энгельсу. Они были формулированы на съезде и представляют, вероятно, коллективный труд всего съезда коммунистов, которому необходимо было считаться с разнообразием социально-политичсских условий в отдельных странах и степенью развития рабочего движения. В программу вошли мероприятия, предлагавшиеся уже раньше различными коммунистами и вызвавшие минимум разногласий.

Первое требование страстно дебатировалось в чартистском движении. Приверженцы О'Коннора стояли за его план „Земельной лиги", ставившей себе целью создание новых мелких собственников путем покупки крупных участков и передачи их вразброс городским рабочим. Приверженцы О'Брайена высказывались за превращение земли в национальную собственность, т. е. за национализацию земли. В этом отношении они только возобновляли старое требование Томаса Спенса, который уже высказался за экспроприацию поземельной собственности и обращение поземельной ренты на покрытие государственных расходов. В „Нищете философии" Маркс уже указал на капиталистический характер ренты.

„Принижение земледельца до роли простого рабочего, поденщика, наемника, работающего на промышленного капиталиста, вмешательство промышленного капиталиста, эксплоатирующего землю на таких же основаниях, как любую фабрику, превращение поземельного собственника из мелкого владетельного князька в простого ростовщика — вот различные отношения, выражаемые рентой... В качестве ренты поземельная собственность мобилизируется и становится пред-

метом торговли. Рента возможна лишь с того момента, когда развитие промышленности и созданная им общественная организация вынуждают землевладельца стремиться к одной лишь торговой прибыли, к одному только денежному доходу от своих земледельческих продуктов, и не позволяют ему видеть в своей поземельной собственности ничего, кроме машины, кующей ему деньги... Мы понимаем, почему экономисты, как Милль, Шербюлье, Гильдич и др., требовали присвоения ренты государством и употребления ее для замены налогов. Это было лишь открытое выражение ненависти промышленного капиталиста к поземельному собственнику, являющемуся в его глазах излишним и бесполезным в общем ходе буржуазного производства". Таким образом, в сороковых годах обращение поземельной ренты на покрытие государственных расходов требовалось уже буржуазными экономистами.

Маркс и Энгельс стояли за экспроприацию крупной поземельной собственности и превращение ее в собственность пролетарского государства. Это требование они противопоставляли требованиям буржуазной демократии.

„Первым вопросом, из-за которого возникает конфликт между буржуазными демократами и рабочими, будет уничтожение феодализма. Как в первой французской революции, мелкие буржуа отдадут феодальные поместья крестьянам в виде свободной собственности, т. е. захотят сохранить сельский пролетариат и создать мелко-буржуазный крестьянский класс, который должен будет проделывать тот же кругооборот обеднения и растущей задолженности, в котором находится теперь французский крестьянин. Рабочие должны противодействовать этому плану в интересах сельского пролетариата и в своих собственных интересах. Они должны требовать, чтобы конфискованная собственность стала государственным достоянием и была превращена в рабочие колонии, обрабатываемые ассоциированным сельским пролетариатом, который использует все преимущества крупного земледелия. Этим самым принцип общественной собственности разом приобретает крупный фундамент среди шатающихся буржуазных отношений собственности. Как демократы объединяются с крестьянами, так и рабочие должны объединиться с сельским пролетариатом".

Второе требование выросло на почве английских условий, сначала как результат борьбы между различными частями буржуазии, а после и как требование трудящихся масс, от имени которых его защищали английские радикалы, как основное требование.

Колоссальный рост государственного долга, необходимость платить проценты по этим долгам привели к радикальному изменению всей налоговой системы. „Так как государственные долги опираются на государственные доходы, на счет которых должны покрываться годовые проценты и т. п. платежи, то современная налоговая система возникла, как необходимое дополнение системы национального кредита. Займы позволяют правительству покрывать чрезвычайные расходы таким образом, что плательщик не чувствует сразу всей тяжести последних, но те же займы требуют, в конце концов, повышения налогов. С другой стороны, повышение налогов, вызванное накоплением последовательных займов, вынуждает правительство, при каждом новом чрезвычайном расходе, прибегать все к новым и новым займам. Таким образом, современная финансовая система государства, ось которой составляет обложение необходимейших средств существования (и следовательно, их вздорожание), в самой себе несет зародыш автоматического возрастания налогов. Чрезмерное обложение — не случайное уклонение, а скорее самый ее принцип. В Голландии, где эта система укрепилась прежде всего, великий патриот де-Витт прославляет ее в своих „Мыслях", как наилучший способ развить в наемном рабочем покорность, умеренность, прилежание и готовность переносить чрезмерный труд. Однако нас интересует здесь не столько то разрушительное влияние, которое современная фискальная система оказывает на самих наемных рабочих, сколько обусловленная ею насильственная экспроприация крестьян, ремесленников, — одним словом, всех составных частей мелкой буржуазии. Здесь нет двух мнений даже среди буржуазных экономистов. Экспроприирующее действие фискальной системы еще усиливается благодаря протекционизму (системе „охраны национального труда"), который сам представляет одну из неотъемлемых составных частей финансовой системы.

И Маркс прибавляет: „Та крупная роль, которую государственные долги и современная финансовая система играют в

превращении общественного богатства в капитал, в экспроприации самостоятельных наемных рабочих, ввела в заблуждение некоторых писателей: Коббета, Дубльдэ и других, увидевших здесь главную причину современной народной нищеты".

Агитация Коббета в связи с государственными долгами и налоговой системой сыграла большую роль. Подоходный налог, введенный впервые в 1798 г., как „временное пожертвование", которого требовал от английской буржуазии Питт, чтобы легче справиться с французским конкурентом, был сейчас же, после заключения мира, отменен и, чтобы уничтожить всякое воспоминание об этот ненавистном налоге, все документы, относящиеся к нему, были, по предложению лорда Брума, сожжены.

Агитация Коббета и других английских радикалов только усилилась после этого и пользовалась все большим и больших успехом не только среди мелкой буржуазии, но и среди рабочих. Чартисты, которые в изменении налоговой системы — так же, как и в отмене хлебных законов — отказывались видеть основное требование, продолжали и развивали дальше критику Коббета, разоблачая, как это делал Бронттер О'Брайен, классовый характер налоговой политики. В тридцатых годах в парламент подаются петиции, рекомендующие прогрессивный подоходный налог. Наконец, недовольство рабочих, необходимость согласиться на подоходный налог или отказаться от хлебных законов привели к возобновлению подоходного налога в 1842 г. Оставалось только требовать его превращения в постоянный и сделать его высоким и прогрессивным.

Что в этом требовании нет ничего специфически пролетарского, коммунистического, что это одна из тех недостаточных мер, которую пролетариат вводил в свою программу из арсенала мелкой буржуазии, Маркс подчеркивает в своей критике французского радикала Жирардена.

„Налоговая реформа — это любимый конек всех радикальных буржуа, специфический элемент всех буржуазно-экономических реформаторов. Начиная от старейших средневековых филистеров до современных английских фритредеров, вся борьба сводится к налогам. Налоговая реформа ставит себе целью либо отмену традиционно унаследованных нало-

гов, которые мешают развитию промышленности, либо более дешевое государственное хозяйство или более равномерное распределение налогов. Буржуа тем более усердно гонятся за химерическим идеалом равного распределения налогов, чем больше этот идеал ускользает из его рук на практике. Условия распределения, покоящиеся непосредственно на буржуазных условиях производства, отношения между заработной платой и прибылью, прибылью и процентом, поземельной рентой и прибылью могут быть изменены, при помощи налога, в лучшем случае только во второстепенных пунктах; основа их остается при этом неизменной. Все рассуждения и дебаты по поводу налогов предполагают вечное сохранение этих буржуазных отношений. Даже полная отмена налогов могла бы только ускорить развитие буржуазной собственности и ее противоречий. Налог может поставить отдельные классы в привилегированное положение и, наоборот, сильно ухудшить положение других, как мы это видим, например, при господстве финансовой аристократии. Он разоряет только те средние общественные слои, которые лежат между буржуазией и пролетариатом и положение которых не дозволяет им свалить тяжесть налога на другой класс. Пролетариат каждым новым налогом сдвигается на низшую ступень, отмена старого налога повышает не заработную плату, а прибыль. В эпоху революции налог, увеличенный до колоссальных размеров, может играть роль наступательного орудия против частной собственности, но и в этом случае он сам должен вести к новым революционным мероприятиям, или, в конце концов, привести опять к старым буржуазным отношениям. Уменьшение, более справедливое распределение налогов — это банальная буржуазная реформа. Отмена налогов — это буржуазный социализм. Этот буржуазный социализм обращается в особенности к промышленным и торговым средним слоям, а также к крестьянам. Крупная буржуазия, которая уже теперь живет в лучшем из миров, конечно, относится с пренебрежением к этой утопии лучшего мира... Впрочем, налог на капитал, как единый налог, имеет свои преимущества. Все экономисты, в особенности Рикардо, показали выгоды такого единого налога. Налог на капитал, как единый налог, одним ударом уничтожает многочисленный и дорогой персонал прежней налоговой администрации,

меньше всего нарушает регулярный ход производства, обращения и потребления и лучше всех остальных налогов захватывает капитал, затрачиваемый на роскошь".

Для Маркса требования в области налогов диктуются тактическими соображениями: критерием является степень, в какой они являются прямым нападением на частную собственность. „Если демократы предлагают пропорциональные налоги, рабочие должны требовать прогрессивных; если сами демократы предлагают умеренно-прогрессивные налоги, рабочие должны настаивать на налоге, ставки которого растут так быстро, что крупный капитал приэтом должен погибнуть; если демократы требуют регулирования государственных долгов, рабочие должны требовать государственного банкротства".

Третье требование составляет одно из основных положений программы сен-симонистов и уже от них перешло к некоторым коммунистам. В системе сен-симонистов, которые оставляют главные основы капиталистического строя неприкосновенными, отмена права наследства играет роль главного корректива несправедливостей этого строя, главного противоядия против привилегий, связанных с привилегиями рождения. В коммунистическом обществе, где средства производства принадлежат обществу, где уничтожена частная собственность и сохраняется только личная собственность на предметы потребления, в таком обществе накопление больших имуществ, которые передаются путем наследования, становится невозможным. Но отмена права наследства может играть большую роль в переходную эпоху, как средство ликвидации капиталистических и имущественных отношений. Это опять-таки мера недостаточная, но, при последовательном проведении ее, могущая нанести большой ущерб частной собственности. Уже в рамках буржуазного общества прогрессивный налог на наследство, с лишением права наследства боковых родственников, может составить источник государственного дохода.

В эпоху Первого Интернационала требование уничтожения права наследства, как основное требование, было выдвинуто Бакуниным. Генеральный совет, в лице Маркса, указал, что право наследства не есть производственная категория, что законы о наследстве являются не причиной, а следствием,

юридическим отражением существующей экономической организации общества, что превращение средств производства в общественную собственность сделает сейчас же излишним все законы о наследстве. Поэтому целью должно являться уничтожение всех тех учреждений, которые дают отдельным лицам экономическую власть эксплоатации. Но отмена или ограничение права наследства может стать одним из исходных пунктов социального преобразования. Такое вторжение в право собственности и наследства целесообразно в переходное время, когда, с одной стороны, старая экономическая основа еще не подверглась коренному изменению, а, с другой стороны, рабочий класс уже настолько силен, что может выдвинуть требование радикальной перемены в правовых отношениях. Как такие переходные меры, можно рекомендовать повышение налога на наследства и ограничение права завещания.

Четвертое требование, навеянное практикой Великой французской революции, встречается уже в этой формулировке в декретах и инструкциях Бабефа и повторяется в программах революционных обществ тридцатых в сороковых годов.

Пятое требование напоминает одно из главных положений сен-симонистов, которые придавали огромное значение банкам и кредиту. Но это только формальное сходство. Маркс, который подверг уже в 1847 г. беспощадной критике даровой кредит и народный банк Прудона, еще меньше разделял кредитные и банковые иллюзии сен-симонистов. Точно так же, как народный банк Прудона был бессилен уничтожить законы товарного производства, так и центральный банк сен-симонистов не в состоянии был регулировать все производство и устранить кризисы. И в том и в другом случае, вместе с сохранением частной собственности на средства производства, оставались в силе все законы капитализма.

„Банковое дело создает несомненно форму общего счетоводства в общественном масштабе, но только форму... Оно уничтожает частный характер капитала и по своей внутренней структуре, но только по структуре, является устранением самого капитала. Банковое дело вырывает из рук частных капиталистов и ростовщиков распределение капитала, как особое предприятие, как общественную функцию. Но благодаря этому банк и кредит становятся в одно и то же время

и самым сильным из средств, выводящих капиталистическое производство за его собственные пределы, и одним из самых могучих очагов кризисов и спекуляций". Но если централизующий в своих руках кредит национальный банк не в состоянии управлять всем движением национального производства — задача, которую ставил ему еще Пекер, — то он все же может сыграть громадную роль в переходное время, помогая поставить весь национальный кредит под контроль пролетарского государства.

„Не подлежит никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к производству ассоциированного труда, однако, лишь как один из элементов в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства. Напротив, иллюзии относительно чудодейственной силы кредитного и банкового дела в социалистическом смысле проистекают из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела как одной из его форм. Раз средства производства перестали превращаться в капитал (что подразумевает также уничтожение частной земельной собственности), кредит, как таковой, не имеет уже никакого смысла, — это поняли, впрочем, даже сен-симонисты. С другой стороны, пока продолжает существовать капиталистический способ производства, продолжает существовать, как одна из его форм, и капитал, приносящий проценты, образуя фактически базис его кредитной системы" (Маркс, Капитал).

Шестое требование логически вытекало из первого и пятого. Даже в том случае, когда железные дороги строились не государством, а частными обществами, они обогащались за счет государства, пользуясь кредитом и субсидиями, а в Соединенных штатах железнодорожные кампании получили значительные площади государственных земель и стали самыми крупными землевладельцами в стране. Уже Пекер, посвятивший железным дорогам специальную работу, формулировал это требование почти в тех же самых словах, в которых Маркс и Энгельс выдвинули его в своей специальной программе для Германии.

Упоминаемые в седьмом пункте государственные фабрики не следует отождествлять с национальным мастерскими Луи

Блана. Речь идет не об организации при помощи государства производственных кооперации, а о национализации частных предприятий, превращении их в государственные, национализированные. Для Луи Блана национальные мастерские были осуществлением права на труд, для коммунистов государственные фабрики предполагали проведение одинаковой обязательности труда для всех. Последняя идея, формулированная еще в декретах Бабефа, о которой говорится в следующем, восьмом пункте, связана с другим коммунистическим требованием, которые мы находим у Вейтлинга, а также и у французских коммунистов, как Дезами, но которое впервые уже формулировано Фурье — учреждение армий труда. Одной из важнейших задач этих армий является возделывание и улучшение полей по общему плану — тоже любимая идея Фурье.

Мы уже видели, какое громадное значение придает Маркс разделению труда как в обществе, так и внутри мастерской, какую роль играет в человеческой истории отделение села от города. Отсюда требования, формулированные в девятом пункте.

„Уже утописты вполне понимали, что система разделения труда калечит трудящийся класс, принуждая рабочих заниматься в течение всей жизни однообразным, механическим трудом, состоящим в повторении одного и того же акта. Устранения противоположности между городом и деревней требовали Оуэн и Фурье, видя в нем основное условие для упразднения старой системы разделения труда. Согласно мнению обоих, население должно распределяться по стране группами в 1 600—3 000 человек; каждая группа занимает громадный дворец в центре своей территории и ведет общее хозяйство. И хотя Фурье местами говорит о городах, однако эти города состоят только из четырех или пяти таких, находящихся в недалеком расстоянии друг от друга, дворцов. По плану этих двух утопистов, каждый член общества занимается как земледелием, так и промышленностью. У Фурье главную роль играют ремесло и мануфактура, у Оуэна, напротив, крупная промышленность, и последний требует введения силы пара и машин в работы домашнего хозяйства. Но и тот, и другой особенно настаивают, чтобы организация земледелия и индустрии гарантировала населе-

нию возможно большее разнообразие в занятиях... Устранение противоречия между городами и деревней должно совершиться не только в интересах промышленного и земледельческого производства, но также для установления общественной гигиены. Только с соединением города и деревни в одно целое возможно устранить нынешнее отравление воздуха, воды и почвы, и только при этом условии хилые городские массы населения смогут добиться такого положения, что их отбросы, вместо того чтобы порождать между ними болезни, станут полезным материалом в общей лаборатории природы и будут содействовать успеху сельского хозяйства... Уничтожение разделения между городом и деревней, с точки зрения возможности осуществления равномерного распределения крупной промышленности по всей стране, не может представляться поэтому утопией. Цивилизация конечно оставила нам, в виде крупных городов, наследие, покончить с которым будет стоить много времени и усилий. Но с ним необходимо покончить, и это будет сделано, хотя бы это был очень продолжительный процесс" (Энгельс, Анти-Дюринг).

И в требованиях, формулированных в десятом пункте, одной из главных задач является уничтожение вредных последствий разделения труда на умственный и физический. Всеобщего и бесплатного обучения требовали уже Бабеф и его товарищи. На этом настаивали и все великие утописты. По мнению Оуэна и Фурье, требовавших, чтобы воспитание подготовляло юношество для всесторонней технической деятельности, человек должен всесторонне развиваться и труд должен вновь получить утраченную им, вследствие своего разделения, привлекательность именно посредством такого разнообразия и вытекающей из него наибольшей продолжительности каждого „этапа" отдельной работы, по выражению Фурье.

В резолюции, — она написана Марксом, — принятой на Женевском конгрессе Первого Интернационала, мы находим подробное обоснование такого соединения труда с образованием.

„А под образованием мы понимаем три вещи: во-первых, умственное образование, во-вторых, физическое образование, как оно дается в школах гимнастикой и военными упражне-

ниями, в-третьих, техническое образование, включающее знакомство с общими принципами всех процессов производства и в то же время дающее детям практические наставления для употребления различных рабочих инструментов. Постепенный и прогрессивный ход умственного и технического обучения должен находиться в соответствии с классификацией молодых работников. Издержки и содержание технических школ должны отчасти покрываться продажей их изделий. Соединение оплачиваемого производственного труда с умственным образованием, физическими упражнениями и технической выучкой поднимает рабочий класс выше уровня средних и высших классов".

Повторяем, что программа, выставленная в Манифесте, является программой международной, предназначенной для всех наиболее цивилизованных стран, но к которой коммунисты отдельных стран могли прибавлять свои особые требования, диктуемые, по их мнению, особенностями той страны, в которой они должны прежде всего покончить с собственной буржуазией. Иллюстрацией может служить программа, выставленная немецкими коммунистами сейчас же после взрыва революции в Германии в 1848 г., т. е. через несколько недель после опубликования Манифеста. Программа, подписанная Марксом и Энгельсом, в ряде пунктов отличается от программы, выставленной в Манифесте. Мы к ней вернемся в примечании к последней главе Манифеста.

47. Централизация и государство.

В предисловии к немецкому изданию 1872 г. Маркс и Энгельс оговариваются, что некоторые положения Манифеста уже устарели. Они прямо указывают на вопрос об отношении к буржуазной государственной машине. Но в связи с этим стоит и вопрос об отношении к политической централизации, в котором Маркс и Энгельс тоже отказались от взглядов, которые они защищали еще до начала пятидесятых годов.

Опираясь в своих тактических построениях на опыт французской революции, рисуя себе будущий захват политической власти рабочим классом по аналогии с эпохой Конвента, Маркс и Энгельс придавали большое значение центра-

лизованному политическому аппарату, который они считали созданием якобинцев. Овладеть этим аппаратом значило облегчить дело революционного завоевания всей страны. Вот почему они до революции, во время революции и еще несколько лет после революции 1848 г., страстно полемизируют со всякими федеративными и децентрализаторскими стремлениями немецких и французских демократов.

„Демократы либо прямо будут стремиться к проведению федеративной республики, либо, если им не удастся миновать единой и нераздельной республики, они постараются, по крайней мере, парализовать центральное правительство, предоставив возможно большую самостоятельность и независимость общинам и провинциям. В противоположность этому плану, рабочие не только должны отстаивать единую и нераздельную Германскую республику, но и добиваться самой решительной централизации силы в руках государственной власти. Они не должны давать вводить себя в заблуждение демократической болтовней о свободе общин, о самоуправлении и т. д. В такой стране, как Германия, где еще приходится устранять столь многочисленные остатки средневековья, где необходимо сломить так много местного и провинциального упрямства, ни при каких обстоятельствах не может быть терпимо, чтобы каждая деревня, каждый город и каждая провинция ставили новую помеху на пути революционной деятельности, которая во всей своей силе может исходить только из центра. Как во Франции в 1793 году, так и теперь в Германии проведение строжайшей централизации является задачей действительно революционной партии".

Эти строки писаны в марте 1850 г., а уже в феврале 1852 г. Маркс в „18 брюмера" указывает, что во Франции все перевороты не ломали, а совершенствовали правительственную машину. „Партии, поочередно боровшиеся за власть, смотрели на это огромное государственное здание, как на главную добычу победителя". Он уже ставит вопрос о ломке этой машины, но при условии сохранения централизации. „Государственная централизация, в какой нуждается современное общество, может подняться лишь на развалинах военно-бюрократического правительственного механизма, выкованного в борьбе с феодализмом".

Маркс подчеркивает, что французская государственная машина, унаследованная от абсолютной монархии, была усовершенствована Великой французской революцией, развившей для создания гражданского единства нации то, что было начато до нее, что Наполеон только завершил эту централизацию.

Маркс не замечает еще, что централизация, развитая Конвентом и опиравшаяся на якобинскую организацию, — до того момента, когда Робеспьер своей расправой с крайними левыми элементами, а вместе с тем и разрушением парижских секций, сам уничтожил эту опору, — что эта централизация соединяла неразрывно суверенитет революционного народа, власть в центре, с полным самоуправлением его в департаменте, кантоне, общине, с властью на местах.

Позднейшие более глубокие исследования в области истории общественных и политических учреждений, предпринятые в 50-х годах, заставили Маркса и Энгельса изменить, вместе со взглядами на значение общинного землевладения, также и взгляды на политическую централизацию и формы ее осуществления. В примечании (написанном в 1885 г.), которое Энгельс делает к цитированному нами выше месту из циркуляра Союза коммунистов, он говорит, что это место основано на недоразумении.

„Теперь известен тот факт, что общее управление департаментов, округов и общин в продолжение всей революции, вплоть до 18 брюмера, состояло из властей, избираемых самими управляемыми, и пользовалось полной свободой в рамках общегосударственных законов, что это провинциальное и местное самоуправление, аналогичное американскому, превращалось как раз в наиболее сильный рычаг революции и становилось им настолько, что Наполеон, непосредственно после государственного переворота 18 брюмера, поспешил заменить это самоуправление хозяйничанием префектов, которые сохранились еще до настоящего времени и которые, таким образом, с самого начала были чистым орудием реакции. Но насколько местное и провинциальное самоуправление не противоречит политической и национальной централизации, настолько же оно не связано неизбежно с тем ограниченным кантональным и коммунальным сепаратизмом, который выступает перед нами в таком отвратительном виде

в Швейцарии и который южно-германские федеративные республиканцы хотели сделать правилом для Германии".

Опыт Парижской коммуны окончательно показал Марксу и Энгельсу, что „рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и воспользоваться ею для своих собственных целей". Прежде всего, необходимо было сломить главные органы буржуазного государства — постоянную армию, чтобы заменить ее вооруженным народом, полицию, чтобы лишить ее всех политических функций и превратить в ответственное и сменяемое орудие Коммуны, всю вообще бюрократию, чтобы общественные должности перестали быть привилегией имущих классов и превратились в общественные службы, выполняемые за обыкновенную рабочую плату выборными и сменяемыми исполнителями.

Коммуна должна была представлять собою не только парламентскую, но и трудящуюся корпорацию, исполнительную и законодательную в одно и то же время. Старый централистический строй должен был уступить место самоуправлению трудящихся и в провинциях. Единство нации не было бы нарушено, напротив, оно было бы организовано, благодаря коммунальному устройству; оно стало бы, наконец, действительностью, благодаря уничтожению той государственной власти, выдавшей себя за воплощение этого единства, которая хотела стоять выше нации и вне всякой зависимости от нее, хотя, в сущности, представляла собою лишь паразитный нарост на национальном теле. Истинное значение Коммуны заключается в том, что оно было правительством рабочего класса, результатом борьбы между эксплоатирующим и првящим классами, найденною, наконец, политической формой, при которой может совершиться экономическое освобождение труда. Коммуна должна была служить рычагом для разрушения той экономической основы, на которой держатся классы и классовое господство. Эта была диктатура рабочего класса.

Но и эта форма государства сохраняется только в течение того периода, в который будет происходить революционное переустройство капиталистического общества в коммунистическое, а следовательно, и исчезновение антагонизма классов, а следовательно, и классового господства. Разрушая экономическую основу, на которой держится это классовое

господство, диктатура пролетариата разрушает и последнюю форму государственной власти, превращает государство в простое управление производством.

Последнее положение, уже развитое сен-симонистами, составляло общее достояние коммунистов. Маркс указал только,—и это есть то новое, что он внес в этом вопросе в соответственную теорию своих предшественников,—что борьба классов, как она определяется условиями капиталистического производства, необходимо приведет к диктатуре пролетариата, и что эта диктатура представляет только переход к уничтожению всяких классов, к бесклассовому обществу.

„Идя по пути своего развития, трудящийся класс заменит старое гражданское общество ассоциацией, исключающей как классы с их антагонизмом, так и политическую власть в собственном смысле, так как политическая власть есть именно официальное выражение антагонизма классов в гражданском обществе".

Анархисты, которые совершенно не понимают этой связи, которые не имеют никакого представления о том, почему является неизбежной диктатура пролетариата в переходную эпоху, хотят перевернуть весь этот процесс вверх ногами и начинают с уничтожения всякой государственной власти.

Перед революцией 1848 года анархизм, как программа особой партии, еще не существовал. У него были тогда предшественники, в сочинениях которых лишь намечались его основные положения, главным образом в экономической области. Только в шестидесятых годах, в эпоху Первого Интернационала, он складывается в определенную систему, объявляя вместе с Бакуниным войну богу и государству.

Вот почему Маркс и Энгельс в Манифесте формулировали свой взгляд, согласно которому отличительным признаком сложившегося коммунистического общества является безгосударственность, как взгляд, составляющий общее достояние социалистов и коммунистов.

Полемика с Бакуниным и швейцарскими анархистами, а после и с Дюрингом, дала Марксу и Энгельсу возможность вновь подчеркнуть разницу между их взглядами и взглядами анархистов на роль государства и способы борьбы с ним.

„Классовый антагонизм, лежавший в основе до сих пор существовавших обществ, вызывал необходимость государ-

ства, т. е. организации данного класса эксплоататоров для охранения общих условий производства, следовательно, и для насильственного удержания эксплоатируемого класса на той ступени подчинения, которая требовалась данным способом производства (в рабстве, крепостном состоянии или в положении наемных рабочих). Государство было официальным представителем всего общества, оно объединяло его в одной видимой организации, но оно исполняло эту роль лишь постольку, поскольку было государством того класса, который сам являлся представителем всего современного ему общества: в древности—государством граждан рабовладельцев, в средние века—феодального дворянства, а в наше время—буржуазии. Сделавшись, наконец, действительным представителем всего общества, оно станет излишним. Когда не будет общественных классов, которые нужно было удерживать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда устранятся вытекающие отсюда столкновения и насилия, тогда некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию. Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества — обращение средств производства в общественную собственность—будет его последним самостоятельным действием в качестве государства... Вмешательство государственной власти в общественные отношения сделается излишним в одной области за другой и затем само собой прекратится. На место управления личностями становится управление вещами и руководство процессом производства. Государство не „упраздняется", оно отмирает. С этой точки зрения надо оценивать фразу о „свободном народном государстве", быть может, имеющую временное агитационное значение, но совершенно несостоятельную в научном смысле; с этой же точки зрения надо оценивать и требование так называемых анархистов уничтожить государство чуть ли не в 24 часа".

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

48. Реакционный романтизм.

Речь идет о главных представителях той социальной реакции против французской революции, вышедших из рядов феодальной аристократии, против которой направлены были главные удары якобинцев. Во французской литературе эта реакция нашла свое классическое выражение в сочинениях Бональда (1754 — 1840) и Жозефа де-Местра (1754 — 1821), которые мечтали вернуть старый порядок с его главными устоями—богом, королем и палачом. Бональд резко восстает против всякого новшества. Все, что выходит из рук новой промышленности, все, что напоминает „принципы XVIII века", он подвергает беспощадному осуждение. Большие города, кредит, банки — все это от дьявола. „Особенно досаждали Бональду успехи промышленности и техники, в которых он справедливо усматривал явления, совершенно не совместные с первобытным общественным строем, патриархальными нравами и вообще с духом средневековой изолированности и замкнутости. В нормальном государстве, по его мнению, на первом плане стоят интересы землевладельческого класса, как наиболее устойчивого, наиболее преданного порядку и покою; напротив того, преобладание торговли, промышленности и капитализма вносит в нацию подвижной „революционный" элемент, подкапывает освященное временем расчленение общества, ведет к перестановке общественных отношений и порче нравов. О каменном угле Бональд говорит с глубокой скорбью; „это топливо производит копоть, распространяет неприятный запах, наводит уныние и, в долгий промежуток времени, может даже извратить хдрактер наций".

Когда Манифест рисует революционную роль буржуазии в борьбе с феодализмом, роль промышленности, бросившей в водоворот истории средневековую идиллию, он имеет в виду иеремиады и проклятия таких поклонников средневекового католическо-феодального строя, как Бональд, де-Местер и Шатобриан во Франции, Адам Мюллер (1779—1829) в Германии, Кольридж (1772 — 1834) и Соути (1774 — 1843) в Англии. Все они обличают крупную промышленность за

то, что она разрушила старые патриархальные отношения, где все стояло на положенном ему месте, где феодальные овечки позволяли баронам и попам покорно и благоговейно стричь себя во славу трона и алтаря.

49. Феодальный социализм.

Из представителей феодального социализма Маркс и Энгельс называют только „часть французских легитимистов" и „Молодую Англию".

Андлер приводит несколько имен, но большинство из них взято наугад, без достаточного основания. Речь идет о легитимистах, которые, в отличие от своих правых коллег, сделали попытку завоевать симпатии народа, обличая лавочников и мануфактуристов июльской монархии, во главе с их королем Луи-Филиппом, этой „лавочкой во плоти". Комические потуги этих легитимистов играть роль демагогов осмеяны были уже у Гейне. „Нет более комического зрелища, чем эти переодетые ханжи, корчащие из себя санкюлотских героев, кокетничающие с грозным видом красной шапки якобинца. Иногда кажется, что они по ошибке напялили на себя красную мантию епископа, и они снимают с своей головы напяленные парики, чтобы показать всем свои тонзуры".

Агитация за трон и алтарь, но теперь в пользу бедных, характеризует все это направление. К нему принадлежал в первом периоде своей деятельности, до окончательного разрыва с церковью, Ламеннэ, а наиболее яркой политической фигурой был граф Монталамбер (1810—1870), который вместе с Вильнев-Баржемоном (1784—1850) выступал в защиту рабочих мануфактурной промышленности.

При обсуждении законопроекта в защиту детей Монталамбер громил буржуазный строй, обличал хлопчатобумажную промышленность, которая отрывает бедняка, его жену, его детей от семейного очага, от благодеяний деревенской жизни, чтобы бросить их в нездоровые казармы, настоящие тюрьмы, где люди всякого возраста, всякого пола осуждены на систематическое и прогрессивное вырождение.

Вильнева-Баржемона Маркс в „Нищете философии" рекомендует Прудону, как экономиста, указавшего, что прови-

денциальная цель, к которой стремится современное общество, есть католицизм. И, действительно, этот экономист, который соединил политические учения Бональда с экономической критикой Сисмонди, выработал целую систему легитимистской и христианской экономии. Против либеральной политической экономии, отрицающей всякое вмешательство в отношения между патронами и рабочими, он выдвигает ряд мер в области рабочего законодательства: запрещение детского труда, санитарную инспекцию, обязательность технического обучения фабричных рабочих, устройство сберегательных и страховых касс и т. д. В дальнейшем развитии вся эта группа превращается в так называемых католических социалистов, глашатаи которых ищут для страждущей „черни" естественных руководителей уже не среди феодальной аристократии, а среди баронов крупной промышленности.

О „Молодой Англии" Энгельс еще в 1845 г. в своей книге „Положение рабочего класса в Англии" отзывался более мягко. Объясняя, почему он не мог входить в разбор отличий, существующих между отдельными секциями буржуазии, он среди немногих представителей ее, являвшихся достойными уважения исключениями на-ряду с некоторыми радикалами, называет и „гуманных" ториев, которые недавно сорганизовались в „Молодую Англию". Из них особенно замечательны члены парламента Дизраэли, Бортвик, Ферранд, лорд Джон Маннерс и др. Близко к пóследним стоит и лорд Эшли. Целью „Молодой Англии" является восстановление старой „Веселой Англии" со всем ее блеском и ее романтическим феодализмом. Цель эта, разумеется, недостижима и смешна, являясь просто сатирой на историческое развитие. Но следует признать благие намерения и мужество, с которым члены „Молодой Англии" восстают против существующих порядков, господствующих предрассудков и признают всю низость существующего строя".

„Молодая Англия" представляла собою кружок молодых представителй английской аристократии, душой которого был Джордж Смис. Противники промышленного капитализма и свободы торговли, они мечтали о восстановлении политического господства истинной аристократии, основанной на социальных началах, с широкой демократической основой.

С этой группой сблизился Дизраэли (после лорд Биконсфильд), отпрыск богатой еврейской купеческой семьи. Уже в 1839 г. он обратил на себя внимание своей речью по поводу петиции чартистов, в которой выступил в их защиту хотя и не соглашался с хартией. В своих романах „Конингсби" и в особенности „Сибилла" или „Две нации" он дал популярное изложение идей социального торизма. Во втором романе он изобразил в симпатичных красках чартистское движение и дал яркую картину Англии, которая, под влиянием развития крупной промышленности, раскололась на „две нации, без всякой связи и симпатии друг с другом, настолько чуждых друг другу по своим привычкам, идеям и чувствам, как будто они живут в различных зонах или на различных планетах".

Эта характеристика напоминает приведенную нами выше характеристику, принадлежащую Энгельсу, книга которого появилась почти одновременно с романом Дизраэли.

Как политическая группа, „Молодая Англия" распалась уже в 1845 г. Дизраэли очень скоро перешел в лагерь правыхториев и стал после официальным лидером английских консерваторов.

Бортвик, Ферранд (его речи в защиту рабочих цитируются Марксом в „Капитале"), лорд Эшли играли большую роль в истории английского фабричного законодательства. Последний из них был большим специалистом по части наживы и служил поэтому для чартистов и фритредеров (приверженцев свободной торговли) объектом для хлестких обличений того христианского лицемерия, которое нападает на порок в одной форме и закрывает глаза на него, поскольку он приносит выгоду самому проповеднику.

Граф Шефтсбюри, иначе лорд Эшли, стоял во главе аристократическо-филантропического похода против фабрик. Поэтому в 1844 и 1845 годах он сделался излюбленной темой для „Утренней хроники" (орган Кобдена и Брайта) в ее разоблачениях о положении сельскохозяйственных рабочих. Из таблицы, приводимой Марксом, видно, какую нищенскую плату получали рабочие благочестивого и человеколюбивого лорда, который не стеснялся еще и из этой платы вычитать значительную часть под предлогом платы за помещение.

К представителям феодального социализма надо причислить и Томаса Карлейля, знаменитого историка и публициста (1795—1881). Энгельс относился к нему еще более благожелательно. „Совершенно особняком стоит Томас Карлейль. Первоначально он был торием, но потом пошел дальше своей партии; он глубже всех английских буржуа понял социальное неустройство и требует организации труда. Я надеюсь, что Карлейль, добравшись до истинного пути, будет в состоянии и следовать им. Я так же, как и многие другие немцы, шлю ему наилучшие пожелания".

В примечании к изданию 1892 г. Энгельс прибавляет: „Февральская революция превратила Карлейля в настоящего реакционера. Справедливый гнев на филистеров сменился у него филистерским брюзжанием на историческую волну, выбросившую его на берег".

Одну из своих статей в „Немецко-Французских Летописях" Энгельс посвящает весьма сочувственному изложению взглядов, изложенных Карлейлем в его книге „Прошлое и настоящее", которая, на-ряду с памфлетом „Чартизм", принадлежит к лучшему, что написано о положении английских рабочих с точки зрения социального аристократизма.

На Энгельса обе работы произвели несомненно сильное впечатление. Отсюда предпочтение, которое он отдаетториям перед вигами, партией английского либерализма. „По социальным условиям Англии виг слишком сильно является сам для себя партией, чтобы иметь свое суждение; промышленность, этот центр английского общества, находится в его руках и обогащает его; он находит ее безупречной и считает ее распространение единственной целью всего законодательства, потому что она дала ему богатство и власть. Напротив, тори, чье могущество и власть были разрушены промышленностью, чьи принципы были ею потрясены, ненавидит ее и, в лучшем случае, считает ее необходимым злом. Вследствие этого образовалась известная секция филантроповториев, вожаками которой являются лорд Эшли, Ферранд, Уольтер, Остлер и др., которая постановила своей обязанностью защищать интересы рабочих против фабрикантов. Карлейль первоначально был также торием и к этой партии он все еще стоит ближе, чем к вигам".

Известная параллель между положением акглийских крепостных в 1145 г. и английских рабочих в 1845 г., которую Энгельс проводит в своей книге, навеяна Карлейлем. Последнему же принадлежит картина самодержавного господства чистогана, наличного расчета в буржуазном английском обществе, отголосок которой мы находим еще в Манифесте. Восставая против погрязшей в поклонении Маммоне буржуазии, Карлейль мечтал о „главнокомандующих промышленности", о руководителях труда, которые взяли бы на себя его организацию. „Для осуществления этой организации, для замены ложного руководительства истинным руководительством и истинным правительством, Карлейль ищет „истинной аристократии", „культа героев", он выдвигает другую великую задачу—отыскать этих лучших людей, под руководством которых можно было бы соединить неизбежную демократию с необходимым суверенитетом".

Энгельс уже в 1844 г. указывает, что Карлейль не в состоянии освободиться от религиозного мировоззрения, что его пантеизм все еще признает нечто высшее, чем человека, как такового... „Отсюда его потребность в „истинной аристократии", в „героях", словно эти герои, в лучшем случае, могли бы быть больше, чем людьми. Если бы он постиг человека, как человека, во всей его бесконечности, он не пришел бы к мысли снова делить человечество на два стада—овец и козлищ, правящих и управляемых, аристократов и чернь, господ и дураков; тогда он нашел бы истинное социальное призвание таланта не в том, чтобы насильственно править, а толкать других и итти впереди... Демократия является, конечно, лишь переходным пунктом, но не к новой улучшенной аристократии, а к действительной, человеческой свободе; точно так же не религиозность века приведет, в конечном счете, к полному освобождению от всего религиозного, сверхчеловеческого и сверхъестественного, а не к его восстановлению".

„Карлейль понимает недостаточность „конкуренции, спроса и предложения, служения Маммоне" и т. д. и всего менее склонен признавать абсолютную справедливость земельной собственности. Но почему он не сделал из всех этих предпосылок простого заключения и не отверг частной собственности вообще? Каким образом думает он уничтожить „кон-

куренцию", „спрос и предложение", „служение Маммоне" и т. д., раз существует корень всего этого — частная собственность? „Организация труда тут не поможет; без известного тождества интересов она даже не может быть осуществлена".

Уже в 1850 г. мы находим в журнале „Новая Рейнская Газета" другой более резкий отзыв о Карлейле, который после событий в 1848 г. превратился в реакционера. Его старые заслуги признаются.

„Томас Карлейль имеет ту заслугу, что он выступил литературно против буржуазии еще тогда, когда ее воззрения, вкусы и идеи нераздельно господствовали во всей официальной английской литературе, и, таким образом, что его выступление иногда носило революционный характер. Так в его „Истории французской революции", в его апологии Кромвеля, в памфлете о чартизме, в „Прошлом и настоящем". Но во всех его сочинениях его критика настоящего тесно связана с удивительно не историческим апофеозом средних веков, который вообще часто встречается у английских революционеров, напр., у Коббета и части чартистов. В то время как в прошлом он восхищается, по крайней мере, классическими эпохами определенной фазы общественного развития, он приходит в отчаяние от настоящего и боится будущего. Где он признает революцию, там она концентрируется для него в отдельной личности, в Кромвеле или Дантоне. Им он посвящает тот же самый культ героев, который он проповедует в своих „Лекциях о героях и культе „героев", как единственное спасение из настоящего, полного отчаяния, как новую религию".

В его новых произведениях революционная сторона исчезает. „Из культа гения, который Карлейль разделяет с Штраусом, в этих сочинениях улетучивается гений, остается только культ". Во время войны за уничтожение рабства в Соединенных Штатах Карлейль выступил в защиту рабовладельцев, как в 1865 г. он также резко защищал английского губернатора острова Ямайки, отличавшегося своими зверствами. „Так лопнул, наконец, — прибавляет Маркс, — пышный пузырь торийских симпатий к городским, — но отнюдь не к сельским,—наемным рабочим. Ядро этих симпатий называется рабством".

50. Христианский социализм.

Христианский социализм тесно связан с феодальным. Мы видим, как культ монархии соединяется с культом церкви в сочинениях всех представителей социальной реакции против Великой французской революции. Но когда престиж старой абсолютной монархии совершенно испарился, а новая июльская монархия компрометировала себя с каждым днем все больше и больше, среди верующих филантропов начинает развиваться новая тенденция. Социализм стараются теперь примирить с религией и церковью, делая последнюю более демократической, возвращая ее ко временам первого христианства. Наиболее талантливым представителем этого христианского социализма был Ламеннэ, уже в 1837 г. в своих „Речах верующего" порвавший со старыми церковными традициями и отколовшийся от легитимистов. Искренний демократ, страстный защитник трудящегося народа, он в ярких красках рисовал печальное положение рабочих и бичевал, как ветхозаветный пророк, новых богачей. Как средство, которое могло бы исцелить общественные бедствия, он рекомендует свободную ассоциацию и меры, которые обеспечили бы право бедняков на существование. Он имел влияние и на немецких ремесленников, для которых его книга, в переводе Берне, служила одно время вторым евангелием.

Другим крупным представителем христианского социализма был Бюше (1796—1865). Сначала ученик Сен-Симона, он после отделяется от сен-симонистов, кладя в основу своей системы христианскую религию и мораль, как главный двигатель прогресса. Выступая против коммунистов, он выдвинул план производительных ассоциаций, предназначенных, главным образом, для ремесленников. Бюше удалось связаться с группой парижских рабочих, которые издавали свой журнал „Мастерская". Во время своего пребывания в Париже Энгельс, который не упускал случая завязывать связи со всякими рабочими организациями, сделал попытку сблизиться с редактором „Мастерской" и даже поместил в этом журнале статью.

Несравненно более благоприятные условия для своего развития христианский социализм в самых разнообразных оттенках и комбинациях—католичество и социализм, проте-

стантизм и социализм, англиканство и социализм, и просто христианство и социализм—нашел уже после победы реакции над революцией 1848 г. В эпоху Манифеста он захватил только незначительную часть пролетариата.

Так же резко, как и в Манифесте, высказался Маркс против всех попыток охристианить социализм, ввести христианскую мораль, как основу нового мирного социализма, в своей полемике против одной статьи, случайно попавшей на страницы „Немецко-Брюссельской Газеты", автором которой был Вагенер, один из главных представителей консервативного христианского социализма в Германии, выступившего как политическое направление значительно позже, после создания германской империи. На попытку противопоставить коммунизму социальные принципы христианства Маркс ответил следующей характеристикой роли, которую играли эти принципы в истории.

„Социальные принципы христианства оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество и умеют также, в случае нужды, защитить, хотя и с жалкой гримасой, современное угнетение пролетариата. Социальные принципы христианства проповедуют необходимость существования класса—господствующего и порабощаемого, и для последнего у них находится лишь благочестивое пожелание, чтобы первый ему благодетельствовал. Социальные принципы христианства переносят на небо вознаграждение за все перенесенные мерзости и тем самым оправдывают продолжение этих мерзостей на земле. Социальные принципы христианства провозглашают все гнусности угнетателей против угнетаемых либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое Господь, в своей премудрости, ниспосылает искупленным им людям. Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, подчинение, смирение, словом—все качества черни, а для пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались, как с отребьем человечества, для пролетариата смелость, самосознание, чувство гордости и независимости важнее хлеба. На социальных принципах христианства лежит печать пронырливости и ханжества, пролетариат же революционен. Таковы социальные принципы христианства".

Конечно, очень легко показать, что „социальные принципы христианства“ не всегда играли только эту реакционную роль. Раннее христианство, поскольку оно еще было связано с протестом против античного мира, восставало против частной собственности и государства, проповедывало аскетизм и бедность. Но это было уже очень давно, когда не было налицо условий для более полного освобождения „труждающихся и обремененных“, чем при помощи небесного Иерусалима. Пролетариат должен отвергнуть всякие попытки примирения с религией, хотя бы они преподносились ему в виде самого очищенного или облагороженного христианства, или „нового христианства“ или „религии человечества“.

„Религия есть самосознание и самочувствие человека, который или еще не отыскал себя или снова уже потерял себя. Борьба против религии есть борьба против того мира, духовным ароматом которого является религия... Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительной нищеты и протест против этой нищеты. Религия—это вздох угнетенной твари, душа бессердечного мира, дух безвременья. Она—опиум народа. Упразднение религии, как призрачного счастья народа, есть требование его действительного счастья... Критика неба обращается в критику земли, критика религии—в критику права, критика теологии—в критику политики“. А критика политики скоро превратилась у Маркса в критику экономики. Придя к заключению, что „известные производственные отношения по необходимости связаны с определенной общественной формой, отсюда уже с определенной формой государства, отсюда, наконец, с определенной формой религиозного сознания“, Маркс, а вместе с ним Энгельс, конечно, не могли не отнестись крайне отрицательно ко всякой попытке фальсифицировать освободительное движение пролетариата той или иной формой религиозного сознания, отравлять его религиозным опиумом.

51. Сисмонди.

Мы так привыкли употреблять слова „мелко-буржуазный социализм“ по адресу различных социалистических учений, распространенных и в среде рабочего класса, что в пара-

графе о мелко-буржуазном социализме" скорее готовы искать критику Прудона или аналогичных течений, а не буржуазного экономиста Сисмонди. Недоразумение это легко разъясняется, если вспомнить, что Маркс и Энгельс употребляли слово „социализм" в другом смысле, чем мы, часто заменяющие слово „коммунизм" социализмом и наоборот. В предисловии к Манифесту, Энгельс объясняет, в каком смысле он и Маркс употребляли слово социализм. Оно дня них обозначало, в отличие от коммунизма, как движения рабочих, или движение буржуазное, стремившееся устранить общественные бедствия различными панацеями и всевозможными заплатами, или приверженцев различных утопических систем, обращавшихся тоже, как и представители первого течения, к „образованным" классам, к буржуазии. Именно среди этого буржуазного социализма Маркс и Энгельс намечают различные группы. Сисмонди является для них представителем мелко-буржуазного социализма, потому что, в своей критике капитализма, он прикладывает к нему мелко-буржуазную и мелко-крестьянскую мерку. „Люди, подобно Сисмонди, желающие возвратиться к правильной пропорциональности производства, сохраняя однако все основы современного общества, являются реакционерами, так как, ради последовательности, они должны бы желать возвращения и всех прочих условий промышленности прошедших времен" (Маркс).

Что несмотря на это Маркс высоко ценил Сисмонди, как критика капиталистического строя, показывает не только отзыв Манифеста. Буржуазные противники Маркса, из кожи лезущие вон, чтобы уличить его в плагиате, находящие ему учителей то в одном, то в другом старом экономисте или социалисте, в перечислении заслуг Сисмонди могли бы найти указание на ряд основных идей, нашедших себе место в системе марксизма, но не являющихся „открытием" Маркса или Энгельса, хотя зачастую эти идеи, высказанные уже до них, получали в их обработке более глубокий смысл или находили себе более соответствующее место в общей системе, делавшее их более выпуклыми и яркими. И в „Критике политической экономии" и во всех томах „Капитала" Маркс отзывается о нем с большим уважением и причисляет его к самым выдающимся представителям классической школы по

литической экономии, первым крупным критиком которой был Сисмонди.

„Сисмонди глубоко чувствует, что капиталистическое производство себе противоречит, что его формы и его производственные отношения, с одной стороны, побуждают к необузданному развитию производительных сил и богатства; что эти отношения, с другой стороны, являются обусловленными, что противоречия потребительной стоимости в меновой стоимости, товара и денег, покупки и продажи, производства и потребления, капитала и наемного труда и т. д. принимают тем большие размеры, чем больше развиваются производительные силы. Он чувствует именно основное противоречие— необузданное развитие производительных сил и богатства, которое должно в одно и то же время состоять из товаров и превратиться в деньги,—с одной стороны, а, с другой стороны, быть основой для ограничения массы производителей необходимыми средствами существования. Поэтому кризисы являются для него не случайностями, как у Рикардо, а существенными проявлениями присущих капитализму противоречий в крупном масштабе и в определенные периоды. Но он постоянно колеблется: должны ли производительные силы обуздываться государством, чтобы приспособить их к производственным отношениям, или следует изменить производственные отношения, чтобы приспособить их к производственным силам? Он при этом часто ищет убежища в прошлом, становится апологетом былых времен и не прочь бы, при помощи того или другого регулирования дохода по отношению к капиталу или распределения по отношению к производству, устранить эти противоречия, не понимая, что отношения распределения являются лишь другой формой отношений производства".

Но чаще всего Сисмонди рекомендует государству сдерживать разнузданность производства и тормозить слишком быстрое развитие новой техники. И если Андлер находит критику Манифеста слишком суровой, то его коллеги, профессора Жид и Рист („История экономических учений"), скорее соглашаются с Марксом и Энгельсом.

„Вместо того, чтобы понуждать к производству, правительство должно умерять „слепое рвение". Обращаясь к ученым, Сисмонди умоляет их приостановиться с изобретениями, на-

поминает слова экономистов: „Laissez faire, laissez passer", и просит „дать также поколениям, ставшим излишними, время пройти". Он хранит тайную симпатию к старому режиму корпораций и привилегированных цехов: осуждая их, как учреждения, не соответствующие интересам производства, он, однако, задается вопросом, нельзя ли почерпнуть в них опыт для обуздания злоупотреблений конкуренции... Первой целью будет восстановление повсюду, где возможно, объединения труда с собственностью. Для этого Сисмонди проповедует в земледелии возврат к тому, что он называет патриархальной собственностью, т. е. к увеличению числа крестьян-собственников. В промышленности он хотел бы возродить независимого ремесленника".

Не то же ли самое говорит Манифест, когда констатирует, что последним словом теории Сисмонди являются цеховая организация промышленности и патриархальное сельское хозяйство?

Сисмонди имел большое влияние на современную экономическую литературу, но не создал своей школы. Наиболее выдающимся учеником его является Бюрэ (1811—1842), автор книги о положении рабочего класса в Англии и Франции. Он идет несколько дальше учителя и рекомендует ряд реформ в области рабочего и социального законодательства, в которых видно влияние сен-симонистов.

Что касается таких экономистов, как брат Огюста Бланки, Адольф Бланки, известный автор истории политической экономии и работ о положении рабочего класса во Франции, Дроз и др., то влияние Сисмонди на них сказалось только в том отношении, что они отказались от цинического индиферентизма к страданиям рабочего класса, которым отличались представители вульгарной политической экономии. Это представители той гуманитарной школы, которую Маркс характеризовал уже в „Нищете философии".

„Для успокоения своей совести она старается, по возможности, сгладить существующие контрасты, она искренно оплакивает бедствия пролетариата и ожесточенную конкуренцию между буржуа; она советует рабочим быть умеренными, хорошо работать и родить поменьше детей. Она предлагает буржуазии внести умеренность в ее производительное рвение. Вся теория этой школы состоит в бесконечных разли-

чениях между теорией и практикой, между принципом и его последствиями, между идеей и ее приложением, между содержанием и формою, между сущностью и действительностью, между правом и фактом, между хорошей и дурной стороною". Ни одна школа не говорила так много о приложении морали к политической экономии. И уже после Манифеста это трусливое нытье нашло себе нового выразителя в этической школе политической экономии.

52. „Истинный социализм".

Резкая характеристика немецкого или „истинного социализма" до известной степени является самокритикой как для Маркса, так и в несравненно большей степени—для Энгельса. Последний проделал на собственном опыте все фазы, через которые проходило развитие немецкой интеллигенции, и чем сильнее он увлекался прежде философским перевоплощением социализма, тем резче он относился после к своим прежним увлечениям. Это лучше всего доказывается следующим отрывком, который может служить хорошим комментарием к обвинительному акту Манифеста против „истинного социализма".

„Немцы начинают портить и коммунистическое движение. Как всегда, и здесь последние и самые бездеятельные, они думают прикрыть свою духовную сонливость презрением к своим предшественникам и философским самовосхвалением. Едва только коммунизм успел зародиться в Германии, как его уже старается захватить целая армия спекулятивных голов, считающих, что они совершают чудеса, когда фразы, ставшие уже во Франции и Англии ходячими истинами, они облекают в язык гегелевской логики, и эту новую премудрость преподносят миру, как что-то совершенно новое, как „интенсивную немецкую теорию", чтобы потом в свое удовольствие забрасывать грязью „негодную деятельность", „смехотворные" социальные системы ограниченных англичан и французов. Это всегда готовая немецкая теория, которая имела безмерное счастье понюхать гегелевской философии истории и быть введенной каким-нибудь высохшим берлинским профессором в схематизм вечных категорий, затем заглянула, быть может, в Фейербаха и перелистовала несколько

немецких коммунистических сочинений и книгу Штейна о французском социализме, — эта немецкая теория худшего сорта, без особенных трудностей, сконструировала себе французский социализм и коммунизм по г-ну Штейну, отвела ему подчиненную роль, „превзошла" его и „возвысила" на „более высокую ступень развития" всегда готовой „немецкой теории"... В противовес этой комической гордости немецкой теории, не желающей умереть, необходимо когда-нибудь показать немцам, чем они обязаны заграница с тех пор, как они стали заниматься социальными вопросами. Во всех этих громких фразах, провозглашаемых ныне в немецкой литературе, как основные принципы истинного, чистого, немецкого теоретического коммунизма и социализма, до сих пор не видно ни единой мысли, выросшей на немецкой почве. Что французы и англичане говорили уже десять, двадцать, даже сорок лет тому назад,—и выразили это очень хорошо, очень ясно, весьма красивым языком, — с тем немцы познакомились, наконец, частями лишь с год тому назад, и тотчас же это обработали по Гегелю или же, в лучшем случае, они открывали еще раз уже давно известное и печатали это в гораздо худшей, более абстрактной форме, как совершенно новое открытие. Я не исключаю из этого и своих собственных работ. Немцам принадлежит только плохая, абстрактная, непонятная и неуклюжая форма, в какой они выразили эти мысли. И, как подобает настоящим теоретикам, они до сих пор сочли заслуживающим внимания у французов (англичан они почти еще совершенно не знают), кроме самых общих принципов, лишь наихудшее и теоретичное, — схематизацию будущего общества, социальные системы. „Лучшую часть, критику существующего общества, действительную основу, главную задачу изучения социальных вопросов они спокойно отложили в сторону".

„Поэтому-то и немецкий абсолютный социализм так ужасающе беден: немножко „человека", как в последнее время говорится, немножко „реализации" этого человека или, скорее, чудовища, нечто о собственности по Прудону из третьих или четвертых рук, немножко вздохов о пролетариате, кое-что об организации труда, жалкие ферейны, ставящие себе целью поднятие жизненного уровня низших классов, при безграничном невежестве в области политической эко-

номии и действительной жизни общества, — вот весь немецкий социализм, который, к тому же, благодаря теоретическому беспристрастию и „абсолютному спокойствию мысли", теряет последнюю каплю крови, последние остатки действительной силы и энергии. И при помощи этой-то скуки хотят революционизировать Германию, привести в движение пролетариат, заставить массы мыслить и действовать".

Мы видим, что Энгельс не исключает и себя. А он был очень тесно связан с Моисеем Гессом, наиболее выдающимся представителем немецкого философского социализма, гораздо теснее, чем с ним связан был Маркс.

Гесс (1812—1875) был на несколько лет старше обоих друзей и начал свою литературную карьеру раньше их. Еще до знакомства с Марксом, он опубликовал „Священную историю человечества" (1837) и „Европейскую триархию" (1841), в которых он излагал свою философию истории человечества, выдвигая, как дополнение к философии мысли, „философию дела". В 1841 г. он сблизился с левыми гегельянцами и познакомился с Марксом, который произвел на него глубокое впечатление.

„Ты можешь—писал он своему другу, Б. Ауэрбаху, известному немецкому романисту — познакомиться с величайшим, быть может, единственным теперь, философом... Маркс, так зовут моего идола, еще совершенно молодой человек (самое большее 24 года), который нанесет последний удар средневековой религии и политике; он соединяет с глубочайшей философской серьезностью самое бичующее остроумие; представь себе Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля объединенными в одном лице; я говорю о б ъ е д и н е н н ы м и, а не сброшенными в одну кучу,—и ты будешь иметь пред собою Маркса".

Гесс принял участие в создании „Рейнской Газеты", и уже на ее страницах начал —раньше Маркса—приближаться к коммунизму. В Кельне он познакомился с Энгельсом, которому он уже доказывал, что „коммунизм" представляет необходимое продолжение „младогегельянской доктрины". Вместе с Энгельсом он через несколько лет издает „Зеркало общества", в редакционной статье которого мы читаем: „Разве прусский монарх выказал менее сочувствия к бедствиям беднейших классов народа, чем французская палата депута-

тов или король французов? Факты настолько доказывают противоположное, а размышления об истинных и последних причинах наших общественных бедствий настолько убеждают в противном, что мы более чем равнодушны ко всяким политико-либеральным стремлениям: они нам прямо стали противны".

Энгельс очень скоро освободился от наследия философского социализма. Гесс тоже все больше приближался к новым взглядам Маркса, но гораздо медленнее, с трудом освобождаясь от старого идеалистического наследия. В июле 1846 г. он пишет уже Марксу: „Насколько вначале необходимо было связать коммунистические стремления с немецкой идеологией, настолько теперь необходимо обосновать исторические и экономические предпосылки, иначе нельзя покончить ни с „социалистами", ни с противниками всех цветов".

В той ожесточенной фракционной борьбе, которая сопровождала организацию Союза коммунистов, Гесс, по своей натуре мало приспособленный к практической деятельности, бросался из одной стороны в другую. Перед самым съездом Союза коммунистов, он окончательно разошелся с Энгельсом и Марксом. Когда разразилась революция 1848 г., он почти все время оставался за границей, а после поражения ее примкнул к фракции Виллиха и Шаппера, чтобы через несколько лет совершенно отойти от революционного движения и стать первым провозвестником сионизма. Когда Лассаль начал свою агитацию, он примкнул к этому движению, но, после смерти Лассаля, разошелся с его приверженцами. Он еще принимает участие в Первом Интернационале и выступает против Бакунина.

Резкая критика Манифеста направлена, поскольку речь идет о нападении на представителей истинного социализма, остававшихся таковыми ко времени его опубликования, главным образом против Карла Грюна, как это подчеркивает сам Энгельс в примечании к позднейшим изданиям Манифеста. О нем можно повторить отзыв Меринга: „Это был чистейшей воды журналист, в неприятном значении слова, лишенный всякой глубины и даже всякой серьезности, столь же решительный в приговорах, сколько поверхностный, с печатью пошлости, которую случайные, остроумно звучащие фразы могли скорее выставить в ярком свете, чем замаскировать: Маркс

и Энгельс справедливо видели в нем несноснейшего из истинных социалистов".

В своей критике „Историографии истинного социализиа", которая напечатана была в журнале „Вестфальский Пароход", за несколько месяцев до появления Манифеста, Маркс уже указывает на духовную зависимость Грюна от Гесса. „Мысли, которые уже у Гесса были весьма неопределенными и мистическими, но все же вначале представляли известный интерес и только после — путем вечных повторений в такое время, когда они уже устарели—стали скучными и реакционными, — эти мысли превратились у Грюна в полную бессмыслицу".

Нескольких цитат из писаний Грюна достаточно, чтобы характеризовать „истинный социализм" как теорию и практику.

Когда называют Фейербаха, то этим самым называют всю работу философии от Бекона до наших дней, то этим самым также говорят, чего хочет в последней инстанции философия и что она значит: мы имеем человека, как последний результат всемирной истории. Это гораздо более верный, гораздо более основательный способ, чем заниматься заработной платой, конкуренцией, недостатками конституции... Мы приобрели человека, человека, освободившегося от религии, мертвых идей, всего ему чуждого, с их различными практическими проявлениями, чистого, истинного „человека".

Следующий образчик рассуждений К. Грюна показывает, почему Манифест считает эту литературу расслабляющей.

„Кто требует в Пруссии конституции? Либералы. Кто такие либералы? Господа в своих домах и некоторые писатели, которые или сами владеют этими домами, или чей горизонт не шире желания этих почтенных владельцев домов и фабрик. Составляет ли эта кучка собственников вместе с своими пишущими телохранителями народ? Нет. Желает ли народ конституцию? Ни даже во сне... Если бы силезский пролетариат был сознателен и если бы этому сознанию соответствовало существующее право, то он должен был бы подать петицию против конституции. Но у пролетариата нет для этого ни сознательности, ни прав; поэтому мы действуем его именем. Мы протестуем".

Эти речи только лили воду на мельницу таких ожесточенных противников коммунизма, как демократ и республиканец Гейнцен, которые обвиняли коммунистов в том, что они не понимают всего значения „политического фактора“ и, в сущности, являются „прислужниками абсолютизма“.

Кроме полемики с „истинными социалистами“, разбираемый параграф содержит еще критику немецкой философии, поскольку в ней сказалось влияние французской революции. И в первую голову философии Канта, которая сделала из требований французской революции требования „практического разума“. Маркс и Энгельс объясняют это явление особенностями экономического развития Германии, способствовавшими сохранению класса мелкого мещанства.

„Состояние Германии в конце прошлого столетия вполне ясно отражается в кантовской критике практического разума. В то время как французская буржуазия, благодаря колоссальнейшей в истории революции, поднялась до господства и овладела континентом Европы, а политически уже эмансипированная английская буржуазия революционизировала производство и подчинила себе Индию политически и весь остальной мир — коммерчески, бессильные немецкие буржуа дошли только до „доброй воли“. Кант удовлетворялся этой чистой „доброй волей“ даже тогда, когда она оставалась без всякого результата, а осуществление этой „доброй воли“, гармонию между нею и потребностями и побуждениями людей, — перенес в потусторонний мир. Эта добрая воля Канта вполне соответствует бессилию, подавленности и ничтожеству немецких буржуа, мелочные интересы которых никогда не были способны развиться до общих национальных интересов класса, и которые поэтому всегда эксплоатировались буржуазией всех остальных наций. Этим мелочным местным интересам соответствовали: с одной стороны, действительная местная и провинциальная ограниченность немецкого буржуа, с другой стороны, его космополитическая надутость. Вообще со времени реформации немецкое развитие получило чисто мелко-буржуазный характер. Старое феодальное дворянство было большей частью уничтожено в крестьянских войнах; остались либо мелкие имперские князьки, которые мало-по-малу добились изрядной независимости и подражали абсолютной монархии в миниа-

тюрном и мелко-городском масштабе, либо мелкие землевладельцы, которые просадили свое незначительное состояние при небольших дворах, а затем искали мест в маленьких армиях и правительственных канцеляриях, либо деревенские дворянчики, ведшие такую жизнь, которой устыдился бы самый скромный английский сквайр или французский провинциальный дворянин. Земледелие велось способом, который не был ни мелким хозяйством, ни крупной культурой и который, несмотря на крепостную зависимость и барщину, не мог побуждать крестьян к борьбе за освобождение как потому, что этот способ производства сам не допускал образования активного революционного класса, так и потому, что отсутствовала соответствующая такому крестьянству революционная буржуазия".

В другом месте Маркс указал уже на ряд причин, которые обусловили медленное развитие немецкой промышленной буржуазии. Перемена путей торговли в XVI веке, вызвавшая упадок средневековой промышленности и торговли как раз тогда, когда создавался новый всемирный рынок и в Англии, Голландии, и Франции развивалась мануфактура; влияние Тридцатилетней войны (1618 — 1648), обезлюдившей страну и отбросившей ее местами в состояние варварства; характер национальных отраслей промышленности—льняная промышленность, — вновь ожившей с конца XVIII столетия, но в которой господствовали еще патриархальные отношения; характер вывоза, в котором преобладали продукты земледелия, что способствовало росту могущества земельного дворянства в ущерб городской буржуазии, — все это мешало развитию немецкой буржуазии и задерживало ее политическое самоопределение.

„Раздроблению интересов соответствовало раздробление политической организации — мелкие княжества и вольные города. Откуда могла явиться политическая концентрация в стране, где отсутствовали все необходимые для этого экономические условия?"

Отсюда и то преобладание государства и чиновничества, которое развилось в эпоху монархии, проявившееся в Германии в особенно карикатурной и искаженной форме. Государство превратилось в как будто совершенно самостоятельную силу, воплотившуюся в бюрократии. Отсюда и от-

личающий Германию честный чиновничий образ мыслей и все иллюзии о государстве, и кажущаяся независимость теоретиков государственного права, которые творят свои теории без всякой непосредственной связи с интересами буржуа".

„Характерную форму, которую принял в Германии французский либерализм, у себя на родине опирающийся на действительные классовые интересы, мы встречаем опять у Канта. Он, как и немецкие буржуа, адвокатом которых он был, не замечал, что в основе этих теоретических мыслей буржуазии лежали материальные интересы и воля, определяемая и обусловливаемая материальными производственными отношениями. Поэтому он отделил это теоретическое выражение от интересов, которые оно выражало, и превратил материально мотивированные определения воли французских буржуа в чистые самоопределения „свободной воли", воли самой по себе, человеческой воли, сделав из нее таким образом чисто идеологическое понятие и моральный постулат. Вот почему немецкая мелкая буржуазия испугалась и практики этого энергичного буржуазного либерализма, когда он принял сначала форму господства террора, а затем бесстыдной буржуазной погони за наживой".

Только после июльской революции немецкий либерализм, бывший до тех пор только мечтанием о действительном либерализме, а не идеологией развивающейся буржуазии, отражением ее классовых интересов, начинает приобретать более реальную форму. „Все усиливающаяся конкуренция заграницы и зависимость от всемирного рынка, от которой Германия все меньше могла уйти, соединили разрозненные местные интересы в известную общность. Именно с 1840 г. немецкие буржуа начали помышлять об обеспечении этих общих интересов, они сделались национальными и либеральными, они потребовали таможенных пошлин и конституции".

Как раз в это время начал развиваться „истинный социализм". Чем больше из-за старых философских понятий стали проглядывать не весьма привлекательные, но реальные интересы немецкой буржуазии, чем больше, — хотя и прикрываемые раболепными заявлениями по адресу „обожаемого монарха", — обострялись отношения между промышленной

буржуазией и феодалами, тем усерднее истинные социалисты вроде Грюна и т. п., расточали проклятия этому либерализму и мешали немецким рабочим вырабатывать свою политическую программу.

Ответ Маркса Гейнцену есть в то же время и ответ Грюну „Пролетариат спрашивает не о том, является ли народное благо для буржуазии главной или побочной целью, хочет ли она воспользоваться пролетариатом, как пушечным мясом или нет. Пролетариат спрашивает не о том, чего буржуазия хочет, а о том, что она вынуждена делать. Вопрос заключается в том, какой строй даст ему больше средств для достижения его собственных целей: теперешний ли политический строй, господство бюрократии, или тот, к которому стремятся либералы, господство буржуазии. Достаточно сравнить политическое положение пролетариата в Англии, Франции и Америке с его положением в Германии, чтобы убедиться в том, что господство буржуазии не только дает в руки пролетариата совершенно новые орудия борьбы против буржуазии, но и обеспечивает за ним совершенно новое положение — положение признанной партии".

Именно с этой точки зрения боролись Маркс и Энгельс так страстно против „истинного социализма", который неизбежно превращался в идеологию немецкого мещанства, чувствовавшего на себе тяжелый гнет феодализма, но в то же время боявшегося политического господства промышленной буржуазии.

Правда, опыт революции 48 года показал, что не только немецкая буржуазия, которая очутилась в противоречии с пролетариатом еще прежде, чем она сама политически конституировалась в класс, но и буржуазия Франции и Англии предпочитают отказаться от своего права первородства, как только пролетариат делает из буржуазной революции исходный пункт своей пролетарской революции. Но это диктовало только новую тактику в согласии с изменившимися условиями.

53. Прудон.

Если в Манифесте классическим представителем мелкобуржуазного социализма является Сисмонди, то в главные представители просто буржуазного или консервативного со-

циализма, к удивлению современного читателя, попадает как раз тот Прудон, с именем которого мы привыкли связывать мелко-буржуазный социализм. Новое доказательство, что классификация Манифеста имеет теперь только историческое значение.

Сам Маркс в 1865 г., когда он дал после смерти Прудона его общую характеристику, пишет, что он еще в 1847 г. объявил „философию нищеты" кодексом „мелко-буржуазного социализма".

Было время, когда Маркс относился к Прудону с большим уважением. В „Святом семействе" он еще считает Прудона революционером в области политической экономии.

„Прудон подвергает основу политической экономии, частную собственность, критическому исследованию, и именно — первому, решительному и беспощадному и в то же время научному исследованию. В этом и заключался великий подвиг, совершенный им, подвиг, который революционизировал политическую экономию и впервые сделал возможной действительную науку политической экономии".

В 1865 г. о том же самом сочинении Прудона Маркс отзывается уже совершенно иначе.

„Недостатки этого произведения заметны уже в самом заглавии. Вопрос был поставлен так неправильно, что настоящего ответа на него и быть не могло. Античные имущественные отношения исчезли, уступивши место феодальным, эти последние перешли в буржуазные. Сама история приложила таким образом свою критику к пережитым имущественным отношениям. Для Прудона дело шло, в сущности, лишь о существующей современной буржуазной собственности. На вопрос: что она такое, ответ мог быть найден лишь в критическом анализе политической экономии, охватывающем всю совокупность имущественных отношений не в юридическом их выражении, не в качестве соотношений воли личностей, а в их реальной сущности, т. е. в качестве отношений производства. Прудон втиснул всю совокупность этих экономических отношений в обычное юридическое представление о собственности, поэтому-то он и не мог пойти дальше ответа Бриссо, данного теми же словами и

в подобном же произведении еще до 1789 г.: „собственность есть кража".

Резкая противоположность этих двух отзывов, между которыми лежит второе крупное произведение Прудона „Философия нищеты" и ответ на нее Маркса, объясняется тем, что в „Святом семействе" Маркс, уже ставший на точку зрения пролетариата, только начал переходить от критики философии и права к критике политической экономии.

Прудон и в 1841 г. и в 1846 г. одинаково оставался мелким буржуа, с той только разницей, что в первых своих произведениях он еще критиковал буржуазное общество с точки зрения мелкого французского крестьянина, а в „Философии нищеты" с точки зрения мелкого буржуа вообще, колеблясь еще между мелким производством и рабочим. Отсюда все противоречия. Желая преобразовать буржуазное общество, он в действительности хотел только очистить его от всяких противоречий и превратить его в идеальное буржуазное общество. Только в этом смысле его можно было назвать, в отличие от Сисмонди, как главного представителя реакционного мелко-буржуазного социализма, желавшего повернуть назад колесо истории, представителем консервативного мелко-буржуазного социализма. Но Прудон после революции 1848 г. снова изменил свои взгляды. То, что теперь известно под именем прудонизма, та система, которая под названием „мютюэлизма" играла такую большую роль в шестидесятых годах в истории Первого Интернационала, сложилась только в начале шестидесятых годов, когда Прудон впервые приспособил свои взгляды к потребностям городского пролетариата в значительной степени под влиянием возрождающегося рабочего движения. В систему эти новые взгяды были приведены в сочинении о „Политических способностях рабочих классов", вышедшем уже после смерти Прудона. Здесь он уже говорит о необходимости самостоятельной классовой организации пролетариата, но продолжает отрицательно относиться к стачкам и к участию в непосредственной политической борьбе. Он остается противником коммунизма и проповедует кооперацию и взаимопомощь, продолжая и в последней своей фазе оставаться мелко-буржуазным социалистом.

54. Буржуазная филантропия.

Тридцатые и сороковые годы были годами расцвета буржуазной филантропии в Западной Европе. Борьба с пауперизмом становится злобой дня. Число сочинений и брошюр, посвященных вопросу о борьбе с „язвой пролетариата", растет с каждым годом, прямо пропорционально росту числа стачек и фабричных волнений.

Среди этих филантропов было много „акробатов благотворительности", но были и люди, искренно желавшие помочь рабочим. Они основывали всякие союзы для блага трудящихся классов, из которых тщательно изгонялось все, что могло „усилить недовольство рабочих их положением" или способствовать их организации. Дальше фабричных касс, выдачи поощрительных премий, дело не шло. Общества трезвости должны были заботиться о поднятии нравственного уровня работы.

Этой филантропической практике соответствовала и теория.

„Филантропическая школа отрицает необходимость антагонизма; она хочет всех людей превратить в буржуа, она хочет осуществить теорию, поскольку эта теория отличается от практики и не содержит в себе антагонизма. Само собой разумеется, что не трудно отвлекаться в теорию от противоречий, встречаемых в действительности на каждом шагу. Подобная теория представляет собой лишь идеализированную действительность. Таким образом филантропы хотят сохранить категории, выражающие собою буржуазные отношения, и устранить тот антагонизм, который неотделим от этих категорий, так как составляет их сущность. Филантропам кажется, что они серьезно борются против буржуазной практики, между тем как сами они буржуазны более, чем кто бы то ни было".

В своей „Речи о свободе торговли" Маркс дал блестящую характеристику тех экономистов, которые проповедывали свободную торговлю — в интересах рабочего класса. „Трудно, в самом деле, понять наглость приверженцев свободной торговли, воображающих, что более выгодное употребление капитала уничтожило бы противоположность между промышленными капиталистами и наемными рабочими. Со-

вершенно наоборот. Единственным следствием этого будет еще более ясное обнаружение противоположности этих двух классов".

На Брюссельском конгрессе экономистов, происходившем в сентябре 1847 г., Риттингаузен, социалист, после известный теоретик прямого народного законодательства (1814—1890), выступал в защиту покровительственного тарифа — в интересах рабочего класса. „Немецко-Брюссельская Газета" по этому поводу писала, что уже было бы лучше заменить эту речь более яркой и жизненной речью протекциониста Листа.

А на тюремном конгрессе, который тоже собрался в Брюсселе в сентябре 1847 г., филантропические защитники реформы тогдашней пенитенциарной системы доказывали, что одиночное тюремное заключение лучше всего может поднять нравственный уровень преступных пролетариев. В заключение решено было образовать международное общество для улучшения участи рабочих и бедных классов. Одиночное тюремное заключение — в интересах рабочего класса!

55. Бабеф.

Когда Бернштейн предпринял свой поход против революционного марксизма, он старался доказать, что Маркс и Энгельс, в сущности, были по духу ученикам Бланки, который в свою очередь, является бабувистом, последователем Бабефа. Одно из доказательств он видел в том, что из всей социалистической литературы почему-то именно сочинения Бабефа не подвергаются критике.

Андлеру кажется несомненным, что если взгляды Бабефа и не разбираются в Манифесте, то им дается там все-таки совершенно определенная оценка, а именно они выставляются реакционными.

Манифест не говорит не только о сочинениях Бабефа, он не упоминает ни одним словом о Бланки. Он вообще обходит молчанием в параграфе о критически-утопическом социализме и коммунизме всех революционных коммунистов, он умалчивает о французских коммунистах-материалистах. Он не называет даже таких коммунистов, как Гэ и Дезами. Не назван прямо и Кабэ, хотя это единственный коммунист,

на сочинения которого явственно намекается в этом параграфе.

Во-первых, Бабеф не теоретик коммунизма, еще в меньшей степени, чем им после был Бланки. „Принимать Бабефа за теоретического представителя коммунизма, — говорит Маркс, — могло прийти в голову лишь берлинскому школьному учителю". Еще в 1845 г., предвосхищая за несколько десятков лет результаты работ по истории социальных движений в эпоху французской революции, Маркс отводит Бабефу почетное место в этой истории.

„Революционное движение, которое началось в 1789 г. в „Социальном клубе", которое в середине своего пути имело своими главными представителями Леклерка и Ру и, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором Бабефа,— движение это вызвало к жизни коммунистическую идею, которая, после революции 1830 года, снова введена была во Франции другом Бабефа, Буонаротти. Эта идея, последовательно разработанная, и есть идея нового мирового порядка".

Указывая демократу Гейнцену на значение социального вопроса в эпоху революции, Маркс опять подчеркивает роль Бабефа, как активного выразителя требований пролетариата

„Первое появление действительно активной коммунистической партии мы видим во время буржуазной революции в тот момент, когда устранена была конституционная монархия. Наиболее последовательные республиканцы, — в Англии левеллеры, во Франции Бабеф, Буонаротти и т. д.,—первые подняли эти социальные вопросы". Заговор Бабефа, описанный его другом и товарищем по партии, Буонаротти, показывает, как эти республиканцы из „движения" почерпнули то убеждение, что, с устранением вопроса о монархии и республике, для пролетариата ни один „социальный вопрос" решен еще не был".

С конца двадцатых годов, под идейным руководством Буонаротти, который пропагандировал старое „учение равных" в своей обработке, французские бабувисты играют самую выдающуюся роль во французском революционном движении, все более и более отделяясь от чисто республиканских элементов и все более и более сливаясь с пролетарскими коммунистическими кружками. Пред революцией 1848 года они уходят в подполье, но, уже начиная с февральских дней,

имеют решающее значение во всех ее событиях до июньского поражения, образуя, под руководством освобожденного из тюрьмы Бланки, самую влиятельную пролетарскую партию.

Вот почему все значение бабувистов лежит не в области развития коммунистических систем. а в области развития пролетарской организации, пролетарской тактики, пролетарской программы-минимум в эпоху диктатуры пролетариата. И именно это делало их действительно революционной партией, хотя бы среди писаний различных бабувистов и встречались реакционные идеи всеобщего аскетизма и первобытного равенства. На то, что материализм бабувистов был „груб и нецивилизован", указал уже сам Маркс.

Почему аскетизм характерен не только для всех восстаний средневековья с религиозной окраской, но и для начала всякого пролетарского движения новейшего времени, объясняет нам Энгельс.

„Эта аскетическая строгость нравов, это требование отказа от всех радостей жизни, с одной стороны, выдвигает против господствующих классов принцип спартанского равенства, а с другой, — есть необходимая переходная ступень, без которой низший слой общества никогда не может прийти в движение. Чтобы развить свою революционную энергию, чтобы выяснить себе самому свое враждебное отношение ко всем другим элементам общества, чтобы объединиться, как класс, этот слой должен начать с отречения от всего, что еще может помирить его с существующим общественным строем, он должен отказаться от тех немногих наслаждений, которые временно делают сносным его жалкое существование и которых самый жестокий гнет его лишить не может. Этот плебейский и пролетарский аскетизм не имеет ничего общего, как по своей дико-фанатической форме, так и по своему содержанию, с буржуазным аскетизмом, как его проповедует буржуазная лютеранская мораль и английские пуритане (в отличие от индепендентов и более радикальных сект), весь секрет которого заключается в буржуазной бережливости. Само собой, впрочем, понятно, что этот плебейский пролетарский аскетизм теряет свой революционный характер по мере того, как, с одной стороны, развитие современных производительных сил увеличивает до

бесконечности предметы наслаждения, делая излишним спартанское равенство, а с другой стороны, по мере того, как условия жизни пролетариата, а следовательно, и сам пролетариат, становятся все революционнее".

Кроме левеллеров, вернее их крайнего левого крыла во время английской революции и Бабефа во французской, Энгельс причисляет к самостоятельным движениям того слоя, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата, и направление Томаса Мюнцера, в эпоху реформации и крестьянских войн в Германии явившегося выразителем пролетарских элементов среди плебейского населения Тюрингии. „Как философия религии Мюнцера примыкает к атеизму, так его политическая программа примыкает к коммунизму, и многие современные коммунистические секты не имели еще накануне февральской революции более богатого теоретичнского арсенала, чем „мюнцерцы" XVI столетия".

В этом же столетии появляется первое утопическое изображение идеального общественного строя, выросшее на почве развивающегося капитализма — „Утопия" Томаса Мора. За ним следует Кампанелла. В XVIII столетии появляются уже прямо коммунистические теории Мелье и Морелли, на которые опираются Бабеф и его товарищи в своей критике существующего неравенства и в своих практических требованиях.

56. Великие утописты.

Системы Сен-Симона, Фурье и Оуэна относятся уже к XIX столетию. Они все одинаково опираются на опыт Великой французской революции и развивающейся крупной промышленности.

Энгельс неоднократно указывал, как много обязан научный социализм всем трем великим утопистам. „Немецкий научный социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна, трех мужей, принадлежащих, при всей фанастичности и утопизме их учений, к наиболее выдающимся умам всех времен, гениально предвидевших и предвосхитивших множество вещей, правильность которых мы теперь доказываем научно".

Критика буржуазного общества, затрагивающая все его основания, которая развивалась в сочинениях великих утопистов на-ряду с фантастическими описаниями будущего общества, доставила драгоценный материал для просвещения рабочих и ряд основных положительных требований, которые пролетариат мог, сняв с них их еще утопический характер, выдвинуть в период социальной революции.

Но эти три главных системы утопического социализма оказали неодинаковое влияние на самих основателей научного социализма.

Меньше всего влияние Сен-Симона в особенности на Маркса. Сам Энгельс признает, что у Сен-Симона защита интересов пролетариата уживалась еще с буржуазными стремлениями. Сен-Симон начал с защиты индустриального общества против феодального. Проводя деление на три класса, феодальный, посредствующий и индустриальный, он относит к последнему не только рабочих, но и фабрикантов, негоциантов, вообще всех промышленных капиталистов, к которым он по преимуществу и обращается.

„Не следует вообще забывать, что лишь в последней своей работе „Новое христианство" Сен-Симон прямо выступил от лица рабочего класса и объявил его эмансипацию конечной целью своих стремлений. Все его более ранние произведения фактически представляют лишь прославление современного буржуазного общества в противоположность феодальному или прославление промышленников и банкиров в противоположность маршалам и юристам, фабриковавшим законы в наполеоновскую эпоху. Какая разница по сравнению с одновременными сочинениями Оуэна!"

Когда Энгельс в примечании к этим словам Маркса говорит, что последний, при переработке рукописи, несомненно сильно изменил бы это место, он забывает, что сам в „Анти-Дюринге" вынужден был подчеркнуть то же самое. То обстоятельство, что Маркс лишь с удивлением говорил впоследствии (а указанную особенность Сен-Симона Маркс одинаково подчеркивал в 1847 и 1863 гг.) о гении и энциклопедической голове Сен-Симона, не имеет ничего общего с тем фактом, что из всех трех утопистов наименьшее влияние на Маркса имел Сен-Симон. Характерно, что Маркс ни разу не ссы-

лается на Сен-Симона в подтверждение своих взглядов ни во всех четырех томах „Капитала", ни в каком другом своем произведении.

Когда Маркс приступил к изучению социалистических систем, он уже успел проделать основательную эволюцию в своей борьбе с феодальным обществом в Пруссии, которую он вел в одних рядах с представителями нового „индустриального общества" Рейнской провинции. Придя к заключению, что критику этого общества нужно искать в критике его экономики, он очень скоро перешел от Сен-Симона к Фурье и Оуэну, которые в этом отношении стоят выше автора „Нового христианства".

Как смешно делать из Маркса ученика Сен-Симона в области материалистического понимания истории, так не менее смешно делать из него такого же ученика Сен-Симона в области политической экономии, каким был Родбертус. Энгельс, который старается подчеркнуть особенные заслуги Сен-Симона на-ряду с Фурье и Оуэном, приводит ряд соответствующих положений, но и он должен признать, что если Сен-Симону удалось уловить зародыш почти всех новейших социалистических идей, то только тех, которые не относятся к области чистой экономии.

Только в одном пункте — и это уже подчеркнуто в Манифесте, — в вопросе о превращении государства в простое управление производством, Сен-Симон мог, и действительно повлиял, на марксистское учение о государстве. „В 1816 году Сен-Симон заявляет, что политика есть наука о производстве и заранее предсказывает ее полнейшее поглощение экономикой. Если понятие о происхождении политических учреждений из экономических оснований здесь лишь в зародыше, зато совершенно ясно выражена та мысль, что политическая власть превратится в управление вещами, в заведывание процессами производства, т.-е. придет к „упразднению государства".

Сен-Симон уже потому не мог оказать своими философскими и историческими построениями никакого влияния на Маркса, который уже в 1842 году был последовательным материалистом, что он был идеалистом. Другое дело Фурье и Оуэн, которые оба были материалистами. А без строго последовательного материализма, изгоняющего всякую ми-

стику из области человеческих отношений и их истории, не может быть и последовательного коммунизма.

Достаточно сравнить даваемую Энгельсом характеристику Фурье с характеристикой Сен-Симона, чтобы видеть, как легко находит Энгельс слова и данные, чтобы изобразить заслуги Фурье там, где ему приходится с таким трудом подбирать данные для Сен-Симона. И, действительно, Фурье оказал большое влияние как на Энгельса, так и на Маркса.

И в „Святом семействе", и в ряде других произведений Маркс цитирует Фурье в подтверждение своих взглядов. Его критику брака и семьи в буржуазном обществе он называет мастерской, его взгляды на воспитание он называет „лучшим, что существует в этой области и содержащим гениальнейшие наблюдения".

Энгельс еще в 1846 году противопоставляет рассуждениям „истинного социализма" Фурье и собирается издать его главные сочинения на немецком языке. План остался неосуществленным, и Энгельсу пришлось ограничиться только переводом одной статьи о торговле. Это глубокое изучение сочинений Фурье видно и в его блестящей характеристике Фурье, в которой чувствуется не только уважение, но и личная симпатия к великому французскому утописту.

„Фурье дает нам глубоко захватывающую критику существующего общественного строя, выраженную при этом с чисто французским остроумием. Он ловит на слове вдохновенных пророков дореволюционной буржуазии и ее подкупленных льстецов новейшего времени. Он беспощадно раскрывает всю моральную и материальную нищету буржуазного мира и сопоставляет ее с блистательными обещаниями наступления царства разума, цивилизации, несущей счастье всем, и бесконечного совершенствования человеческого рода; он показывает, какая жалкая действительность соответствует напыщенным хвалебным речам современных ему буржуа идеологов и изливает весь свой сарказм на это окончательное фиаско фразы. Благодаря живости своей натуры, Фурье является не только критиком, но и сатириком, и даже одним из величайших сатириков всех времен. Сильными и меткими штрихами рисует он спекуляторские плутни и мелко-торгашеский дух, овладевший французской

торговлей послереволюционного периода. Еще удачнее его сатирическое изображение отношений в буржуазном обществе и положения в нем женщины. Ему первому принадлежит мысль, что степень свободы, достигнутая данным обществом, должна быть измеряема большей или меньшей свободой женщины в этом обществе. Но выше всего поднимается Фурье в своем взгляде на историю человеческих обществ. Весь предшествующий ход ее он разделяет на четыре степени развития: дикое состояние, варварство, патриархат и цивилизация. Под последней он разумеет существующий буржуазный строй, начавшийся с XVI столетия, и показывает, как эта цивилизация делает ложным, двусмысленным и лицемерным каждый порок, остававшийся в простом виде при варварстве. Он указывает „заколдованный круг" непобедимых и вечно возобновляющихся противоречий, в котором движется цивилизация, всегда достигавшая результатов, противоположных тем, к которым, искренно или притворно, она стремится. Например, по его словам: „в цивилизации бедность порождается самим избытком".

Не менее глубоко было влияние Оуэна как на Энгельса, который во время своего первого пребывания в Англии уже работал в органе Оуэна, так и в еще большей степени на Маркса. В „Капитале" в нескольких местах указывается, какое большое значение имеет система Оуэна и именно потому, что „в своих опытах он не только фактически исходил из фабричной системы, но и теоретически провозгласил ее исходным пунктом социальной революции". Он в этом отношении стоит выше не только Сен-Симона, но и Фурье, настолько же выше, насколько Англия его времени, как капиталистическая страна, стояла выше Франции с ее еще слабо развитой крупной промышленностью. После своего перехода к коммунизму, он начал страстную борьбу с главными препятствиями, загораживавшими путь к преобразованию буржуазного общества в коммунистическое: с частной собственностью, религией и современной формой брака. Решительный материалист, он исходил из положения, что характер человека представляет продукт внешних влияний, что у него нет никаких прирожденных или вложенных ему какой-нибудь сверхъестественной силой идей и

способностей или нравственного чувства или совести. „В действительности, совесть есть такой же продукт рук человеческих, как хлопчатобумажная материя или любой другой продукт". — Положение, которое имеет более глубокий смысл, чем все положения вульгарного, неисторического материализма. Он был главным пионером — и теоретическим, и практическим — рабочего законодательства, он первый выдвинул соединение производительного труда с воспитанием детей, как задачу настоящего дня, он же был отцом кооперативных мастерских и рабочих базаров, отнюдь не разделяя иллюзий своих подражателей относительно значения этих изолированных элементов преобразования, на которые он смотрел только как на переходную ступень к коммунистическому строю. Никто, кроме Фурье, не разработал так основательно вопрос о необходимости и условиях уничтожения противоположности между городом и деревней.

57. Коммунисты во Франции и Германии.

Мирным коммунистом был и Этьен Кабэ, автор самой популярной, накануне февральской революции, утопии — „Путешествие в Икарию". Он тоже надеялся осуществить свою утопию, в условиях капиталистического окружения, путем создания в действительной Америке Нового Иерусалима. Но он обращался не только к человеколюбию буржуазных сердец. Пользуясь большими симпатиями в рабочих массах, он в 1847 году выступает с планом переселения в Америку, чтобы организовать там маленькую Икарию. За помощью он обратился к различным рабочим обществам, в том числе и к „Просветительному рабочему обществу" в Лондоне, руководители которого — Бауэр, Милль, Шаппер, Лесснер — играли такую выдающуюся роль в организации Союза коммунистов. Признавая все заслуги Кабэ в борьбе за дело рабочих, члены общества высказались против его плана. Они доказывали ему, что неизбежная неудача вызовет только радость буржуазии, они объясняют ему, что для коммунистов общность имущества так же невозможна без переходного периода, во время которого частная собственность лишь постепенно превращалась бы в общественную, как невозможна жатва без посева. Кабэ даже приехал

в Лондон, чтобы убедить их в осуществимости своего плана. Ирония жестоко посмеялась над новыми крестоносцами. Как раз тогда, когда слышны были истории уже раскаты приближающейся социальной бури, 3 февраля 1848 г. в Америку отправилась первая партия переселенцев, за которыми, в течение 1848 г., последовали другие партии, уходя от живой, непосредственной борьбы со старым миром, чтобы чрез несколько лет вернуться разочарованными в ту же Западную Европу.

Но, кроме мирных коммунистов, были и революционные как в Германии, так и во Франции. Наиболее выдающимся коммунистом до Маркса и Энгельса был среди первых портной Вильгельм Вейтлинг. Манифест не называет его, но он несомненно принадлежит к той группе, которая возглавляется Бабефом. Кроме того, в первой главе Манифеста есть место, направленное непосредственно против Вейтлинга, который, как после и наш Бакунин, придавал большое значение люмпен-пролетариату, считая его важным революционным фактором.

Вейтлинг тоже исходит, как и Фурье, из анализа страстей и потребностей человека. Он строит свой план будущего общества, в котором отводит влиятельное место представителям прикладных наук. Но лучшим средством добиться нового строя он считает доведение существующего беспорядка до последних крайностей, пока у народа не лопнет терпение. Он поэтому не мог помириться с мыслью о неизбежности переходного периода, в течение которого буржуазия в Германии будет господствующим классом, и слышать не хотел о приспособлении тактики пролетариата к условиям переходного времени. Это разногласие явилось главной причиной расхождения между ним и Марксом, когда-то, в одной из первых статей, приветствовавшим гениальные сочинения Вейтлинга, которые в теоретическом отношении часто даже идут дальше Прудона, хотя по изложению отстают от него. Для Маркса это был „беспримерный блестящий литературный дебют немецких рабочих", который он противопоставлял „жалкой трусливой посредственности немецкой политической литературы". Окончательный разрыв между ним и Вейтлингом произошел незадолго до организации Союза коммунистов.

К революционным коммунистам во Франции принадлежала группа, тесно связанная с подпольным революционным движением, которое не прекращалось и после неудачной попытки восстания, предпринятой Бланки и Барбесом в мае 1839 г., попытки, в которой принимали участие и будущие основатели немецкого коммунистического общества в Лондоне. Главными представителями этих коммунистов, имевших большой успех среди рабочего класса, был Дезами и его товарищи.

В своей интересной экскурсии в область истории французского материализма, Маркс, устанавливая зависимость коммунизма от французского материализма XVIII столетия замечает:

„Фурье непосредственно исходил из учения французских материалистов. Бабувисты были грубыми, не цивилизованными материалистами, но и более развитой коммунизм ведет свое происхождение непосредственно от французского материализма. Француз Кабэ, изгнанный в Англию, испытывает на себе влияние тамошних коммунистических идей и, по возвращении во Францию, становится самым популярным, хотя и самым поверхностным представителем коммунизма. Более научные французские коммунисты, Дезами, Гэ и др., развивают, подобно Оуэну, учение материализма, как учение реального гуманизма и как логическую основу коммунизма".

Дезами, которого Маркс называет и в других своих работах, принимал деятельное участие в коммунистических рабочих кружках. Крайний коммунист, высоко ценивший Морелли, Бабефа и Буонаротти, он так же, как и Вейтлинг, обращается непосредственно к пролетариям, но, в отличие от немецкого коммуниста, он является последовательным материалистом. С утопистами его роднит стремление выдвинуть на первый план особый проект коммунистического устройства будущего общества, разработанный им очень детально, и убеждение, что путем пропаганды этого проекта можно подготовить все необходимые условия для перевода современного общества в высший класс, коммунистический. Но его критика буржуазного общества, в которую вошли некоторые элементы оуэнизма и фурьеризма, несомненно оказала известное влияние на Маркса: отголосок ее мы находим в критике буржу-

азного общества, данной в „Коммунистическом Манифесте". Дезами и его последователям удалось привлечь на свою сторону многих рабочих, и „коммунисты-материалисты" с их различными разветвлениями, как мы уже сказали, играли большую роль в подпольном движении, предшествовавшем революции 1848 г. Эти элементы послужили ядром для организации партии бланкистов.

Кроме мелких полемических сочинений против Ламеннэ и Кабэ, Дезами принадлежат два крупных сочинения: „Свод законов коммуны", 1843 г., и „Иезуитизм, побежденный социализмом", 1845 г. Им же был издан специально для рабочих „Календарь коммуны".

58. Оуэнисты и чартисты.

Хотя Оуэн, в отличие от Сен-Симона и Фурье, после своего разрыва с официальным обществом обратился прямо к рабочему классу и работал в его среде еще несколько десятилетий, он продолжал оставаться мирным утопистом, отказывался от всякой революционной деятельности и не понимал необходимости полицейской организации рабочего класса в особую партию, противоположную буржуазным партиям. Этим объясняются и разногласия с чартистами, боровшимися за политическое полноправие рабочего класса.

Отношения между оуэнистами и чартистами в сороковых годах изображены были Энгельсом в „Положении рабочего класса в Англии".

„Социалисты очень смирны и безусловно миролюбивы, они признают существующий порядок, как бы он ни был плох, постольку, поскольку они отрицают всякий другой путь к изменению его, кроме пути легальной пропаганды... Социалисты не признают исторического развития и хотят привести нацию к коммунистическому состоянию сразу, не доводя постепенно существующего строя до тех пределов, при которых он сам себя должен уничтожить. Они понимают, правда, почему рабочий озлаблен против буржуа, но считают это озлобление, которое является единственным средством для того, чтобы вести рабочего вперед, бесплодным и проповедуют филантропию и всеобщую любовь, еще более бесплодные при современных условиях английской действительности".

Энгельс не закрывал глаза на то, что чартисты очень далеко отстали, что они в массе очень мало развиты, но он видел в них настоящих, подлинных пролетариев, истинных представителей пролетариата. Именно поэтому он считал необходимым слияние социализма с чартизмом—задача, над которой он работал, завязывая отношения как с оуэнистами, так и с чартистами, работая в центральном органе как первых, так и последних.

Фурьеристы, которые, во главе с Консидераном, издавали вместо старой „Фаланги" ежедневную газету „Мирная Демократия", одно название которой подчеркивает их политическую программу, вели полемику с „Реформой", органом французских демократов-социалистов. Это был, как Энгельс выразился уже в „Святом семействе", фурьеризм, но разбавленный водой, который является не чем иным, как социальным учением части филантропической буржуазии. Консидеран, которого некоторые анархисты хотят превратить в учителя Маркса и Энгельса, ставил себе задачей примирение интересов борющихся классов и еще в тридцатых годах приветствовал „падение политики во Франции". Уже после революции 1848 г. он продолжает мечтать об устройстве нового фаланстера, который своим примером окончательно „убедит" капиталистические классы. Консидеран уезжает в Техас, где основывает „Единение", которое кончается в борьбе с грубой действительностью таким же фиаско, как и прежний опыт в этом направлении. Горячо преданный интересам рабочего класса, он уже в глубокой старости (8 мая 1893) приветствовал новое рабочее движение во Франции.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

59. Коммунисты и рабочие организации в Англии и Северной Америке.

Вопрос об отношениях между коммунистами и рабочими партиями уже рассмотрен во второй главе. Так как коммунисты не составляют какой-либо особой партии, противостоящей другим рабочим партиям, то из этого следует, что там, где существует такая рабочая партия, коммунисты представляют собою только самую решительную часть ее, имею-

щую теоретически то преимущество, что она понимает условия, ход и общие результаты рабочего движения. Этим самым уже диктовались отношения к двум существовавшим тогда рабочим организациям: к чартистам в Англии и сторонникам аграрной реформы в Северной Америке.

Маркс, и в особенности Энгельс, которые уже прежде поддерживали самые близкие отношения к чартистам, теперь—и в этом отношении им помогали лондонские члены Союза коммунистов—еще более сблизились с коммунистическим крылом чартистов, с Джорджем Юлианом Гарни и Эрнестом Джонсом.

Иначе обстояло дело с Северной Америкой, где у Союза коммунистов не было своей организации. Среди немецких рабочих, живущих в Америке, большим влиянием пользовался Герман Криге, приехавший в Америку в 1845 г. Он завязал сношения с американской организацией, с так называемой „Ассоциацией национал-реформистов", которая основана была в начале 1845 г. с целью служить легальным прикрытием для тайного общества „Молодая Америка". Эта есть та партия, которая, по словам Энгельса, стремилась направить демократический образ правления против буржуазии и использовать его в интересах пролетариата. Ее не надо отождествлять, как это делает также Андлер, с так называемой „Лигой против ренты", которая организовалась значительно раньше, как результат сильного аграрного движения, начавшего развиваться в штате Нью-Йорк в 1839 г.

Фермеры, снимавшие участки земли у тех хищников, которые когда-то получили десятки тысяч акров, так себе, здорово живешь, отказывались платить ренту, которая прежде взималась в очень умеренных размерах, но которую более практичные наследники начали теперь не только вздувать, но и выгонять путем всяческого нажима. На этой почве возникли аграрные волнения, а более мирная агитация против лэндлордов нашла себе исход в организации союзов против ренты,—или анти-рентеров, как их называли,—которые судебным порядком оспаривали законность притязаний лэндлордов на ренту.

В это движение вмешались представители „Молодой Америки", выдвинув, через посредство вышеупомянутой „Ассоциации национал-реформистов", более радикальную аграрную

программу: превращение земли в национальную собственность и ограничение размера предоставляемых в пользование участков 160 акрами земли.

Совместно с „Лигой рабочих новой Англии", основанной в том же году в Бостоне, „Молодая Америка" созвала рабочий конгресс в октябре 1845 г. Он принял программу, в которой, на-ряду с правом на существование и правом на свободу, провозглашено было и право на получение такого участка земли, который необходим для поддержания благосостояния каждого человека.

Маркс не создавал себе никаких иллюзий насчет действительного характера этой программы. Именно поэтому он и его единомышленники так резко протестовали против попытки Криге превратить ее в конечную, высшую цель, сделать из этого движения образцовое коммунистическое движение.

„Если бы Криге смотрел на движение в пользу освобождения земельной собственности, как на необходимую при известных условиях первоначальную форму пролетарского движения, как на движение, которое, в силу жизненных условий того класса, из которого оно вышло, неизбежно разовьется в коммунистическое, если бы он доказал, что коммунистические тенденции в Америке первоначально должны были принять эту очевидно противоречащую коммунизму аграрную форму, — против этого ничего нельзя было бы возразить". По мнению Маркса, это движение, хотя на ближайшее время и ускорит развитие индустриализма в современном буржуазном обществе, но, как результат пролетарского движения, как нападение на земельную собственность, своими собственными следствиями двинет вперед дело коммунизма.

В действительности движение это скоро заглохло после нескольких мелких реформ в области аграрного законодательства. По существу своему оно было движением фермеров, а те немногие рабочие, которые примкнули к нему, руководились только „тягой к земле".

Но Маркс и Энгельс в 1845 — 1848 гг. считали крайне важным сохранить связи с организацией, которая, несомненно, имела влияние на американских рабочих, хотя, как мы видим еще в полемике Маркса с демократом Гейнценом, они сильно преувеличивали ее пролетарский характер.

„Как в Англии рабочие под именем чартистов, так в Северной Америке рабочие под именем национал-реформистов образуют политическую партию, и ее лозунгом является ничуть не: монархия или республика, но господство рабочего класса или господство буржуазии". Несомненное преувеличение, объясняемое плохой информацией.

Какое значение Маркс и Энгельс придавали этому делу, видно из того, что вся брюссельская группа немецких коммунистов сочла необходимым выступить против Криге с особым циркуляром — его отказался подписать только Вейтлинг,—в котором самым резким образом критиковалась тактика Криге по отношению к американскому движению. Написанный Марксом, он послужил толчком к размежеванию между революционными коммунистами, уже приближавшимися к взглядам Маркса и Энгельса, и коммунистами типа Криге, соединявшими революционные фразы с этическо-религиозными рассуждениями.

60. Коммунисты и радикалы во Франции и Швейцарии.

Социально-демократическая, или партия демократов-социалистов во Франции, лучше всего характеризуется двумя именами — Луи Бланом и Ледрю Ролленом. Эта партия, сыгравшая такую жалкую роль во время революции 1848 г., состояла не только из мелкой буржуазии, но и из пролетариев, не уяснивших себе условий освобождения своего класса и возлагавших еще надежды на „право на труд", „организацию труда", производительные ассоциации. В другой редакции тактика, рекомендуемая по отношению к ним, формулируется Энгельсом в следующих словах:

„Коммунисты поэтому будут в моменты выступлений столковываться с демократическими социалистами и вообще временно вести с ними по возможности общую политику, поскольку эти социалисты не будут переходить на службу буржуазии и нападать на коммунистов. Что этот общий образ действий с ними не исключает обсуждения разногласий, это — ясно".

Главным органом этого направления была газета „Реформа", одним из редакторов который был Флокон. Задача за-

вязать сношения с этим органом возложена была на Энгельса, который познакомился с Луи Бланом и Флоконом. Чтобы укрепить эти отношения, он становится сотрудником „Реформы" и помещает в ней статьи об английском движении.

В Швейцарии коммунистам рекомендуется поддерживать радикалов. Хотя это и очень смешанная партия, однако единственная, с которой коммунисты могут итти. Самые радикальные — это радикалы французских кантонов, женевские и лозаннские. В Женеве, после демократического переворота в октябре 1846 г., произведенного под предводительством Джемса Фази, укрепилась радикальная партия, стоявшая близко к французским республиканцам, а в Лозанне (кантон Ваад) в феврале 1845 г. консервативное правительство было свергнуто, а на его место выбрано было радикальное правительство, с Дрюэ во главе, который после предложил включить в кантональную конституцию „организацию труда", одно из требований французских демократов-социалистов. Правда,— и тот, и другой, и Фази, и Дрюэ,— оказались по отношению к немецким социалистам и даже демократам вынужденными после неудачного майского восстания 1849 г. искать убежища в свободной Швейцарии, покорными исполнителями приказов европейской реакции, но в 1847—1848 гг. они еще пользовались хорошей репутацией и стояли во главе борьбы с Зондербундом, союзом консервативных кантонов. „Теперь, когда демократы поддерживают борьбу цивилизованной, промышленной, современно-демократической Швейцарии против грубой христианско-германской демократии скотоводческих первобытных кантонов, теперь они повсюду являются носителями прогресса, теперь исчезает последнее реакционное мерцание, теперь они доказывают, что они научились понимать значение демократии в XIX столетии" (Энгельс). В этой борьбе против иезуитов и Зондербунда, которые пользовались благосклонной поддержкой Меттерниха и Гизо, все симпатии европейских демократов и социалистов были на стороне радикальных кантонов, которые, в ноябре 1847 г., начали решительные действия против Зондербунда и быстро заставили капитулировать Фрейбург и Люцерн.

„Демократическая ассоциация", незадолго пред тем осно-

ванная в Брюсселе при участии Маркса и других немецких коммунистов, постановила на своем третьем собрании послать адрес швейцарскому народу, в котором призывала всех истинных демократов поддержать швейцарских радикалов в их борьбе со „старым поповским гнетом", с Зондербундом. Адрес этот был подписан Марксом, Валлау, наборщиком и председателем немецкого рабочего общества в Брюсселе, Вильгельмом Вольфом, М. Гессом и др.

61. Коммунисты и польский вопрос.

Партия, которую коммунисты должны поддерживать в Польше—это „Польское демократическое общество", основанное в 1832 г. в противовес аристократической части польской эмиграции. Главную причину неудачи польской революции 1830 — 1831 годов польские демократы видели в эгоистических тенденциях аристократии. Они полагали, что спасение Польши не только в вооруженном восстании, но и в одновременной с ним радикальной и демократической революции. Они хотели поэтому апеллировать к народу, крестьянству и, в соответствии с этим, включили в свою программу требование освобождения крестьян и крестьянского землевладения от феодального гнета. В 1845 г., под влиянием секций, работавших в Пруссии и Австрии, общество решилось подготовить новое восстание под руководством Мерославского. 24 января 1846 г. в Кракове было провозглашено национальное правительство, которое 22 февраля выпустило манифест, обещавший крестьянам уравнение в правах, равно как свободное владение обрабатываемой ими землею. Восстание кончилось неудачно. Натравленные, путем самой отвратительной демагогии, в которой был такой мастер Меттерних, на помещиков, крестьяне сами помогли подавить восстание, перерезав тысячи польских землевладельцев. Последний тогда остаток старой независимой Польши, Краковская республика, была, по соглашению с Пруссией и Россией, присоединена к Австрии.

Но это восстание вновь пробудило в европейской демократии симпатии к Польше. Оно явилось прологом революционных движений, наполнявших весь 1847 г. и закончив-

шихся февральской революцией. Определенно социальный характер восстания, столь трагически закончившегося попыткой апеллировать к самому народу, что выгодно отличало его от восстания 1830 — 1831 гг., приобрело теперь полякам новые симпатии и в рабочем классе. Можно сказать, что восстановление Польши, лишь со времени Краковского восстания, стало одним из основных принципов внешней политики рабочего класса в Англии, Франции и Германии.

Это объясняет нам, почему с 1847 г. польский вопрос неизменно стоит в порядке дня каждого значительного международного собрания европейских демократов. 29 ноября 1847 г., на собрании в Лондоне в память польского восстания 1830 — 1831 гг., Маркс и Энгельс говорили о значении польского вопроса для европейского пролетариата.

В своей речи Маркс рассматривает польский вопрос как часть общей освободительной борьбы народов. „Для того, чтобы народы могли действительно объединиться, они должны иметь общие интересы. Но чтобы их интересы стали общими, должны быть уничтожены современные отношения собственности, ибо современные отношения собственности обусловливают современную эксплоатацию народов. В уничтожении современных отношений собственности заинтересован лишь один рабочий класс. Только он один обладает средствами для выполнения этого. Победа пролетариата над буржуазией является вместе с тем и победой над национальными и промышленными столкновениями, которые ныне противопоставляют враждебно один против другого различные народы. Победа пролетариата над буржуазией является поэтому в то же время и сигналом к освобождению всех угнетенных наций".

Энгельс, с своей стороны, указал, почему немцы особенно заинтересованы в освобождении Польши. „Ни одна нация не может освободиться, пока она угнетает другие нации. Освобождение Германии, таким образом, не может совершиться, пока не произойдет освобождение Польши от гнета немцев".

22 февраля 1848 г. Марксу пришлось—на собрании, устроенном в память Краковского восстания,—опять выступать по польскому вопросу. Он хочет теперь выяснить своим слуша-

телям значение Краковского восстания. Его урок он видит в том, что оно связало дело национального освобождения с делом демократии и освобождения угнетенного класса. Именно поэтому освобождение не феодальной Польши, а демократической Польши становится делом чести всех европейских демократов.

Энгельс опять остановился на задачах немцев. Только Краковское восстание превратило польское дело в дело всех народов, из сочувственной фразы превратило его в практический вопрос для всех демократов. Особенно должна радоваться Германия, так как в лице демократической Польши у нее появился верный союзник, имеющий те же интересы. Первой предпосылкой освобождения Германии и Польши является политическое революционизирование Германии, падение Пруссии и Австрии, оттеснение царской России за Днестр и Двину.

Теперь понятно, почему Маркс и Энгельс рекомендуют коммунистам поддерживать среди поляков ту партию, которая признает условием национального освобожденкя аграрную революцию, которая вызвала Краковское восстание 1846 г.

62. Задачи коммунистов в Германии.

В Германии коммунистическая партия идет рядом с буржуазией, но только постольку, поскольку последняя является революционной в своей борьбе против сил реакции.

Маркс и Энгельс хорошо знали половинчатость и непоследовательность немецкой буржуазии. Даже та ее часть, которая, опираясь на более развитые в промышленном отношении Рейнскую провинцию и Вестфалию, стояла во главе оппозиционного движения, даже эти Кампгаузены, Ганземаны, Мевиссены, которые когда-то поддерживали „Рейнскую Газету", редактировавшуюся Марксом, только что показали в прусском Соединенном ландтаге, что они далеко не Мирабо и Лафайеты. Но это не смущало Маркса и Энгельса.

„Немецкие рабочие хорошо знают, что абсолютная монархия ни минуты не поколеблется и не может поколебаться, чтобы встретить пролетариат картечью и нагайками, если того потребуют интересы буржуазии. Ради чего же они предпочтут грубые притеснения абсолютного правительства и его

полуфеодальной свиты непосредственному господству буржуазии? Рабочие очень хорошо знают, что буржуазия не только в политическом отношении сделает им бóльшие уступки, чем абсолютная монархия, но что в интересах своей торговли и промышленности, против своей воли, буржуазия создает условия для объединения рабочих, а это объединение является первым условием их победы. Рабочие знают, что уничтожение буржуазных отношений собственности не может быть достигнуто при помощи сохранения феодальных отношений. Они знают, что революционное движение буржуазии против феодализма и абсолютной монархии может лишь ускорить и их собственное революционное движение. Они знают, что их собственная борьба против буржуазии начнется лишь в тот день, когда буржуазия сама окажется победительницей. Несмотря на все это, они не разделяют буржуазных иллюзий Гейнцена. Они могут и должны участвовать в буржуазной революции, так как она является условием начала рабочей революции. Но рабочие ни на одно мгновение не могут смотреть на буржуазную революцию, как на свою конечную цель".

Правда, германская буржуазия настолько запоздала, что она начинает свою борьбу с абсолютной монархией и стремится утвердить свою политическую власть в такое время, когда во всех развитых странах буржуазия уже вступила в ожесточеннейшую борьбу с рабочим классом и когда ее политические иллюзии уже пережиты в европейском сознании. В Германии существуют уже современные противоречия между буржуазией и рабочим классом. Они уже превращаются в открытую борьбу. Примером служат рабочие волнения в Силезии и Богемии. Таким образом, немецкая буржуазия очутилась в противоречим с пролетариатом еще прежде, чем она политически конституировалась в класс.

Отсюда стремление немецкой буржуазии преобразовать, поскольку эту возможно, абсолютную монархию в буржуазную без революции, мирным путем. Но это — иллюзия, ибо абсолютная монархия связана бюрократией и феодальным сословием, для которых дело идет о том, быть или не быть. Буржуазная революция поэтому неизбежна.

Но коммунисты ни на минуту не должны прекращать свою собственную работу. Они не перестанут вырабатывать

в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата, чтобы борьба против нее началась сейчас же после крушения абсолютной монархии, чтобы превратить буржуазную революцию в непосредственный пролог рабочей революции.

Достаточно сравнить формулировку этой тактики в Манифесте и в том проекте, который представил Энгельс („Принципы коммунизма"), чтобы увидеть, как трудно было найти и выразить эту тактическую линию даже для Энгельса, которого обычно считают автором четвертой главы Манифеста. Там, где Энгельс говорит, что коммунисты должны выступать против правительства за партию либеральных буржуа, там Маркс говорит о том, что коммунисты идут рядом с буржуазией, поскольку она является революционной. Там, где Энгельс ограничивается только перечислением преимуществ, которые доставили бы победы буржуазии коммунистам, там Маркс связывает буржуазную революцию, которая в Германии совершится при более развитых условиях европейской цивилизации, чем английская и французская, непосредственно с пролетарской, превращая ее в непосредственный пролог этой последней.

Что коммунистам приходилось считаться с теми специфическими условиями, в которых находилась Германия, показывает то обстоятельство, что как только вспыхнула революция немецкие коммунисты выступили с программой практических требований, отличающейся в нескольких пунктах от программы, выставленной во второй главе Манифеста. Так как эта программа представляет для нас теперь особый интерес, то мы считаем необходимым перепечатать ее в полном виде (См. приложение четвертое).

Главное отличие ее состоит в ряде требований, отчасти уже осуществленных в более развитых странах — в Северной Америке, в Швейцарии, Англии, Франции, — но в слишком недостаточной степени. Без проведения этих требований невозможно создать те общественные и политические условия, которые могли бы послужить немецким рабочим оружием против буржуазии.

Пункты 1—6, 12, 13 дают сумму общеполитических требований, осуществление которых должно превратить Германию в единую, нераздельную демократическую республику. Остальные

ные пункты формулируют требования в области социально-экономической. Они соответствуют десяти пунктам программы Манифеста, но вносят в них ряд дополнений и изменений, представляющих особый интерес потому, что из них мы можем видеть, как Маркс и Энгельс формулировали бы эти пункты, если бы не связаны были необходимостью ввести в программу Манифеста все эти требования в той формулировке, которая явилась результатом коллективного обсуждения и тех или иных компромиссов между различными течениями на лондонском конгрессе Союза коммунистов.

Практика германской революции скоро показала, что там, где буржуазия, против своей воли, вынуждена принять участие в революционном движении против абсолютной монархии, она старается вступить в компромисс с силами прошлого тем скорее, чем решительнее и определеннее партия рабочего класса выдвигает свои особые требования. А такие требования, которые Маркс и Энгельс выставили для Германии, могли бы до смерти напугать не только немецкую буржуазию. Они оказались слишком радикальными даже для немецких демократов.

63. Коммунисты и демократы.

Таким образом, во Франции, в Швейцарии, в Польше, во всех странах коммунисты поддерживают всякое революционное движение против существующих общественных и политических отношений потому, что каждый шаг по пути политического освобождения угнетенных народов создает более благоприятные условия для классовой борьбы пролетариата против буржуазии. Но в каждом из этих движений они, в отличие от демократов, выдвигают на первый план, как основной вопрос, не вопрос о монархии, не вопрос политический, а вопрос о собственности, вопрос, который является вопросом жизни и смерти для рабочего класса в XIX столетии, когда дело идет об уничтожении буржуазных отношений собственности. Наконец, коммунисты повсюду стремятся к соединению и соглашению демократических партий всех стран.

Вот почему Союз коммунистов, объединяя всюду в первую очередь коммунистов, рабочие партии, старается создать единый демократический фронт и, в лице Маркса, Энгельса,

Вольфа, старается осуществить объединение и соглашение демократов всех стран в борьбе с феодализмом и реакцией, не отказываясь, однако, от права критически относиться к усвоенным ими революционным фразам и иллюзиям. Эту задачу выполняли „Международная демократическая ассоциация" в Брюсселе, вице-председателем которой был Маркс, и организация „Братских демократов" в Англии, где наиболее выдающуюся роль играли чартисты и членами которого состояли Шаппер и другие представители немецких коммунистов в Лондоне.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Probeblatt.

Kommuniſtiſche Zeitſchrift.

„Proletarier aller Länder vereinigt Euch!“

Nr. 1. London, im September 1847. Preis 2 Pence.

Wir erſuchen alle Freunde unſeres Unternehmens um Zuſtellung Einſendungen von Artikeln und Mittheilungen auf tauſch Blatt franco an den „Bildungsverein für Arbeiter“, 18, Dean Lane, High Holborn, London einzuſenden. Preis für Deutſchland 2 Ngr. oder 6 Kreuzer; für Frankreich und Belgien 4 Sous, für die [illegible]

Inhalt: Einleitung. — Der Kommunismus und ſeine Gegner. — Der preuſſiſche Landtag und das Proletariat in Preußen, wie überhaupt in Deutſchland. — Die deutſchen Zuſtände. — politiſche und ſoziale Revue.

Einleitung.

Tauſende Zeitungen und Zeitſchriften werden gedruckt, alle politiſchen Parteien, alle religiöſen Secten haben ihre Vertreter, und nur dem Proletariat, der ungeheuren Maſſe der Nichtsbeſitzenden, war es bis jetzt noch nicht gelungen ein dauerndes Organ zu finden, das ungetheilt ſeine Intereſſen vertheidigt, das beſonders den Arbeitern bei ihrem Beſtreben ſich auszubilden als Leitfaden gedient hätte. Freilich wurde ſchon oft und nachdrücklich unter den Proletariern das Bedürfniß eines ſolchen Blattes gefühlt, und auch an mehreren Orten ſchon der Verſuch gemacht, ein ſolches zu gründen; aber jeder immer ohne Erfolg. „Der Schweizer erſchienen kurz nach einander „die junge Generation,“ „die fröhliche Botſchaft,“ die „Blätter der Gegenwart;“ in Frankreich das „Vorwärts,“ die „Blätter der Zukunft;“ in Rheinpreußen der „Geſellſchaftsſpiegel“ ꝛc., aber alle gingen nach kurzer Zeit wieder zu Grunde; entweder ſchritt die Polizei ein, und vertrieb die Redakteren, oder es mangelten die zur Fortſetzung nöthigen Geldmittel; die Proletarier konnten nicht helfen, die Bourgeois wollten nicht. Nach allen dieſen mißglückten Unternehmungen wurden wir ſchon ſeit längerer Zeit von vielen Seiten her aufgefordert, einen neuen Verſuch zu wagen, da hier in England relative Preßfreiheit exiſtire, und wir folglich keine Verfolgungen der Polizei zu fürchten hätten.

Gelehrte und Arbeiter verſprachen ihre Mitwirkung, aber noch zögerten wir, weil wir befürchteten, daß auch bei uns nach kurzer Zeit die zur Fortſetzung des Blattes nöthigen Geldmittel fehlen würden. Endlich wurde der Vorſchlag gemacht, eine eigene Druckerei anzuſchaffen, um auf dieſe Weiſe ein zu gründendes Blatt ſicher zu ſtellen. Eine Subſcription wurde eröffnet, die Mitglieder beider Bildungsvereine für Arbeiter in London thaten, was in ihren Kräften ſtand—ja mehr als in ihren Kräften ſtand, und in kurzer Zeit wurden £25 zuſammengebracht. Mit dieſem Geld ließen wir von Deutſchland die nöthigen Schriften kommen; die Schriftſetzer unſerer Vereine ſetzten unentgeltlich, und ſo erſcheint nun die erſte Nummer unſeres Blattes, deſſen Exiſtenz noch mit einiger Hülfe vom Kontinent völlig geſichert wird. Es fehlt uns noch eine Preſſe, und ſo bald wir die zum Ankauf derſelben nöthigen Mittel beſitzen, wird unſere Druckerei vollſtändig im Stande ſein, in welcher wir dann auch außer unſerer Zeitſchrift noch andere

ПРОБНЫЙ НОМЕР.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 1. | **Лондон, сентябрь 1847.** | **Цена 2 пенса.**

Просим всех заграничных друзей нашего предприятия направлять статьи и заказы на этот журнал по адресу: „Bildungsverein für Arbeiter", 191, Drurylane, High Holborn, Лондон. Цена для Германии 2 зильбергроша или 6 крейцеров, для Франции 4 су, для Швейцарии $1^1/_2$ бацена.

Содержание: — Введение. — План гражданина Кабэ относительно эмиграции.—Прусский ландтаг и пролетариат в Пруссии и вообще в Германии. — Немецкие эмигранты. — Политическое и социальное обозрение.

ВВЕДЕНИЕ.

Тысячи газет и журналов печатаются, все политические партии, все религиозные секты находят себе представителей, и только пролетариату, громадной массе неимущих, до сих пор не удавалось найти постоянный орган, который бы целиком защищал его интересы и служил бы специально для рабочих путеводною нитью в их стремлении к саморазвитию. Потребность в таком органе в пролетарских кругах заявлялась, правда, уже много раз и со многих сторон, а в нескольких местах делались уже и попытки основать такой орган. К сожалению, ни одна из них не увенчалась успехом. В Швейцарии один за другим появлялись журналы: „Молодое поколение", „Радостная весть", „Страницы настоящего"; во Франции „Вперед", „Страницы будущего", в Рейнской Пруссии „Зеркало общества" и т. д., но все они в скором времени погибали. Происходило это таким образом, что или полиция вмешивалась и изгоняла редакторов, или же не-

хватало денежных средств на продолжение издания; пролетарии помочь не могли, а люди из буржуазного общества не хотели. После крушения всех этих предприятий к нам уже с давних пор поступали с разных сторон предложения сделать новую попытку в этом смысле, так как, ввиду полной свободы печати в Англии, нам нечего опасаться преследований со стороны полиции.

Нам обещали свое содействие ученые и рабочие, однако мы все еще колебались, опасаясь, что в ближайшее уже время у нас нехватит необходимых на продолжение органа денежных средств. Наконец, было сделано предложение обзавестись собственной типографией, чтобы таким образом обеспечить основываемый журнал. Была открыта подписка, члены обоих просветительных обществ для рабочих в Лондоне сделали все, что они в силах были сделать, и даже больше того, и в короткий срок было собрано 25 фунтов стерлингов. С такими деньгами мы взялись за дело и дали знать в Германию, чтобы нам прислали нужные шрифты; наборщики из наших союзов работали бесплатно. И вот мы выпускаем первый номер нашего журнала. Некоторая поддержка с континента обеспечила бы его существование. У нас нехватает еще печатного станка, и как только в нашем распоряжении окажется необходимая для его покупки сумма, типография наша будет вполне оборудована, и мы будем в состоянии печатать в ней, кроме журнала, еще и брошюры в защиту пролетариата. Так как мы решили действовать наверняка, то, разослав этот пробный номер, мы переждем и посмотрим, какие средства притекут к нам со стороны, прежде чем продолжать наше издание. К концу года мы надеемся получить нужные сведения и тогда вырешится, будет ли выходить журнал раз в две недели или раз в неделю. Для ежемесячного выхода его было бы, пожалуй, достаточно поддержки одного Лондона. Цена каждого номера покамест определена в 2 пенса, 4 су, 2 зильбергроша или 6 крейцеров. Но как только число подписчиков подымется до двух тысяч, цену можно будет значительно понизить.

Ну, а теперь, пролетарии, очередь за вами! Присылайте нам статьи, подписывайтесь на журнал, если только вы в состоянии сделать это, распространяйте его, где только можно. Дело идет о защите святого, правого дела, справедливости

против несправедливости, дела угнетенных против угнетателей; мы ведем борьбу за правду против суеверия, против лжи. За то, что мы тут делаем, мы не хотим награды, не хотим оплаты, потому что мы исполняем лишь свой долг. Пролетарии, если вы хотите быть свободными, то пробудитесь от вашего сна и сомкнитесь крепко воедино! Человечество требует от каждого, чтобы он исполнял свой долг.

Пролетарии!

Прежде всего мы дадим здесь краткое объяснение этого слова, с которым мы обращаемся к вам, так как многим из вас, возможно, и неизвестно происхождение его и значение.

В пору могущества римского государства, когда оно приближалось к высшему пункту своей цивилизации, граждане его распадались на два класса: имущих и неимущих. Имущие платили государству прямые налоги, а неимущие отдавали ему своих детей, которые шли на то, чтобы защищать богатых, и должны были проливать свою кровь на бесчисленных полях сражений, чтобы еще более увеличить могущество и достояние имущего класса. Proles по-латыни означало детей, потомство; пролетарии составляли, стало быть, класс граждан, которые не обладали ничем, кроме своих рук да детей.

С тех пор, как нынешнее общество приближается к вершине своей цивилизации, с тех пор, как изобретены машины и сооружены крупные фабрики, с тех пор, как собственность попадает в руки отдельных лиц, стал развиваться у нас все в большей мере и пролетариат. Ничтожное число привилегированных владеет всей собственностью, большая масса народная не обладает ничем, кроме своих рук да детей. — И совсем, как в римском государстве, нас, пролетариев, и наших сыновей, наряжают в солдатские мундиры и дрессируют до состояния машины, заставляя нас охранять наших собственных угнетателей и проливать свою кровь по мановению их руки. Совсем, как тогда, наши сестры и дочери обречены служить удовлетворению скотских похотей богатых сластолюбцев. Совсем, как тогда, накипает и ненависть угнетенных бедняков к богатым угнетателям. Однакоже пролетариат современного общества стоит на совсем иной и лучшей

основе по сравнению с римским. У римских пролетариев не было для освобождения ни средств, ни необходимого образования; им не оставалось ничего, кроме мести и гибели в борьбе ради мести. А из нынешних пролетариев многие, благодаря искусству книгопечатания, уже достигли высокой степени образования, уровень остальных также с каждым днем повышается благодаря их стремлению к объединению. В то же время, рядом с их повышающимся умственным развитием и все более тесным сплочением, привилегированный класс представляет картину ужаснейшего эгоизма и отвратительнейшей безнравственности. Современная цивилизация обладает достаточными средствами, чтобы сделать счастливыми всех членов общества; поэтому целью современных пролетариев является не только разрушение, месть и освобождение ценою смерти. Их цель содействовать установлению такого общества, в котором бы все могли жить свободными и счастливыми людьми. Пролетариями в своевременном обществе являются все, кто не может жить своим капиталом, рабочий точно так же, как и ученый, художник точно так же, как и мелкий буржуа. Хотя мелкая буржуазия и обладает еще некоторым состоянием, однакоже, вследствие страшной конкуренции со стороны крупного капитала, она с очевидностью приближается гигантскими шагами к тому состоянию, которое совершенно уравняет ее с прочими пролетариями. Мы можем поэтому уже причислить ее к нашим рядам, потому что она столь же заинтересована в том, чтобы избежать состояния полного лишения имущества, как мы в том, чтобы выйти из этого состояния. Поэтому соединимся с ними, это поможет обеим сторонам.

Задача этого журнала — в работе на пользу освобождения пролетариата, а, чтобы оно совершилось как можно скорее, мы должны призывать всех угнетенных к объединению.

Мы называем наш орган „Коммунистическим журналом" потому, что мы убеждены и знаем, что это освобождение может быть достигнуто только путем полного преобразования ныне существующих отношений собственности, словом, что оно может осуществиться только в обществе, основанном на коммунизме. Мы предполагали вставить здесь краткое и для всех понятное исповедание веры коммунизма, и проект его уже написан. Но так как оно должно служить в буду-

щем путеводною нитью для нашей пропаганды и, стало быть, имеет чрезвычайную важность, то мы сочли своим долгом сначала послать этот проект нашим друзьям на континенте, чтобы выслушать на этот счет их мнение. И как только мы получим ответы от наших друзей, мы напечатаем их в следующем номере со всеми необходимыми изменениями и дополнениями.

Коммунистическое движение многими понимается до такой степени превратно, другими оно намеренно до такой степени искажается и поносится, что мы принуждены все-таки сказать и здесь несколько слов о нем, поскольку мы его знаем и принимаем в нем участие. Мы ограничимся, главным образом, тем, что заявим здесь, чем мы не являемся. Такое отмежевание наперед отметет многое из той клеветы, которою мы, вероятно, были бы встречены.

Мы не педанты системы, мы по опыту знаем, как бессмысленно спорить и ломать себе голову насчет учреждений, которые должны быть устроены в будущем обществе, оставляя в то же время без внимания все средства, которые могли бы привести нас к этому обществу. Предоставим философам и ученым строить системы для устроения будущего общества, мы считаем это и хорошим и полезным. Но если бы мы, пролетарии, стали совершенно серьезно спорить об устройстве мастерских, о форме управления в грядущем коммунистическом обществе, если бы начали ссориться по поводу покроя одежды или лучшего способа очистки уборных и т. п., то мы стали бы попросту смешны и по праву заслужили бы кличку непрактических мечтателей, которую так часто прилагали к нам. Задача нашего поколения — разыскать и доставить строительные материалы, потребные для постройки нового здания; а построить его — это уже задача будущих поколений, и мы можем быть спокойны — в строителях недостатка не будет.

Мы не из тех коммунистов, которые всего хотят достигнуть любовью. Мы не проливаем горьких слез при лунном свете над несчастиями человечества и не замираем затем в восторженном восклицании при мысли о золотом будущем. Мы знаем, наше время серьезно, мы знаем, оно требует от каждого напряжения всех его сил, и мы знаем, что эти грезы о любви не что иное, как своего рода духовное самоосла-

бление, лишающее каждого, кто предается им, всякой дееспособности.

Мы не из тех коммунистов, которые уже теперь проповедуют вечный мир, в то время, как наши враги повсюду готовятся к бою. Мы знаем прекрасно, что нигде, за исключением разве Англии да Северо-Американских свободных Штатов, нигде нам не удастся перейти к лучшему строю раньше, чем мы силой добьемся для себя политических прав. Пусть осуждают нас за это иные и пусть ославят нас революционерами. Печали нам до этого мало. Мы, по крайней мере, не желаем пускать пыль в глаза народу, мы хотим сказать ему только правду и обратить его внимание на приближающуюся бурю, чтобы он мог к ней подготовиться. — Мы не заговорщики, которые хотят начать революцию в такой-то именно день или перебить государей в такой-то срок; но мы и не терпеливые агнцы, безропотно принимающие на себя крест свой. Мы прекрасно знаем, что на континенте должен загореться бой между аристократическими и демократическими элементами, — это знают и враги наши и они снаряжаются в битву; поэтому долг каждого приготовиться, чтобы нас не застигли врасплох и не истребили бы нас. — Нам предстоит еще выдержать последнюю и серьезную борьбу, и когда наша партия выйдет из нее победительницей, тогда только настанет время, будем надеяться, навсегда отложить оружие в сторону.

Мы не из тех коммунистов, которые верят, что коммунистический строй может, словно по щучьему велению, быть введен немедленно после победоносно проведенной борьбы с врагами его. Мы знаем, что человечество не делает прыжков, а лишь шаг за шагом подвигается вперед. Не можем мы с вечера на утро перейти из негармонического общества в гармоническое; для этого понадобится, смотря по обстоятельствам, более или менее продолжительный переходный период. Лишь постепенно может быть преобразована частная собственность в общественную.

Мы не из тех коммунистов, которые хотели бы уничтожить личную свободу и превратить весь мир в одну большую казарму или в один большой рабочий дом. Разумеется, есть коммунисты, которые не стесняются и отрицают и хотят уничтожить свободу личности, которая, по их мнению, мешает

общественной гармонии; но у нас нет никакой охоты покупать равенство ценой свободы. Мы убеждены,—и в следующих номерах мы постараемся доказать это, что ни в каком обществе свобода личности не может быть больше, чем в том, которое будет построено на основе коммунизма.

Мы сказали теперь, кем мы не являемся; в нашем исповедании веры мы скажем, кто мы такие и чего мы хотим. Нам остается еще только направить несколько слов к пролетариям, принадлежащим к другим политическим и социальным партиям. Все мы боремся против современного общества, угнетающего нас и заставляющего нас томиться в страданиях; но вместо того, чтобы подумать об этом и объединиться, мы, к сожалению, слишком часто ведем борьбу между собою, к великому удовольствию наших угнетателей. И вместо того, чтобы, объединившись, всем вместе взяться за дело и установить демократическое государство, в котором бы каждая партия могла пытаться словом и печатью склонить на свою сторону большинство, мы ссоримся по поводу того, что должно произойти и чему не должно быть места, когда мы окажемся победителями. Нам невольно вспоминается при этом басня об охотниках, которые передрались между собою из-за шкуры медведя, еще раньше чем увидали его. В настоящее время поистине пора нам прекратить наши споры и вражду и подать друг другу руки для общей нашей защиты. Но чтобы это могло случиться, писатели, принадлежащие к различным партиям, должны перестать оспаривать чужие мнения с крайним ожесточением, осыпая их сторонников самою грубою руганью. Мы, с своей стороны, уважаем всякого человека, будь это аристократ или пиетист, лишь бы у него было свое мнение, которое он и защищает со всем упорством и решительностью, так, как считает его правильным. Мы не даем пощады лишь тому, кто, под маской какой-нибудь социальной партии или религии, имеет в виду лишь свое собственное грязное я. Обязанность всякого честного человека разоблачать по возможности скорее таких лицемеров, выставив их во всей их отвратительной наготе к позорному столбу. Кто-нибудь может защищать и ошибочное мнение, но пока он считает его справедливым и честно стоит под его знамением, его нельзя презирать.

С этой точки зрения, напр., не имел права Карл Гейн-

ц е н нападать на коммунистов так, как он это сделал во втором номере „Трибуна". Карл Гейнцен повидимому или совсем не знает коммунизма, или увлекся личной враждою, какая существует между ним и некоторыми коммунистами, и стал поносить великую партию, стоящую в самых первых рядах демократической армии. Прочитав его нападки на коммунистов, мы были в высшей степени изумлены, потому что задеть нас его оскорбления не могли, так как таких коммунистов, как он их описывает, и на свете нет, и он вероятно создал их силою своего воображения специально с целью затем их уничтожить. Мы говорим, мы были изумлены, так как нам непонятно было, как мог демократ бросить таким образом факел раздора в ряды своих собственных собратьев по оружию; но еще более возросло наше изумление, когда мы дочитали его брошюру до конца и нашли там его девять пунктов, в которых он требует почти то же самое, что и коммунисты. Единственное различие между нами—это в том, что гражданин Карл Гейнцен смотрит на свои девять пунктов, как на основу нового общественного строя, мы же видим в них основу лишь переходного периода, который должен привести нас к полному коммунизму. Разумным было бы поэтому объединиться нам всем для достижения требований Карла Гейнцена; если, прийдя к этому, народ удовлетворится и на том остановится, мы подчинимся его воле; но если он решит итти и дальше, вместе с коммунистами, то надо полагать, что и гражданин Гейнцен так же не будет ничего иметь против. Нам известно, что гражданин Гейнцен на все возможные лады преследуется нашими угнетателями, он оклеветан ими и поруган. Немудрено, что он в раздраженном состоянии; поэтому у нас нет ни малейшего желания с своей стороны напасть на него; наоборот, мы не откажемся протянуть ему руку для объединения. В единстве сила, и только оно и в состоянии привести нас к цели.

Поэтому, пролетарии всех стран, объединимтесь — открыто, где это разрешено законом, потому что наша деятельность не боится света, и — тайно, где это запрещено произволом тиранов. Так называемые законы, запрещающие людям собираться для обсуждения выдвинутых на очередь жизнью вопросов и для требования своего права, это лишь веление

произвола тиранов, и кто им повинуется и уважает их, тот действует, как подлый трус, а кто презирает и нарушает их, тот поступает мужественно и честно.

В заключение прибавим, что на столбцах нашего журнала не будет места ни для сведения личных счетов, ни для восхваления отдельных лиц, исполняющих свой долг. Но мы приглашаем всех угнетенных и обиженных пролетариев обращаться к нам, и мы немедленно выступим на защиту их, предав имена угнетателей суду и проклятию общественного мнения, перед лицом которого начинают уже трепетать и самые закоснелые тираны.

ПЛАН ЭМИГРАЦИИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ГРАЖДАНИНОМ КАБЭ.

Гражданин Кабэ в Париже обратился к французским коммунистам с воззванием, в котором он говорит: — „Здесь нас преследуют и правительство, и духовенство, и буржуазия, и даже революционные республиканцы. Здесь нас поносят и клевещут на нас и всячески стараются отрезать у нас возможность существования, чтобы уничтожить нас и физически, и морально. Поэтому давайте покинемте Францию, уедемте отсюда в Икарию!—И он надеется, что 20 — 30 тысяч коммунистов будут готовы последовать за ним и основать где-нибудь в другой части света коммунистическую колонию. Куда Кабэ собирается выселиться, об этом он еще не объявил; но, по всей вероятности, он намерен основать свою Икарию где-нибудь в свободных Северо-Американских Штатах, или в Техасе, или, может быть, в недавно завоеванной американцами Калифорнии.

Как несомненно и все коммунисты, мы рады признать, что Кабэ боролся с неутомимым усердием и удивительной стойкостью за дело страждущего человечества. Боролся успешно и оказал неоценимые услуги пролетариату тем, что предупреждал его против всякого рода заговорщицких выступлений. Все это однако не может заставить нас молчать там, где Кабэ избирает, по нашему мнению, неправильный путь, и предоставить ему спокойно шествовать этим путем.— Мы уважаем личность гражданина Кабэ, но мы боремся против его плана эмиграции и убеждены, что осуществление

предложенного им выселения принесло бы величайший ущерб принципу коммунизма на радость правительствам и омрачило бы горьким разочарованием последние дни Кабэ.

Основания для нашего мнения таковы:

1) Мы полагаем, что если в какой-нибудь стране в порядке дня гнуснейшее взяточничество, если народ там самым подлым образом угнетен и эксплоатируется и не признается ни право, ни справедливость, если общество начинает впадать в анархию, как это происходит в настоящее время во Франции, то каждый борец за правду и справедливость должен вменить себе в обязанность оставаться в такой стране для просвещения народа, чтобы вдохнуть новое мужество в душу унывающих, чтобы заложить основание новой общественной организации и чтобы смело выступать против мошенников. — Если бы честные люди, если бы борцы за лучшее будущее захотели уйти, предоставив поле действий мракобесам и мошенникам, то Европа была бы обречена на гибель, и она погибла бы; а между тем Европа как раз и есть та часть света, в которой, уже по статистическим и экономическим основаниям, прежде всех и легче, чем где бы то ни было, может быть введена общность имущества. Так что несчастному человечеству пришлось бы, вследствие этого, подвергнуться еще на сотни лет огненным испытаниям нищеты.

2) Мы убеждены, что план Кабэ устроить в Америке Икарию, т. е. основанную на принципах общности имуществ колонию, в настоящее время еще не может быть осуществлен, и вот почему:

a) потому что все, кто захочет выселиться вместе с Кабэ, пожалуй будут и рьяные коммунисты, но окажутся слишком заражены, в силу своего воспитания, пороками и предрассудками современного общества и не смогут сразу стряхнуть их с себя при вступлении в Икарию;

b) вследствие этого, в колонии уже с самого начала возникнут неизбежные раздоры и трения, которые будут еще более поддерживаться и раздуваться окружающим враждебным и могущественным обществом, а также и шпионами европейских правительств, пока они не приведут к полному разложению коммунистического общества;

c) большинство выселенцев будут ремесленники, а там в первую очередь понадобятся сильные земледельцы для рас-

пашки и обработки земли, а рабочему превратиться в крестьянина не так-то легко, как это иные себе, пожалуй, представляют;

d) лишения и болезни, связанные с переменою климата, приведут многих в уныние и заставят выступить из коммуны. — В настоящее время многие воодушевлены этим планом, они видят лишь прекрасные его стороны, но когда наступит суровая действительность и потребуются всякого рода лишения, когда отпадут все маленькие удобства цивилизации, доступные иногда и для беднейшего рабочего в Европе, тогда у многих воодушевление заменится сильнейшим упадком духа;

e) для коммунистов, признающих принцип свободы личности,—а его признают несомненно и икарийцы,—общность имуществ без переходного периода, демократического переходного периода, когда личная собственность лишь постепенно будет преобразовываться в общественную, точно так же невозможна, как невозможен для сельского хозяина урожай без посева.

3) Неудача попытки, затеянной Кабэ, правда, не уничтожит коммунистического принципа, и практическое осуществление последнего, разумеется, будет задержано не навсегда. Однакоже многие тысячи коммунистов потеряют бодрость духа и уйдут из наших рядов, а это, вероятно, продлит страдания пролетариата на одно или на несколько поколений.

4) Наконец, потому что вообще нельзя ввести и поддерживать общность имуществ нескольким сотням или тысячам лиц, не придав коммуне исключительного, сектантского характера, как это случилось, напр., с коммунистическою колонией Раппа в Америке и т. п. Но основывать такую коммуну не входит в наши планы, это, надеемся, не входит и в намерения икарийцев.

Мы не упомянули еще о преследованиях, которым, по всей вероятности, даже почти наверно, подвергнутся икарийцы в Америке, если они захотят поддерживать сношения с окружающим обществом.—Пусть каждый, кто собирается в Америку вместе с Кабэ, почитает сначала какой-нибудь отчет о преследованиях, какие испытали и каким еще подвергаются там мормоны — религиозно-коммунистическая секта.

Таковы основания, по которым мы считаем гибельным

предложение Кабэ. Поэтому мы обращаемся к коммунистам всех стран: Братья, останемтесь здесь, в старой Европе, на бреши, будемте работать и бороться здесь, потому что только здесь, в Европе, и имеются уже налицо все элементы для основания коммунистического строя, и общность имуществ впервые будет введена только здесь или нигде.

ПРУССКИЙ ЛАНДТАГ И ПРОЛЕТАРИАТ В ПРУССИИ И В ГЕРМАНИИ ВООБЩЕ.

Начиная с 1815 года, буржуазия, бюргерство, в Германии вело борьбу за власть со средневековым землевладением и с абсолютистской системой, системой управления „божией милостью". Такая борьба явилась необходимым последствием все растущих изменений в условиях производства и обращения в других странах, вслед за которыми скромно и медленно ковыляла и Германия. Новые условия требовали и новых форм; могущество буржуазного сословия, основанное на капитале и на свободной конкуренции, росло, и буржуазия не хотела и не могла мириться долее с отведенной ей безгласной и подчиненной ролью. Но быстрой победе ее препятствовала не только трусость, характерная для германской буржуазии, но в еще большей степени ее раздробленность и отсутствие связи между отдельными группами. Она была распределена между 38 частями или государствами, чуждыми, а порой и враждебными, друг другу. То в одном, то в другом из этих наших немецких отечеств буржуазия силилась, путем изолированных попыток, достигнуть цели своих стремлений. Кое-где ей удалось добиться заключения договоров — конституций или основных законов, — в силу которых ей предоставлялась большая или меньшая степень участия в правительстве и в управлении делами отдельных государств. Но уступки в существенной своей части оставались на бумаге; в действительности же продолжала господствовать система монархии „божией милостью", и решительное слово попрежнему принадлежало союзной с ней земельной аристократии и чиновничьей армии.

Причина этого заключалась в том, что главы германских государств противостояли тесной фалангой разрозненной и

неспевшейся буржуазии, ее единичным усилиям и изолированным выступлениям. Фаланга покорно следовала руководству обер-мошенника Меттерниха, и, благодаря этому единству, государям, в общем, удавалось торжествовать над всеми попытками сопротивления и над всякой критикой. Германский Союзный сейм (Бундестаг) состоял из ставленников и наемников немецких князей; он играл роль мельницы, предназначенной исключительно к тому, чтобы обращать в порошок завоевания, которые буржуазии удавалось от времени до времени осуществить благодаря своему влиянию в том или в другом из немецких государств и государствиц. Это давало соответственному „отцу народа", в каждом отдельном случае возможность лицемерно уверять, что, в сущности говоря, сам он чрезвычайно либерален, охотно дал бы свое согласие на все требования и сдержал бы все свои обещания; но, к его величайшему огорчению, Бундестаг ставит препятствия. Его же собственная страна слишком-де мала и слаба, чтобы пойти наперекор могущественной Пруссии или могущественной Австрии. Поэтому, как ему лично ни жаль, но приходится подчиниться. При этом наш „отец отечества", понятно, смеется себе в кулак.

Вот почему происходящее сейчас в Пруссии политическое движение есть факт необычайной важности. Пруссия с ее 16 миллионами населения имеет на германских весах решающее значение, и влияние ее коренным образом отличается от влияния какого-нибудь из немецких отечеств, имеющих 3 или 4 миллиона жителей, не говоря уже о тех, население которых сводится к каким-нибудь 6 тысячам (напр., княжество Лихтенштейн-Вадуц). 16 миллионов жителей Пруссии имеют большее значение, чем остальные 28 миллионов, разбитых между 33 государствами. Всякая победа буржуазии в Пруссии является в то же время победой буржуазных элементов и в остальной 28-миллионной Германии. Если прусской буржуазии удастся выбить спесь из своего христианско-германского короля в Потсдаме и суровым уроком заставить его подчиниться ее воле, то в силу этого немедленно получит свободу действий и буржуазия всей остальной Германии. Тем самым будет сломлен и абсолютизм германского Бундестага. Все буржуа в Германии постепенно подают друг другу руку для объединенных выступлений и

собираются послать к чорту господ правителей „божией милостью“ и господ средневековых землевладельцев; все эти господа в будущем могут сохранить свои места и свое право голоса, лишь выступая в качестве представителей и сочленов буржуазного класса.

Сделаем краткий обзор работ прусского ландтага. Ход событий в Берлинском Белом зале даст нам ясное представление о нынешнем положении партий в Пруссии и о важности происходящего в этом государстве политического движения для всей остальной Германии. Но образ действий ландтага будет нам понятен только в том случае, если мы предварительно уясним себе причину его созыва. Каким образом случилось, что потсдамский самодержец, наконец, дал свое согласие на меру, против которой он так упорно и яростно восставал с самого своего вступления на престол и до последних дней? Разве каждая попытка прусских газет указать на необходимость созыва сословий, всякая ссылка на королевские обещания, данные более 20 лет тому назад, не вычеркивались и не подавлялись без всякого милосердия цензурой? Разве всякий, кто осмеливался в публичной речи выставить требование созыва сословий, не подвергался обвинению и наказанию за государственную измену? И вдруг потсдамский властелин совершает измену по отношению к самому себе, отрекается от всего своего прошлого и делает тот шаг, о котором он столь часто и так упорно утверждал, что не совершит его никогда в жизни! Что же заставило его впасть в такое противоречие с самим собой?

Причина не в чем ином, как в пустоте государственной казны и в невозможности наполнить ее вновь иначе, как с помощью государственных сословий. Несмотря на 30-тилетний период мира, несмотря на ежегодно растущие государственные доходы, несмотря на тягчайшие налоги всех видов, которые должен был платить трудовой народ, все деньги до последнего пфеннига были, в конце концов, растрачены. К этому привело бесконечное мотовство короля и его двора, разорительные расходы на военщину, бесстыдно высокие субсидии и без того богатым офицерам и гражданским чиновникам, неспособность и расточительность всего государственного управления. Все меры, к которым пытались прибегнуть король и его министры, остались безрезультатными.

Новейший проект операции с королевским банком удался также лишь отчасти и принес незначительное облегчение лишь на короткое время: к своему ужасу прусское правительство увидело, что оно попрежнему не пользуется никаким кредитом. Увы! несчастный закон 1820 года заключал в себе несколько строк, по смыслу которых ни один туземный или иностранный капиталист, не потерявший окончательно рассудка, не мог согласиться ссудить прусское правительство хоть бы одним талером, пока этот закон оставался мертвой буквой.

Поэтому „христианско-германское" величество, в конце концов, вынуждено было вымучить из себя патенты 3 февраля. Текст этого документа был составлен так хитро и так запутанно, что могло показаться, будто неограниченной королевской власти удастся получить то, в чем она крайне нуждалась, не потерпев ни малейшего ущерба в своем всемогуществе. В этих видах составлен был, с одной стороны, „высочайше утвержденный" регламент, наперед предуказанный ландтагу, как собранию школьников, а с другой—хитроумно устанавливалась отдельная курия господ. Последняя составлялась из нескольких в большей или меньшей степени глупых, богатых и надменных королевских принцев и известного числа крупнейших и знатнейших, а следовательно, и наиболее реакционных и отъявленных негодяев из крупных землевладельцев. Выделение этой курии стояло в явном противоречии с существующими законами и имело целью создать тормаз для второй курии. В самой же второй курии и без того было чрезвычайно сильно представлено средневекое землевладение, так как королевской мудрости благоугодно было составить вторую курию, смешав в одну кучу все восемь провинциальных сеймов. Что же касается остальных членов этой курии, то жалкий избирательный закон позаботился о том, чтобы в нее могли проникнуть лишь в самом минимальном числе интеллигентные и энергичные представители буржуазной среды. Далее Фридрих-Вильгельм рассчитывал, что ему удастся, выступив с грубой и нахальной тронной речью, устранить тех членов ландтага, которые внушали некоторые опасения нечистой совести „отеческого" правительства. Приняв все эти меры предосторожности, Фридрих-Вильгельм наперед ухмылялся с полнейшим само

довольством. Ему важно было получить деньги и восстановить совершенно загубленный кредит своего правительства. Ему казалось, что исполнение его желаний обеспечено. „Когда в моем сундуке будет налицо несколько займов на сумму от 50 до 100 миллионов, и когда я снова буду иметь кредит у капиталистов, я преспокойно пошлю по домам добрых ребят—депутатов и вряд ли в скором времени снова созову их. Дело обойдется и с одними комиссиями, которые окажут мне все нужные услуги. Подкуп 600 депутатов обойдется чортовски дорого; вся эта история будет стоить гораздо дешевле, если придется иметь дело с небольшим числом членов комиссий. Ордена, деньги, лесть и прочие средства, имеющиеся в распоряжении христианского правительства, не преминут оказать свое действие. Располагая же деньгами и кредитом, я попрежнему буду пребывать „неослабленным" королем, буду и впредь управлять именем Неба, по своему благоусмотрению и произволению, и буду стричь стадо своих верноподданных, как доныне, сколько мне заблагорассудится". Так говорил потсдамский властелин в кругу своих приближенных. Что же ответил ландтаг?

Ландтаг ответил тем, что отверг все денежные требования и отклонил законопроекты о земельных банках (Landrentenbanken) и о займе на постройку железной дороги Берлин—Кенигсберг. При этом он заявил, что деньги будут даны правительству лишь после того, как оно восстановит права страны, нарушенные патентами 3 февраля, созовет государственные сословия в законном составе и даст им полный отчет о расходовании государственных доходов; иными словами, лишь в том случае, если оно навсегда откажется от смешной претензии управлять „божией милостью" и вступит на конституционный путь. Подобная же судьба, т. е. отклонение — постигла и законопроект об уничтожении пошлины с помола и с убоя скота и о введении подоходного налога. Решающими мотивами в данном случае были отчасти вышеприведенные, отчасти же нежелание со стороны состоятельных депутатов в большей степени, чем прежде, участвовать в несении государственных тягот. В этом смысле особенно проявила себя значительная часть курии господ, в том числе и богатейшие принцы королевского дома (напр., принц Альбрехт и др.), а также большинство знатнейших

землевладельцев страны. Помимо этого, очень многие депутаты подали свой голос против проекта, будучи слишком хорошо знакомы с грубостью, надменностью и бесстыдным произволом прусского чиновничества; поэтому они не могли согласиться предоставить этим господам, покуда они занимают положение, независимое от гражданского сословия, нося ливрею „божией милости", новую инквизиционную власть по отношению к доходам бюргеров.

Все эти факты позволяли рассчитывать на то, что ландтаг проявит крайнее упорство в отстаивании прав сословий, которые он неоднократно и определенно объявлял неотъемлемыми. Однако он этого не сделал. Незадолго до окончания сессии, последовавшего 26 июля, ландтагу был сообщен ответ короля. Потсдамский господин соглашается в нем на некоторые требования „любезно-верных" сословий; откладывает разрешение других, более важных, оставляя себе время на „зрелое размышление"; совершенно умалчивает о третьих. Что же касается важнейшего пункта—„комиссий", то королевский ответ предписывает незамедлительно произвести выборы последних, согласно предписаниям патента от 3 февраля.

Как же поступают сословия? Они повинуются. Некоторое число депутатов из Рейнской провинции, Силезии и т. д. сохраняют верность убеждениям и отказываются от всякого участия в этих выборах; другая часть выбирает, но заявляет протест и оговорку о правах сословий; остальные просто выбирают, как послушные лакеи своего германского властелина. Такой заключительный оборот дела, весьма и весьма позорный для ландтага, в немалой мере объясняется упомянутой выше специфической трусостью немецкой буржуазии. Мужество многих членов либеральной оппозиции было подвергнуто слишком жестокому испытанию; этим храбрецам стало очень не по себе, и они в последний момент сделали направо кругом. Такое же пагубное значение имели коварство и предательство нескольких депутатов, считавшихся главными коноводами либеральной партии. Один из них, г. фон-Ауерсвальд, уже раньше, при нескольких оказиях, особенно же в истории с петицией о свободе печати (которая пока что осталась висеть в воздухе), успел в достаточной мере проявить себя в качестве подлинного политического шулера и мошенника. Если к тому же принять во внимание самый

состав сословий, преобладание средневекового землевладения, громадное количество королевских чиновников, заседающих во второй курии; если учесть воздействие угощений за королевским столом, любезных слов, улыбок и других еще более действительных придворных хитростей, — то не придется удивляться конечному результату.

Но как бы ничтожны ни были достигнутые результаты, как бы велика ни была радость правительственной партии—первые весьма скоро повлекут за собой новые уступки, а торжество реакции обратится в печаль. Дело в том, что депутация по вопросу о государственных долгах и другие комиссии находятся в таком положении, что они отнюдь не в состоянии сослужить правительству ту службу, которой оно добивалось. Они не посмеют, наперекор общественному мнению, попрать ногами права, принадлежащие государственным чинам. Но даже в том мало вероятном случае, если бы большинство в депутации и в комиссиях оказалось на стороне правительства, если бы либеральные члены оказались майоризированными, даже и в этом случае абсолютная королевская власть ничего бы не выиграла. Ни один капиталист не будет настолько наивен, чтобы ссудить деньги правительству после прений, имевших место в ландтаге, после неоднократных протестов оппозиции и вразрез с точным смыслом давно изданных, но доселе не исполняемых, законов. Буде же он все-таки согласился бы на заем, то не имел бы никакого права жаловаться, если бы в недалеком будущем его претензии оказались полностью аннулированными и притом с полным юридическим основанием.

Во всей этой истории на первом плане стоит вопрос о деньгах. У монархии их больше нет, но они ей нужны дозарезу; поэтому буржуазия может и должна добиться осуществления своих требований. Якобы „неослабленный" трон не в состоянии больше противостоять разрушительным волнам современного „духа времени". Колоссальное значение прусского ландтага находится вне всякой зависимости от тех заявлений, которые Фридрих-Вильгельм преподнес ему перед закрытием. Значение прений в ландтаге заключается в том, что общественное мнение в Пруссии за 11 недель его сессии сделало такие успехи, на которые без ландтага потребовались бы многие годы. Прусское бюргерство здесь впервые поме-

рилось силами с бюрократией и неограниченной монархией, так сказать, на глазах у публики; оно нанесло при этом обоим врагам своим ряд таких тяжелых ударов, добилось такого несомненного поражения их, что побежденные в непродолжительном времени вынуждены будут сдаться на милость победителя. До настоящего времени министр считался в Пруссии существом, стоящим во всех отношениях столь высоко, что заурядный бюргер едва смел поднять на него глаза. Это мнимое величие оказалось повергнутым в прах ландтагом. Все без исключения министры, выступавшие в дебатах, выявили свою полную неспособность самым недвусмысленным образом. В течение этих 11 недель министрам пришлось одному за другим пройти сквозь строй шпицрутенов. Их надменность, пустота, средневековое самодурство, скверное управление делами клеймились едкими насмешками, презрением, выражениями справедливого негодования. Никто и никогда не выступал в такой позорной роли, как эти „советники короны". Отдающий постным маслом Эйхгорн позорно провалился перед ландтагом со своим „христианским государством"; неисторический Савиньи должен был со стыдом убраться со своей исторической ерундой; его древне-франконский товар не нашел покупателей, но вызвал обилие насмешек. Та же судьба постигла Тиле, Дуэсберга, Бойена и т. д. Даже бесстыдному Бодельшвингу не удалось отстоять хотя бы маленькие следы того священного ореола, которым прежде было окружено министерство.

Все удары, падавшие на спины министров, поражали в то же время и потсдамского властелина. История не знает примера, когда тронная речь подвергалась бы таким насмешкам, как это имело место с его речью почти в каждом заседании ландтага. На нее прямо не ссылались, но все дебаты представляли по существу непрерывный протест против того, что „христианский" король высказал 11 апреля; протест этот получил всестороннее выражение и в сатирической и в серьезной форме. Прения ландтага были вполне публичными; они излагались, обсуждались и освещались в сотнях газетных листов. Благодаря этому в публике был вызван широкий интерес к государственным делам, интерес, который в прежнее время лишь в самой незначительной мере наблюдался в немногих местностях, главным образом в более крупных горо-

дах. Теперь же он распространился по всей стране и захватил людей, мысль которых раньше не проникала за стены собственного дома или, в крайнем случае, за пределы общины. Более того, во всей Германии за берлинскими событиями следили с таким же напряжением, как в самой Пруссии. Все чувствовали, что всякая победа бюргерства в Пруссии является победой немецкого бюргерства вообще; что все то, чего удастся добиться в Пруссии, весьма скоро будет осуществлено и в остальных государствах германского союза.

Но я предчувствую, что многие из вас готовы спросить: да какое же нам, пролетариям, дело до этой борьбы буржуазии? Разве буржуа не являются нашими злейшими врагами? Разве именно теперь, в прусском ландтаге, они не доказали с такой несомненностью свое презрение к нам и не проявили недвусмысленно своей злой воли при обсуждении петиций, касающихся положения трудящихся классов? Что нам до того, добьется ли или не добьется власти бюргерство, буржуазия? Больше того! Не является ли для нас, наоборот, необходимым и полезным воспрепятствовать ее победе и выступить скорее на защиту правительства, чем против него?

Но такие вопросы могут быть предложены и такие взгляды высказаны только теми из нашей среды, кто ослеплен своей ненавистью против буржуазии, вполне, впрочем, справедливой, и кто не разбирается в современном положении пролетариата и в том, какие средства пригодны для его окончательного освобождения.

Не подлежит сомнению, что буржуазия—наш враг. Именно ее могущество целиком основано на частной собственности, на капитале и на всем том, что с ним связано. Мы же, пролетарии, можем освободиться, только уничтожив частную собственность, а тем самым и буржуазный класс, и вместе с ним положив конец навеки всяким классовым различиям. Между нею и нами должна быть поэтому борьба не на жизнь, а на смерть, борьба не только словом, но и кулаком и мушкетом.

Но, спрашивается, имеем ли мы, пролетарии, в Германии уже такое положение, чтобы мы могли вполне перестроить в наших интересах общественный хаос или, иными словами, немедленно смести с лица земли буржуазию и осуществить принципы коммунизма? Не стоит ли против нас, на-ряду и

даже впереди буржуазии, еще и другой враг, который должен быть предварительно побежден для того, чтобы мы могли справиться с нею? Такой враг имеется — это абсолютная, неограниченная, королевская власть, именующая себя властью „милостью божьею", эксплоатирующая нас именем неба, держащая нас в когтях средневековых феодалов, связывающая нас по рукам и по ногам в своем „христианско-германском" государстве и предоставляющая к услугам капитала свою полицию, жандармов, попов и свои пушки всякий раз, как мы, израненные до крови нашими цепями, пытаемся их сбросить. Неужели эта власть действительно имеет право на нашу благодарность, на нашу помощь против буржуазии? Что она сделала нам, чтобы заслужить от нас эту благодарность и эту помощь?

Возьмем одни только последние годы. За 30 лет мирного периода абсолютная монархия израсходовала 850 миллионов талеров на войско; на подати, собираемые с нас, она содержала балетных танцовщиц и королевских наложниц [1]); на наш счет она кормила целое войско чиновников, численность которого все возрастала, а грубость увеличивалась; людям и без того богатым она выплачивала бессовестно высокие пенсии; из так называемого благотворительного фонда оказывала поддержку беспутным дворянам-землевладельцам; давала все большие и большие преимущества дворянству; сделала наше существование несравненно худшим, чем жизнь зверей в господских лесах; предала нашу личность на произвол полицейских властей; настроила для нас каторжных тюрем и машин для порки; отдала наш труд на бесконтрольную эксплоатацию капиталу и свободной конкуренции; выкачивала остатки наших заработков при помощи искусно налаженного податного насоса; для наших же желудков предоставила в качестве самой дешевой пищи солнечный свет.

Могла ли абсолютная монархия сделать для нас, пролетариев, что-либо еще сверх этого? Оказывается, что могла! Господин Фридрих-Вильгельм Потсдамский, именуемый также четвертым, доказал, что „отеческое" искусство управления может прогрессировать и по отношению к пролетариату. По-

---

1) Автор, очевидно, не имеет в виду Фридриха-Вильгельма IV: что бы он стал делать с женщинами? — *Д. Р.*

лицейский устав о промышленности 1845 года еще в большей степени, чем раньше, выдал трудящиеся классы головою капиталистам и предпринимателям. Согласно этому новому закону, карается строгими наказаниями всякая попытка объединения с целью увеличить свою силу в борьбе против уменьшения заработной платы или за достижение более высокого заработка, которого хватало бы хотя на насущнейшие потребности. Наоборот, капиталисты имеют вполне развязанные руки против рабочих, покамест они дружат с правительством. В новом положении о домашних служащих „отеческое правительство" предоставило господам право не только обзывать прислугу всяческими бранными словами, но даже применять телесные наказания, с тем лишь ограничением, чтобы не калечить наказываемых. Если не имеется налицо увечья, то никакая жалоба со стороны слуги или обязанного службой не принимается во внимание. Тайным кабинетским приказом от 14 июня 1844 года „христианский" король потсдамский предписал цензорам не допускать обсуждения в периодической печати отношений между неимущими и имущими классами и положения рабочих у средневековых землевладельцев и буржуазных предпринимателей. В 1844 г. тысячи ткачей в Силезских горах, доведенные до отчаяния нищетой, восстали против своих фабрикантов; и вот, по приказу „милостивого" короля, одни были расстреляны и исколоты штыками, другие арестованы и посажены в каторжные тюрьмы; у большинства, кроме того, спины были истерзаны палочными ударами, числом от двадцати до сорока. Вот какие благодеяния мы, пролетарии, получили от „христианско-германской" королевской власти.

Голодный 1847 г. дал нам дальнейшие доказательства ее милостивого отношения. Тысячи пролетариев в Рейнской провинции, Вестфалии, Силезии, Познани и Восточной Пруссии гибли от голода и голодного тифа; а в то же время „христианско-германский" королевский дом и его креатуры продолжали предаваться всем наслаждениям, какие свойственны роскоши и безделью. Однако, в конце концов, и эта власть пришла к заключению, что ей следует оказать хотя бы видимость помощи нуждающимся. Поэтому был издан закон, запрещавший употребление картофеля для винокуренного производства, и несколько других распоряжений в том

же роде, которыми имелось в виду пустить пыль в глаза рабочему классу. Страх перед пролетариатом возрастал, особенно после того, как в Берлине и других местах возникли голодные беспорядки. Движимое страхом „отеческое" правительство сделало новое усилие „для блага трудящихся классов". В чем же оно заключалось? Из Берлина в Бремен был послан правительственный советник с поручением закупить в возможно скорейший срок и на каких бы то ни было условиях 6 000 ластов зерна и доставить его без промедления в Берлин и другие города. Советник обратился к бременской ферме Делинс и предъявил ей свои полномочия. Так как в них заключалось предписание закупить 6 тысяч ластов по какой бы то ни было цене, то хлебные маклеры бросились по всем направлениям; в течение двух часов цена ласта поднялась на сорок талеров золотом. Цены продолжали расти. В Бремене оказалось возможным получить лишь 1 500 ластов; в покрытие же остальной части бременские торговцы выдали ордера на хлеб, закупленный ими в Штеттине, Данциге и других городах и еще не вывезенный оттуда. Эти запасы им удалось теперь сбыть по колоссальным ценам, созданным деятельностью прусского королевского советника. Этот скачок цен в Бремене имел последствием поднятие в течение нескольких дней цен на хлеб во всей северной Германии до такого же уровня. Трудящиеся классы должны были платить за свой хлеб цену на целую треть высшую против прежней и к тому же, в качестве плательщиков податей, покрыть убытки, проистекшие от неумелой хлебной операции правительства. Иными словами, это означает вот что: „отеческое управление" неограниченной королевской власти „божией милостью" заключается в том, что голодающие рабочие изрубливаются и расстреливаются, буде они соберутся толпами, как, например, в Берлине, Штеттине и т. д.: а в то же время „милостивый" король приказывает изготовить на деньги трудящегося народа щиты, стоимостью более полумиллиона, и отправляет своего крестника — мальчишку, еще не умеющего утереть себе нос — в Лондон развлекаться королевскими побрякушками.

Приводить здесь полностью весь список прегрешений неограниченной королевской власти было бы слишком долго. Удовольствуемся поэтому немногими приведенными уже

примерами. Из них уже в достаточной степени явствует, что королевская власть является нашим врагом по меньшей мере в такой же степени, как и сама буржуазия. Но надо принять во внимание еще следующее. Буржуазия для обеспечения своего господства нуждается в политических свободах, в которых упорно отказывает ей „абсолютная" королевская власть. Мы же, пролетарии, сможем использовать политическую свободу в качестве рычага для скорейшего преобразования всего существующего порядка. Отсюда ясно, что мы несомненно заинтересованы в нынешнем политическом движении и что в наших выгодах помочь ускорить устранение королевской власти. До этого пункта, но не дальше, пути наши совпадают с путями буржуазии! Но когда враг „божией милостью", „христианское" полицейское государство, „отеческое" правительство будет уничтожено, то перед нами останется лицом к лицу последний противник—буржуазия. Тогда легче будет ориентироваться на поле битвы и можно будет с уверенностью набросать план борьбы.

Но пока мы, пролетарии, не сплотимся, не объединимся, не организуемся и не станем работать соединенными силами над коренным изменением нашего положения, — до тех пор мы не сможем достичь заметных результатов ни в борьбе с „отеческим" режимом, ни в борьбе с буржуазией. До настоящего времени мы не имеем в Германии ни свободы печати для защиты *наших* интересов, ни права публично собираться, чтобы обсудить и уяснить себе вопросы об общественных отношениях, о положении неимущих и имущих, обо всем вообще, что касается пролетариата. Несомненно, вышеназванные политические свободы облегчают дело освобождения. С помощью их пролетариат сможет скорее сорганизоваться. Вот почему нынешнее политическое движение, ставящее себе, между прочим целью свободу печати и свободу ассоциации, имеет для нас громадное значение. Однако мы поступили бы очень глупо, если бы пока что скрестили руки и стали спокойно ожидать, пока эти права будут получены. То, что нам сейчас запрещает закон, мы должны делать *против* этого закона. Законы пишутся нашим врагом — „отеческим" правительством и составляются они в интересах богатых и имущих; они могут связывать нас, неиму-

щих, лишь в той мере, в какой мы слишком слабы, чтобы немедленно их опрокинуть. То, что нам воспрепятствуют делать публично, будем делать тайком. Нашим законом должна стать незаконность. Чем больше трудностей ставится на нашем пути, тем большую энергию и активность мы должны развить, чтобы, несмотря ни на что, сорганизоваться и столковаться о совместных действиях. „На бога надейся, а сам не плошай", говорит старая пословица. Воистину, нас, пролетариев, никто не освободит, если мы не освободим себя сами.

Посмотрите, какой страх мы внушаем уже сейчас и королевской власти „милостью божией" и буржуазии! Это сейчас, когда мы еще лишены почти всякой связи, когда мы держимся в одиночку, нередко вступая в борьбу и в кровавые схватки между собою, как люди, не знающие, как велика сила единения! Вспомним, как во время хлебных беспорядков несколько сот берлинских пролетариев, выступивших без всякого плана, без сговора, без общей цели, привели в содрогание всю столицу и заставили на полдня потерять рассудок все высшие и высочайшие власти. Ведь двое высших министерских чиновников сами признались, что, несмотря на большое количество войск, Берлин мог оказаться в руках пролетариев, если бы последние сумели хоть сколько-нибудь использовать свою силу и действовать по общему плану. Берлин фактически даже находился в течение пяти часов в руках народа, который сам этого не сознавал. Подобные же события происходили во многих других местностях Пруссии и остальной Германии. Если отдельные незначительные кучки пролетариев, действующие без плана и сговора, могут подвергнуть существующий строй такой опасности, то не ясно ли, что никакая сила не сможет воспрепятствовать нашей победе, если мы выступим организованно, объединенно, как один человек? В одиночку мы являемся и всегда останемся бессильными рабами, отданными во власть нужды и нищеты, зависящими от произвола или милости богатых и знатных. Организованные и объединенные — мы сможем без труда, как ломают сухую лозу, разбить цепи, наложенные на нас частной собственностью и „христианско-германским" правительством.

НЕМЕЦКИЕ ЭМИГРАНТЫ.

Уже в древние времена люди стремились в лучший, новый мир, где они надеялись достичь счастья; это стремление сохранилось и в наши времена. — К сожалению, все эти стремления привели к очень малым результатам, так как долгое время искали лучшего мира там, где его нельзя было найти. Да и в наше время лишь весьма немногие знают и понимают, что лучший мир скрывается тут же, около нас, и что угнетенным надо лишь сплотиться и сделать могучее усилие, чтобы его завоевать. — Те же, кто думает, что стоит лишь поискать, переселиться в Америку и можно найти лучший мир, жестоко ошибаются. Лучший мир нельзя найти — его надо завоевать. Если мы крепко сплотимся и станем помогать друг другу сами, то и небо нам поможет.

Некогда миллионы европейцев стремились на Восток, чтобы избежать тирании феодальных господ, чтобы заслужить царство небесное завоеванием Гроба Господня. Они надеялись уже на земле предвкусить небесное блаженство, если попадут в те места, по которым шествовал их Спаситель; но лишь немногие достигли желанной цели; большинство погибло, не увидев Иерусалима, пав жертвой болезней и турецкого меча.

В наше же время миллионы европейцев устремляются на Запад, надеясь найти там свободную землю и счастливое будущее для себя и своих семей. Но и тут большинству суждено жестокое разочарование. Тысячи гибнут еще на кораблях, не увидев американских берегов, от болезней, вызванных теснотою. Тысячи умирают — правда, не под мечом турок, — но ограбленные дочиста обманщиками, мошенниками, загубленные физически и духовно, умирают на перекрестках и в работных домах Соединенных Штатов. Другие тысячи, которым удается продать свои руки американской буржуазии, чтобы заработать себе на существование, подвергаются такой же и еще более безудержной эксплоатации, нежели в Европе; когда же их силы истощатся, то опять-таки, так же, как в Европе, они должны почитать себя счастливыми, если им будет разрешено закончить свои дни в больнице или в работном доме. Лишь немногим удается обосновать благосостояние своей семьи.

Особенно сильный угар переселенчества охватил добрых немцев, которым, правда, далеко не сладко живется в их единой и свободной Германии, под благословенной властью 34 суверенных князей и князьков. К сожалению, надо признаться, ни одна категория эмигрантов не подвергается в такой мере обманам, швырянию из конца в конец, высасыванию всех соков и всяческим злоупотреблениям, как именно немцы.

В городах Германии, Голландии, Бельгии, в Лондоне и Нью-Йорке и вообще всюду, откуда отплывают или куда прибывают немецкие эмигранты, образовался особый класс людей, деятельность которых заключается в том, чтобы обманным образом обирать этих, в большинстве случаев, совершенно неопытных людей. Англичане называют таких субъектов „сухопутными акулами" (land sharks); это весьма подходящее название, ибо они одинаково жадно проглатывают и медяки бедняков и золотые более состоятельных людей. Как только эмигрант попадает, например, сюда в Лондон, его тотчас же окружают эти личности, доставляют его в определенную квартиру и редко выпускают из рук, пока у него хоть что-нибудь остается в кармане. Счастливцами являются те, которые внесли плату за переезд через океан вперед, этим удается, по крайней мере, попасть в Америку. Другие же вынуждены оставаться здесь, и, в конце концов, нужда заставляет их эксплоатировать земляков, приезжающих после них, таким же манером, как некогда высасывались соки из них самих. — Читатель с удивлением спросит: да разве в таких случаях не вмешивается полиция? Ответ прост. Английский закон гласит: „Где нет жалобщика, нет и суда". Бедняки-немцы не владеют языком, не знают ходов и выходов в этом колоссальном городе; некому вступиться за их интересы; поэтому лишь в самых редких случаях им удается разыскать тех лиц, которые их ограбили, и предать их суду. Сухопутным акулам стоит только переселиться из одного укромного уголка в другой и прятаться в последнем, пока не отплывет корабль с их жертвами. Тогда они могут свободно вылезть на свет божий и снова приняться за свое ремесло. Если же эмигранту даже и удается предать сухопутную акулу в руки полиции, то он от этого ничего не выигрывает. Правда, вора препровождают в уголовную тюрьму,

но украденное имущество не находится; раньше, чем соберется суд присяжных, корабль отплывает, ограбленный должен на нем уехать, обвинитель, следовательно, не является в суд — и сухопутную акулу отпускают на все четыре стороны. Такая же судьба, как в Лондоне, постигает тысячи других эмигрантов в Гавре, Антверпене, Роттердаме и т. д. Счастливцы же, которым удается довезти кое-что с собою до Нью-Йорка, в огромном большинстве случаев уже там попадают в руки тех же акул. Нам приходилось слышать о невероятных преступлениях, совершенных над немецкими эмигрантами; о некоторых из них мы намерены рассказать в следующем номере нашего листка, в назидание всем эмигрантам. Наших друзей в восточной части города *) мы просим сообщать редакции о всех случаях мошенничества с эмигрантами, о которых им случится узнать.

В Германии многие, прочтя эти строки, вероятно, спросят: но ведь у нас есть, в Лондоне, ряд послов и консулов; неужели же они не вступаются за эмигрантов?

Англичане и французы — будь то путешественники или эмигранты — повсюду находят защиту, совет и помощь со стороны консулов и посланников их государств; не так обстоит дело для немцев и, в особенности, для немецких пролетариев, как только последние выходят из так называемого объединения подданных (Untertanen-Verband). Стоит им покинуть пределы Германии, и ни одному германскому посланнику или консулу нет до них ни малейшего дела. Здесь, в Англии, германские послы и консулы, которым немецкий народ ежегодно выплачивает сотни тысяч, имеют другие занятия. Благочестивый Бунзен основывает ферейны молодежи и евангелические кружки на предмет ограждения пролетариев от яда атеизма и коммунизма и удержания их в громадном хлеву, именуемом „христианско-германским“ государством. Другие посылают от времени до времени шпионов в рабочие кружки, а сами предаются удовольствиям.

Кто же станет заботиться о каких-то пролетариях, да к тому же о пролетариях, которые хотят сделаться республиканцами?

Кстати, товарищи! Что, если бы вы вдруг, вместо того,

*) Лондона.

чтобы переселяться в далекую американскую республику и при этом подвергаться в пути всяким невзгодам и эксплоатации, подумали бы над тем, как бы завести другие порядки в Германии? Что, если бы вы прикончили с „христианско-германской“ ерундой и почтительно предложили вашим всемилостивейшим повелителям переселиться в более теплую страну (скажем, в Техас или в центральную Африку, куда вас так охотно посылает благочестивая братия) или же поискать более подходящего климата для их конституции (скажем, в России)? Что, если бы вы устроили в Германии республику, в которой каждый, желающий работать, мог бы найти себе пропитание? Что вы скажете на этот счет? Овчинка ведь стоит выделки; сколько денег и сколько времени можно было бы сберечь и во сколько раз меньше потребовалось бы для этого жертв, чем их гибнет по пути в новый мир!

Подумайте-ка над этим, пролетарии!

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Краткий обзор политического и социального положения во всех цивилизованных странах с коммунистической точки зрения будет нами помещаться в каждом из следующих номеров. В настоящем выпуске мы можем, вследствие ограниченности места, сообщить лишь немногие важнейшие факты последнего времени.

Португалия. Англичане, французы и испанцы насильственным образом вновь водворили на престоле королеву-клятвопреступницу, которая была свергнута всеобщим и справедливым возмущением португальского народа. — У городских пролетариев открылись глаза, и они стали образовывать республиканские и коммунистические кружки.

Испания. Крупный придворный скандал. Молодой королеве Изабелле старый торговец душами в Париже навязал в качестве супруга существо, лишенное мужских свойств; поэтому она старается вознаградить себя связями со здоровыми любовниками; министры желают воспрепятствовать ей в этом, а она грозит отречением. — Государственная казна пуста, в стране свирепствуют шайки разбойников, торговля

и дела в застое. Спрашивается, как долго еще испанский народ будет терпеть насильническое управление?

Франция. Система Людовика-Филиппа находится при последнем издыхании и, разлагаясь заживо, распространяет отвратительное зловоние по всей Франции. Воры, разбойники и убийцы занимаются своим ремеслом почти открыто,—честь и справедливость среди господствующих классов окончательно забыты.—Республиканцы и коммунисты держат ружье к ноге и спокойно наблюдают это зрелище. Как только пациент умрет, они предадут его тело погребению—и в качестве первого дезинфецирующего средства провозгласят республику.

Германия. Великий герцог Гессенский запретил пролетариям вступать в браки. — И наплевать! Будем плодиться и размножаться и без поповского благословения. — Лола Монтец все еще награждает лойяльных баварцев оплеухами. И на доброе им здоровье! — Толстый Фридрих-Вильгельм в Берлине издает приказы относительно усов и заставляет выносить суровые приговоры над благородными поляками, желающими освободить свое несчастное отечество. — Прусская буржуазия, хотя и медленно, но делает успехи, и толстый Фриц с его домом в скорости будет служить не только господу, но и золотому мешку.—Фердинанд Венский считает оконные стекла в своем дворце, а Меттерних требует новой крови. — Прочие германские отцы народа совершают увеселительные путешествия, а немецкий народ грызет кулаки с голода.

Бельгия и Голландия. Ходят слухи, что короли голландский и бельгийский находят тяжесть своих корон чрезмерной, а потому собираются подать в отставку и отправиться путешествовать. Bon voyage! (Счастливый путь!)

Великобритания. Земельный проект известного чартиста Фергюса О'Коннора возбудил всеобщее внимание и встречает широкое сочувствие; это свидетельствует о том, что народ серьезно стремится к освобождению земли. К сожалению, план О'Коннора основан на разделе имуществ, а не на их общности. Подробнее об этом мы поговорим в ближайшем номере нашего журнала.—Выборы в новый парламент закончились; избрано не мало дельных людей.—Королева и принц Альберт совершают увеселительные поездки,

а пролетарии изнывают в нечеловеческой нужде. Tout comme chez nous. (Совсем, как у нас.)

Скандинавия. В Швеции учение об общности имуществ находит благоприятную почву среди народа. Здесь, как и повсюду, духовенство является злейшим врагом коммунизма. Равенство, проповедуемое этими господами, не от мира сего. Но все ваши усилия, черные мракобесы, будут тщетны. Не стоит вам и стараться.

Швейцария. Иезуиты и их друзья производят отчаянный шум; Меттерних помогает им военным снаряжением, и они в настоящее время уничтожают всех радикалов—пока только на словах; когда же подойдут федеральные войска, что,—надо надеяться,—произойдет в скорости, то господа зондербундовцы, надо полагать, ударятся в кусты.

Италия. Папа Пий IX водрузил знамя свободы и прогресса, и итальянский народ примкнул к нему с истинным одушевлением. Кровожадный Меттерних, недовольный этим, хотел организовать в Церковной области повторение галицийских убийств. Это ему не удалось, и, повидимому, он собирается применить силу, чтобы сохранить в Италии в полном порядке прежнее мракобесие. Как говорят, однако, папа заявил, что в случае, если Меттерних захочет на него напасть, он сам сядет на коня и во главе своего народа выступит против австрийских наемников. Браво! Возможно, что на этот раз хитрый Меттерних ошибется в своих расчетах.

Венгрия. В этой наиболее свободной из земель австрийской монархии также уже брошено семя коммунизма, и оно упало на благодарную почву.—Где и как это случилось—эту тайну мы сейчас не намерены открыть господину Меттерниху.

Польша. Во Львове (Галиция) два благородных мужа—Теофиль Висниовский и Иосиф Капусцинский пали смертью мучеников. Они умерли героями со словами: „Да здравствует Польша!“ и „Друзья! учитесь на нашем примере, как умирают за правое дело!“ На пути к эшафоту народ со всех сторон забрасывал их цветами.—Еще Польша не погибла!

Россия. Храбрые черкесы снова нанесли русским несколько серьезных поражений.—Народы, учитесь у них, на что способны люди, желающие остаться свободными.

Турция. Султан упразднил рабство и заявляет о своем сочувствии прогрессу.—О ты, который вместе с своим домом служишь Господу,—ты стоишь ниже турок *).

Греция. Оттон Баварский объявил своим верным сословиям, что находится в ужаснейшем денежном затруднении и что ни один чорт не желает ему ссудить ни гроша.—О, Ротшильд, сжалься над ним!

Северная Америка. Северные американцы до сих пор еще не разделались с войной против мексиканцев.—Надо надеяться, что они получат в свои руки большую часть Мексики и сумеют распорядиться этой страной лучше, чем это делали мексиканцы.—„Союз освобождения земли“, так называемая „Молодая Америка“, ежедневно приобретает новых приверженцев.

---

*) Речь идет о короле прусском.

ПРИНЦИПЫ КОММУНИЗМА.

Ф. Энгельс.

1 вопрос: Что такое коммунизм?

Ответ: Коммунизм есть учение об условиях освобождения пролетариата.

2 вопрос: Что такое пролетариат?

Ответ: Пролетариатом называется тот общественный класс, который получает средства к существованию исключительно от продажи своего труда, а не от прибыли с какого-нибудь капитала. Благосостояние этого класса, его жизнь и смерть, все его существование зависят от спроса на труд, т. е. от смены хорошего и дурного положения в делах, от колебаний ничем не сдерживаемой конкуренции. Одним словом, пролетариат или класс пролетариев есть рабочий класс XIX столетия.

3 вопрос: Значит, не всегда существовали пролетарии?

Ответ: Нет, не всегда. Бедные и трудящиеся классы имелись всегда и обычно трудящиеся классы пребывали в бедности. Но такие бедняки, такие рабочие, которые жили бы в только что указанных условиях, т. е. пролетарии, существовали не всегда. Не всегда конкуренция была вполне свободной и неограниченной.

4 вопрос: Как возник пролетариат?

Ответ: Пролетариат возник благодаря промышленной революции, которая произошла в Англии во второй половине XVIII столетия и которая с тех пор повторялась во всех цивилизованных странах мира. Эта промышленная революция была вызвана изобретением паровой машины, различных прядильных машин, механического ткацкого станка и целого ряда других механических приспособлений. Эти машины,

которые стоили очень дорого и были доступны только крупным капиталистам, изменили существовавший до тех пор способ производства и вытеснили прежних рабочих. Дело в том, что машины изготовляли товары дешевле и лучше, чем рабочие могли их сделать со своими несовершенными веретенами и ткацкими станками. Тем самым эти машины отдали промышленность целиком в руки крупных капиталистов и совершенно обесценили ту ничтожную собственность, которая принадлежала рабочим в виде инструментов, ткацких станков и т. д. Таким образом, капиталисты вскоре захватили все в свои руки, а у рабочих не осталось ничего. Благодаря этому, в области изготовления материи для одежды введена была фабричная система. Как только был дан толчок к введению машин и фабричной системы, последняя быстро распространилась и в других отраслях промышленности, особенно в печатании тканей и книг, в изготовлении глиняных и металлических изделий. Работа стала все больше и больше делиться между отдельными рабочими, так что рабочий, который раньше выполнял всю работу, теперь стал делать только часть ее. Это разделение труда позволило изготовлять продукты быстрее, а потому и дешевле. Оно сводило деятельность каждого рабочего к одному какому-нибудь, весьма простому, постоянно повторяющемуся, механическому приему, который с таким же успехом, и даже еще лучше, мог быть выполнен машиной. Вследствие этого, все отрасли промышленности, одна за другой, подпали под власть пара, машин и фабричной системы, точно так же, как это имело место в прядильном и ткацком производстве. Но тем самым они окончательно переходили в руки крупных капиталистов, и рабочие лишались здесь последнего остатка своей самостоятельности. Постепенно, кроме мануфактуры в собственном смысле этого слова, фабричная система стала все больше и больше завладевать ремеслом, так как и здесь крупные капиталисты вытесняли мелких мастеров, устраивая большие мастерские, в которых можно было съэкономить на многих расходах и тоже ввести разделение труда. В результате мы пришли теперь к тому, что в цивилизованных странах почти во всех отраслях труда установился фабричный способ производства и почти всюду ремесло и мануфактура вытеснены крупной промышлен-

ностью. Вследствие этого, прежнее среднее сословие, в особенности мелкие ремесленники, все более разоряются, положение рабочего резко меняется и создаются два новых класса, которые постепенно поглощают все прочие. А именно:

I. Класс крупных капиталистов, которые во всех цивилизованных странах уже в настоящее время являются почти исключительными обладателями всех продуктов питания и нужных для их производств сырья и инструментов (машин, фабрик). Это класс буржуа, или буржуазия.

II. Класс совершенно неимущих, которые вынуждены продавать буржуа свой труд, чтобы взамен получать необходимые для их существования средства к жизни. Этот класс называется классом пролетариев, или пролетариатом.

5 вопрос: При каких условиях совершается продажа труда пролетариев буржуазии?

Ответ: Труд—такой же товар, как и всякий другой, и цена его определяется теми же законами, как и цена всякого другого товара. При господстве крупной промышленности или свободной конкуренции, что, как мы увидим дальше, есть одно и то же, цена товара в среднем всегда равняется издержкам производства этого товара. Цена труда, следовательно, тоже равна издержкам производства труда, а издержки производства труда состоят из того именно количества продуктов питания, которые нужны, чтобы рабочий был в состоянии сохранять свою работоспособность и чтобы рабочий класс не вымер. Больше того, что нужно для этой цели, рабочий за свой труд не получит. Цена труда или заработная плата будет, следовательно, равняться минимуму того, что необходимо для пропитания. Так как в делах бывает иногда застой, иногда подъем, то рабочий будет получать иногда больше, иногда меньше, совершенно точно так же, как и фабрикант получает то больше, то меньше денег за свой товар. Но подобно тому, как фабрикант в среднем, если взять хорошие и плохие времена, не получает за свой товар ни больше, ни меньше того, что составляют его издержки производства, точно так же и рабочий в среднем получит не больше и не меньше этого минимума. Этот экономический закон заработной платы будет проводиться тем

строже, чем больше крупная промышленность будет овладевать всеми отраслями труда.

6 вопрос: Какие существовали трудящиеся классы до промышленной революции?

Ответ: Трудящиеся классы, в зависимости от ступени общественного развития, жили в различных условиях и занимали неодинаковую позицию по отношению к имущим и господствующим классам. В древности трудящиеся были рабами своих хозяев, подобно тому, как они являются таковыми и теперь (в 1847 г.) во многих отсталых странах и даже в южной части Соединенных Штатов. В средние века они были крепостными дворян-землевладельцев, каковыми остаются и по сейчас еще в Венгрии, Польше и России. Кроме того, в городах в средние века и до промышленной революции существовали ремесленники-подмастерья, работавшие у мелкобуржуазных мастеров, а с развитием мануфактуры стали постепенно появляться рабочие, которые нанимались уже крупными капиталистами.

7 вопрос: Чем отличаются пролетарии от рабов?

Ответ: Раб продан раз навсегда, пролетарий должен продавать себя сам каждый день и каждый час! Раб является собственностью своего господина и, уже вследствие заинтересованности последнего, пользуется обеспеченным существованием, как бы жалко оно ни было. Каждый отдельный пролетарий является, так сказать, собственностью всего буржуазного класса. Его труд покупается только тогда, когда кто-нибудь в нем нуждается, и потому он не пользуется обеспеченным существованием. Существование это обеспечено только рабочему классу в его целом. Раб стоял вне конкуренции, пролетарий подчинен конкуренции и ощущает на себе все ее колебания. Раб считается вещью, а не членом буржуазного общества. Пролетарий признается личностью, членом буржуазного общества. Раб может жить в лучших условиях, чем пролетарий, но пролетарий принадлежит к обществу, стоящему на более высокой ступени развития, и сам он стоит на более высокой ступени, чем раб. Раб может освободить себя, отменив из всех институтов частной собственности одно только рабство, благодаря чему он станет пролетарием, пролетарией же может освободить себя, только отменив частную собственность вообще.

8 вопрос: Чем отличается пролетарий от крепостного?

Ответ: Крепостной владеет собственностью и пользуется одним средством производства, а именно куском земли за то, что отдает часть извлекаемого из нее дохода или за то, что выполняет определенные работы. Пролетарий работает с средствами производства, принадлежащими другому, и производит работу за счет этого другого, получая от него часть дохода. Крепостной платит, пролетарий получает плату. Крепостной пользуется обеспеченным существованием, пролетарий этим не пользуется. Крепостной стоит вне конкуренции, пролетарий подчинен конкуренции. Крепостной освобождается, либо убегая в город и становясь там ремесленником, либо уплачивая своему помещику деньги взамен своей работы и продуктов, после чего он становится свободным арендатором, либо же прогоняя своего феодала, после чего он становится сам собственником. Словом, он освобождается благодаря тому, что он так или иначе входит в ряды имущего класса и подчиняется действию конкуренции. Пролетарий освобождается посредством устранения конкуренции.

9 вопрос: Чем отличается пролетарий от ремесленника?

(Ответ не сохранился.)

10 вопрос: Чем отличается пролетарий от рабочего в мануфактуре?

Ответ: Рабочий в мануфактуре с XVI по XVIII столетие почти всюду обладал своими средствами производства: своим ткацким станком, веретенами для своей семьи и маленьким участком земли, который он возделывал в свободные от работы часы. У пролетария ничего этого нет. Рабочий мануфактуры живет почти всегда в деревне и состоит в более или менее патриархальных отношениях со своим помещиком или работодателем. Пролетарий обычно живет в больших городах и с работодателем его связывают только денежные отношения. Крупная промышленность выталкивает рабочего в мануфактуре из его патриархального состояния, лишает его собственности, которая еще у него оставалась, и превращает его в пролетария.

11 вопрос: Каковы ближайшие последствия промышленной революции и разделения общества на буржуа и пролетариев?

Ответ: Во-первых, вследствие того, что машины все более понижали цены на изделия промышленности, повсюду прежняя система мануфактуры или промышленности, основанная на ручном труде, была разрушена. Все полуварварские страны, которые до сих пор оставались более или менее чужды историческому развитию и промышленность которых до сих пор опиралась на мануфактуру, теперь насильственным образом были выведены из своего состояния замкнутости. Они стали покупать более дешевые английские товары и обрекли на гибель своих собственных рабочих в мануфактуре. Таким образом, страны, которые в течение десятилетий не делали никакого успеха, как, например, Индия, подверглись полной революции и даже Китай в настоящее время идет навстречу революции. Дошло до того, что новая машина, которая сегодня изобретается в Англии, через год лишает хлеба миллионы рабочих в Китае. Таким образом, крупная промышленность связала между собою все народы земли, объединила все маленькие местные рынки в мировой рынок, распространила всюду цивилизацию и прогресс и привела к тому, что все, что совершается в цивилизованных странах, должно оказывать влияние на все остальные страны, так что, если теперь освободят себя рабочие в Англии и во Франции, то это должно вызвать революцию во всех других странах и рано или поздно повести к освобождению и тамошних рабочих.

Во-вторых, всюду, где крупная промышленность заменила мануфактуру, буржуазия в чрезвычайной мере умножила свое богатство и свое влияние и стала первым классом в стране. Результатом этого было то, что повсюду, где совершился такой процесс, буржуазия получила в свои руки политическую власть и вытеснила классы, которые господствовали до тех пор—аристократию, цеховых мастеров и абсолютную монархию, являвшуюся их представительницей. Буржуазия уничтожила власть аристократии, дворянства, отменив майораты или запрещения продажи для крупных поместий и упразднив все дворянские привилегии. Она разрушила власть цеховых мастеров, упразднив все цехи и отменив все привилегии ремесленников. На их место она поставила свободную конкуренцию, т. е. такое состояние общества, при котором каждый имеет право заниматься любой отраслью промышленности,

причем ничто не может ему помешать в этом деле, кроме отсутствия нужного капитала. Введение свободной конкуренции равносильно, таким образом, открытому заявлению, что отныне члены общества не равны между собою лишь постольку, поскольку не равны их капиталы, что капитал становится решающей силой, а капиталисты-буржуа — первым классом в обществе. Свободная конкуренция необходима для начального периода крупной промышленности потому, что она является единственным общественным состоянием, при котором может создаться крупная промышленность. Буржуазия, уничтожив общественную власть дворянства и цеховых ремесленников, уничтожила также и их политическую власть. Подобно тому, как она в обществе стала первым классом, она провозгласила себя также первым классом и в политике. Она сделала это посредством введения представительной системы, которая основана на буржуазном равенстве перед законом, на признании законом свободной конкуренции. Эта система введена в европейских странах в виде конституционной монархии. В конституционных монархиях правами избирателей пользуются лишь те, кто обладает известным капиталом, т. е. только буржуа. Эти буржуа избирают депутатов, а их депутаты, при помощи права не допускать взимания налогов, избирают буржуазное правительство.

В-третьих, промышленная революция всюду способствовала развитию пролетариата в той же мере, как и развитию буржуазии. Чем богаче становилась буржуазия, тем многочисленнее становились пролетарии. Так как пролетарии могут найти работу только при содействии капитала, а капитал увеличивается только, когда дает работу рабочим, то рост пролетариата вполне соответствует росту капитала. В то же время промышленная революция втягивает буржуа и пролетариев в большие города, где всего выгоднее заниматься промышленностью, и этим скоплением огромных масс на одном месте она внушает пролетариям сознание их силы. Затем, по мере того, как развивается промышленная революция, по мере дальнейшего изобретения новых машин, вытесняющих ручной труд, крупная промышленность все сильнее давит на заработную плату и подгоняет ее, как мы уже указали, к ее минимуму, вследствие чего положение пролетариата становится все более невыносимым. Так, с одной стороны, вследствие

роста недовольства, а с другой—роста мощи пролетариата подготовляется социальная революция, которую произведет пролетариат.

12 вопрос: Какие были дальнейшие последствия промышленной революции?

Ответ: Крупная промышленность создала, в виде паровой и других машин, средства, позволяющие в короткое время и с небольшими затратами увеличивать до бесконечности промышленное производство. Свободная конкуренция, необходимо связанная с крупной промышленностью, вскоре приняла, благодаря такой легкости производства, чрезвычайно резкий характер. Многие капиталисты бросились в промышленность и очень скоро производство превысило потребление. В результате нельзя было продать сфабрикованные товары и наступил так называемый торговый кризис. Фабрики должны были закрыться. Фабриканты обанкротились, и рабочие лишились хлеба. Всюду наступили ужасные бедствия. По истечении некоторого времени излишние продукты были проданы, фабрики снова начали работать, заработная плата поднялась и постепенно дело пошло еще лучше, чем раньше. Но это было не надолго, ибо вскоре снова было произведено слишком много товаров, наступил новый кризис, протекавший совершенно так же, как и предыдущие. Таким образом, с начала этого столетия промышленность постоянно колебалась между эпохами расцвета и эпохами кризиса, и почти регулярно каждые пять-семь лет наступал такой кризис, который всегда был связан со страшными бедствиями для рабочих, с общим революционным возбуждением и с величайшей опасностью для всего существующего положения.

13 вопрос: Что следует из этих регулярно повторяющихся торговых кризисов?

Ответ: Во-первых, хотя крупная промышленность и создала свободную конкуренцию в первую эпоху своего развития, но в настоящее время уже переросла свободную конкуренцию. Конкуренция и вообще ведение промышленного производства отдельными лицами превратились в цепи, которые крупная промышленность должна порвать и порвет. Крупная промышленность, пока она ведется на нынешних началах, может поддерживать свое существование только

благодаря общей смуте, наступающей каждые семь лет, а это всегда является угрозой всей нашей цивилизации и обрекает на гибель не только пролетариев, но и разоряет многих буржуа. Следовательно, необходимо либо упразднить крупную промышленность, что абсолютно невозможно, или же создать совершенно новую организацию общества, в которой промышленным производством будут руководить не конкурирующие между собою фабриканты, а все общество, по определенному плану и соответственно потребностям всех граждан.

Во-вторых: Крупная промышленность и вызываемая ею возможность бесконечного расширения производства позволяют создать такой общественный строй, в котором все необходимое для жизни будет добываться в столь значительных размерах, что каждый член общества будет в состоянии совершенно свободно развивать и применять все свои силы и дарования. Таким образом, именно то свойство крупной промышленности, которое в нынешнем общественном строе является причиной всех бедствий и всех торговых кризисов, сумеет, при другой общественной организации, уничтожить эти бедствия и вредные колебания. Таким образом, вполне убедительно доказано следующее:

1) что в настоящее время все эти бедствия объясняются только общественным строем, который уже не соответствует условиям времени;

2) что имеются средства для окончательного устранения этих бедствий путем создания нового общественного строя.

14 вопрос: Каков должен быть этот новый общественный строй?

Ответ: Прежде всего управление промышленностью и другими отраслями производства будет отнято у отдельных индивидов, конкурирующих друг с другом. Вместо этого все отрасли производства будут находиться в управлении всего общества, в его целом, т. е. будут вестись за общественный счет, по общему плану и при участии всех членов общества. Таким образом, конкуренция будет отменена и заменена ассоциацией. Так как управление промышленностью отдельными лицами имеет необходимым своим последствием частную собственность и так как конкуренция есть не что иное, как способ управления промышленностью посредством от-

дельных частных собственников, то частная собственность неразрывно связана с независимыми друг от друга промышленными предприятиями и с конкуренцией. Следовательно, надо будет отменить также и частную собственность и заменить ее общим пользованием всеми средствами производства и распределением продуктов по общему соглашению, т. е. надо будет ввести так называемую общность имущества. Отмена частной собственности является даже самым кратким и характерным признаком того преобразования всего общественного строя, которое стало необходимым вследствие развития промышленности. Поэтому коммунисты вполне правильно считают главным своим требованием отмену частной собственности.

15 в о п р о с: Значит отмена частной собственности раньше была невозможна?

О т в е т: Нет. Всякое изменение в общественном строе, всякий переворот в условиях собственности являлись необходимым последствием развития новых производительных сил, которые не укладывались в старые формы собственности. Таким образом возникла и частная собственность, которая тоже не всегда существовала. Когда в конце средних веков создался новый способ производства в виде мануфактуры, не укладывавшийся в рамки тогдашней феодальной и цеховой собственности, то эта мануфактура, которая уже переросла старые условия собственности, создала для себя новую форму собственности — частную собственность. Для мануфактуры и для первой стадии развития крупной промышленности не годилась никакая другая форма собственности, кроме частной собственности, никакой общественный строй, кроме того строя, который имеет своим основанием частную собственность. Пока нельзя производить товары в таком количестве, чтобы не только хватало на всех, но чтобы еще оставался избыток продуктов для увеличения общественного капитала и дальнейшего развития производительных сил, до тех пор должен всегда оставаться класс господствующий, — распоряжающийся производительными силами общества, и другой класс — бедный и угнетенный. Свойства, которые будут отличать эти классы, определяются той стадией развития, на которой находится производство. Средние века, зависящие от земледелия, дают барона и кре-

постного; города позднего средневековья дают цехового мастера, подмастерья и поденщиков; XVII столетие дает владельца мануфактуры и рабочих в мануфактуре; XIX столетие — крупного фабриканта и пролетария. Вполне очевидно, что до сих пор производительные силы не были развиты еще в такой степени, чтобы размеры производства давали всем достаточное количество продуктов. Частная собственность была преградой для развития производительных сил; она их сковывала. Но теперь, благодаря развитию крупной промышленности, во-первых, имеются капиталисты и производительные силы в размерах дотоле неслыханных, а также имеются средства, способные в короткое время до бесконечности увеличить эти производительные силы. Во-вторых, производительные силы объединены в руках немногих буржуа, тогда как широкие народные массы все более превращаются в пролетариев, причем положение их становится тем бедственнее и невыносимее, чем больше увеличиваются богатства буржуа. В-третьих, эти могучие производительные силы, легко поддающиеся увеличению, до такой степени переросли формы частной собственности и буржуазного быта, что они постоянно вызывают резко насильственные остановки в общественном порядке. Поэтому теперь отмена частной собственности не только возможна, но и вполне необходима.

16 вопрос: Можно ли провести отмену частной собственности мирным путем?

Ответ: Это было бы желательно, и коммунисты менее всего намерены возражать против этого. Коммунисты прекрасно знают, что всякие заговоры не только бесполезны, но даже вредны. Они прекрасно знают, что революции нельзя делать по произволу и на заказ, а что они всюду и везде являлись необходимым последствием обстоятельств, которые совершенно не зависели от воли и руководства отдельных партий и целых классов. Но, вместе с тем, они видят, что развитие пролетариата почти во всех цивилизованных странах насильственно подавляется и что тем самым противники коммунистов всячески стараются вызвать революцию. Если, таким образом, угнетенный пролетариат в конце концов будет вынужден произвести революцию, то коммунисты сумеют защищать интересы пролетариев на деле так же, как они защищают их теперь на словах.

17 вопрос: Возможно ли произвести отмену частной собственности сразу?

Ответ: Нет, невозможно, точно так же, как нельзя сразу увеличить имеющиеся средства производства в таких пределах, какие необходимы для создания общественного производства. Поэтому революция пролетариата, которая, по всей вероятности, произойдет, сумеет только постепенно преобразовать нынешнее общество и лишь после этого отменит частную собственность, когда уже будет создана необходимая для того масса средств производства.

18 вопрос: Каков будет ход этой революции?

Ответ: Прежде всего она создаст демократический строй и тем самым прямо или косвенно политическое господство пролетариата. Прямо — в Англии, где пролетарии уже теперь составляют большинство народа, косвенно — во Франции, Германии, где большинство народа состоит не только из пролетариев, но также из мелких крестьян и буржуа, которые еще находятся в переходной стадии к пролетариату, которые во всех своих политических интересах все более становятся зависимыми от пролетариата и потому вскоре должны будут подчиниться его требованиям. Для этого, может быть, понадобится еще новая борьба, но она закончится непременно победою пролетариата.

Демократия была бы совершенно бесполезна для пролетариата, если ею не воспользоваться немедленно, как средством для проведения широких мероприятий, непосредственно посягающих на частную собственность и обеспечивающих существование пролетариата. Главнейшие мероприятия эти, с необходимостью вытекающие из существующих ныне условий, суть следующие:

1. Ограничение частной собственности: прогрессивный налог, высокий налог на наследства, отмена наследования в боковых линиях (братьев, племянников и т. д.), принудительные займы и т. д.

2. Постепенная экспроприация земельных собственников, фабрикантов, владельцев железных дорог и морских судов частью посредством конкуренции со стороны государственной промышленности, частью непосредственно путем выкупа ассигнатами.

3. Конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков, восставших против большинства народа.

4. Организация труда или доставление занятий пролетариям в национальных имениях, фабриках и мастерских, благодаря чему будет устранена конкуренция рабочих между собою, и фабриканты, поскольку еще они останутся, будут вынуждены платить такую же высокую плату, как и государство.

5. Одинаковый принудительный труд для всех членов общества до полной отмены частной собственности. Образование промышленных армий, в особенности для сельского хозяйства.

6. Централизация кредитной системы и торговли деньгами в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом. Закрытие всяких частных банков и банкирских контор.

7. Увеличение числа национальных фабрик, мастерских, железных дорог и морских судов, обработка всех земель, остающихся невозделанными и улучшение обработки возделанных уже земель соответственно тому, как увеличиваются капиталы и растет число рабочих, которыми располагает нация.

8. Воспитание всех детей с того момента, как они могут обходиться без материнского ухода, в государственных учреждениях и на государственный счет.

9. Сооружение больших дворцов в национальных владениях, в качестве общих жилищ для коммун граждан, которые будут заниматься промышленностью, сельским хозяйством и соединять преимущества городского и сельского образа жизни, не страдая от их односторонности и недостатков.

10. Разрушение всех нездоровых и плохо построенных жилищ и кварталов в городах.

11. Одинаковое право наследования для брачных и внебрачных детей.

12. Концентрация всего транспортного дела в руках нации.

Все эти мероприятия нельзя, разумеется, провести сразу, но одно из них будет влечь за собою другое. Стоит только произвести первое радикальное нападение на частную собственность, и пролетариат будет вынужден итти все дальше,

все больше концентрировать весь капитал, все земледелие, всю промышленность, весь транспорт, весь товарообмен в руках государства. На это направлены все перечисленные мероприятия, причем осуществимость их будет возрастать и централистические последствия будут развиваться по мере того, как будут возрастать производительные силы страны, благодаря труду пролетариата. Наконец, когда весь капитал, все производство, весь обмен объединятся в руках нации частная собственность отпадет сама, деньги станут ненужными, производство усилится в такой степени и люди так изменятся, что можно будет отказаться от всех еще уцелевших способов гражданского оборота прежнего общества.

19 вопрос: Может ли эта революция произойти в одной какой-нибудь стране?

Ответ: Нет. Крупная промышленность уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собою все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что каждый из них зависит от того, что происходит у другого. Затем крупная промышленность так уравняла общественное развитие во всех цивилизованных странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества и борьба между ними — главной борьбой нашего времени. Поэтому коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т. е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии. В каждой из этих стран она будет развиваться быстрее или медленнее, в зависимости от того, в какой из этих стран более развита промышленность, больше накоплено богатств и имеется более значительное количество производительных сил. Поэтому она осуществится медленнее и труднее всего в Германии, быстрее и легче всего в Англии. Она окажет также значительное влияние на остальные страны мира и совершенно изменит и чрезвычайно ускорит их прежний ход развития. Она есть всемирная революция и будет поэтому иметь всемирную арену.

20 вопрос: Каковы будут последствия окончательного устранения частной собственности?

Ответ: Тем, что общество отнимет у частных капиталистов пользование всеми средствами производства и транс-

порта, а также обмен и распределение продуктов, тем, что оно будет распоряжаться всем этим сообразно плану, приноровленному к размерам этих средств и потребностям всего общества, — будут прежде всего устранены все пагубные последствия, связанные ныне с существованием крупной промышленности. Кризисы прекратятся, расширение производства, которое, при нынешнем общественном строе, вызывает перепроизводство и является столь важной причиной бедствия, тогда окажется недостаточным и должно будет расшириться еще более. Вместо того, чтобы вызывать бедствие, перепроизводство, выходящее за пределы ближайших потребностей общества, будет обеспечивать удовлетворение потребностей всех граждан, будет вызывать новые потребности и одновременно создавать средства для их удовлетворения. Оно явится условием и поводом для дальнейшего прогресса, оно будет осуществлять этот прогресс, не создавая при этом, как раньше, замешательства в общественном строе. Крупная промышленность, освобожденная от гнета частной собственности, разовьется в таких размерах, по сравнению с которыми ее нынешнее состояние будет казаться столь же мизерным, каким нам представляется мануфактура по сравнению с крупной промышленностью нашего времени. Это развитие промышленности доставит обществу достаточное количество продуктов, чтобы удовлетворить потребности всех граждан. Земледелие, которое теперь, вследствие давления, оказываемого частной собственностью, и вследствие дробления участков, затруднено в возможностях применить уже испробованные улучшения и научные методы, — тоже вступит в полосу расцвета и даст обществу вполне достаточное количество продуктов. Таким образом, общество будет производить достаточно продуктов, чтобы организовать распределение и удовлетворить потребности всех своих членов. Тем самым станет излишним деление общества на различные враждебные друг другу классы. Но оно станет не только излишним, но даже несовместимым с новым общественным строем. Существование классов вызвано разделением труда, а разделение труда в прежнем его виде совершенно исчезнет, так как, чтобы поднять промышленное земледельческое производство на указанную прежде высоту, недостаточно одних только механических и

химических вспомогательных средств. Нужно также в соответственной мере развить способности людей, применяющих эти средства. Подобно тому, как в прошлом столетии крестьяне и рабочие в мануфактурах изменили весь свой образ жизни и стали совершенно другими людьми, когда оказались вовлеченными в крупную промышленность, точно так же общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их. Общественное управление производством не может осуществляться людьми вроде нынешних, из которых каждый подчинен одной какой-нибудь отрасли производства, прикован к ней, эксплоатируется ею, где каждый развивает только одну сторону своих способностей за счет всех других и знает только одну отрасль или часть какой-нибудь отрасли всего производства. Уже нынешняя промышленность все меньше в состоянии пользоваться такими людьми. Тем более промышленность, управляемая всем обществом планомерно и в общественном интересе, нуждается в людях со всесторонне развитыми способностями, в людях, способных ориентироваться во всей системе производства. Разделение труда, расшатанное уже в настоящее время машиной, и превращающее одного в крестьянина, другого в сапожника, третьего в фабричного рабочего, четвертого в биржевого спекулянта, исчезнет совершенно. Воспитание позволит молодым людям быстро знакомиться со всею системой производства, оно позволит им поочередно переходить от одной отрасли производства к другой, в зависимости от потребностей общества или их собственных склонностей. Таким образом воспитание освободит их от той односторонности, к которой вынуждает в настоящее время каждого современное разделение труда. Таким образом общество, организованное на коммунистических началах, даст возможность своим членам всесторонне применить их всесторонне развитые способности. Но, вместе с тем, необходимо исчезают и различные классы. Таким образом, общество, организованное на коммунистических началах, с одной стороны, несовместимо с дальнейшим существованием классов, а, с другой стороны, создание этого общества само дает возможность устранить классовые различия.

Отсюда вытекает, что противоречие между городом и деревней тоже исчезнет. Одни и те же люди будут заниматься земледелием и сельским хозяйством, вместо того, чтобы предоставлять это делать двум различным классам. Это является необходимым условием коммунистической ассоциации уже в силу материальных причин. Дробление земледельческого населения в деревнях и скопление промышленного в больших городах, является состоянием, которое соответствует только недостаточно высокому уровню сельского хозяйства и промышленности и которое препятствует дальнейшему развитию, что уже весьма дает себя чувствовать в настоящее время.

Общая ассоциация всех членов общества в целях совокупной и планомерной эксплоатации производительных сил и развития производства в таких размерах, чтобы оно удовлетворяло потребности всех; прекращение того состояния, при котором потребности одних людей удовлетворяются за счет других; полное уничтожение всех классов с их противоречиями; всестороннее развитие способностей всех членов общества с устранением прежнего разделения труда, благодаря промышленному воспитанию, перемене деятельности, участию всех в благах, которые будут производиться всеми, и благодаря слиянию города с деревней, — вот главнейшие результаты отмены частной собственности.

21 вопрос: Какое влияние окажет коммунистический строй на семью?

Ответ: Отношения полов станут частным делом, которое будет касаться только заинтересованных лиц и в которое общество не может вмешиваться. Это возможно благодаря устранению частной собственности и воспитанию детей на общественные средства, вследствие чего обе основы современного брака уничтожаются, а именно зависимость жены от мужа и детей от родителей, возникающие вследствие частной собственности. В этом и заключается ответ на вопль высоко-моральных мещан по поводу коммунистического многоженства. Многоженство представляет собою явление, целиком принадлежащее буржуазному обществу и вполне осуществляемое в настоящее время посредством проституции. Но проституция основана на частной собственности и должна исчезнуть вместе с ней. Следовательно, коммунистическая

организация не введет многоженства, а, наоборот, уничтожит его.

22 вопрос: Как будет относиться коммунистическая организация к существующим национальностям?

23 вопрос: Как будет она относиться к существующим религиям? *)

24 вопрос: Чем отличаются коммунисты от социалистов?

Ответ: Так называемые социалисты разделяются на три категории.

Первая категория состоит из сторонников феодального и патриархального общества, которое уничтожено и ежедневно уничтожается крупной промышленностью, мировою торговлею и созданным ими буржуазным обществом. Этот класс делает из бедствий современного общества тот вывод, что следует восстановить патриархальное и феодальное общество, так как оно было свободно от этих бедствий. Все его предложения прямо или косвенно направлены к этой цели. Эта категория реакционных социалистов будет всегда вызывать резкие нападки со стороны коммунистов, несмотря на ее мнимое сочувствие к бедствиям пролетариата и проливаемые по этому поводу горячие слезы. Ибо эти социалисты:

1) стремятся к невозможному;

2) желают восстановить господство аристократии, цеховых мастеров и владельцев мануфактур, а также связанных с ними самодержавных или феодальных королей, чиновников, солдат и попов, т. е. хотят восстановить общество, которое, правда, было бы свободно от недостатков современного общества, но зато имело бы, по крайней мере, столько же других недостатков и к тому же не открывало бы никаких перспектив на освобождение угнетенных рабочих, посредством коммунистической организации;

3) свои подлинные намерения они всегда обнаруживают, когда пролетариат становится революционным и коммунистическим. В этих случаях они медленно объединяются с буржуазией против пролетариата.

Вторая категория состоит из сторонников современного общества, которые, вследствие бедствий, неизбежно с ним

*) Ответы на 22 и 23 вопросы в рукописи Энгельса не нашлись.

связанных, испытывают опасение за существование этого общества. Они, следовательно, стремятся сохранить современное общество, но устранить связанные с ним бедствия. Для этого одни предлагают простые меры благотворительности, другие — грандиозные планы реформ, которые, под предлогом реорганизации общества, намерены сохранить основания современного общества и само современное общество. Против этих буржуазных социалистов коммунисты тоже должны будут вести борьбу потому, что их деятельность идет на пользу врагам коммунистов и они защищают общество, которое коммунисты желают разрушить.

Наконец, третья категория состоит из демократических социалистов, которые так же, как и коммунисты, отстаивают часть мероприятий, указанных в вопросе 18-м, но не в качестве переходных мер, ведущих к коммунизму, а в виде мероприятий, достаточных для устранения бедствий в современном обществе. Эти демократические социалисты являются либо пролетариями, которые недостаточно уяснили себе условия освобождения своего класса, или представителями мелкой буржуазии, т. е. класса, который, во многих отношениях, имеет те же интересы, что и пролетарии, вплоть до демократического строя и вытекающих из него социалистических мероприятий. Поэтому коммунисты, когда придется действовать, должны будут вступить в соглашение с демократическими социалистами и вообще постараться пока что вести с ними, по возможности, общую политику, если только эти социалисты не пойдут в услужение господствующей буржуазии и не станут нападать на коммунистов. Разумеется, совместные действия не исключают обсуждения тех разногласий, которые существуют между ними и коммунистами.

25 в о п р о с: Как относятся коммунисты к остальным современным политическим партиям?

О т в е т: Отношения различны в различных странах. В Англии, Франции и Бельгии, где господствует буржуазия, коммунисты имеют пока еще общие интересы с различными демократическими партиями, и интересы эти тем значительнее, чем больше демократы приближаются к коммунистам в тех социалистических мероприятиях, которые они повсюду теперь отстаивают, т. е. чем яснее и определеннее они от-

стаивают интересы пролетариата и чем больше они опираются на пролетариат. В Англии, например, чартисты, состоящие из рабочих, гораздо ближе к коммунистам, чем мелко-буржуазные демократы, или так называемые радикалы.

В Америке, где действует демократическая конституция, коммунисты должны будут поддерживать партию, которая желает направить эту конституцию против буржуазии и использовать ее в интересах пролетариата. Такой партией является партия аграрной национальной реформы.

В Швейцарии радикалы, хотя они и сами являются партией очень смешанного состава, будут единственными, с кем могут связать себя коммунисты, а среди этих радикалов опять-таки наиболее прогрессивными являются ваадтские и женевские.

Наконец, в Германии решительная борьба между буржуазией и абсолютной монархией еще впереди. Но так как коммунисты не могут рассчитывать на решительную борьбу с буржуазией, прежде чем буржуазия достигнет господства, то в интересах коммунистов помочь буржуазии возможно скорее достичь этого господства, чтобы затем можно было возможно скорее снова свергнуть ее. Таким образом коммунисты по отношению к правительствам всегда должны поддерживать либеральную буржуазию против правительства, но должны остерегаться того самообмана, в который впадает буржуазия, и не должны верить ее соблазнительным заявлениям о тех благодетельных последствиях, которые повлечет за собою для пролетариата победа буржуазии. Единственные выгоды от побед буржуазии для коммунистов будут заключаться в следующем: 1) в различных уступках, которые облегчат коммунистам защиту, обсуждение и распространение их принципов и тем самым объединение пролетариата в тесно сплоченный, готовый к борьбе и организованный класс, и 2) в уверенности, что с того дня, как падут самодержавные правительства, наступит черед для борьбы между буржуа и пролетариями. С этого дня партийная политика коммунистов будет здесь такой же, как и в странах, где уже господствует буржуазия.

УСТАВ СОЮЗА КОММУНИСТОВ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Раздел I. Союз.

Статья 1. Целью Союза является: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов, буржуазного общества и основание нового общества без классов и без частной собственности.

Ст. 2. Условия, которым должны удовлетворять члены Союза:

а) образ жизни и деятельность, соответствующие этой цели;

б) революционная энергия и ревность в пропаганде;

в) исповедание коммунизма;

г) воздержание от участия во всяком анти-коммунистическом, политическом или национальном обществе и сообщение об участии в каком-либо обществе соответствующему руководящему комитету;

д) подчинение постановлениям Союза;

е) сохранение в тайне всех внутренних дел Союза;

ж) одногласное принятие в общину.

Кто перестает удовлетворять этим условиям, исключается (см. раздел VIII).

Ст. 3. Все члены равны и братья и, как таковые, обязаны помогать друг другу при всяких условиях.

Ст. 4. Члены носят союзные клички.

Ст. 5. Союз организован из общин, округов, руководящих округов, Центрального комитета и Конгресса.

Раздел II. Община.

Ст. 6. Община состоит минимум из трех и максимум из двадцати членов.

Ст. 7. Каждая община избирает старшину и помощника. Председатель руководит собранием, помощник заведует кассой и, в случае отсутствия старшины, заменяет его.

Ст. 8. Прием новых членов производится старшиной общины и членом, внесшим соответствующее предложение, при условии предварительного согласия общины.

Ст. 9. Общины различного рода неизвестны друг другу и не ведут между собою никаких сношений.

Ст. 10. Общины носят различные имена.

Ст. 11. Всякий член, меняющий свое местожительство, должен известить об этом своего старшину.

Раздел III. Округ.

Ст. 12. Округ охватывает, по меньшей мере, две и не больше десяти общин.

Ст. 13. Старшина и помощник общины составляют окружной комитет. Последний выбирает из своей среды председателя. Комитет поддерживает сношения с своими общинами и руководящим округом.

Ст. 14. Окружной комитет представляет исполнительную власть для всех общин округа.

Ст. 15. Отдельно стоящие общины должны либо примкнуть к уже существующему округу, или вместе с другими отдельными общинами образовать новый округ.

Раздел IV. Руководящий округ.

Ст. 16. Различные округа одной страны или одной области подчиняются одному руководящему округу.

Ст. 17. Разделение округов Союза на провинции и назначение руководящих округов производится на Конгрессе по предложению Центрального комитета.

Ст. 18. Руководящий округ представляет исполнительную власть для всех округов данной провинции. Он поддерживает сношения с этими округами и Центральным комитетом.

Ст. 19. Вновь возникающие округа примыкают к ближайшему руководящему округу.

Ст. 20. Руководящие округа подотчетны предварительно Центральному комитету, а в последней инстанции—Конгрессу.

Раздел V. Центральный комитет.

Ст. 21. Центральный комитет представляет исполнительную власть всего Союза и дает отчет Конгрессу.

Ст. 22. Он состоит по меньшей мере из пяти членов и избирается окружным комитетом того города, который назначен Конгрессом, как местопребывание Центрального комитета.

Ст. 23. Центральный комитет поддерживает сношения с руководящими округами. Он составляет каждые три месяца отчет о положении всего Союза.

Раздел VI. Общие правила.

Ст. 24. Общины и окружные комитеты, а также Центральный комитет собираются, по меньшей мере, раз в две недели.

Ст. 25. Члены окружных комитетов и Центрального комитета выбираются на один год, могут быть переизбираемы и в любое время смещены своими избирателями.

Ст. 26. Выборы происходят в сентябре.

Ст. 27. Окружные комитеты должны руководить дискуссиями общин соответственно цели Союза.

Если Центральный комитет находит, что обсуждение известных вопросов представляет общий и непосредственный интерес, то он может предложить их для дискуссий всему Союзу.

Ст. 28. Отдельные члены Союза должны по меньшей мере раз в три месяца, а отдельные общины раз в месяц отчитываться перед окружным комитетом.

Каждый округ должен, по меньшей мере, раз в два месяца посылать отчет руководящему округу, а каждый руководящий округ, по меньшей мере, раз в три месяца сообщать о положении дел в области.

Ст. 29. Всякий союзный Комитет обязан предпринимать за своей ответственностью в пределах устава все меры, необходимые для сохранения и энергичного функционирования Союза, сообщая о них немедленно в высшие инстанции.

Раздел VII. Конгресс.

Ст. 30. Конгресс представляет законодательную власть всего Союза. Все предложения касательно изменения статутов посылаются руководящими округами Центральному комитету и представляются последним Конгрессу.

Ст. 31. Каждый округ посылает одного делегата.

Ст. 32. Каждый отдельный округ, имеющий меньше тридцати членов, посылает одного делегата, имеющий меньше шестидесяти—двух, меньше девяноста — трех и т. д. Округа могут посылать в качестве представителей и членов Союза, не принадлежащих к данной местности, но в этом случае они должны послать своему делегату подробный мандат.

Ст. 33. Конгресс собирается ежегодно в августе. В экстренных случаях Центральный комитет созывает Чрезвычайный конгресс.

Ст. 34. Конгресс всегда назначает город, в котором должен иметь свое местопребывание в течение следующего года Центральный комитет, а также город, в котором должен собраться Конгресс.

Ст. 35. Центральный комитет имеет на съезде только совещательный голос.

Ст. 36. Конгресс выпускает после сессии кроме циркуляра еще Манифест от имени партии.

Раздел VIII. Проступки против Союза.

Ст. 37. Кто нарушает условия членства (ст. 2), тот, смотря по обстоятельствам, устраняется или исключается.

Исключение делает невозможным обратный прием.

Ст. 38. Вопрос об исключении решается только на Конгрессе.

Ст. 39. Округ или отдельная община могут устранить отдельных членов немедленным извещением об этом высшей инстанции. Конгресс и в этом случае является последней инстанцией.

Ст. 40. Обратный прием отстраненных членов производится Центральным комитетом по предложению округа.

Ст. 41. О преступлениях против Союза имеет суждение Окружный комитет, и он наблюдает за выполнением приговора.

Ст. 42. Отстраненные или исключенные члены, а равно и подозрительные лица подлежат надзору Союза и должны быть обезврежены. Интриги таких лиц должны быть сейчас же доложены соответствующей общине.

Раздел IX. Союзные финансы.

Ст. 43. Конгресс устанавливает для каждой страны минимальный взнос, который должен выплачиваться каждым членом.

Ст. 44. Одна половина этих взносов передается Центральному комитету, другая половина остается в окружной или общинной кассе.

Ст. 45. Средства Центрального комитета предназначаются:

1) Для покрытия расходов по управлению и корреспонденции.

2) Для печатания и распространения пропагандистских листков.

3) Для посылки Центральным комитетом эмиссаров с определенными целями.

Ст. 46. Средства местных комитетов предназначаются:

1) Для покрытия расходов по корреспонденции.

2) Для печатания и распространения пропагандистских листков.

3) Для посылки, в случае необходимости, эмиссаров.

Ст. 47. Общинам и округам, которые в течение шести месяцев не посылали никаких взносов в Центральный комитет, последний сообщает об их устранении из Союза.

Ст. 48. Окружные комитеты должны не позже, чем через три месяца, посылать своим общинам отчет о доходах и расходах. Центральный комитет представляет Конгрессу отчет об управлении союзными финансами и о состоянии союзной кассы. Всякая растрата союзных денег влечет за собою строжайшее наказание.

Ст. 49. Чрезвычайные расходы и расходы на Конгресс покрываются путем чрезвычайных взносов.

Раздел X. Прием членов.

Ст. 50. Старшина общины прочитывает вновь принимаемому члену статьи 1—49, разъясняет их, подчеркивает в коротком обращении с особенным ударением обязанности, принимаемые на себя вступающим, и затем предлагает ему вопрос: „Желаешь ли ты вступить в этот Союз?“ Если вступающий отвечает: да! — то старшина берет с него честное слово, что он будет выполнять обязанности члена Союза, объявляет его членом Союза и вводит его в ближайшем заседании общины.

Лондон, 8 декабря 1847 г.

Во имя Второго Конгресса осенью 1847 г.

Председатель: *Карл Шаппер.*
Секретарь: *Энгельс.*

ТРЕБОВАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В ГЕРМАНИИ.

Эпиграф: *„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“*

1. Вся Германия объявляется единой, нераздельной республикой.

2. Всякий немец, достигший 21 года, имеет право избирать и быть избранным, если только он не подвергался уголовному наказанию.

3. Народные представители получают вознаграждение, чтобы и рабочие имели возможность заседать в парламенте германского народа.

4. Всеобщее вооружение народа. В будущем армии должны быть одновременно и рабочими армиями, чтобы войско не просто потребляло, как было раньше, но производило бы больше, чем составляют издержки по его содержанию. Это будет также одним из способов организации труда.

5. Бесплатность судопроизводства.

6. Все феодальные повинности, все оброки, барщина, десятины и т. д., до сих пор тяготевшие на сельском населении, отменяются без всякого выкупа.

7. Имения государей и прочие феодальные имения, все рудники, копи и т. д. обращаются в собственность государства. На этих землях ведется, в интересах всего общества, хозяйство в крупном масштабе и при помощи наиболее современных вспомогательных средств, даваемых наукой.

8. Ипотеки на крестьянские земли объявляются государственной собственностью. Проценты по этим ипотекам крестьяне уплачивают государству.

9. В тех областях, где развита аренда, земельная рента или покупная плата уплачивается государству в виде налога.

Все эти меры, указанные под 6, 7, 8 и 9, проводятся с той целью, чтобы уменьшить общественные и прочие повинности крестьян и мелких арендаторов, не уменьшая средств, необходимых для покрытия государственных расходов, и не создавая опасности для самого производства.

Собственно земельный собственник, не являющийся ни крестьянином, ни арендатором, не принимает никакого участия в производстве. Поэтому его потребление—просто злоупотребление.

10. На место всех частных банков выступает государственный банк, бумаги которого имеют узаконенный курс.

Эта мера делает возможным регулирование всего кредитного дела в интересах всего народа и таким образом подрывает господство крупных собственников денег. Мало-помалу, замещая золото и серебро бумажными деньгами, она удешевляет необходимое орудие буржуазного оборота, всеобщее средство обмена, и позволяет использовать золото и серебро во внешних отношениях. Эта мера, в конце концов, необходима для того, чтобы приковать к правительству интересы консервативных буржуа.

11. Государство берет в свои руки все средства транспорта, железные дороги, каналы, пароходы, гужевые дороги, почту и т. д. Они обращаются в государственную собственность и бесплатно отдаются в распоряжение неимущего класса.

12. В вознаграждении всех государственных чиновников не будет никаких иных различий, кроме того, что семейные, т. е. лица с большими потребностями, будут получать и большее вознаграждение, чем остальные.

13. Полное отделение церкви от государства. Духовенство всех вероисповеданий будет получать плату исключительно от своих добровольных общин.

14. Ограничение права наследования.

15. Введение усиленного прогрессивного налога и уничтожение налогов на предметы потребления.

16. Устройство национальных мастерских. Государство гарантирует всем рабочим существование и берет на себя попечение о неспособных к труду.

17. Всеобщее бесплатное народное образование.

В интересах германского пролетариата, мелкой буржуазии и крестьянского сословия—со всей энергией способствовать проведению в жизнь указанных выше мероприятий. Ибо только посредством их осуществления миллионы людей, которые до сих пор эксплоатировались в Германии небольшим числом лиц и которых постараются и впредь держать в угнетении, сумеют добиться своего права и той власти, которая подобает им, как производителям всех богатств.

Комитет: *Карл Маркс, Карл Шаппер, Г. Бауэр, Ф. Энгельс, И. Молль, В. Вольф.*

1. ОБРАЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА К СОЮЗУ.

Март 1850 года.

Центральный комитет — Союзу.

Братья! В два революционных года, 1848—1849 гг., Союз выдержал испытание вдвойне: прежде всего члены его повсюду энергично вмешивались в движение, что они и в печати, и на баррикадах, и на полях сражений стояли в авангарде единственного решительного революционного класса, пролетариата. Затем, Союз выдержал испытание и в том смысле, что его понимание движения, как оно было изложено в циркулярах конгресса и центрального комитета 1847 года и в „Коммунистическом манифесте", оказалось единственно правильным и что высказанные в этих документах ожидания вполне оправдались, а понимание современного общественного положения, прежде пропагандировавшееся Союзом тайно, теперь всенародно и публично проповедуется на площадях. Но в то же время прежняя прочная организация Союза значительно расшаталась. Значительная часть его членов, непосредственно участвовавших в революционном движении, думала, что время тайных обществ миновало и что достаточно одной открытой деятельности. Отдельные округа и общины ослабили и мало-помалу порвали связи с центральным комитетом. Следовательно, в то время как демократическая партия мелкой буржуазии все более организовывалась в Германии, рабочая партия потеряла свою единственную прочную точку опоры, в лучшем случае осталась организованной в отдельных местностях и для местных целей и благодаря этому оказалась в общем движении совершенно под го-

сподством и под руководством мелкобуржуазных демократов Такому положению необходимо положить конец; самостоятельность рабочих должна быть восстановлена. Центральный комитет понял эту необходимость и потому уже зимой 1848—1849 г. отправил эмиссара Иосифа Молля в Германию для реорганизации Союза. Влияние миссии Молля не было, однако, длительным, отчасти потому, что германские рабочие тогда еще не имели достаточного опыта, отчасти же потому, что эта миссия была прервана восстанием прошлого мая. Сам Молль взялся за ружье, вступил в баденско-пфальцскую армию и 19 июля пал в сражении при Мурге. В его лице Союз потерял одного из самых старых, самых деятельных и надежных членов, участвовавшего во всех конгрессах и центральных комитетах и уже раньше выполнившего с большим успехом ряд поездок с партийными поручениями. После поражения революционных партий Германии и Франции в июле 1849 года почти все члены центрального комитета опять собрались в Лондоне и, пополнив свой состав новыми революционными силами, с обновленным рвением приступили к реорганизации Союза.

Реорганизация Союза может быть проведена только через эмиссара, и центральный комитет считает в высшей степени важным, что эмиссар отправляется как раз в такой момент, когда предстоит новая революция, следовательно, когда рабочая партия должна выступить по возможности организованно, солидарно и самостоятельно, чтобы буржуазия не сумела вновь использовать ее и взять на буксир, как было в 1848 году.

Мы говорили вам, братья, уже в 1848 году, что германские либеральные буржуа скоро придут к господству и тотчас же обратят свою только что завоеванную власть против рабочих. Вы видели, как это сбылось. В самом деле, именно буржуа после мартовского движения 1848 года немедленно захватили государственную власть и использовали эту власть, чтобы тотчас же отбросить рабочих, их союзников по борьбе, в прежнее угнетенное положение. Если буржуазия не могла этого достигнуть, не вступив в союз с побежденной в марте феодальной партией, наконец, не уступив снова господства этой феодальной абсолютистской партии, то она все же обеспечила себе условия, которые ввиду финансовых за-

труднений правительства предоставляли бы ей господство на долгое время и гарантировали бы ее интересы, если бы оказалось возможным, чтобы революционное движение уже теперь ступило на путь так называемого мирного развития. Для обеспечения своего господства буржуазии даже не пришлось бы вызвать против себя ненависть насильственными мероприятиями против народа, потому что все эти насильственные шаги уже сделала феодальная контрреволюция. Но развитие не пойдет этим мирным путем. Напротив, революция, которая ускорит развитие, близка, будет ли она вызвана самостоятельным восстанием французского пролетариата, или походом Священного союза против революционного Вавилона.

И роль, которую германские либеральные буржуа 1848 года играли по отношению к народу, эту столь предательскую роль, в предстоящей революции возьмут на себя демократические мелкие буржуа, занимающие теперь в оппозиции такое же положение, как либеральные буржуа до 1848 года. Эта партия демократическая, которая много опаснее для рабочих, чем прежние либералы, состоит из трех элементов:

I. Из наиболее прогрессивных частей крупной буржуазии, которые ставят себе целью немедленное и полное низвержение феодализма и абсолютизма. Эта фракция представлена прежними берлинскими соглашателями, предложившими отказ в платеже налогов.

II. Из демократически-конституционных мелких буржуа, главной целью которых в эпоху революции было создание более или менее демократического союзного государства в том виде, как оно отстаивалось их представителями—левой Франкфуртского собрания, а позже штутгартским парламентом и ими самими—в кампании за имперскую конституцию.

III. Из республиканских мелких буржуа, идеалом которых является германская федеративная республика, подобная швейцарской, и которые теперь называют себя красными и социал-демократами потому, что они питают благочестивое желание уничтожить давление крупного капитала на мелкий и давление крупного буржуа на мелкого. Представителями этой фракции были члены демократических конгрес-

сов и комитетов, руководители демократических союзов, редакторы демократических газет.

Все эти фракции называют себя теперь, после своего поражения, республиканскими или красными, совершенно так же, как республиканские мелкие буржуа во Франции называют себя теперь социалистами. Там, где они, как в Вюртемберге, Баварии и т. д., находят еще возможность отстаивать свои цели конституционным путем, они пользуются случаем, чтобы сохранить свои старые фразы и доказать на деле, что они нисколько не изменились. Впрочем, понятно, что измененное название этой партии нисколько не изменяет ее отношения к рабочим; оно доказывает только, что эта партия должна выступать против абсолютизма, объединившегося с буржуазией, и опираться на пролетариат.

Мелкобуржуазно-демократическая партия в Германии очень сильна. Она охватывает не только огромное большинство буржуазного населения городов, мелких торгово-промышленных людей и ремесленных мастеров, она причисляет к своей свите крестьян и сельский пролетариат, пока он еще не нашел опоры в самостоятельном пролетариате городов.

Отношение революционной рабочей партии к мелкобуржуазной демократии таково: она борется вместе с нею против той фракции, к низвержению которой она стремится; она выступает против нее во всех случаях, когда она сама хочет упрочиться.

Далекие от мысли преобразовать все общество в интересах революционных пролетариев, демократические мелкие буржуа стремятся к такому изменению общественных условий, которое сделало бы для них по возможности более сносным и удобным существующее общество. Поэтому они требуют прежде всего уменьшения государственных расходов путем ограничения бюрократии и переложения главных налогов на крупных землевладельцев и на буржуа. Далее, они требуют устранения давления крупного капитала на мелкий посредством введения правительственных кредитных учреждений и законов против ростовщичества, благодаря чему для них и крестьян стало бы возможным получать ссуды не от капиталистов, а от государства, и притом на льготных условиях; они добиваются затем введения буржуазных имуще-

ственных отношений в деревне путем полного устранения феодализма. Чтобы провести все это в жизнь, им необходим демократический, будь это конституционный или республиканский, образ правления, который давал бы большинство им и их союзникам—крестьянам, и демократическое общинное управление, которое предоставило бы им непосредственный контроль над общинной собственностью и ряд функций, которые в настоящее время выполняются бюрократами.

Чтобы противодействовать господству и быстрому умножению капитала, они требуют отчасти ограничения права наследования, отчасти передачи возможно большего количества работ государству. Что касается рабочих, то прежде всего ясно, что они должны остаться наемными рабочими, как и до сих пор, но вместе с этим демократические мелкие буржуа хотят, чтобы рабочие имели лучший заработок и более обеспеченное существование; они надеются достигнуть этого отчасти предоставлением рабочему занятий со стороны государства, отчасти мерами благотворительности,— словом, они надеются подкупить рабочих более или менее замаскированными подачками и сломить их революционную силу, улучшая временно их положение. Приведенные здесь требования мелкобуржуазной демократии не отстаиваются одновременно всеми ее фракциями; только для немногих представителей этих фракций они являются во всей своей совокупности, как определенная задача. Чем дальше идут отдельные члены и фракции мелкобуржуазной демократии, тем в большей степени они усваивают эти требования, и те немногие, которые видят в предыдущем свою собственную программу, думали бы, что в ней даны максимальные требования, осуществления которых можно ожидать от революции. Но эти требования никак не могут удовлетворить партию пролетариата. В то время как демократические мелкие буржуа хотят путем проведения возможно большего числа вышеуказанных требований наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наша задача заключаются в том, чтобы сделать революцию перманентной (непрерывной) до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока союзы пролетариев не только

в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьются настолько, что конкуренция между пролетариями этих стран прекратится, и пока по крайней мере решающие производительные силы не будут сосредоточены в руках пролетариев. Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества. Что мелкобуржуазная демократия в период дальнейшего развития революции на время получит в Германии преобладающее влияние,—это не подлежит никакому сомнению. Таким образом, возникает вопрос, какова будет позиция пролетариата и, в частности, Союза по отношению к ней:

1. При продолжении теперешних отношений, когда мелкобуржуазные демократы находятся также в угнетенном положении?

2. В ближайшей революционной борьбе, которая даст им перевес?

3. После этой борьбы, во время ее перевеса над низвергнутыми классами и пролетариатом?

1. В настоящий момент, когда демократические мелкие буржуа повсюду угнетены, они в общем и целом проповедуют пролетариату единство и примирение, они протягивают ему руку и стремятся к созданию одной большой оппозиционной партии, которая охватила бы все оттенки демократической партии, т. е. они стремятся к тому, чтобы втянуть рабочих в партийную организацию, где господствуют общие социал-демократические фразы, за которыми скрываются их особые интересы, и где в интересах сохранения гражданского мира определенные требования пролетариата не могут быть выставлены. Подобное объединение послужило бы исключительно к их выгоде и всецело ко вреду пролетариата. Пролетариат совершенно утратил бы свою самостоятельную, с таким трудом завоеванную позицию и опять опустился бы до роли придатка официальной буржуазной демократии. Следовательно, от такого объединения следует отказаться самым решительным образом. Вместо того, чтобы еще раз опуститься до роли хора, одобрительно рукоплескающего буржуазным демократам, рабочие, и пре-

жде всего Союз, должны стараться наряду с официальными демократами создать самостоятельную тайную и открытую организацию рабочей партии и превратить каждую общину в центр и ядро рабочих союзов, в которых позиция и интересы пролетариата могли бы обсуждаться независимо от буржуазных влияний. Как мало буржуазные демократы думают о союзе с пролетариями, в котором последние обладали бы такой же властью и такими же правами, как они, показывают, напр., бреславльские демократы: они самым свирепым образом преследуют в своем органе, в „Neue Oderzeitung", самостоятельно организованных рабочих, которых они титулуют социалистами. На случай борьбы против общего врага не нужно никаких особых коалиций. Раз необходимо вести прямую борьбу против такого противника, интересы обеих партий на время совпадают, и как бывало до сих пор, так и в будущем само собою сложится коалиция, рассчитанная на данный момент. Понятно, что в предстоящих кровавых конфликтах, как и в прежних, победа будет добыта главным образом рабочими благодаря их мужеству, решительности и готовности к самопожертвованию. В этой борьбе мелкие буржуа, как и раньше, будут по возможности дольше медлить и держаться нерешительно и пассивно с тем, чтобы потом, когда будет одержана победа, воспользоваться ею для себя, призвать рабочих к спокойствию и возвращению к своему труду, предупредить так называемые эксцессы и лишить пролетариат плодов победы. Не во власти рабочих помешать в этом мелкобуржуазным демократам, но во власти рабочих затруднить их усиление по сравнению с вооруженным пролетариатом и продиктовать им такие условия, что господство буржуазных демократов с самого начала будет носить в себе зерно их гибели и что их последующее оттеснение господством пролетариата будет значительно облегчено. Во время конфликта и непосредственно по окончании борьбы рабочие прежде всего должны, насколько это возможно, противодействовать буржуазным колебаниям и вынуждать демократов привести в исполнение их теперешние террористические фразы. Они должны употребить все усилия, чтобы непосредственное революционное возбуждение не было опять подавлено тотчас же после победы. Напротив, они должны его поддерживать, насколько это только возможно.

Далекие от того, чтобы выступать против так называемых эксцессов,—против случаев народной мести по отношению к ненавистным индивидуумам или официальным учреждениям, с которыми связаны только ненавистные воспоминания, они должны не только терпеть эти выступления, но и брать на себя руководство ими. Во время борьбы и после нее рабочие должны при каждом случае наряду с требованиями буржуазных демократов выставлять свои собственные требования. Лишь только демократические буржуа приготовятся взять власть в свои руки, они должны потребовать гарантий для рабочих. В случае необходимости они должны вынудить эти гарантии и вообще позаботиться о том, чтобы новые правители обязались пойти на всевозможные уступки и обещания: это—самое верное средство, чтобы их скомпрометировать. Опьянение победой и радость по поводу нового положения вещей, которые наступают после всякой победоносной уличной борьбы, они вообще должны, насколько это возможно, сдерживать спокойным и хладнокровным пониманием событий и нескрываемым недоверием к новому правительству. Наряду с новыми официальными правительствами они должны учреждать собственные, революционные рабочие правительства, в виде ли правлений общин, общинных советов, в виде ли рабочих клубов и рабочих комитетов, так чтобы буржуазно-демократические правительства не только немедленно утратили опору в рабочих, но увидали бы себя с самого начала под наблюдением и угрозой властей, за которыми стоит вся масса рабочих. Одним словом, с первого же момента победы необходимо направлять недоверие уже не против побежденной реакционной партии, а против своих собственных союзников, против той партии, которая хочет использовать общую победу исключительно для себя.

2. Но чтобы можно было энергично и угрожающе выступить против этой партии, которая начнет предавать рабочих с первого же часа победы, они должны быть вооружены и организованы. Вооружение всего пролетариата ружьями, винтовками, орудиями и амуницией должно быть проведено немедленно; надо противодействовать возрождению старого гражданского ополчения, направленного против рабочих. Но там, где осуществление этого окажется невозможным, рабочие должны сделать попытку организоваться в ви-

де самостоятельной пролетарской гвардии, с ими же самими избранными командиром и генеральным штабом, и поступить в распоряжение не государственной власти, а созданных рабочими революционных общинных советов. Там, где рабочие работают за счет государства, они должны добиться вооружения и организации в отдельный корпус с избранными ими командирами или же организации в виде части пролетарской гвардии. Оружие и амуниция ни под каким предлогом не должны сдаваться, всякая попытка разоружения должна быть в случае необходимости прекращена силой. Уничтожить влияние буржуазных демократов на рабочих, немедленно создать самостоятельную и вооруженную организацию рабочих и установить условия, по возможности наиболее тяжелые и компрометирующие для временного и неизбежного господства буржуазной демократии,—таковы главные пункты, которые пролетариат, а вместе с ним и Союз должны иметь в виду во время и после предстоящего восстания.

3. Как только новые правительства до известной степени упрочатся, немедленно начнется их борьба против рабочих. Чтобы можно было с силой выступить против демократических мелких буржуа, необходимо прежде всего, чтобы рабочие самостоятельно организовались и централизовались в клубах. По свержении существующих правительств центральный комитет будет перенесен в Германию, как только это станет возможным; он тотчас же созовет конгресс и внесет на его рассмотрение предложение относительно централизации рабочих клубов под руководством правления, находящегося в главном центре движения. Быстрая организация по крайней мере провинциального объединения рабочих клубов является одной из главнейших мер для усиления и развития рабочей партии; ближайшим следствием низвержения существующего правительства будет избрание национального представительного собрания. Здесь пролетариату придется позаботиться:

I. О том, чтобы никакие придирки местных властей или правительственных комиссаров не послужили поводом для устранения некоторого числа рабочих.

II. Чтобы наряду с буржуазно-демократическими кандидатами всюду выставлялись рабочие кандидаты, которые были бы по возможности членами Союза, и чтобы для их

избрания были использованы всевозможные средства. Даже там, где нет никакой надежды для их проведения, рабочие должны выставлять своих собственных кандидатов, чтобы сохранить свою самостоятельность, подсчитать свои силы и публично проявить свою революционную позицию и свою партийную точку зрения. Приэтом рабочие не должны дать подкупить себя фразами демократов, напр., о том, что это раскалывает демократическую партию и дает реакции возможность победы. Все эти фразы в конце концов приводят к тому, что пролетариат оказывается обманутым. Успехи, которых пролетарская партия должна достигнуть подобным независимым выступлением, неизмеримо важнее, чем тот вред, который может причинить наличность некоторых реакционеров в представительном собрании. Если демократия с самого начала выступит решительно и террористически против реакции, влияние последней на выборы заранее будет уничтожено.

Первым вопросом, из-за которого возникнет конфликт между буржуазными демократами и рабочими, будет уничтожение феодализма. Как в первой французской революции, мелкие буржуа отдадут феодальные поместья крестьянам в виде свободной собственности, т. е. захотят сохранить сельский пролетариат и создать мелкобуржуазный крестьянский класс, который должен будет проделывать тот же кругооборот обеднения и растущей задолженности, в котором находится теперь французский крестьянин.

Рабочие должны противодействовать этому плану в интересах сельского пролетариата и в своих собственных интересах. Они должны требовать, чтобы конфискованная собственность стала государственным достоянием и была превращена в рабочие колонии, обрабатываемые ассоциированным сельским пролетариатом, который использует все преимущества крупного земледелия. Этим самым принцип общественной собственности разом приобретет прочный фундамент среди шатающихся буржуазных отношений собственности. Как демократы объединяются с крестьянами, так и рабочие должны объединиться с сельским пролетариатом. Далее, демократы либо прямо будут стремиться к проведению федеративной республики, либо, если им не удастся миновать единой и нераздельной республики, они постараются по

крайней мере парализовать центральное правительство, предоставив возможно большую самостоятельность и независимость общинам и провинциям. В противоположность этому плану рабочие не только должны отстаивать единую и неразделную германскую республику, но и добиваться самой решительной централизации силы в руках государственной власти. Они не должны давать вводить себя в заблуждение демократической болтовней о свободе общин, о самоуправлении и т. д. В такой стране, как Германия, где еще приходится устранять столь многочисленные остатки средневековья, где необходимо сломить так много местного и провинциального упрямства, ни при каких обстоятельствах не может быть терпимо, чтобы каждая деревня, каждый город и каждая провинция ставили новую помеху на пути революционной деятельности, которая во всей своей силе может исходить только из центра. Нельзя допускать, чтобы возродилось теперешнее положение, в силу которого немцы за один и тот же шаг вперед должны бороться особо в каждом городе и в каждой провинции. Менее всего можно допускать, чтобы так называемое свободное устройство общин увековечило общинную собственность,—форму собственности, которая стоит еще позади современной частной собственности и повсюду, разлагаясь, неизбежно переходит в нее, вырождается,—а вместе с тем увековечило бы возникающие из нее тяжбы между бедными и богатыми общинами, равно как существующее наряду с общегосударственным гражданским правом общинное гражданское право с его каверзами против рабочих. Как во Франции в 1793 году, так и теперь в Германии проведение строжайшей централизации является задачей действительно революционной партии [1]).

---

[1]) В настоящее время надо напомнить, что это место основано на недоразумении. Благодаря бонапартистским и либеральным фальсификаторам истории тогда считалось установленным, что французская централизованная машина управления была введена Великой революцией и что Конвент пользовался ею, как необходимым и решающим орудием в борьбе с роялистской и федералистской реакцией и внешним врагом. Но теперь уже известно, что общее управление департаментов, округов и общин впродолжение всей революции вплоть до 18-го брюмера состояло из властей, избираемых самими управляемыми, и пользовалось полной свободой в рамках общегосударственных законов; что это провинциальное и местное самоуправление, аналогичное

Мы видели, как демократы в ближайшем подъеме движения придут к господству и как они будут вынуждены выступить с более или менее социалистическими мероприятиями. Возникает вопрос, какие же меры должны будут в противовес этому предложить рабочие? Конечно, рабочие не могут в самом начале движения предлагать чисто коммунистические мероприятия. Но они могут:

1. Принудить демократов возможно всесторонне вторгаться в существующий общественный строй, нарушать его нормальный ход, компрометировать самих себя, а также сконцентрировать в руках государства возможно больше производительных сил, средств транспорта, фабрик, железных дорог и т. д.

2. Они должны доводить до крайних пределов предложения демократов, которые во всяком случае будут выступать не революционно, а лишь как реформисты; они должны превращать эти требования в прямые нападения на частную собственность. Так, напр., если мелкие буржуа предлагают выкупить железные дороги и фабрики, рабочие должны требовать, чтобы эти железные дороги и фабрики, как собственность реакционеров, были конфискованы без всякого вознаграждения. Если демократы предлагают пропорциональные налоги, рабочие должны требовать прогрессивных; если сами демократы предлагают умеренно-прогрессивные налоги, рабочие должны настаивать на налоге, ставки которого растут так быстро, что крупный капитал приэтом должен погибнуть; если демократы требуют регулирования государственных долгов, рабочие должны требовать государственного банкротства.

американскому, становилось как раз наиболее сильным рычагом революции, и становилось им настолько, что Наполеон, непосредственно после государственного переворота 18-го брюмера, поспешил заменить это самоуправление хозяйничанием префектов, которые сохранились еще до настоящего времени и которые таким образом с самого начала были чистым орудием реакции. Но насколько местное и провинциальное самоуправление не противоречит политической и национальной централизации, настолько же оно не связано неизбежно с тем ограниченным кантональным и коммунальным сепаратизмом, который выступает перед нами в таком отвратительном виде в Швейцарии и который южно-германские федеративные республиканцы хотели сделать правилом для Германии. (Примечание Энгельса к цюрихскому изданию 1885 года.)

Следовательно, требования рабочих всюду должны будут сообразовываться с уступками и мероприятиями демократов.

Если германские рабочие не сумеют достигнуть господства и осуществления своих классовых интересов, не проделав целиком продолжительного пути революционного развития, то на этот раз у них есть по крайней мере уверенность, что первый акт этой предстоящей революционной драмы совпадет с прямой победой их собственного класса во Франции и тем самым будет сильно ускорен.

Но для своей конечной победы они сами должны сделать самое большее тем, что они будут выяснять себе свои классовые интересы, что они займут, лишь только это окажется возможным, свою самостоятельную классовую позицию и ни на одно мгновение не дадут лицемерным фразам демократических мелких буржуа сбить себя с пути самостоятельной организации партии пролетариата. Их боевым лозунгом должно быть: „Перманентная (непрерывная) революция!"

Лондон, март 1850 года.

2. ОБРАЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА К СОЮЗУ.

Июнь 1850 года.

Центральный комитет — Союзу.

Братья! В нашем последнем циркуляре, который был передан вам эмиссаром Союза, мы говорим о позиции пролетариата и, в частности, Союза как в настоящий момент, так и на случай революции.

Главной целью настоящего письма является отчет о состоянии Союза.

Поражения, понесенные революционной партией в прошлое лето, на время почти целиком разрушили организацию Союза. Самые деятельные члены Союза, принимавшие участие в различных движениях, были рассеяны, связи были порваны, адреса стали непригодными, и вследствие этого, а также вследствие вскрытия писем, переписка стала на время невозможной. Таким образом, центральный комитет до конца прошлого года был обречен на полное бездействие.

По мере того, как первые последствия понесенных поражений мало-помалу стали ослабевать, во всей Германии по-

чувствовалась потребность в сильной тайной организации революционной партии. Эта потребность, вызвавшая решение центрального комитета отправить эмиссара в Германию и в Швейцарию, вызвала, с другой стороны, попытку создания нового тайного объединения в Швейцарии, а также попытку кельнской общины самостоятельно организовать Союз в Германии.

В начале текущего года некоторые более или менее известные по участию в различных движениях эмигранты вступили в Швейцарии в организацию, которая имела целью в надлежащий момент содействовать низвержению правительств и держать наготове людей, которые взяли бы на себя руководство движением и даже составили бы правительство. Это объединение не имело определенной партийной окраски. Этого не допускали вошедшие в его состав пестрые элементы. Его члены состояли из людей всех фракций движения, начиная с решительных коммунистов и даже бывших членов Союза и кончая самыми робкими мелкобуржуазными демократами и бывшими членами пфальцского правительства.

Для столь многочисленных тогда в Швейцарии баденско-пфальцских искателей мест и прочих более мелких честолюбцев объединение давало желательную возможность выдвинуться.

Инструкции, которые эта организация рассылала своим агентам и которые имеются в распоряжении центрального комитета, столь же мало были способны внушить доверие. Отсутствие определенной партийной точки зрения, попытка объединить в мнимый союз все наличные оппозиционные элементы,—все это очень плохо прикрывалось массой частных вопросов о промышленных, крестьянских, политических и военных отношениях в разных местах. Силы этого объединения тоже были весьма незначительны. Согласно полному списку членов, который лежит перед нами, все общество в Швейцарии в пору своего наивысшего расцвета состояло едва из 30 человек. Характерно, что в их числе рабочие почти вовсе не были представлены. Это была с самого начала армия, состоявшая исключительно из унтер-офицеров, но без солдат. Между ними были А. Фриз и Грейнер из Пфальца, Кёрнер из Эльберфельда, Зигель и т. д.

Они послали в Германию двух агентов. Один из них, Брун

из Голштинии, член Союза, действуя обманным путем, добился того, что побудил отдельных членов Союза и отдельные общины на время присоединиться к новому объединению, в котором они увидели возрождающийся Союз. В одно и то же время он делал в Цюрихе сообщения швейцарскому центральному комитету о Союзе и нам — о швейцарском объединении. Недовольный этим посредническим положением, он, находясь еще в переписке с нами, писал во Франкфурт упомянутым лицам, которые были привлечены к швейцарскому объединению, прямую клевету и предписывал им не вступать ни в какие сношения с Лондоном. За это он был тотчас же исключен из Союза. Дело это было улажено во Франкфурте эмиссаром Союза. В остальном деятельность Бруна в пользу швейцарского центрального комитета осталась безрезультатной. Другой агент, студент Шурц из Бонна, ничего не сделал, „потому что все пригодные силы, — как он писал в Цюрих, — уже находились в руках Союза". Потом он вдруг оставил Германию и в настоящее время болтается в Брюсселе и в Париже, где Союз имеет за ним наблюдение. Центральный комитет мог видеть в этом новом объединении тем меньшую опасность для Союза, что в центральном комитете новой организации заседает безусловно надежный член Союза, которому поручено наблюдать за мероприятиями и планами этих людей, поскольку они идут против Союза, и давать об этом сообщения. Далее, центральный комитет послал в Швейцарию эмиссара, чтобы при содействии упомянутого члена Союза привлечь пригодные силы в Союз и вообще организовать Союз в Швейцарии. Приведенные сообщения основываются на безусловно достоверных документах.

Другая подобного же рода попытка исходила уже раньше от Струве, Зигеля и других лиц, которые объединились в то время в Женеве. Эти люди не побоялись выдавать свою попытку объединения за самый Союз и злоупотреблять именами его членов именно для этой цели. Этой ложью они, разумеется, никого не ввели в заблуждение. Их попытка была во всех отношениях настолько безрезультатна, что немногие оставшиеся в Швейцарии члены этого никогда не составившегося объединения в конце концов должны были присоединиться к названной выше организации. Но чем бессильнее была эта клика, тем больше блистали они такими звонкими титу-

лами, как „Центральный комитет европейской демократии“ и т. д. Вместе с некоторыми другими обманутыми в своих надеждах великими людьми Струве и здесь, в Лондоне, продолжал свои попытки. Манифесты и приглашения присоединиться к „центральному бюро всей германской эмиграции“ и к „Центральному комитету европейской демократии“ были разосланы во все части Германии, но и на этот раз без малейшего результата.

С французскими и другими негерманскими революционерами у этой клики нет даже мнимых связей. Вся ее деятельность исчерпывается мелкими интригами среди здешних германских эмигрантов, прямо не затрагивающими Союза, не представляющими опасности и легко контролируемыми.

Все подобные попытки либо преследуют такую же цель, как и Союз, именно революционную организацию рабочей партии; но в этом случае они путем раздробления уничтожают централизацию и силу партии и потому являются положительно вредными сепаратистскими группировками. Либо они могут иметь своей целью только одно: вновь использовать рабочую партию ради целей, которые ей чужды и даже прямо враждебны. Рабочая пария может очень хорошо при известных условиях использовать в своих целях другие партии и партийные фракции, но сама она не должна подчиняться никакой другой партии. И тех людей, которые в последнем движении входили в правительство и использовали свое положение, чтобы предавать движение и подавлять рабочую партию, когда она хотела выступать самостоятельно, — этих людей при всяких обстоятельствах следует держать на почтительном расстоянии от себя.

О положении Союза можно сообщить следующее:

I. БЕЛЬГИЯ.

Организация Союза среди бельгийских рабочих в том виде, какой она имела в 1846 и 1847 годах, конечно, перестала существовать с тех пор, как в 1848 году были арестованы ее главные члены и приговорены к смертной казни, замененной потом пожизненным заключением в каторжной тюрьме. Со времени Февральской революции и изгнания большинства членов германского рабочего общества в Брюсселе Союз

вообще много потерял в своей силе. Существующие полицейские условия не позволили ему подняться снова. Тем не менее в Брюсселе все время продолжала существовать община, которая сохраняется еще и теперь и по мере сил действует.

II. ГЕРМАНИЯ.

Центральный комитет был намерен в настоящем циркуляре дать особый отчет о положении Союза в Германии. Однако этот отчет не может быть дан в настоящий момент, потому что прусская полиция как раз теперь выслеживает обширную организацию среди революционной партии. Этот циркуляр, который будет доставлен в Германию надежным путем, может, однако, при его распространении внутри Германии кое-где попасть в руки полиции, поэтому его приходится составлять так, чтобы его содержание не дало в руки полиции оружие против Союза. А потому центральный комитет на этот раз ограничивается следующим:

Главными центрами Союза в Германии являются Кёльн, Франкфурт-на-Майне, Ганау, Майнц, Висбаден, Гамбург, Шверин, Берлин, Бреславль, Лингниц Глогау, Лейпциг, Нюрнберг, Мюнхен, Бамберг, Вюрцбург, Штутгарт, Баден.

Руководящими округами признаны:

Гамбург для Шлезвиг-Голштинии, Шверин для Мекленбурга, Бреславль для Силезии, Лейпциг для Саксонии и Берлина, Нюрнберг для Баварии, Кёльн для Рейнской провинции и Вестфалии.

Геттингенские, штутгартские и брюссельские общины остаются временно в непосредственной связи с центральным комитетом, пока им не удастся распространить свое влияние настолько, чтобы образовать новые руководящие округа.

Положение Союза в Бадене выяснится лишь после получения отчета посланного туда и в Швейцарию эмиссара.

Там, где, как в Шлезвиг-Голштинии и Мекленбурге, имеются крестьянские и батрацкие общества, членам Союза удалось приобрести прямое влияние на них и отчасти целиком взять их в свои руки. Саксонские, франконские, гессенские и нассауские рабочие и батрацкие общества большею частью также находятся под руководством Союза. Самые влиятельные члены рабочего братства тоже принадлежат к Союзу. Цен-

тральный комитет обращает внимание всех общин и членов Союза на то, что это влияние на рабочие, гимнастические, крестьянские, батрацкие общества и т. д. имеет величайшую важность, и что следует повсюду приобретать его. Центральный комитет приглашает руководящие округа и общины, непосредственно сносящиеся с ними, особо сообщать в своих ближайших письмах, что в этом отношении сделано.

Посланный в Германию эмиссар, получивший за свою деятельность вотум благодарности от центрального комитета, повсюду принимал в Союз только самых надежных людей и предоставил им, как лучшим знатокам местных условий, расширение Союза. Будут ли все решительно революционные элементы приняты в Союз, это зависит от местных условий. Там, где это невозможно, необходимо создать второй класс членов Союза из людей, пригодных и надежных в революционном отношении, но еще не понимающих коммунистических следствий теперешнего движения. Этот второй класс, которому следует представлять объединение в виде чисто-местного или областного, должен все время оставаться под руководством действительных членов Союза и союзных комитетов. При помощи такого расширения связей можно очень прочно организовать влияние, особенно на крестьянские и гимнастические союзы. Детали организации предоставляются усмотрению руководящих округов, от которых центральный комитет ожидает в ближайшем будущем отчетов и по этому делу.

Одна община внесла в центральный комитет предложение о немедленном созыве союзного конгресса, и притом в самой Германии. Общины и округа сами поймут, что при наличных условиях не всюду можно рекомендовать даже созыв провинциальных конгрессов руководящих округов и что общесоюзный конгресс в настоящее время безусловно невозможен. Но лишь только это представится возможным, центральный комитет созовет в подходящем месте союзный конгресс. Рейнскую Пруссию и Вестфалию недавно посетил эмиссар кёльнского руководящего округа. Отчет о результатах этой поездки еще не получен в Кёльне. Мы приглашаем все руководящие коллективы послать, лишь только это будет возможно, своих эмиссаров для подобных же объездов их округов и сообщить о результатах в самом непродолжительном времени. Наконец,

мы сообщаем еще, что в Шлезвиг-Голштинии завязаны связи с армией и что ожидается более подробный отчет о том влиянии, которое Союз может здесь приобрести.

III. ШВЕЙЦАРИЯ.

Отчет эмиссара еще ожидается. Поэтому более подробные сведения можно будет дать лишь в следующем циркуляре.

IV. ФРАНЦИЯ.

Связи с германскими рабочими в Безансоне и в других местах Юры опять будут восстановлены через Швейцарию. В Париже член Союза Эвербек, стоявший до сих пор во главе тамошней общины, заявил о своем выходе из Союза, потому что он считает более важной свою литературную деятельность. Связи с Парижем вследствие этого в настоящее время порваны, и их восстановление должно быть произведено с тем большей осторожностью, что парижане приняли много людей, совершенно непригодных и даже находившихся раньше в прямой вражде к Союзу.

V. АНГЛИЯ.

Лондонский округ — самый сильный во всем союзе. Он выдается тем, что впродолжение нескольких лет почти самостоятельно покрывал издержки Союза и особенно расходы по поездкам эмиссаров. В последнее время он еще усилился благодаря приему новых элементов и продолжает руководить здешним немецким рабочим обществом и радикальной фракцией живущих здесь немецких эмигрантов.

Центральный комитет через нескольких делегированных для этого членов связан с решительно революционной партией французов, англичан и венгерцев.

Из французских революционеров к нам примкнула действительно пролетарская партия, вождем которой является Бланки. Делегаты тайных бланкистских обществ находятся в регулярной и официальной связи с делегатами Союза, которым они поручили важные подготовительные работы к ближайшей французской революции.

Вожди революционной чартистской партии тоже находятся в регулярных и тесных сношениях с делегатами центрального

комитета. Их газеты находятся в нашем распоряжении. Разрыв между этой самостоятельной революционной рабочей партией и руководимой О'Коннором фракцией, более склонной к примирению, в значительной степени был ускорен делегатами Союза.

Точно так же центральный комитет находится в связи с самой прогрессивной партией венгерской эмиграции. Эта партия важна потому, что в ее составе много выдающихся военных, которые при революции будут в распоряжении Союза.

Центральный комитет приглашает руководящие коллективы возможно скорее распространить настоящее письмо между своими членами и немедленно доставлять ему отчеты. Центральный комитет приглашает всех своих членов к самой усиленной деятельности как раз теперь, когда отношения настолько напряжены, что взрыв новой революции не заставит долго ждать себя.

СОГЛАШЕНИЕ КОММУНИСТОВ И БЛАНКИСТОВ.

Всемирное Общество коммунистов-революционеров.

Ст. 1. Целью общества является низложение привилегированных классов, подчинение этих классов диктатуре пролетариев путем поддержания перманентной революции вплоть до осуществления коммунизма, который должен явиться последней формой организации (constitution) человеческого рода (famille humaine).

Ст. 2. Для содействия осуществлению этой цели общество образует узы солидарности между всеми фракциями партии коммунистов-революционеров, уничтожая, согласно принципу республиканского братства, национальные разделения.

Ст. 3. Учредительный комитет общества образует собою центральный комитет; всюду, где для проведения встретится в том надобность, он учредит комитеты, стоящие в связи с центральным комитетом.

Ст. 4. Число членов общества не ограничено, но ни один член не может быть принят иначе, как единогласно. Выборы ни в коем случае не могут состояться путем тайной подачи голосов.

Ст. 5. Все члены общества клятвенно обязуются поддерживать статью первую настоящего регламента в точности, так, как она в нем выражена. Изменения, могущие иметь последствием ослабление выраженных в статье первой заданий, освобождают членов общества от их обязательств.

Ст. 6. Все постановления общества принимаются большинством двух третей голосов.

Подписи: *Ж. Видиль. Август Виллих. Дж. Юлиан Гарни. Адам. К. Маркс. Ф. Энгельс.*

ЛЕТОПИСЬ ГЛАВНЫХ СОБЫТИЙ В ИСТОРИИ СОЦИАЛИЗМА И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ОТ 1500 г. ДО 1848 г.

1516. „Утопия" Томаса Мора (1478—1535).

1525. Великая крестьянская война в Германии. Двенадцать статей—крестьянская программа. В Тюрингии религиозно-коммунистическое учение среди городской бедноты. Главный теоретик этого движения—Томас Мюнцер, казнен в мае 1525 г. (род. в 1490 г.).

1534—1535. Господство анабаптистов (перекрещенцев) в Мюнстере. Булочник Маттис, портной Иоанн Бокельсон (Лейденский)—религиозные коммунисты.

1549. Восстание Роберта Кета в Англии. Участники—крестьяне и ремесленники из Норфолька, одного из центров шерстяной промышленности. Кет повешен.

1568—1579. Нидерландское восстание против испанского владычества, образование независимых штатов. Голландия как убежище для эмигрантов из среды революционных протестантов и анабаптистов.

1623. „Государство Солнца" Томаса Кампанеллы (1568—1639).

1642—1658. Английская революция. „Великий бунт".

Левеллеры—представители радикальной демократии. Требования: единая палата, избирательное право для граждан с 21 года, ежегодные сессии, свобода религии, прямые имущественные налоги, национальная милиция, местная автономия. Отмена всяких привилегий. Главный представитель—Джон Лильборн (1615—1657).

1649. Кровавое подавление восстания левеллеров Кромвелем.

1649. Диггеры (копатели)—пытаются вернуть захваченные у крестьян земли для общественной обработки.

1652. Учения Джерарда Винстанли. „Закон свободы

или восстановление истинной системы правления". Общая собственность на землю.

1656. „Океана" Джемса Гаррингтона (1611—1677). Утопия. Идеальное государство, основанное на справедливом распределении поземельной собственности.

1659—1662. Петер Плокбой, „Средство осчастливить бедных при помощи ассоциации".

1695. „Предложение основать институт труда для всех промыслов и сельского хозяйства, с прибылью для богатых, обильным достатком для бедных и хорошим воспитанием для юношества". Автор — Джон Беллерс (1654—1725), истинный феномен в истории политической экономии, как его называет Маркс, рекомендовал устройство кооперативных рабочих колоний, высказывался за уничтожение теперешнего воспитания и разделения труда, настаивая на соединении производительного труда с умственным.

1735. Завещание Жана Мелье (1664—1729). Французский священник. Коммунист. Завещание долго обращалось в рукописи, пока Вольтер в 1762 г. не издал извлечения из него. Дает резкую критику церковных, политических и социальных условий Франции первой трети XVIII века. Призыв к общей борьбе всех народов против тиранов. Общая собственность как основа общества. Отдельные коммунистические общины, связанные договором. Отмена религии. Свободный брак.

1755. „Свод законов природы" Морелли. Отмена частной собственности. Трудовая повинность всех граждан от 20 до 40 лет. Занятие земледелием между 20 и 25 годами обязательно для всех. Обязательный, нерасторжимый в течение 10 лет, брак. Общественное воспитание детей. Управление государством в руках выбираемого пожизненно президента.

1776. „Принципы законодательства" Мабли (1709—1785). Несовместимость равенства с существованием частной собственности,—источником вообще всех зол.

1760—1832. Промышленная революция в Англии.

1793—1794. Фракция „бешеных" в парижских секциях. Жак Ру, Варлэ и Леклерк. Тесно связаны с пролетарскими элементами. Требуют решительных мер против спекулянтов и строгой регламентации в деле снабжения продовольствием.

1796. „Заговор равных" Бабефа (1760—1797) и товарищей (Дартэ и Буонаротти). Коммунисты. Захват политической власти. Диктатура. Казнь Бабефа и Дартэ.

1792—1795. Начало революционного рабочего движения в Англии. Основание Лондонского Корреспондентского Обще-

ства. Томас Гарди (1752—1832) и Джон Тельуол (1767—1834). Судебные процессы против английских якобинцев.

1793. „Политическая справедливость" Вильяма Годвина (1756—1836).

1798. Арест всего комитета Лондонского Корреспондентского Общества.

1799. Запрещение всяких рабочих обществ и союзов в Англии.

1798—1850. „Система нравственности" и „Замкнутое торговое государство" Иоганна Фихте (1762—1814).

1805. „Действие цивилизации на массы" Чарльза Голля (1745—1825). Указаны противоречия капиталистического строя. Рост богатства и увеличение бедноты. Необходимость устранения имущественного неравенства.

1808. „Теория четырех движений" Шарля Фурье (1772—1837). Два других главных сочинения „Трактат о домашней земледельческой ассоциации" в 1822 г. и „Новый промышленнный мир" в 1829 г.

1812—1813. „Новый взгляд на общество" Роберта Оуэна (1771—1858). В 1815 г. „Замечания о влиянии мануфактурной системы", в 1817 году публичный разрыв с религией, в 1819 г. первый адрес к рабочим, в 1821 г. „Социальная система", в которой уже защищаются коммунистические положения.

1812—1816. „Наука логики" Георга-Фридриха Гегеля (1770—1831). В 1821 г. „Основания философии права". Принцип диалектического развития всех явлений.

1817. „Основания политической экономии" Давида Рикардо (1772—1823).

1817. „Промышленность или политические, моральные и философские рассуждения" Анри Сен-Симона (1760—1825). В 1821 г. „Промышленная система", в 1824 г. „Политический катехизис промышленников", в 1825 г. „Новое христианство".

1816—1823. Новый подъем революционного движения в Англии. Союзы спенсеанцев (Томас Спенс), 1750—1814, стояли за национализацию земли и избирательную реформу. Радикальные клубы. Агитация Вильяма Коббета (1762—1835) и Гонта (1773—1835).

1819. Кровавая баня в Манчестере. Разгон войсками мирной демонстрации на Петровом поле (Петерлоо).

1820. Заговор Тестльвуда и его товарищей — членов спенсеанских обществ. Тестльвуд, Давидсон и др. казнены.

1824. Отмена законов против рабочих обществ в Англии.

1825. Первый общий торгово-промышленный кризис. Попытка Оуэна устроить в Америке колонию „Новая Гармония".

1828. „История заговора Бабефа" Мишеля Буонаротти (1761—1837).

1830. Июльская революция.

1831. Восстание рабочих в Лионе. Волнения рабочих в Англии.

1832. „Великая" избирательная реформа в Англии. Меновые базары Оуэна.

1833. Организация Великого национального консолидированного тред-юниона — всеобщей организации профсоюзов.

1834. Новые законы о бедных (1833—1834). Кооперативные опыты Оуэна.

1836. Основание „Лондонского общества рабочих". Вильям Ловетт (1800—1877) и Генри Гезерингтон (1792—1849). Начало чартистской организации.

1838. Обнародование народной хартии.

1833. Попытка восстания немецких революционеров во Франкфурте на Майне. Карл Шаппер (1813—1870).

1834. Союз гонимых в Париже. Основан Венедеем (1805—1871) и Шустером.

1835. Агитация ректора Вейдига и Георга Бюхнера (1813—1837) среди гессенских крестьян. „Гессенский сельский вестник". Вейдиг, дядя Вильгельма Либкнехта, кончил самоубийством в тюрьме.

1836. Основание „Союза справедливых" в Париже. Среди членов—Карл Шаппер, сапожник Генрих Бауэр и портной Вильгельм Вейтлинг.

1838. „Человечество как оно есть и каким он должно быть" Вильгельма Вейтлинга (1808—1870).

1839. Неудачная попытка Огюста Бланки (1805 — 1871) и Армана Барбеса (1809—1870) устроить 12 мая восстание в Париже. Конгресс чартистов в Лондоне. Разногласие между приверженцами нравственной силы (Ловетт) и физической силы (Фергюс О'Коннор — 1794 — 1855). Петиция с 1 280 000 подписей. Арест большинства членов Конгресса.

1840. „Образование Национальной чартистской ассоциации". Шаппер и Бауэр, вынужденные после майского восстания покинуть Париж, основывают в Лондоне „Немецкое рабочее общество самообразования", после — Немецкий коммунистический рабочий союз.

„Что такое собственность" Пьера-Жозефа Прудона (1809—1865).

„Организация труда" Луи Блана (1811—1882).

„Путешествие в Икарию" Этьена Кабэ (1788—1856).

1841. „Сущность христианства" Людвига Фейербаха (1804—1872).

1842. „Гарантии гармонии и свободы" Вейтлинга.

1842. Второй конгресс чартистов в Лондоне. Новая петиция с 3 300 000 подписей. Попытка устроить всеобщую забастовку. Разгар агитации „Лиги против хлебных законов".

1843. „Свод законов коммуны" Теодора Дезами (умер в 1850 г.).

1843. Карл Маркс (1818—1883), после закрытия „Рейнской Газеты", переезжает в Париж. Фридрих Энгельс (1820—1895) в Манчестере изучает положение английских рабочих.

1844. „Немецко-Франзусские Летописи". Статьи Маркса о „Гегелевской философии права" и Энгельса „Очерки критики политической экономии".

1844. Восстание силезских ткачей. Военный поход на деревни Петерсвальдау и Лангенбилау.

1844. Перевод центрального органа левых чартистов „Северная Звезда" (основан О'Коннором в 1837 г.) в Лондон. Редактор—Джорж-Юлиан Гарни (1817—1899) под влиянием Энгельса становится коммунистом.

1845. Основание международного общества „Братских демократов". Шаппер, Гарни, поляк Оборский.

1845. „Святое семейство" Маркса и Энгельса. „Положение рабочего класса в Англии" Энгельса.

1845. Основание „Лиги для осуществления земельного плана" О'Коннора: мелкие земельные участки для рабочих. Против Бронтер О'Брайен (1805—1864). Национализация земли.

1846. Краковское восстание. Отмена хлебных законов в Англии.

1847. Закон о десятичасовом рабочем дне для женщин и детей в Англии.

„Нищета философии" Маркса. Съезды коммунистов в Лондоне. Основание Союза коммунистов. Поручение Марксу и Энгельсу написать программу.

1848. „Коммунистический манифест". Февральская революция во Франции. Мартовская—в Австрии и Германии.

1859. „Критика политической экономии" Маркса.

1864. Основание Первого Интернационала.

1867. „Капитал" Маркса.

1871. Парижская коммуна.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

(Составлен П. Гайду).

Абдул Меджид (1823—1861)—290
Адам—340
Александр II (1818—1881)—48
Александр III (1845—1894)—48, 49
Альберт, принц фон Саксен-Кобургский—288
Альбрехт, прусский принц—274
Альбрехт (1809—1872)—18
Андлер, Шарль (р. 1866)—4, 209, 219, 233, 246
Аркрайт, Ричард (1732—1792)—104
Арморы—118
Ауэрбах, Бертольд (1812—1882)—223
Ауэрсвальд, Рудольф, фон (1795—1866)—275

Бабеф, Франсуа-Гракх (1760—1797)—9, 91, 198, 200, 201, 233, 234, 236, 242, 243, 342, 344
Байрон, лорд (1788—1824)—132
Бакунин, Михаил (1814—1876)—3, 29, 48, 51, 146, 197, 206 224, 242
Барбес, Арман (1809—1870)—10, 155, 243, 344
Бауэр, Генрих—10, 27, 241, 319, 344
Бекк, Александр—12
Беккер, Август (1814—1875)—12
Бэкон, Френсис (1561—1626)—225
Бекуэль, Роберт (1725—1795)—104
Беллерс, Джон (1654—1725)—0
Бентам, Джереми (1748—1832)—134
Берне, Карл Людвиг (1786—1837)—215
Бернштейн, Эдуард (р. 1850)—27, 233
Биконсфильд (см. Дизраели) (1804—1881)—211
Бисмарк, Отто (1815—1898)—54
Блан, Луи (1811—1882)—95, 200, 248, 249, 345
Бланки, Адольф (1798—1854)—220
Бланки, Огюст (1805—1881)—10, 155, 220, 233, 234, 235, 243, 338, 344
Бодельшвинг, Эрнст (1794—1854)—277
Бойен, Леопольд (1771—1848)—277
Бокельсон, Иоанн (1508—1535)—341
Бональд, Луи (1754—1840)—208, 210
Бонапарт, см. Наполеон
Бортвик, Петр (1804—1852)—210, 211
Брайт, Джон (1811—1889)—37, 140, 141, 211
Бриссо, Жак Пьер (1754—1793)—230
Бронттер, О'Брайен, см. О'Брайен
Брум, Генри (1778—1868)—195
Брун, Кабе—333, 334
Бунзен, Кристиан (1792—1860)—286
Буонаротти, Филипп (1761—1837)—234, 243, 342, 344
Бурбоны—134
Бэр, Карл Эрнст (1792—1876)—188
Бюрэ (1811—1842)—220
Бюхнер, Георг (1813—1837)—10, 344
Бюше, Филипп (1796—1865)—215

Вагенер, Герман (1815—1889)—216
Валлау—250
Варлэ (ум. 1794)—342
Васко-де-Гама (1460—1524)—101
Вейдемейер, Иосиф (ум. 1866)—24
Вейдиг, Фридрих Людвиг (1791—1837)—344
Вейтлинг, Вильгельм (1808—1870)—12, 14, 15, 17, 18, 22, 24, 52, 200, 242, 243, 248, 344
Веллер, Фридрих (1800—1882)—188
Веллерс, Джон (1654—1725)—342
Венедей, Яков (1805—1871)—9, 344
Вермут—20
Видиль, Ж—346
Виктория I (1819—1901)—288
Виллих, Август (1810—1878)—28, 224, 340
Вильгельм II, король голландский (1792—1849)—288
Вильнев-Баржемон (1784—1850)—209
Винстанли, Геррард (1648—1652)—341
Висниовский, Теофиль (ум. 1847)—289
Витт, см. Де-Витт

Вольтер, Франсуа-Мари (1694—1778)—223, 342
Вольф, Вильгельм (1809—1864)—19, 24, 26, 133, 250, 256, 319

Габсбурги—106
Гакстгаузен, Август (1792—1866)—58, 99, 100
Ганземан, Давид (1790—1864)—252
Гаргривс, Джемс (ум. 1778)—104
Гарди, Томас (1752—1832)—343
Гарни, Джордж-Юлиан (1817—1899)—16, 22, 25, 28, 155, 246, 340, 345
Гарринг, Гарро (1798—1870)—17
Гаррингтон, Джемс (1611—1677)—342
Гауптман, Гергард (род. 1862)—133
Гегель, Георг Фридрих (1770—1831)—185, 222, 233, 343
Гезерингтон, Генри (1792—1849)—344
Гейне, Генрих (1797—1856)—209, 223
Гейнцен, Карл (1809—1880)—26, 226, 229, 234, 247, 253, 265, 266
Гельмгольц, Герман (1821—1894)—188
Генрих-Мореплаватель (1394—1460)—101
Герцен, Александр (1812—1870)—100
Гесс, Моисей (1812—1875)—24, 223, 224, 225, 250
Гёте, Иоган-Вольфганг (1749—1832)—186
Гизо, Франсуа (1787—1874)—31, 57, 99, 249.
Гилль, Роуленд (1795—1879)—114
Гильдич—193
Годвин, Вильям (1756—1836)—343
Голль, Чарльс (1745—1825)—343
Гольбах, Поль (1723—1789)—223
Гонт, Генри (1773—1835)—343
Горрокс, Джон (1768—1804)—104
Грейнер—333
Грюн, Карл (1817—1887)—25, 89, 224, 225, 229
Грюнберг, Карл (р. 1861)—6, 20, 26
Гэ—233, 243
Гюттон, Шарль (1737—1823)—188

Давидсон (ум. 1820)—343
Дальман, Фридрих (1785—1860)—31
Данте, Алигьери (1265—1321)—56
Дантон, Жорж (1759—1794)—214
Дарвин, Чарльз (1809—1882)—47, 189
Дартэ, Жозеф (1769—1797)—342
Деви, Гэмфри (1778—1829)—118
Де-Витт, Корнелиус (1623—1672)—194
Дезами, Теодор (ум. 1850)—200, 233, 243, 244, 345
Делинс—281
Джонс, Эрнст (1819—1869)—28, 155, 246
Диац, Варфоломей (ум. 1500)—101
Дизраэли, Вениамин (1804—1881)—210, 211
Дроз, Франсу (1773—1850)—220
Дрюэ, Даниель (1799—1855)—249
Дубльдэ, Томас (1790—1870)—195
Дуэсберг, Франц (1793—1872)—277
Дюринг, Евгений-Карл (1833—1901)—169, 188, 201, 206, 237

Жиго, Филипп—24
Жид, Шарль (р. 1847)—219
Жирарден, Эмиль (1802—1881)—195

Засулич, Вера (1851—1919)—48
Зеебек, Томас (1770—1831)—118
Зейлер, Себастиан—24
Зигель, Франц (1824—1902)—333, 334

Изабелла II (1830—1904)—287

Кабот, Джон (1450—1498)—101
Кабраль, Педро (ум. 1526)—101
Кабэ, Этьен (1788—1856)—25, 26, 52, 93. 233, 241, 243, 244, 259, 267, 268, 269, 270, 345
Кампанелла, Томас (1568—1639)—236, 341
Кампгаузен, Рудольф (1803—1890)—252
Кант, Иммануил (1724—1804)—226, 228
Капусцинский, Иосиф (ум. 1847)—289
Карл I, Стюарт (1600—1649)—106
Карл Альберт (1798—1849)—33
Карлейль, Томас (1795—1881)—110, 212, 213, 214
Карно, Лазар-Ипполит (1801—1888)—99
Картрайт, Эдмонд (1743—1823)—104, 132
Кернер—333
Кет, Роберт (ум. 1549)—341
Киэр—113
Коббет, Вильям (1766—1835)—132, 195, 214, 343
Кобден, Рихард (1804—1865)—140 141, 211
Колумб, Христофор (1446—1506)—101, 107
Кольридж, Самуил (1772—1834)—208
Консидеран, Виктор (1808—1893)—245
Кортез, Фердинанд (1485—1547)—102
Криге, Герман (1829—1850)—17, 18, 24, 246, 247, 248
Кромвель, Оливер (1599—1658)—106, 214, 341
Кромптон, Самуил (1753—1827)—104
Кульман—18
Кэй, Жозеф—103
Кювье, Жорж (1769—1832)—188

Лабриола, Антонио (ум. 1904)—4
Лавуазье, Антуан (1743—1794)—188
Ламеннэ, Жан-Мари (1782—1854)—209, 2154 24,
Лассаль, Фердинанд (1825—1864)—6, 51, 127, 224
Лафайет, Жорж (1779—1849)—252
Лафарг, Лаура (1845—1911)—50
Лафарг, Поль (1842—1911)—50
Леблан, Николай (1742—1806)—119
Леви Гэмфри—118
Ледрю-Роллен, Ал-др (1807—1874)—28, 95, 99, 155, 248
Леклерк, Шарль (1723—1794)—234, 342
Ленин, Н. (В. Ульянов) (р. 1870)—46, 129
Леопольд I, король бельгийский (1790—1865)—288
Леопольд II, эрцгерцог в Тоскане (1797—1870)—33
Лессинг, Готхольд-Эфраим (1729—1781)—223
Лесснер, Фридрих (1825—1910)—19, 26, 29, 241
Либих, Юстус (1803—1873)—118, 119, 188
Либкнехт, Вильгельм (1826—1900)—344
Ликург—128
Лильборн, Джон (1615—1657)—341
Лист, Фридрих (1789—1846)—233
Ловетт, Вильям (1800—1877)—344
Лохнер (р. 1826)—19
Луи-Филипп (1773—1850)—10, 209, 288
Людовик II, гессенский (1777—1848)—288
Людовик XVI—224
Людовик Филипп, см. Луи-Филипп
Ляйэль, Чарльз (1797—1875)—188

Мабли, Габриель (1709—1785)—342
Магеллан, Фердинанд (1470—1521)—101
Мадзини, Джузеппе (1805—1872)—10, 13
Майер, Густав,—6, 20
Майер, Роберт (1814—1878)—188
Мак-Кормик—118
Макферлен, Елена—45
Маннерс, Джон, лорд (1818—1906)—210
Мари, Пьер-Тома (1797—1870)—99
Мария II, королева Португалии (1819—1853)—287
Маркс, Карл (1818—1883)
Марра, Арман (1802—1852)—99
Марсель, Этьен (ум. 1358)—105
Маттис (ум. 1535)—341
Маурер, Георг-Людвиг (1790—1872)—58, 99, 100
Мевиссен, Густав (1815—1899)—252
Мелье, Жан (1664—1729)—236, 342
Ментель, Кристиан (р. 1812)—12
Меринг, Франц (1845—1919) 6, 9, 20, 25, 28, 224
Мерославский, Людвиг (1814—1878)—250
Лестр, Жозеф де- (1754—1821)—208
Меттерних, Клеменс (1773—1859)—30, 57, 99, 249, 250, 271, 288, 289
Милль, Джон Стюарт (1806—1873)—193
Мирабо, Онорэ Габриель (1749—1791)—252
Молль, Иосиф (ум. 1849)—11, 19, 27, 241, 319, 321
Монталамбер, Шарль (1810—1870)—209
Монтец, Лола (1818—1861)—288
Монтескье, Шарль Луи (1689—1755)—171
Мор, Томас (1478—1535)—236, 341
Морган, Луис (1818—1881)—58, 99, 100
Морган—118
Морелли (в середине XVIII века)—236, 243, 342
Морзе, Самуил (1791—1872)—114
Мур, Самуил—50
Мюллер, Адам (1779—1829)—208
Мюнцер, Томас (1490—1525)—236, 341

Наполеон I (1769—1821)—140, 175, 204
Наполеон III (1808—1873)—54, 146, 147, 204, 330, 331
Николай I (1796—1855)—57, 99
Нот'юнг, Петр (1821—1880)—29
Ньюкомен, Томас (1663—1729)—104

Оборский, 345
О'Брайен, Бронттер (1805—1864)—192, 195, 345
О'Коннор, Фергюс (1794—1855)—192, 288, 339, 344, 345
Орловский, П. (В. В. Воровский (1872—1923)—3
Остлер, Ричард (1789—1861)—212
Оттон, Баварский (1815—1867)—290
Оуэн, Роберт (1771—1858)—91, 93, 172, 200, 201, 236, 237, 238, 240, 243, 244, 343, 344

Пекер, Константин (1801—1887)—199
Пизарро, Франческо (1476—1541)—102
Пий IX (1792—1878)—31, 33, 34, 57, 99, 289
Пиль, Роберт (1788—1850)—31
Питт, Вильям (1759—1806)—195
Плеханов, Георгий (1856—1918)—3, 48, 111, 154

Плокбой, Петер (ум. 1694)—342
Поль, Луис (ум. 1759)—103
Поссе,—3
Прудон, Пьер-Жозеф (1809—1865)—24, 25, 29, 51, 90, 136, 165, 198, 209, 218, 222, 229, 230, 231, 242, 344
Пфендер, Карл (ум. 1876)—18, 19

Рапп, Иоганн-Георг (1757—1847)—269
Рикардо, Давид (1772—1823)—134, 139, 170, 196, 219, 343
Рист, Шарль—219
Риттингаузен, Мориц (1814—1890)—233
Робертс, Ричард (1789—1864)—104
Робеспьер, Максимилиан (1758—1794)—204
Родбертус, Карл (1805—1875)—238
Роксфеллеры—118, 174
Ротшильд—290
Ру, Жак (ум. 1794)—234, 342
Руссо, Жан-Жак (1712—1778)—223

Савиньи, Фридрих, Карл (1779—1861)—277
Свинг, Джек—133
Сен-Симон, Анри (1760—1825)—91, 181, 197, 198, 206, 215, 236, 237, 238, 239, 240, 244, 343
Сидмут, Аддингтон—Генри (1757—1844)—135
Сисмонди, Жан (1773—1842)—85, 122, 210, 217, 218, 219, 220, 229, 231
Смис, Георг (1789—1846)—210
Смит, Адам (1723—1890)—170
Соути, Роберт (1774—1843)—208
Спенс, Томас (1750—1814)—192, 343
Стефенсон, Джорж (1781—1848)—104
Струве, Густав (1806—1870)—334, 335

Тайлер, Уот, см. Уот.—145
Тедеско—24
Тельуол Джон 1767—1834)—343
Тестльвуд, Артур (1770—1820—343
Тиле, Людвиг Густав (1781—1852)—277
Траси, Дестют де- (1754—1836)—164

Уатт, Джемс (1736—1819)—104, 118.
Уольтер—212
Уот, Тайлер (ум 1381)—154

Фази, Джемс (1794—1878)—249
Фарадей, Михаил (1791—1867)—118
Фейербах, Людвиг (1804—1872)—221, 225, 345
Фердинанд I, австрийский император (1793—1875)—288
Фердинанд II (1810—1859)—33
Ферранд (1820—1870)—210, 211, 212
Фихте, Иоанн (1762—1814)—343
Флокон, Фердинанд (1800—1856)—99, 155, 248, 249
Форд—118
Фохт, Шарль (1817—1895)—20
Фридрих-Вильгельм (1795—1861)—32, 33, 37, 273, 276, 279, 288
Фриз, А.—333
Фультон, Роберт (1765—1815)—104
Фурье, Шарль (1772—1837)—52, 91, 93, 94, 113, 177, 181, 200 201, 236, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 343

Шапп, Игнас-Юрбен-Жан (1760—1829)—114
Шапп, Клод (1763—1805)—114
Шаппер, Карл (1813—1870)—10, 11, 17, 21, 22, 25, 26, 27, 28, 224, 241, 256, 316, 319, 344
Шатобриан, Рене (1768—1848)—208
Шванх, Теодор (1810—1882)—188
Шекспир, Вильям (1564—1616)—166
Шербюлье, Антуан-Элизе (1797—1869)—193
Шефтсбюри (1801—1885)—211
Шлейден, Маттиас (1804—1881) 188
Штейн, Лоренц (1815—1890)—222
Штибер, Вильгельм (1818—1882)—20
Штирнер, Макс (1806—1856)—146, 164, 165
Штраус, Давид-Фридрих (1808—1874)—214
Шурц, Карл (1829—1906) — 334
Шустер, Теодор (р. 1807)—344

Эвербек, Герман—17, 338
Эйхгорн, Иоганн-Альб. Фридр. (1779—1856)—277
Эккариус, Георг (р. 1880)—18, 19
Энгельс, Фридрих (1820—1895)
Эрстед, Ганс Кристиан (1777—1851)—118
Эшли, лорд (см. Шефстсбюри) (1801—1885)—210, 211, 212

Юм, Джозеф (1777—1855)—134
Юнге—25.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие редактора к первому изданию 3
Предисловие ко второму изданию 5
Предисловие к пятому изданию 7
Д. Рязанов. Союз коммунистов 9
Ф. Энгельс. Революционные движения 1847 г. 30

Коммунистический манифест.

Предисловия авторов:

Предисловие к немецкому изданию 1872 года 45
Предисловие к немецкому изданию 1883 года 47
Предисловие к немецкому изданию 1890 года 48
Предисловие к польскому изданию 1892 года 53
Предисловие к итальянскому изданию 1893 года 55

Введение 57

Глава I. Буржуа и пролетарии 58
„ II. Пролетарии и коммунисты 73
„ III. Социалистическая и коммунистическая литература . . 83
1) Реакционный социализм . . . . . —
а) Феодальный социализм . . . . . —
б) Мелко-буржуазный социализм 85
в) Немецкий или „истинный" социализм 86
2) Консервативный или буржуазный социализм 89
3) Критически-утопический социализм и коммунизм . . . 91
Глава IV. Отношение коммунистов к различным революционным партиям 95

Примечания редактора.

Введение.

1. Травля коммунистов в 1847 г. 99

Глава первая.

2. Гакстгаузен, Маурер и Морган . . . . . —
3. Крушение средневекового хозяйства и развитие мировой торговли 100
4. Мануфактура 103
5. Промышленная революция и развитие машинного производства . . . . . —
6. Политическая эволюция буржуазии 105
7. Развитие обмена и господство чистогана 107
8. Революционный характер капитала 110

Стр.
9. Географическое распространение капитализма 111
10. Количественный и качественный рост мирового рынка . . . —
11. Развитие средств сношения и транспорта при капитализме . 112
12. Отделение города от деревни 115
13. Накопление капитала 116
14. Капитализм и подчинение сил природы человеку 118
15. К теории и истории кризисов 120
16. Историческое развитие пролетариата 122
17. Разделение труда в эпоху мануфактуры и крупной промышленности 125
18. Труд и рабочая сила 126
19. Фабричное самодержавие 128
20. Женский и детский труд 129
21. Рабочий кредитует капиталиста 130
22. Пролетаризация мелкой и средней буржуазии 131
23. Формы протеста рабочих против капитализма . . . . . —
24. Духовная эксплоатация пролетариата 133
25. Генезис и развитие профдвижения 134
26. Политическая организация рабочего класса. Чартизм 137
27. Антагонизм внутри буржуазного общества. Использование их пролетариатом 139
28. Пролетариат, народ и крестьянство. Значение формы эксплоатации 142
29. Пролетариат и уважение к закону 147
30. Мирная эволюция и социальная революция. Международный характер пролетарского движения 150
31. Капиталистическое накопление — нищета и вырождение рабочего класса. Экспроприация экпроприаторов 151

Глава вторая.

32. Коммунисты и рабочие партии 154
33. Феодальная и буржуазная собственность 156
34. Исторический характер капитала 159
35. Частная и индивидуальная собственность. Принцип распределения в коммунистическом обществе 161
36. Господство капитала над трудом 162
37. Буржуазная и человеческая личность 164
38. Буржуазное трудолюбие и пролетарская лень 166
39. Материальное и умственное производство 168
40. Вечность правовых норм 174
41. Семья в буржуазном обществе 176
42. Рабочие и отечество 181
43. Борьба классов и исторический процесс 183
44. Диалектика в обществознании и естествознании 186
45. Диктатура пролетариата 189
46. Программа коммунистов в переходную эпоху 191
47. Централизация и государство 202

Стр.

Глава третья.

48. Реакционный романтизм 208
49. Феодальный социализм 209
50. Христианский социализм 215
51. Сисмонди 217
52. Истинный социализм 221
53. Прудон 229
54. Буржуазная филантропия 232
55. Бабеф 233
56. Великие утописты 236
57. Коммунисты во Франции и Германии 241
58. Оуэнисты и чартисты 244

Глава четвертая.

59. Коммунисты и рабочие организации в Англии и Северной Америке 245
60. Коммунисты и радикалы во Франции и Швейцарии 248
61. Коммунисты и польский вопрос 250
62. Задачи коммунистов в Германии 252
63. Коммунисты и демократы 255

Приложения.

I. Коммунистический журнал 259
Введение . . . . . —
План эмиграции, предложенный гражданином Кабэ . . . 267
Прусский ландтаг и пролетариат в Пруссии и в Германии вообще 270
Немецкие эмигранты 284
Политическое и социальное обозрение 287
II. *Ф. Энгельс.* Принципы коммунизма 291
III. Устав Союза коммунистов 311
IV. Требования Коммунистической партии в Германии 317
V. 1. Обращение центрального комитета к Союзу. Март 1850 г. 320
2. Обращение центрального комитета к Союзу. Июнь 1850 г. 332
VI. Проект соглашения коммунистов и бланкистов 340
VII. Летопись главных событий в истории социализма и рабочего движения от 1500 г. до 1848 г. 341

Иллюстрации.

1. Портрет Маркса в 1867 г.
2. Портрет Энгельса в 70-х годах.
3. Страничка из черновика „Манифеста", писанная рукой Маркса.
4. Из письма Энгельса к Марксу в ноябре 1847 г.
5. Заглавная страница первого издания „Манифеста".
6. Заглавная страница „Коммунистического журнала".

335
N 95